МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра иностранных языков естественных факультетов
Кафедра русской и сопоставительной филологии
Кафедра лингводидактики и переводоведения

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Материалы III Международной научно-методической конференции

Том 2

Уфа
РИЦ БашГУ
2014

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2
М 43

Печатается по решению кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ (протокол № 4 от 28 ноября 2014 г.)

Редакционная коллегия:
доктор филол. наук, проф. **Н.П. Пешкова** *(отв. редактор)*
доктор филол. наук, проф. **Ф.Г. Фаткуллина** *(зам.отв. редактора)*
доктор филол. наук, проф. **Е.А. Морозкина** *(зам.отв. редактора)*
канд.филол.наук, доцент **Р.А. Салахов** (научный редактор)
канд.филол.наук, доцент **Р.И. Виноградова**
технический секретарь **А.Р. Ахметзянова**

М 43 **Межкультурная↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода:** Материалы III Международной научно-методической конференции 17-18 декабря 2014. Том 2. г.Уфа/ отв.ред. Н.П. Пешкова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 372 с.

ISBN 978-5-7477-3726-6

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

© БашГУ, 2014 г.

М.А. Микаберидзе
ПНИПУ, Пермь, Россия

Нарратив в деловой литературе: специфика перевода

С каждым годом деловая литература становится все популярней. Тиражи книг становятся все больше, а авторы приобретают известность в широком кругу. Основное большинство бизнес-книг написаны на английском языке, в связи с чем, возросла необходимость их перевода. Стоит отметить, что перевод работ известных авторов, многократно переиздававшихся на Западе учебников, требует полного понимания и ясного изложения [6, 7]. В настоящее время всю большую популярность приобретают автобиографические, повествовательные книги, рассказывающие о становлении корпорации или личности. В связи с этим на первый план выходит нарратив и особенности его перевода. И.В. Троцук в своей работе «Нарратив как междисциплинарный конструкт в современных социальных науках» говорит о том, что это, вероятно, связано с начавшимся в 80-е годы 20 в. «нарративным поворотом», основной идеей которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы [10].

Можно предположить, что актуальность бизнес-литературы связана с актуальностью нарративной проблематики, т. к. данная литература демонстрирует сближение деятельности ученого и литератора, что является нарративизацией современной наук, ее отказа от мечты об исчерпывающем знании, принятия идеи нестабильности, исключения детерминизма [8, 32].

Стремление деловой литературы к нарративности можно также соотнести с переносом интересов науки с анализа объективных социальных явлений на исследование субъективности «в связи с осознанием человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются основные преобразования как в макро-, так и в микромире» [2, 87].

Формируя образ мира как совокупности лингвистических конструкций, определяемых социальными процессами, переворот изменил позицию ученого. И.В. Троцук отмечает, что если раньше ученый стремился занять позицию стороннего, объективного наблюдателя, то сейчас его деятельность характеризует включенность в соци-

альное и лингвистическое конструирование повседневной жизни. Данную тенденцию мы может прослеживать и в деловой литературе, где автор отходит от описания концепций и методов и переходит к повествованию о собственном опыте, знаниях и теориях [10].

Популярность употребления нарратива в деловой литературе можно объяснить и с другой стороны, обращаясь к иному пониманию нарратива. По мнению И.В. Янкова, нарратив, с точки зрения философии, трактуется как способ обретения человеком своей идентичности [11, 64]. Будучи средством самоидентификации, нарратив способствует достижению социальных ролей, что особо ценится в бизнес-сообществе.

С другой стороны, И.А Романова говорит о том, что, с точки зрения психологии, подходы к нарративной проблематике достаточно сложно структурировать. Нарративная психология утверждает, что смысл человеческого поведения выражается с большей полнотой в повествовании, а не в логических формулах и законах, поскольку понимание человеком текста и понимание им самого себя аналогичны. Человек как бы достигает самопонимания через нарратив или непрерывную самоинтерпретацию, посредством которой выделяет в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслом и оценочным значением [9, 79]. Так, например, в произведениях Ли Якокка «Карьера менеджера», Невила Исделла «CocaCola», Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения» выделены жизненные этапы, через которые проходят авторы в процессе создания собственной компании и реализации собственных бизнес-идей, анализируя собственные ошибки и указывая читателям правильные решения.

Поскольку в тенденциях современной деловой литературы происходит сдвиг в сторону широкого распространения нарратива, для выявления особенностей его перевода необходимо обратиться к его лингвистической составляющей.

В начале XX века под влиянием работ Ф. де Соссюра, противопоставившего совокупность неписаных правил языка их актуальному использованию в речи, в лингвистике произошла структуралистская революция [10]. По мнению В. Декомба, новый подход превратил лингвистику из исторической и описательной науки в теоретическую и высоко формализованную: «структурный метод исследования оз-

начает, что в исследуемом объекте смысл зависит от расположения частей» [4, 45].

К. Леви-Строс впервые провел структурный анализ нарратива: рассматривая мифы как вариации нескольких основных тем, которые можно редуцировать до определенной универсальной структуры, главным в мифе он считал не его нарративное содержание, а универсальные ментальные операции по классификации и организации реальности. Иными словами, структуралистскому образу читателя в идеале должны быть присущи такие характеристики, как бесстатусность, бесполость, непринадлежность к классу, свобода от этничности и культурных установок, – он просто «функция самого текста» [3, 89]: «конкретное произведение интересует структурализм не с точки зрения его возможных смысловых интерпретаций, но лишь как индивидуальное воплощение универсальных повествовательных законов» [1].

Нарратология предложила метод редукции любого текста к совокупности его структурных единиц, в качестве которых могут выступать «сферы действия» или функции, определенное соотношение элементов (субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент) или понятия «грамматического анализа» (каждая история может быть прочитана как вид распространенного предложения, по-разному комбинирующего характеры - существительные, их атрибуты - прилагательные и их действия — глаголы) [3, 125].

Если в узком смысле нарратология - это литературная теория структуралистского толка, то в широком – это теория нарратива, осмысливающая тенденции и результаты нарративного поворота и изучающая природу, формы, функционирование, правила создания и развития нарративов [5, 22]. Так, В.И. Троцук считает, что нарратология сформулировала неотъемлемые, но неочевидные характеристики повествования: 1) нарративы – это основной способ придания смысла человеческим действиям через организацию кажущихся несвязанными и независимыми элементов существования в единое целое; 2) нарративы чувствительны к временному модусу человеческого существования – они организуют наши переживания во времени, упорядочивают события и действия в единый, связный временной образ или сюжет [10].

Выявленные характеристики особо четко прослеживаются в деловой литературе, что позволяет отметить, что в переводе деловой

литературы переводчик сталкивается в первую очередь с переводом нарратива, который, будучи представлен на разных языках, обладает своими характерными различиями.

Эти различия, несомненно, сказываются на специфике перевода. Так, например, в книге Тома Питрса «Преврати себя в бренд» перед началом самой книги появляется нулевая глава, в которой переводчик Сергей Филин говорит о сложностях «переписывания данного произведения на русский язык». Переводчик добавляет главу, которой изначально не было, чтобы обозначить, что в книжке изначально было много непонятного. Однако это «непонятное» абсолютно очевидно для американского читателя, на глазах которого разворачивались многие истории, описанные в книге [7, 2].

Помимо реалий, которые всегда представляют сложность для переводчика, существуют различия между особенностями ведения бизнеса в России и в Европе или США.

Основные различия достаточно полно были проиллюстрированы в интервью, которое дал руководитель департамента развития бизнеса в РФ и СНГ Марк ван дер Плас. Он рассказал о некоторых особенностях российского рынка для иностранного инвестора. По мнению Марка, несмотря на то, что на первый взгляд Москва кажется западным городом: люди выглядят так же, те же магазины и машины, но стоит копнуть глубже, и натыкаешься на культурные различия, которые проявляются и в ведении бизнеса.

Важным отличительным моментом является степень зрелости. Бизнесу в России всего двадцать лет, но он развивается с сумасшедшей скоростью. В российском бизнесе нет той зрелости, которая характерна для Германии, но есть рост, возможности и зарубежные компании, заинтересованные инвестировать в Россию.

Не стоит забывать об изменениях, которые произошли до и после кризиса 2008 года. До 2009 года приоритетным для компаний был рост прибыли, укрепление позиций на рынке, а не качество ведения бизнеса. В этом случае под качеством понимается эффективность, возможность контролировать риски и, конечно, рентабельность [13].

Данные особенности приводят к необходимости создания при переводе нового текста, адаптированного под представителей российского делового сообщества. Принимая во внимание, что в этом случае переводчик становится соавтором произведения, при выявлении особенностей перевода деловой литературы имеет смысл обра-

титься к скопос-теории, сформулированной в 1970-х годах американской лингвисткой Катариной Райс. В совместной работе К. Райс и Г. Вермеер «Основы общей теории перевода» попытались сформулировать общую теорию перевода и точно сформулировали 3 основных функциональных преимущества скопос-теории:

Во-первых, по мнению Райс и Вермеера, скопос-теория определяет решающие факторы в процессе перевода. Помимо определенных стратегий и методов перевода, одно из важнейших мест в скопос-теории занимает адресат перевода: ведь скопос, помогающий определиться с выбором адекватных стратегий и методов перевода, может быть сформулирован лишь после выявления целевой читательской аудитории [12].

Во-вторых, авторы считают, что скопос-теория признает важность комиссии перевода и той роли, которую играет комиссионер (клиент). Иными словами, переводчик не может приступить к работе до получения от клиента комиссии, которая определяет скопос перевода и условия для его осуществления [12].

Наконец, ученые приходят к выводу, что эта теория призывает пересмотреть природу отношений между оригинальным и переведенным текстом [12]. Так как основное внимание в большинстве текстов уделено содержанию, а не форме, переводчик должен передавать концептуальное содержание оригинального текста и совсем не обязан сохранять его языковую форму или стиль постольку, поскольку целевой текст реализует свой скопос (функцию) [12].

Перевод деловой литературы можно считать предметом применения скопос-теории, т.к. здесь акцент в первую очередь делается на адаптацию текста под аудиторию и, как следствие, создание нового произведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что деловая литература представляет собой особый жанр литературы, в котором прослеживается обращение к нарративу как к определяющему методологическому принципу познания индивидуальных и социальных практик, при переводе которых следует применять скопос-теорию, которая предусматривает возможность существования различных переводов одного и того же текста, в зависимости от цели транслята и задания, данного переводчику.

Литература

1. Барт Р. S/Z / Пер. с фр.; под ред. Г. К. Косикова. - М., 2001.

2. Бутенко И.А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях// СОЦИС.-2000-№4
3. Воробьева А.В. Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал.– 1999.– №3/4.
4. Декомб В. Современная французская философия / Пер. с фр. - М., 2000.
5. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу / Составитель Е. Г. Трубина // www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.
6. Пестерева Е. О работе переводчика деловой литературы// доклад на круглом столе по вопросам практического перевода//Самара.-2009
7. Питерс Том. Преврати себя в бренд// Манн Иванов и Фербер.- 2012
8. Пригожин И.Философия нестабильности//вопросы философии.-1991.-№6
9. Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал.– 2001.– №1.
10. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный конструкт в современных социальных науках // http://limej.ru/index.php/stat/125-stat/62020-Narrativ_kak_megdistsiplinarni_metodologicheski_ko.html
11. Янков И.В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл: Дис. канд. филос. наук. - Екатеринбург, 1997.
12. Reiss, K. Vermeer, H.J.Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tubingen, 1984
13. Ведение бизнеса в России// Интервью с руководителем департамента развития бизнеса в РФ и СНГ Марк ван дер Пласом// http://www.dw.de/ведение-бизнеса-в-россии-советы-от-кпмг/a-16630012
14. Зачем нужна деловая литература?//http://www.arzi.ru/91a/zachjem-nuzhna-djelovaja-litjeratura/

© М.А. Микаберидзе, 2014

Р.Ф. Мингазетдинова, Л.И. Шакирова
БашГУ, Уфа, Россия

Некоторые особенности английских и русских сказок

Предметом исследования является устное народное творчество, которое подразумевает различные жанры. В данной статье сопоставляются и анализируются русские и английские сказки. Материалом исследования послужили сборники английских и русских сказок.

Сказки – одна из наиболее богатых и ярких форм народного творчества. Сказка – вечно ищущая правды и справедливости, любви и счастья душа народа, воплощённая в слове. Сказка – это жанр ли-

тературного творчества, который подразделяется на *фольклорные* и *литературные сказки*. Данная работа предлагает анализ первой разновидности.

Фольклорная сказка включает несколько жанров:

1. Сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах.
2. Волшебные сказки.
3. Легендарные сказки.
4. Новеллистические (бытовые) сказки.
5. Сказки об одураченном чёрте.
6. Анекдоты.
7. Небылицы.
8. Кумулятивные сказки.
9. Докучные сказки.

Многие фольклористы (В.Я. Пропп, Э.В. Померанцева, Ю.И. Юдин, Т.В. Зуева) различают в составе жанра бытовой сказки две жанровые разновидности: *новеллистические* и *анекдотические* сказки. Анекдотические сказки вбирают в себя сюжеты из группы «Сказки об одураченном чёрте», многие сюжеты, отнесённые к анекдотам, некоторые сюжеты, включённые в раздел новеллистических сказок, а также причисленные к волшебным сказкам.

Автор статьи анализирует сказки с точки зрения литературы и языка. Обращаясь к литературным особенностям, следует отметить, что во всех английских сказках довольно часто фигурирует образ феи, который несет на себе неоднозначную нагрузку. Например, если в английской народной сказке «Крошка фея» это существо, очевидно, наделённое положительными качествами, то в сказке «Портной и Феи» оно же несёт больше негативную окраску, чем положительную, и может претендовать на роль отрицательного персонажа. В русских сказках этот персонаж не задействован. Мы изучили сказки обоих народов на наличие фантастических персонажей. В английских сказках мы можем видеть, эльфов, фей, дьявола, домовых, гончих псов, ведьм. Русские же сказки очень часто ограничиваются лишь Бабой-Ягой и Лешим. Во многих русских сказках имеет место треугольник – падчерица, мачеха, отец. Мачеха всегда выступает в роли главного отрицательного персонажа, а падчерица и ее отец выступают в роли положительных. В английских сказках такой треугольник практически не наблюдается. Главными героями русских сказок очень часто являются животные (волк воплощает глупость, лиса – хитрость, заяц

– трусость, петух – изобретательность и т. д.), а в английских сказках чаще репрезентируются люди и волшебные существа.

Сопоставление сказок двух народов позволяет выделить и точки соприкосновения. Во-первых, классификация сказок в основном совпадает. И у того, и у другого народов есть сказки о животных, волшебные сказки, бытовые сказки. Во-вторых, наблюдаются очевидные аналогии среди сказок. Например, у англичан есть сказка, которая называется «Сказка про трех поросят», которая является аналогией русской сказки «Три поросенка», английская сказка «Петух и Лиса» близка по содержанию русской сказке «Лиса и Ворона», и у русской сказки «Царевна-лягушка» есть двойник – сказка «Принц-лягушка» (автор Стивен Митчел). В-третьих, и для английских, и для русских сказок характерно наличие традиционного сказочного героя – Иванушка-дурачок, Джек. В-четвёртых, всем героям приходится проходить те или иные испытания, в которых им помогают либо волшебные предметы, либо животные, либо явления природы. В-пятых, и русские, и английские сказки имеют сходную структуру и всегда добрую концовку.

Анализируя языковые особенности, необходимо отметить, что английские сказки отличаются лаконичностью. Более того, во многих английских сказках отсутствует диалоговая форма. Ни первую особенность, ни вторую мы не можем отнести к характерным чертам русских сказок. Изучая русские сказки, мы можем сделать вывод, что здесь форма диалога встречается практически в каждой сказке, более того, часто она составляет 50% текста. Характерно для всех сказок и употребление повторов. Однако в русских сказках повторы обычно тройные, в английских сказках их количество бывает больше. В русской сказке больше эпитетов, звукоподражания, песен, она более яркая и образная, что можно объяснить традициями изложения сказки под музыку и её театрализации.

Очевидно, что сказка, являясь отражением народной жизни, демонстрирует национальное своеобразие фольклора соответствующего народа. Герои сказок напоминают и своей речью, и поведением людей той страны, где бытуют эти сказки. Читая сказки других народов, мы познаём их быт, традиции, обычаи, культурные и человеческие ценности.

Таким образом, английские и русские сказки, являясь воплощением живого языка, имеют характерные литературные и языковые

особенности, как дифференцирующего, так и объединяющего характера. Если различия в сказках можно объяснить особенностью менталитета народа, то некоторые тождественные моменты могут трактоваться как с точки зрения заимствований, так и с точки зрения сходства в историческом развитии народов, в совокупности проблем, с которыми сталкивается любое общество, с точки зрения психологии, биологии, «коллективного бессознательного».

Литература

1. www.wikipedia.ru
2. www.skazkoved.ru
3. «Русские народные сказки» составитель В.П.Аникин

© Р.Ф. Мингазетдинова, Л.И. Шакирова, 2014

М.А. Минеева
БашГУ, Уфа, Россия

О преодолении лингвистического барьера в международных проектах

В современном обществе деятельность, ориентированная на понимание (коммуникативная деятельность), все чаще занимает доминирующее положение и преобладает над многими иными видами активности. Эта тенденция отражает тот факт, что социальные процессы – процессы интеграции, социализации, институционализации и т.д. – занимают все более весомое место в культурной и коммуникативной сферах.

Недоразумения, раздражение, чувство изоляции и чувство неполноценности – к сожалению, очень часто подобные чувства приходится испытывать сегодня людям, не владеющим английским языком, в ситуациях, требующих общения на языке, общепризнанном как язык международной коммуникации.

В ходе реализации международных проектов с использованием английского языка в качестве основного языка коммуникации – при проведении презентаций, на деловых и ознакомительных встречах и т.д. – выступление докладчиков, для которых английский не является родным, как правило, занимает больше времени. Даже подготовив речь заранее, они часто оказываются в затруднении, пытаясь яснее донести свою мысль до аудитории.

Безусловно, это становится причиной «взрывного» характера приобщения широких масс людей к английскому языку, огромного роста количества тех, кто овладевает им на профессиональном уровне. Тем не менее, сектор международных проектов в последние десятилетия развивается еще более динамично, и профессиональные переводчики не только оказываются все более и более востребованными – но и остаются, как это было в течение многих лет, в большом дефиците.

Помимо того, необходимо учитывать и следующий фактор. Специалистам-переводчикам приходится выбирать одно из двух направлений, особенно актуальных сегодня и в определенной мере противоречащих друг другу: с одной стороны, это крен в сторону еще большей специализации в конкретных областях (бизнес, культурные коммуникации, научные коммуникации, технический перевод и пр.) С другой стороны, не менее активно проявляет себя противоположный тренд – универсализации. В соответствии с ним, актуализируются и требования к переводчикам в отношении более обширного лексического запаса и в целом более широкого кругозора.

Для успешной реализации проектов международного масштаба, будь то в сфере бизнеса или в любой другой области, определяющими факторами на сегодня оказываются коммуникативная компетентность и культурный уровень субъектов коммуникации. При этом, конечно, каждая область коммуникации характеризуется собственными особенностями. Так, в бизнес-коммуникациях широко используется письменное общение, в этой области особое значение имеют проведение презентаций новых продуктов и услуг, ведение деловых переговоров.

Этот вид коммуникации всегда имеет в виду определенную цель и достижение конкретных результатов: интервью с кандидатом на ту или иную должность, успешные переговоры, подготовка и обеспечение презентаций. Хорошо обученные и образованные менеджеры знают правила эффективной коммуникации: определение конечной цели коммуникативного акта; выбор соответствующего целям и задачам коммуникативного акта стиля общения (авторитарный или демократический); оценка и повышение надежности коммуникации; правильное мотивирование аудитории; определении стратегии коммуникации [5, 17]. В том случае, когда коммуникация происходит в межязыковой ситуации, каждая из отмеченных позиций выступает

также и элементом одной из основных задач – преодоление лингвистического барьера.

Другие формы активности, при которых фактор языкового барьера выступает как существенный, имеют более распространенный характер и меньшую привязку к конкретным сферам деятельности: участие в пресс-конференциях и интервью, работа в малых группах, посещение различных встреч, симпозиумов, конгрессов, произнесение речей на этих встречах и пр.

Обычно понятие «лингвистический барьер» определяют как тождественное «языковому барьеру». Однако эти понятия, хотя и близкие, все же не перекрывают полностью смысловые поля друг друга. В современной академической литературе в качестве составляющих понятия «лингвистический барьер» выделяют следующие [3, 43]:

- национальная когнитивная картина мира, которой язык наделяет своего носителя. Языковая картина мира отражает реальную картину мира, но не прямо, а через культурную картину мира («язык – как зеркало культуры». [4, 47] Другими словами, «картина мира» опосредована тем культурным языком, на котором говорит данная группа.

- собственно «языковой барьер», выражающийся в недостаточном знании иностранного языка для передачи смысла и содержания высказывания (уже в этих рамках выделяют стилистические, фонетические, семантические барьеры);

- речевой барьер. «В случае вербализации мысли на иностранном языке классическая схема речепорождения дополняется, как минимум, двумя этапами — переводом лексических единиц с родного языка на иностранный, функцией отслеживания ошибок. Ясное и четкое выражение мысли — сложная задача даже для родного языка...»;

- невербальная коммуникация, мимика, жесты;

- языковая доминанта (доминирование одного языка, одной культуры вместо равноценного отношения ко всему многообразию языков и культур);

- понимание как «ключевая проблема коммуникации». [3, 44].

Все отмеченные выше факторы в совокупности объясняют возросшую роль использования новых методик и технологий:

- в ходе реализации международных проектов;

- в процессе обучения английскому языку как студентов и слушателей, как профессиональных переводчиков, так и широких масс обучающихся.

В связи с первым направлением (реализация международных проектов) хочется особо отметить такое перспективное направление, как все более активная оцифровка культурного и научного наследия и предоставление открытого многоязычного доступа к нему. Таким образом возможно обеспечить формирование качественных информационных ресурсов для бизнес-коммуникаций, а также коммуникаций в области образования, культуры, научных исследований и туризма.

Пример эффективного международного сотрудничества по данному направлению – участие России в проекте MINERVA PLUS, инициированном «Европейской Комиссией для создания форума европейских министров культуры, на котором они могли бы обсуждать, координировать и гармонизировать свои действия по оцифровке культурного и научного контента, вырабатывать согласованные общеевропейские рекомендации и инструкции по оцифровке, метаданным, многоязычному доступу, долгосрочной доступности и сохранности информации. Эта деятельность продолжилась в рамках проектов MINERVA PLUS, MINERVA EC и будет далее развиваться в новом проекте ATHENA. Впервые в истории взаимоотношений России и ЕС Министерство культуры Российской Федерации стало партнером проекта MINERVA PLUS, и это является важным этапом включения России в общеевропейскую деятельность по оцифровке культурного и научного наследия…» [1]

Что касается второго из отмеченных выше направлений (обучение английскому языку), главной целью такого обучения выступает формирование и развитие языковой коммуникативной компетенции обучающегося, которая, согласно документу Совета Европы «Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment», включает следующие компоненты:

- лингвистический (знания базовой фонетики, лексики, грамматики и применение их на практике),

- социолингвистический (социокультурные условия использования языка),

- прагматический (использование языковых средств в определенных функциональных целях в соответствии со схемами взаимодействия) [2, 39].

Все указанные компоненты, как легко заметить, напрямую связаны и с отмеченными ранее компонентами проблемы лингвистического барьера. В целях совершенствования и оттачивания всей системы социолингвистического образования обучаемых сегодня весьма успешно используются новейшие коммуникационные технологии, в том числе интернет - технологии. Их применение «усиливает познавательную активность и мотивацию обучаемых, их интерес к изучаемому языку, способствует индивидуализации и интенсификации всего процесса обучения, а также – что особенно важно в рамках рассматриваемой темы - устранению психологических и психолингвистических барьеров при использовании иностранного языка как коммуникативного средства. «Смарт-технологии предоставляют широкие возможности для саморазвития и раскрытия творческого потенциала личности учащегося. Они дают возможность работать над учебным материалом в любое время и в любом месте, синхронно или асинхронно с преподавателями и другими учащимися. Гибкость, индивидуализация, интерактивность, мультимедийность процесса обучения с помощью смарт-технологий позволяют сочетать индивидуальные и групповые задания. Современные интернет - технологии открывают широкий доступ к образовательным услугам, делая процесс обучения открытым и относительно недорогим» [Там же].

Литература

1. Браккер Н.В., Куйбышев Л.А. Многоязычие в проектах Европейской Комиссии [Эл.источник] / URL:http://www.minervaplus.ru/publish/mnog_jaz_08.doc
2. Герасименко Т.Л., Грубин И.В., Жидкова О.Н., Зенина Л.В., Лобанова Е.И., Романова С.А. Лингводидактический аспект обучения иностранным языкам с применением современных интернет-технологий. М.: Изд-во МЭСИ, 2013.
3. Кабахидзе Е.Л. Глобализация и языковая картина мира // актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – N 34. – С. 42-51.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1997.
5. Munter, M., Cross-cultural communication for managers. Business Horizons, May-June 1993.

© М.А. Минеева, 2014

Р.Г.Мифтахова, Е.А. Морозкина
БашГУ, Уфа, Россия

Прикладные возможности парсеров в системах машинного перевода и автоматической обработки текстов

Обработка естественного языка является основой для исследовательских проектов, направленнных на создание машинного переводчика. Следовательно, разработка различного рода анализаторов чрезвычайно важна для усовершенствования моделей машинного перевода. К хорошо разработанным можно отнести американские парсеры, в частности LinkParcer. Он включает все уровни анализа текста, начиная от графематического и до уровня, который обрабатывает первичную семантику английского языка. Словари и парсеры присутствуют в свободном доступе, что позволяет детально ознакомиться с решениями проблем обработки английского языка. Дерево зависимости, применяемое в американских парсерах вполне адекватно отражает первично семантическое или глубинно-синтаксическое представление русского языка.

Задача парсера заключается в определении грамматической структуры предложения, выявлении отношений между словами и фразами в предложении. В этой статье рассмотрим некоторые звенья обработки языка, из которых состоит парсер, и уже на его основе строится машинный перевод.

Дистанция редактирования – Расстояние Левенштейна.

Дистанция редактирования – это минимальное количество правок одной строки, чтобы превратить ее во вторую, алгоритм, широко используемый системами машинного перевода, корректировки и распознавания речи. Если мы ввели graffe, какое из следующих слов к нему ближе graf, graft, grail или giraffe? Под правками подразумеваются три возможные операции: стирание символа, замена символа и вставка символа. Расстояние Левенштейна позволяет оценить насколько строки отличаются друг от друга. В этой статье рассмотрим алгоритм расчета дистанции Левенштейна в теории и на примерах. На рис.1 дано сравнение слов INTENTION и EXECUTION. Если каждый шаг редактирования взять за единицу, то расстояние редактирования для этой пары слов равно 5. Согласно алгоритму Левенштейна, подмена равна 2, соответственно расстояние Левенштейна для этих слов будет равна 8.

i	n	t	e	*	n	t	i	o	n
*	e	x	e	c	u	t	i	o	n
d	s	s		i	s				

Для оценки качества машинного перевода алгорим BLEU также использует этот метод применительно к словам и фразам.

Spokesman	confirms		senior	government	advisor	was	present
Spokesman	said	the	senior		advisor	was	present
	S	I		D			

Таким образом, для определения минимального расстояния между двумя строками D(i, j) берем строку X длиной n и строку Y длиной m и редактируем расстояние между X[1…i] и Y[1…j], т.е. первые i символы координаты X и первые j символы координаты Y. Получаем дистанцию редактирования между X и Y равную D(n,m).Формулу вычисления расстояния Левенштейна разделим на три этапа:

- Инициализация D(i,0) = I; D(0,j) = j
- Рекуррентное соотношение, когда для каждого i = 1…M, для каждого j = 1…M

$$D(i,j) = \min \begin{cases} D(i-1, j) + 1 \text{ (удаление)} \\ D(i, j-1) + 1 \text{ (вставка)} \\ D(i-1, j-1) + 2; \text{ if } X(i) \neq Y(j) \text{ (замена, если буквы/слова разные)} \\ 0; \text{ if } X(i) = Y(j) \text{ (если буквы/слова одинаковые)} \end{cases}$$

- Завершение: D (N,M) – расстояние.

Представим эту формулу в виде таблицы

n	9	8	9	10	11	12	11	10	9	8
o	8	7	8	9	10	11	10	9	8	9
i	7	6	7	8	9	10	9	8	9	10
t	6	5	6	7	8	9	8	9	10	11
n	5	4	5	6	7	8	9	10	11	10
e	4	3	4	5	6	7	8	9	10	9
t	3	4	5	6	7	8	7	8	9	8
n	2	3	4	5	6	7	8	7	8	7
i	1	2	3	4	5	6	7	6	7	8
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
		e	x	t	e	n	t	i	o	n

Как видно из таблицы, расстояние Левенштейна для слов INTENTION и EXECUTION равно L =8.

Если проанализировать все ошибки, допускаемые при написании, можно выявить, что некоторые ошибки допускаются чаще, чем другие. Вызвано это может быть правилами грамматики, сходством графем и даже расположением букв на клавиатуре. Так появилось понятие “взвешенное расстояние редактирования”, используемое в машинном переводе и системах корректировки ошибок. На рис. 3 показана укороченная таблица взвешенного расстояния редактирования для английского языка.

	A	B	C	D	E
A	0	0	7	1	342
B	0	0	9	9	2
C	6	5	0	16	0
D	1	10	13	3	1
E	388	0	3	11	0
F	0	15	0	3	1

Формулу вычисления расстояния Левенштейна модифицируем с учетом взвешенного расстояния редактирования:

- Инициализация D(0,0) = 0;
- D(0,j) = D(0, j-1) + ins[y(j)];
- D(i,0) = D(i-1, 0) + del [x(i)];
- Рекуррентное соотношение, когда для каждого i = 1…M, для каждого j = 1…M

D(i,j) = min
D (i-1, j) +x(i) (удаление)
D (i, j-1) + y(j) (вставка)
D (i-1, j-1) + [x(i), y(j)]; (замена)

- Завершение: D (N,M) – расстояние.

Вероятностные модели языка

Вероятностные модели языка призваны присваивать значение вероятности предложению/значимой смысловой единице. В машинном переводе такая модель позволяет определить более вероятную (лучшую) модель перевода от менее вероятной (худшей) модели.

P (high winds tonight) >P (large winds tonight)

Эта же модель может быть использована для

- исправления ошибок

It is 5 minuets past 3.

P (It is 5 minutes past 3) > P (It is 5 minuets past 3)

- при распознавании речи

P (I saw a van) > P (eyes awe of an)

Таким образом, основная цель вероятностной модели заключается в вычислении вероятности целого предложения P (W) = P ($w_1,w_2,w_3,w_4,w_5\ldots$) или определенной последовательности слов $P(w_5 \mid w_1,w_2,w_3,w_4)$. Для вычисления P(W) рассмотрим совместную вероятность для P (the, I, of, it, superior, attribute, quality, to, wine) = P(the) P(I | the) P(of | the, I) P (the, I) P(superior | the, I, of, it) P(attribute | the, I, of, it ,superior) P(quality | the, I, of, it, superior, attribute) P(to | the, I, of, it ,superior, attribute , quality) P(wine | the, I, of, it ,superior, attribute , quality, to). В общем виде такая цепь вероятностей будет иметь вид

$P(x_1,x_2,x_3\ldots) = P(x_1)P(x_2 \mid x_1)P(x_3 \mid x_1, x_2) \ldots$ или

$P(w_1,w_2\ldots) = \prod_i P(w_i \mid w_1w_2w_3\ldots w_{i1})$

P(I attribute it to the superior quality of wine)=P(I | start of the sentence)P(attribute | start of the sentence I)P(it | start of the sentence I attribute) P(to | start of the sentence I attribute it) P(the | start of the sentence I attribute it to) P(superior | start of the sentence I attribute it to the) P(quality | start of the sentence I attribute it to the superior)…..

Однако цепь вероятностей не всегда может обеспечить хороший результат для машинного перевода. Слишком длинное предложение может отсутствовать в базе данных и приведет к выведению низкой вероятности на корректный сегмент. Решением этой проблемы может служить, так называемая, цепь Маркова, названная в честь великого российского ученого Андрея Маркова. Согласно А. Маркову полную цепь сегментов в предложении можно разделить и рассматривать только последние сегменты или последнюю, т.е. P(quality | start of the sentence I attribute it to the superior) — P(quality | superior)или P(quality | to the superior).Другими словами, вероятность присваивается не целому сегменту, а отдельным его компонентам: $P(w_i \mid w_1w_2w_3\ldots w_{i1}) = P(w_i \mid w_i\kappa \ldots w_{i1})$.

Простейшим применением модели Маркова является юниграмная модель $P(w_1,w_2\ldots) = \prod_i P(w_i)$, когда в предложении каждое слово рассматривается не в контексте, а независимо от смежных с ним лексических единиц. Такая модель представляет собой цепочку несвязных слов, из которых затем генерируется предложение (but, genera-

tion, is, a, seeking, always, perverse, type, a). Однако, при сравнении таких предложений, как P(But a perverse generation is always seeking a type) и P(But, but, but, but), у последнего вероятность окажется выше, чем у предыдущего. Более продуктивной является биграмная модель. Она анализирует не одну, а две соседние лексические единицы $P(w_i \mid w_{i-1})$ = (generation | perverse). Чтобы результаты вывода вероятности для машинного перевода сделать еще более обоснованными, n-грамную модель можно расширять до 3-грам, 4-грам и даже 5- грам. В целом n-грамная модель очень эффективна для применения в машинном переводе, если не считать предложения, в которых зависимые слова в предложении находятся очень далеко друг от друга: The computer which I had just put into the machine room on the fourth floor crashed. Несмотря на грамматическую и семантическую корректность, предложение получит низкую вероятность, т.к. согласно n-грамной модели сочетание P(crashed | floor) маловероятно.

Таким образом, несмотря на различия в грамматической структуре между английским и русским языками, результаты подробного анализа парсеров, разработанных для английского языка, частично применимы для русского языка и могут служить основой для разделения анализа текста на уровни, где каждый уровень дает определенное представление об исходном тексте и где конечным результатом анализа является текст представленный семантически.

Литература

1. Т. Кормен, Ч. Лейзерсон, Р. Ривест. Алгоритмы, построение и анализ. – М., МЦНМО, 2001.

2. И. Мельчук, 1997 Курс общей морфологии - Т.№1, М., 1997

3. И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». - М., 1999.

4. Ножов И.М. Синтаксический анализ. //Компьютерра, № 21 (446), 2002.

5. D. Sleator, D. Temperley. Parsing English with a Link Grammar. – CMU-CS-91-196, School of Computer Science, Carnegie Mellon University, Pittsburg, 1991

©Р.Г.Мифтахова, Е.А. Морозкина 2014

Е.Н. Михайленко
БашГУ, Уфа, Россия

Традиция пророческой поэзии в творчестве У. Блейка и П.Б. Шелли

На рубеже XVIII-XIX веков в английской поэзии возникла и укоренилась традиция сближения поэта с пророком в первоначальном, библейском значении слова. Начало традиции принято связывать с оксфордским теологом Р. Лоутом и его работой «Лекции о священной поэзии евреев» (1753). Лоут впервые заставил европейцев посмотреть на Библию как на литературный памятник, включенный в специфический контекст древнееврейской истории, и создал теоретическую базу для развития рационалистической критики Библии. Помимо глубокой поэтичности библейской поэзии, открывшейся европейцам во многом благодаря Лоуту, исследователь обнаружил, что в древнееврейском языке слова «поэт» и «пророк» обозначались одним словом: «наби». Лоут предположил, что у древних евреев существовали особые «коллегии пророков» («colleges of prophets») [8, 146], которые состояли из людей, хорошо владеющих искусством поэзии и всецело посвятивших себя служению Богу. Пророки, по Лоуту, в самом буквальном смысле слова говорили устами Бога, являясь посредниками между Ним и миром. В 1787 г. книга была переведена на английский язык и снискала заслуженное уважение интеллектуальных кругов Британии, став значимым фактом английской культуры и литературы романтического периода.

Пророческая поэзия стала органичной частью английской романтической традиции и заняла особенно заметное место в творчестве У. Блейка и П.Б. Шелли, мифотворцев и утопистов, обладавших схожим и в то же время разным представлением о поэтическом пророчестве, о сути и цели миссии поэта-пророка.

Блейк разработал целостную концепцию воображения, которое раскрепощает восприятие и позволяет постигать реальность в ее полноте. Воображение и делает его носителя пророком. В 1788-1795 г. Блейком написан ряд поэм, позже объединенных под общим названием «Пророческие книги». Они написаны библейским языком с его особым торжественным архаическим стилем и специфическими синтаксическими конструкциями. В поэмах возникает картина мироздания, составленная из элементов библейской, античной, индийской

мифологий, но не сводимая ни к одной из них, поскольку Блейк творит свой собственный миф. Помимо узнаваемых мифологических мотивов и образов блейковская космогония содержит мотивы и образы оригинальные, созданные воображением поэта. Характерно, что Блейк мифологизирует *современную* действительность, пытаясь тем самым понять смысл совершающейся на глазах истории, «в сиюминутном различить вечное и непреходящее» [4, 23]. Французская революция, война за независимость в Северной Америке, промышленный переворот в Англии и его последствия — эти и другие важнейшие исторические события обретают у Блейка очертания нового мифа, но не сформировавшегося, а формирующегося: в «Пророческих книгах» запечатлен именно *процесс* превращения мифологического хаоса в космос, текучей плазмы — в твердь. У читателя, погрузившегося в мир образов Блейка, остается впечатление незавершенности и зыбкости этого мира. Способствует такому впечатлению сам поэтический язык с его «мучительной, судорожной нечленораздельностью» [3, 51].

Столь необычная для современного читателя поэтическая форма объясняется особенностями жанра пророческой поэзии, к которому обратился Блейк. Специфика этого древнего жанра, представленного в Библии и встречающегося у отдельных раннехристианских проповедников и поэтов (Ефрем Сирин), заключается в его импровизационности и медитативности. Автор здесь не внеположен по отношению к тексту, а находится внутри него, и потому не имеет возможности обозревать текст как целое и распоряжаться им — упорядочивать в соответствии с правилами риторики и требованиями литературной поэтики [1, 66-67].

Блейк, в отличие от библейских пророков и раннехристианских поэтов, имел за спиной многовековую литературную традицию и был сыном своего века, очень остро чувствующим движение времени и перемены в общественной и духовной жизни западного мира на рубеже столетий. Поэтому рассматривать его пророческую и мифотворческую поэзию как непосредственное воскрешение архаического религиозного жанра и настаивать на сугубо медитативном и импровизационном характере «Пророческих книг» было бы преувеличением. С другой стороны, среди своих современников Блейк обладал репутацией визионера и сам говорил о посещавших его видениях, так

что едва ли можно считать «Пророческие книги» только лишь сознательной и искусной стилизацией.

Для мистика и духовидца Блейка его пророческая и мифотворческая поэзия была не только способом поэтического самовыражения, но и формой проявления религиозного чувства. Поэт ощущал себя причастным давней традиции плебейской революционности, имевшей своим источником идеалы раннего христианства. Эта идеология, выраженная в средневековых еретических доктринах, за столетия не утратила своего бунтарского духа, вдохновляясь идеей Вечносущего евангелия, в соответствии с которой сам человек предстает носителем божественной силы и не нуждается поэтому в церкви как иерархической внешней организации: «И люди забыли, что Все божества живут в их груди» («Thus men forgot that All Deities reside in the Human breast») [7, 362-363].

Необходимо отметить, что Блейк был далеко не одинок в своем визионерстве. На рубеже XVIII-XIX столетий в Англии получили широкое распространение милленаристские секты мистического толка, ориентированные на библейскую пророческую традицию. В качестве наиболее яркого примера можно указать на движение, организованное Джоанной Сауткотт (J. Southcott) в 1792 г. и насчитывавшее несколько десятков тысяч экзальтированных приверженцев, которые вслед за своей вдохновительницей ожидали скорого пришествия Христа. Другим сектантским течением, на этот раз имевшим непосредственное отношение к Блейку, было сведенборгианство. Последователи шведского мистика основали в 1788 г. Церковь Нового Иерусалима. Краеугольным камнем «программы» секты был тезис о том, что второе пришествие Христа уже состоялось. Сведенборг в своих апокалиптических видениях сообщил, что событие произошло в 1757 году. Блейк, появившийся в этом году на свет, повзрослев, вместе с женой стал на некоторое время членом секты.

А.М. Зверев отмечает, что «Пророческие книги» Блейка насыщены символикой раннехристианских и современных поэту сектантских проповедей, где полюса социального и нравственного зла и добра обозначены как Вавилон — «порочный мир социальной иерархии и церковной лжи» и Иерусалим — «царство человеческого равенства и осуществленной христианской нормы» [4, 13]. С идеей разрушения Вавилона и построения Иерусалима в творчество Блейка входит утопическое начало. В мечтах поэта человек раскрепощен физически,

свободен от власти фабрик-монстров и их чудовищных машин (перед нами размышления свидетеля промышленного переворота!). Однако не менее важно для Блейка духовное раскрепощение человека, связанное с его отказом поклоняться утилитарному разуму, сухому и бесплодному. Золотым веком станет время, когда человек, доверившись своему Воображению, обретет утраченную цельность и приблизится к совершенству.

Среди английских поэтов-пророков во многих отношениях ближе всех к Блейку стоит Шелли. Они не были знакомы друг с другом; более того, Шелли, судя по всему, ничего не знал о творчестве своего старшего современника, хотя вполне мог слышать о нем от общих знакомых, например, от Уильяма Годвина. Оба поэта чрезвычайно высоко оценивали роль поэтического воображения, понимая под ним не просто развитую способность к фантазированию, но некую духовную и нравственную энергию, позволяющую человеку чувствовать себя творческой личностью и не поддаваться власти плоского рационализма и расчета. Осознание необходимости противостоять этому общему для них врагу побуждало поэтов рисовать картины будущего, свободного от пороков современности.

Осознание важности пророческой миссии поэта закономерно связано с ярко выраженным утопизмом поэтического творчества Блейка и Шелли А. Мортон выделил их среди всех английских поэтов рубежа XVIII-XIX веков, назвав «двумя великими писателями-утопистами» [56, 145]. При всем различии поэтического мышления Блейка и Шелли их утопии обладают одним общим свойством, отличающим их от всех образцов утопии, представленных в богатой мировой и английской традиции. Блейк и Шелли изображают не «идеальное государство, завершенное во всех подробностях и потому навеки окостеневшее» [5, 144]. Можно заметить, что обоих поэтов не устраивает современная западная цивилизация как таковая, а не институт государства. В их утопиях вообще нет программы общественного устройства; картины будущего, нарисованные Блейком и Шелли, не имеют четких очертаний в отличие от утопий Томаса Мора или Кампанеллы. Напротив, их утопический идеал намеренно лишен любой конкретности и статичности, будучи органично связанным с идеей развития, постоянного движения и совершенствования. Данная Н.Я. Дьяконовой характеристика утопии Шелли как «утопии всеобщего духовного совершенства, основанного на стремлении личности

к гармонии с природой и к социальной гармонии» [2, 163] справедлива и в отношении утопии Блейка.

Особого внимания заслуживают размышления Шелли об отношениях между поэзией и религией. В отличие от Блейка он не считал себя мистиком; кроме того, он не был религиозен в общепринятом смысле слова, то есть не придерживался никакого определенного вероисповедания. Об этом свидетельствует не только брошюра Шелли «О необходимости атеизма» («The necessity of atheism», 1811), положившая конец его обучению в Оксфорде, но дающая повод думать скорее об агностицизме автора, чем о его атеизме. В программном философском и эстетическом трактате «Защита поэзии» («A Defence of poetry», 1821) утверждается примат поэзии над любыми религиозными доктринами, и, в частности, звучит мысль о том, что поэзия долговечнее преходящих верований, так что в будущем по творениям Данте и Мильтона, которые «привели в систему мифологию нового времени» [христианскую мифологию — Е.М.], «ученые толкователи станут изучать религию Европы, которая лишь потому не будет совершенно позабыта, что отмечена нетленной печатью гения» [6, 732]. Все что есть ценного в самой религии, Шелли тоже относит на счет поэзии, содержащейся в священных книгах, а последующее развращение исторического христианства, по его мнению, было вызвано «исчезновением поэтического чувства по мере развития деспотизма и суеверий» [6, 728]. Развивая далее свою мысль о поэзии христианства, Шелли пишет: «Пусть скептик разрушает грубые суеверия, но пусть не искажает, как это делали иные французские авторы, вечных истин, запечатленных в душах людей» [6, 735]. «Французские авторы» — это просветители с их рационалистической критикой религии как вредного заблуждения. Разделяя просветительское неприятие религиозных предрассудков и института церкви, Шелли все же осознает, что за ними скрываются «вечные истины», открывшиеся человечеству благодаря Христу [6, 729] и составляющие фундамент культуры. По Шелли, «христианство, в своем чистом виде, стало экзотерическим выражением эзотерических принципов древней поэзии и мудрости» [6, 729].

Характерно, что Шелли понимает под поэзией нечто весьма близкое тому, что имели в виду иенские романтики, когда они выражали *свое* понимание религии. Поэт, в представлении Шелли, являет-

ся «жрецом непостижимого вдохновения.. причастным к вечному, бесконечному и единому» [6, 744, 712], а искусство поэзии «приподымает завесу над скрытой красотой мира и.. воссоздает Вселенную, частицу коей мы составляем» [6, 718, 741]. Перед нами яркий пример романтического мифологизирования. В этом смысле ранние немецкие романтики, Блейк и Шелли говорят на одном языке. Шелли отделяет от них только одно обстоятельство, впрочем, очень важное: в его мировосприятии нет места мистическому переживанию. Мысливший романтическими категориями вечного и бесконечного, Шелли все же никогда не был склонен подводить под свои искания фундамент сверхчувственного.

Блейка и Шелли можно поставить рядом как великих поэтов-пророков английской литературы, хотя и по-разному понимавших сущность пророчества. Пророческий дар визионера Блейка, отразившийся в его величественных мистических видениях, наиболее полно соответствовал по форме и духу библейским пророчествам. Для Шелли, напротив, была неприемлема сакрализация поэтической деятельности, так что его уподобление поэта пророку должно восприниматься, скорее, как метафора. Шелли рассматривал пророчество в качестве естественного «атрибута поэзии», оговариваясь при этом, что поэт является пророком не потому, что обладает даром предсказывать «формы будущего», а потому, что способен «предчувствовать его дух» [6, 712].

Литература

1. Аверинцев С.С. Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // Аверинцев С.С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. С. 43-96.
2. Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. Проблемы эстетики. М.: Наука. 1978. 206 с.
3. Елистратова А.А. Наследие английского романтизма и современность. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1960. 505 с.
4. Зверев А.М. Величие Блейка // Blake. Selected verses. М.: Прогресс. 1982. С. 5-33.
5. Мортон А.Л. Английская утопия. М.: Издательство иностранной литературы. 1956. 277 с.
6. Шелли П.Б. Избранные произведения. М.: Рипол Классик. 1998. 799 с.
7. Blake. Selected verses. M.: Прогресс. 1982. 588 с.
8. Prickett S. The Romantics. L. 1981. P. 267.

© Е.Н. Михайленко, 2014

Л.В. Михайлова
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Речевые особенности современных сетевых поэтов: наследие футуристов

По меткому выражению В.В. Виноградова, лексическая система – наименее жёсткая из всех подсистем русского языка. Лексика прямо или опосредованно отражает действительность, реагирует на изменения в материальной, общественной и культурной жизни народа, постоянно пополняется новыми словами и выражениями для обозначения появившихся предметов, процессов, понятий. Лексический запас любого языка подвержен разного рода преобразованиям, и значительный вклад в этот процесс вносят художники слова – поэты, обращаясь к словотворчеству. При этом поэт использует не только имеющиеся в языке словообразовательные модели. Вместе с тем, необходимо отметить стремление текстотворца к освоению пространства художественного текста. Исследование окказионализмов в творчестве авторов-инетчиков помогает нам уяснить связь теории и практики словотворчества в поэзии.

Индивидуально-авторские окказионализмы являются специфическими единицами лексики. Эта специфика находит свое выражение, во-первых, в словообразовательном плане. Создаются новые слова, отсутствующие в общелитературном языке, образование которых идет в соответствии с существующими в языке словообразовательными типами или по окказиональным моделям. Тогда авторские неологизмы служат демонстрацией словообразовательных потенций языка. Во-вторых, в стилистическом плане: индивидуально-авторские окказионализмы выполняют особые стилистические функции в тексте художественного произведения. В силу своей специфики поэтические окказионализмы являются единицами чрезвычайно высокого уровня художественной выразительности и экспрессивности, что делает их средством создания яркого, художественного образа, отражающего индивидуальное авторское видение мира.

Многочисленные изыски словообразования современных интернет-поэтов – это ни что иное, как ориентация поэтов-инет-футуристов на языковое экспериментирование, повышающее ценность их поэтических и прозаических текстов при использовании их в качестве иллюстрации потенциальных и окказиональных способов

словообразования. Рассмотрев окказиональную лексику авторов, публикующихся на достаточно известных русскоязычных поэтических сайтах и в сообществах он-лайн дневников, можно сделать вывод о состоянии письменной поэтической речи сегодняшнего дня в Рунете и отконтурировать общие тенденции в современном поэтическом словотворчестве.

Поэты – наши с вами современники, как и поэты-футуристы, естественно, пользуются всеми существующими в языке способами словообразования. Наиболее продуктивным является способ сложения слов:

а ты как осень. абсентом-фантомом
всё это взахлёб и в Баварский лес,
ты **терпкаявлажнаямаятнотомная**
нежность невозможно иных небес
ты осень. Баварская –

здесь «терпкаявлажнаямаятнотомная» – это слияние 4 признаков предмета в один для усиления экспрессии.

она не вернется прежней. а губы лгут,
когда ощущают фантом ее бежевой кожи. врут
глаза, когда видят лицо ее в **тысячемордой** толпе –

«тысячемордая» образовано сложением основ по принципу «многоликая», «стоглавая» и др.

Слова, образованные способом сложения основ, используются автором для экономии места в короткой поэтической строке, для придания большей эмоциональности, поскольку несут б*о*льшую смысловую нагрузку, чем подчинительные словосочетания.

Своеобразие современной интернет - (как и футуристической) поэзии в том и состоит, что мифологические представления о мире, об отдаленном прошлом русского народа органично сливаются в футуристической практике с видением технократической реальности в «мифологию нового времени». В своеобразной «первобытной цельности человека» [3, 42] виделся В. Хлебникову, В. Каменскому и другим футуристам выход из противоречий окружавшей их действительности. Видят в этом выход и современные сетевые поэты. Новая лексика русского поэтического окказионального языка, вероятно, во многом вышла из велимировского «языка звезд»:

Шелестьями дувеет, зеливетками.
Голитуткой паноравид и раздетками.

Велимир мне **преподУчил лектурок:**
Соловьенье, фонечанье, буквограньь.
Солнце - **звездопузный лучень** - кувырок
свершило по **шоссебу.**
Селогилы ухотрожили бычаньем.
Комарань!

в приведенном стихотворении невооруженным глазом видно влияние футуриста Хлебникова на автора-современника. Но это лишь единичные случаи, так как современные словотворцы предпочитают пользоваться обычными способами словообразования.

В семантическом отношении большая часть окказионализмов сетевой поэзии связана с описанием явлений и состоянии живой и неживой природы, так как именно в единении природы и человека сетеавторы видят выход из кризисного положения, из противоречий цивилизации.

В. Хлебников через принцип «самовитого слова» таким образом выходит на мифологические корни языка в теоретической статье «Наша основа» (май 1919г.):

«Самовитое слово отрешается от признаков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. Так слово «зиры» значит и звезды, и глаз; слово «зень» – и глаз, и землю. Но что общего между глазом и землей? Значит, это слово означает не человеческий глаз, не землю, населенную человеком, а что-то третье. И это третье потонуло в бытовом значении слова, одном из возможных, но самом близком к человеку» [4, 624].

Действительно, разрушение привычных языковых стереотипов зачастую приводило поэтов на край, на грань смысла [1, 33]. Однако перед ними никогда не стояла задача создания нового слова, новой формы только ради самой формы. В поиске новых для поэта и поэзии форм словесного выражения видится нам стремление авторов-словотворцев обнаружить тайные, сокровенные закономерности в процессе речи.

Вообще же, в современном подходе к слову (на базе футуристического подхода) можно выделить несколько основных аспектов:

1) во-первых, это непосредственное обращение к корню слова как носителю ядра лексического значения и базе деривации и образование новых слов, зачастую напоминающих древнеславянскую речь

(крылуста, мерзопрах, азбалделъ, княщер, помчавый), при помощи различных префиксов и суффиксов (в том числе – квазификсов);

2) во-вторых, контаминация кириллицы и латиницы. Полностью иноязычная лексика и полностью иностранная графика как в силу своей меньшей информативности, так и в силу тезаурусной «чужести» на подсознательном и эмоциональном уровне несет в себе некий напор, отпугивающую агрессивность. А при контаминации алфавитов появляется игра. В 1990-х годах Рунет испытывал острую моду на иноязычные слова, поэтому в текстах нередко встречаются лексемы вроде: кукallки, nevaляшки, reinкарнация, vnепонимание. Большинство сетевых поэтов – вполне «русскоязычны» и кириллицецентричны, что отнюдь не исключает миксы из кириллических и латинских букв в творчестве некоторых авторов (juzz, kotjara_87), да и их псевдонимы говорят сами за себя. Такое разделение можно объяснить отнесенностью авторов к разным возрастным категориям: творившие еще в 90-е годы и творящие уже в XXI веке.

и ты все такая же... "о!" –
(по лопаткам дрожь)
мой единственно верный жизненный путь
ну что ж, если я виновата, теперь **sama ra**зберусь
этот город все же отнял тебя..

3) в-третьих, попытка создания языка, названного В. Хлебниковым «звездным» или «мировым» (так называемая «азбука ума» – подробнее – см. статью «Опыт лингвистического толкования окказионализмов поэтического языка В. Хлебникова» [2, 45]), своеобразного «наднационального» иероглифического языка понятий.

Создание окказионализмов, содержащих латиницу, объясняется модой на иноязычные слова, бытовавшей в Рунете в 1990-х годах. Это и стремление к эпатажу, и проявление ощущения недостаточности имеющихся в языке лексем для выражения определенных настроений.

Ориентированность поэтов на использование «аномальных» лексических единиц, на создание и тиражирование в поэтических текстах большого числа окказионализмов создают условия для привлечения читателя к своеобразной «игре в прятки». Чтение поэтических текстов невозможно без активного соучастия со стороны читающего, который должен разыскать скрытый смысл окказионального слова. Подобная языковая игра призвана активизировать скрытые

потенции языка и заставить читателя размышлять не только над какой-либо одной лексемой, но и над всем текстом в целом.

«Акт словотворчества не есть создание «фантазиомы», нарочито направленное на разрушение языковых норм, это – демонстрация языковых возможностей, поэтически оформленный уход от заштампованного рутинословия, реализация права на эксперимент как неотъемлемую часть поэзии вообще…» – можем прочесть мы у Д.Б. Масленникова. И у него же находим поэтическое подтверждение:

Что бы в жизни ни делалось,
Версия такова:
Проще всего, бездельнее,
Делаются слова:
Слева – полслова, справа – оправа –
Слово готово:
"**Миролирослава**"…
Вертится ветер –
Рождается "**вертер**",
Мчится катер –
Рождается "**мчатер**",
Или "**летатер**",
Или "**волнатер**"…

Необходимость постоянных разъяснений лишний раз подчеркивает недостаточность «заумного языка» для восприятия футуристического произведения обыкновенным человеком. Поэтому для некоторых сетевых поэтов «заумные стихи» – это, прежде всего, языковой эксперимент, а уже потом – объект эстетического наслаждения.

Литература

1. Костецкий А.Г. Лингвистическая теория Хлебникова // Структурная и математическая лингвистика. – Вып. 3 - Киев, 1975.
2. Масленников Д.Б. Опыт лингвистического толкования окказионализмов поэтического языка В.Хлебникова // Семантика и функционирование единиц языка и речи: Межвузовский сборник науч. тр. – Уфа, 1996.
3. Степанов Н.Л. Велимир Хлебников «Жизнь и творчество» – М., 1975.
4. Хлебников В. Творения. – М., – 1987.

© Л.В. Михайлова, 2014

А.В. Моисеева
БашГУ, Уфа, Россия

О связи вербального и невербального компонентов креолизованного текста гламурного журнала

В настоящее время заметно возрос интерес к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь. Данное явление можно объяснить стремительным ростом визуальной информации в современной коммуникации.

Усиливается интерес к таким явлениям как креолизованные тексты, находящимся на границе лингвистики и других семиотических систем. Внимание, уделяемое креолизованным текстам, в организации которых наряду свербальными применяются иконические средства, объясняется тем, что они до сих пор являются наименее изученными в лингвистике, а их интерпретация вызывает определенные трудности у адресата.

Тексты, представленные в глянцевыхжурналах,несомненно, являются одним из видов креолизованных текстов, так как их структура включает в себя две негомогенные части: вербальную (языковую) и невербальную (иконическую).

Глянцевая журналистика - неотъемлемая часть культуры современного социума, особенностью которой являются использование вербальных и невербальных визуальных средств для полной реализации стратегий данной периодики. Отбор языковых и иконических средств на страницах глянцевых журналов строго ориентирован на получателя информации, а также на его групповые характеристики: уровень образования, социальный статус, сферу интересов и т.д.

Исходным положением для выделения данного типа текстов является признание того факта, что информация, воспринимаемая по разным каналам, в том числе вербальная и иконическая, интегрируется и перерабатывается человеком в единое целое. При этом считается, что на уровне глубинной семантики не существует принципиальной разницы между семантикой вербальных и иконических знаков.

Общеизвестен факт, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается адресатом по-разному. Так, информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют ус-

воению 38% информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%.

Среди журналов, занимающих в медиа индустрии свое особое место, – промежуточное между газетами и книгами – глянцевые журналы отличаются от других типов изданий следующими характерными признаками: 1) своей адресностью – ориентацией на определенную гендерную и возрастную группу читателей; 2) информацией рекламно- развлекательного и культурно-образовательного характера; 3) дизайном издания, в котором вербальные и визуальные компоненты коммуникации сосуществуют как равные взаимодополняющие части целого, так называемого креолизованного текста.

Нельзя сказать, что язык глянцевых журналов изучен в достаточной степени. Однако можно отметить, что глянцевому журналу, как рекламному изданию, присущи неотъемлемые признаки рекламного текста. Подстиль языка рекламы, считает Т.Н. Лившиц, подобно публицистическому стилю, характеризуется единством двух функций – информирующей и воздействующей, однако общая эмоциональная окрашенность языка рекламы имеет некоторые отличия. Если тексты публицистического стиля могут вызывать весь спектр человеческих эмоций, то рекламное воздействие опирается целиком на положительные оценки и эмоции[4].

Среди стилевых черт, присущих рекламному стилю, выделяют информативность, оценочность, предметную конкретность, обобщенную образность, адресованность, персонифицированность и лаконичность.

Целевая аудитория глянцевых журналов выделена по определенному признаку потенциального читателя: пол (мужские/женские), профессиональная принадлежность (журнал для бухгалтеров, учителей, бизнесменов и проч.), место жительства (городская/сельская местность) и т.д.

Большая часть современных журналов, во-первых, обращаются к определенной группе читателей, выделенной по какому-либо основанию, например, *женщинам* (журналы «Cosmopolitan», «Elle», «Она», «Лиза» и др.), *родителям* («Счастливые родители», «Кроха и Я» и др.); во-вторых, представляют материалы на одну, достаточно узкую тему, например, *Домашний интерьер*, *Садоводство* и др.

Гендерно ориентированными издания представляют собой иллюстрированные журналы, материалы которых затрагивают «все»

сферы мужской/женской жизни: профессиональная карьера, сексуальные взаимоотношения, мода, путешествия и прочее.

В качестве третьей специфической характеристики журнала можно выделить дизайн издания. В отличие от газет и книг, в которых преобладает текст, а изображения и фотографии являются только иллюстрацией к тексту, в журнале визуальный и вербальный компоненты сосуществуют как равные части целого.

Цель вербальных текстов состоит в том, чтобы донести информацию до адресата. Независимо от технического оформления (напр., размер и форма шрифта, цвет, тип бумаги, иллюстрации и т. д.) адресат воспринимает информацию одинаково с точки зрения содержания. Однако при восприятии поликодовых текстов иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение. От его характера зависит содержательное восприятие текста. В поликодовых текстах вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи. Тем не менее, некоторые исследователи поликодовых текстов полагают, что наличие невербальных знаков в тексте не свидетельствует о его поликодовости, т.к. поликодовый текст это паралингвистически активный текст, т. е. текст, в котором паралингвистические средства являются носителями информации или вносят дополнительные оттенки в содержание. Если убрать один из компонентов, то оставшийся компонент или перестает передавать информацию, или делает это неполноценно, или вовсе интерпретируется иначе [5],[1].

Характерной чертой процесса восприятия креолизованного текста является двойное декодирование заложенной в нем информации. Таким образом, при извлечении концепта изображения происходит его наложение на концепт вербального текста. Взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста [2].

Итак, роль иконического и вербального компонентов в равной степени важна при реализации единого концепта креолизованного текста. В этом случае сохраняется целостность и связность текста, которая проявляется в смысловом, структурном и функциональном единстве.

Связь иконического и вербального компонентов проявляется в семантических связях между ними. Е.Е.Анисимова выделяет эксплицитно выраженную связность, когда изобразительная часть непо-

средственно соотносится с вербальной, и имплицитно выраженную связность, т.е. выраженную неявно[1].

Примером эксплицитно выраженной связности может послужить следующий пример: «Из первых уст» - статья из журнала Glamour, посвященная разбору новинок косметической индустрии, а именно – помаде[3, 30]. Иллюстрацией к статье является подборка фотографий голливудских актрис с различными оттенками помады на губах. Тот факт, что в заглавии статьи присутствует компонент «уста», дает возможность реципиенту правильно воспринимать вербальную и иконическую части, а также общий смысл – обсуждаются оттенки помады модные в этом сезоне, по мнению первых красавиц мира шоу-бизнеса. Еще один пример – «Сердце - в пятки» [3, 243] - компонент «пятки» связывает содержание креолизованного текста с невербальной частью - на иллюстрации изображены разнообразные средства по уходу за кожей ног. В данных примерах семантическая зависимость изобразительного компонента подтверждается соответствующими языковыми средствами в вербальной части креолизованного текста.

Приведем пример имплицитно выраженной связности: «Унесенные ветром» [3, 129] – на иллюстрации изображена девушка в спортивной одежде, в руке у нее тарелка с листьями салата, статья посвящена диете и правильному питанию. Языковой компонент «Унесенные ветром» указывает на одноимённый роман Маргарет Митчелл, повествующий о сложной и неоднозначном жизненном пути главной героини. Общий смысл иконической и вербальной частей этого креолизованного текста выходит на поверхность при соотнесении обоих компонентов с опорой на подразумевающуюся идею о том, что жизненные перемены порой несут с собой потери – в частности, потери лишних килограммов.

Таким образом, креолизованный текст воспринимается как единое целое благодаря тесному взаимодействию иконической и вербальной частей. Связь между изобразительным и вербальным компонентом может быть двух типов – явно выраженная и имплицитно выраженная. Имплицитно выраженную связность можно наблюдать при глубоком анализе компонентов, причем особое значение имеют фоновые знания реципиента.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Уч. пособие для студ. фак. иностр. яз.вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Головина Л.В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: Автореф. …дисс.канд. филол.наук. Москва., 1986.
3. Журнал «Glamour», май 2014.
4. Лившиц Т.Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах, Таганрог, 1999, С. 34-35
5. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления/ А.Г.Сонин// Вопросы языкознания.- М., - 2005. - №6. – С.115-123

© А.В. Моисеева, 2014

Е.А. Морозкина
БашГУ, Уфа, Россия

Отражение «агентивности» и «неагентивности» языковой личности в национальной картине при переводе

Вопросы своеобразия национальной языковой картины мира, определяющей мировоззрение носителей языка, широко исследуются в современном языкознании. В.В. Воробьев, Е.В. Верещагин, С.Г. Тер-Минасова, З.П. Попова, Г. В. Быкова изучают как проблему смыслового наполнения понятия языковой картины мира, так и ее лингвистические характеристики. Еще Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835), немецкий лингвист и философ, объяснял разнообразие типов мышления представителей разных этнических групп именно языковыми особенностями, отраженными в языковой картине мира, которая в таком понимании, воспринимается как важный структурообразующий принцип многообразия наций.

Известный австрийский философ-языковед Людвиг Витгенштейн (1889-1951) в работе «Логико-философский трактат» (1921) выделил три основных принципа в качестве основы постижения реальной картины мира: ввод и толкование языковых терминов; анализ элементарных высказываний, отражающих простейшие ситуации; анализ сложных высказываний как логической комбинации элементарных (базисных) предложений.

Лингвистическая вербальная модель знания, по Л. Витгенштейну, являлась зеркальным отражением логической модели мироздания [4, 87]. Так, ученый установил сложную взаимосвязь между языковой составляющей нации и национальной картиной мира в сознании ее представителей. В результате он выделил этапы постижения мироздания: язык – логика – реальность, которые устанавливали некие границы постижения мира, определяемые лингвистическими возможностями нации и структурой ее языка. Исследование Л. Витгенштейна в 1920-е годы поддержали представители Венского кружка: М. Шлик, К. Карнап, Г. Фейгель, О. Нейрат, которые развивали идею исключительного значения лингвистики как средства познания национальной картины мира и ее отражения в языке и мышлении.

Своеобразие национальной картины мира, отраженной в типах ментальности народов России и США, позволяет утверждать, что в качестве доминантной составляющей языковых картин мира русских и американцев зафиксированы, прежде всего, разные глаголы. Так, доминантной составляющей русской языковой картины мира является глагол «быть – существовать» (to be), формирующий философско-созерцательный подход к жизни, в котором определяющей становится позиция «неагентивности» носителей русского языка. Напротив, в американской картине мира доминирует глагол «делать» (to do), отражающая «агентивность» национальной языковой картины мира американцев. Американская языковая картина мира, построенная на глаголе «делать/действовать» (to do) объясняет «агентивность» языковой личности американца и наличие в ней таких качеств, как стремление к достижению высокого статуса в обществе, карьеризму с опорой на принцип «доверия к себе» (self-reliance), предполагающий веру в себя и свои силы. Типичный представитель американского общества декларирует принцип независимости, допускает наличие в обществе конкурентной борьбы, а также обладает неким оптимизмом, исторически сформированным благодаря понятию «американской мечты» и позволяющим продвигаться к намеченной цели, несмотря на препятствия.

По аналогии, своеобразие русской национальной картины мира связано с наличием у представителей нации таких качеств, как созерцательность мышления, дух коллективизма, исторически восходящий к понятию «соборности», стремление к размеренному распорядку жизни, в определенном отношении связанными с богатым историче-

ским наследием страны. Составляющими соборности, как справедливо отмечает В. В. Воробьев, «являются понятия «бескорыстной любви», «добра и совести», «любви и свободы» - это духовное ядро русской культуры» [1, 178].

Типичный представитель нашей страны также мотивирован к тому, чтобы найти свое место в обществе, но при этом, в отличие от американца, он скорее полагается не только на себя, но на определенные связи в обществе, в нем сильнее развито чувство коллективизма и ответственности за других людей и свою страну, а его поведение характеризуется принципом «неагентивности».

Как видим, различные языковые картины мира русских и американцев способствуют формированию у них разных типов ментальности, разных способов постижения мироздания, что, безусловно, находит отражение и в особенностях лексической и грамматической структур языка. В качестве примера можно обратиться к различным способам передачи модальности в русском и английском языках, что особенно важно учитывать в процессе перевода художественных текстов с одного языка на другой. Функционально-семантическая категория модальности представляет, как известно, «особую сложность для перевода, поскольку попытка использования эквивалентных средств выражения модальности в языке перевода крайне затруднена и может в некоторых случаях привести к искажению доминирующей модальности исходного художественного текста» [4, 1193]. Для русской языковой картины мира, в отличие от английской, характерно выражение действия с помощью категории состояния. В качестве примера С.Г. Глазкова проанализировала побудительные предикативно-инфинитивные высказывания, состоящие из инфинитива и модальных компонентов с определенным модальным значением, которые она называет «ленивыми директивами» [2,3].

Отмеченная С.Г. Глазковой особенность использования категории состояния для выражения действия в какой-то степени, на наш взгляд, объясняет «неагентивность» русской национальной языковой картины мира. Действительно, если «агентивный» английский язык обладает богатым набором модальных глаголов (can, must, may, should, would и др.), то в русском языке система модальных глаголов слабо развита, а для передачи модальности используются модальные слова и частицы. Модальные глаголы, по подсчетам Я.И. Рецкера, занимают лишь третье место. В качестве средств выражения модаль-

ности используются также временные формы и формы наклонения в русском и английском языках практически в равном соотношении и, кроме того, порядок слов и интонация. В своем исследовании С.Г. Глазкова выделяет широкий ряд личных однокоренных глаголов со значением намерения (намереваться, вознамериться), а также глагольные фразеологизмы и синонимичные глаголы с тем же значением (задумать, затеять, направить стопы) и справедливо утверждает, что в языковой картине мира русских намерение воспринимается как действие, за которым стоит представление о том, что главное – собраться, то есть, чтобы что-то реализовать, необходимо прежде всего мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это зачастую бывает трудно и непросто сделать.

Модальность долженствования в системе русского языка представлена модальными словами (дОлжно, должнО), словами категории состояния (должен, обязан). С.Г. Глазкова отмечает отсутствие личных форм глаголов с данным значением, а также безличных форм и приходит к выводу, что модальность долженствования не является определяющей в русской языковой картине мира.

В английском языке, напротив, долженствование представлено множеством модальных глаголов с разнообразными оттенками значений (must, have to, should, to be to, ought to, to be obliged to, to be required to). Учитывая такое многообразие модальных глаголов и различных оттенков долженствования закономерно утверждать, что модальность долженствования играет важную роль в английской языковой картине мира. Тот факт, что в русском языке долженствование, как правило, выражается категорией состояния, а в английском – модальными глаголами и их различными эквивалентами, следует иметь ввиду при переводе.

Особенно важно учитывать своеобразие национальной языковой картины мира при переводе художественных текстов. Так, например, в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» (1925) и в русскоязычной версии его перевода, выполненной З. Вершининой и Н. Галь (1948), можно обнаружить несоответствие передачи оттенков модальности долженствования. Герой произведения Клайд Гриффитс выписан автором с учетом многообразия оттенков модальности долженствования, к которым неизбежно примешиваются особенности языковой картины мира американцев, поданные в русле «агентивности», которые и определяют «деятельное» подсознание героя как раз

по «американской модели»: герой мечтает о достижении особого статуса в обществе, верит в наличие равных возможностей для всех американцев в достижении так называемой «американской мечты». Он проявляет настойчивый оптимизм, обусловленный его верой в «американскую мечту», и не всегда, в силу слабости интеллекта, учитывает жесткую конкурентную борьбу в обществе.

Таким образом, в произведении четко выписан образ среднего американца, согласно типично американской языковой картине мира, которая, в свою очередь, в определенной степени определяет модальность долженствования в английской версии романа. В оригинале многообразие оттенков долженствования настолько важно, что, по замыслу писателя, герой сам не может ответить на вопрос о своей виновности в преступлении и искренно сомневается в том, убил он девушку или просто не спас ее, хотя мог бы спасти. При всей своей нерешительности Клайд остается «агентивным» героем, о чем свидетельствуют многообразные оттенки модальности, переданные в его внутреннем монологе. Его размышления о преступлении начинаются с категоричного отрицания им даже мысли о возможности преступления: «He must never, never, ever think of it – never» [7, 127].

На финальном этапе самоубеждения герой достигает состояния, в котором преступная мысль, переданная глаголом must в значении вынужденности, приобретает значение необходимости, лингвистически обозначенной тем же глаголом must: «You must choose-choose! And then act» [7, 139].

В переводе З. Вершининой и Н. Галь реципиент оказался лишен многообразия модальных значений, заложенных в оригинале, в силу чего вопрос виновности героя оказался решен в переводе более категорично с точки зрения модальности долженствования: герой не должен был даже замышлять подобное. Таким образом, язык перевода способствует категоричному суждению читателей о виновности героя. В англоязычном тексте вопрос виновности – невиновности героя не определен, а писатель и вовсе был категорично уверен, что его герой невиновен, о чем он лично сообщает в письмах к издателям.

Таким образом, «агентивность» - «акциональность» английского языка оказывается обусловленной языковой картиной мира американцев, а «неакциональность» русского языка – языковой картиной мира русских. Национальные картины мира русского и английского языков отличаются не только на уровне модальности, как было отме-

чено в проведенном исследовании, но и на иных лингвистических, социальных и психологических уровнях, что требует дальнейшего изучения с целью обеспечения адекватности перевода художественных текстов.

Литература

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
2. Глазкова С. Н. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. - №7. – URL: www.covenok.ru/koncept/2012/12087
3. Драйзер Т. Американская трагедия. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.
4. Морозкина Е. А. Роль лингвистики в развитии научных знаний // Успехи современного естествознания. – М.: Академия естествознания, 2009. - №6. – С. 87 – 88.
5. Морозкина Е. А., Насанбаева Э. Р. Герменевтический «круг» и «сфера» модальности в герменевтической модели перевода // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. - №4. – С. 1191 – 1194.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
7. Dreiser Th. An American Tragedy. Moscow: Foreign Language Publishing House, Vol. 1. 1949. – 516 p. vol. 2 1949. – 342 p.

© Е.А. Морозкина, 2014

Е.А. Морозкина, Д.К. Саяхова
БашГУ, Уфа, Россия

О некоторых особенностях перевода

Перевод, как один из видов духовной деятельности человека, восходит еще к античности. Он всегда играл существенную роль в истории культуры отдельных народов и мировой культуры в целом. С середины XX столетия (после Второй мировой войны) благодаря все возрастающей интенсивности международных контактов переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах.

Научно-техническая революция, развитие рыночной экономики, проблемы демографии и другие важнейшие явления цивилизации приводят к тесному международному сотрудничеству, к небывалому развитию всякого рода контактов между государствами и другими разноязычными обществами людей. В этих условиях чрезвычайно

возрастает роль перевода как средства, обслуживающего экономические, общественно-политические, научные, культурно-эстетические и другие отношения народов.

Основная цель перевода – как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего иностранный язык, с данным текстом (или содержанием устной речи) [4].

По мнению известного ученого Я.И. Рецкера: “Перевод – это точное воспроизведение подлинника средствами другого языка с сохранением единства содержания и стиля. Этим перевод отличается от пересказа, в котором можно передавать содержание иностранного подлинника, опуская второстепенные детали и не заботясь о воспроизведении стиля. Единство содержания и стиля воссоздается в переводе на иной языковой основе и уже поэтому будет новым единством, свойственным языку перевода” [2, 62].

Перевод – комплексный процесс. Для правильной и точной передачи мысли подлинника нужно не только найти в языке перевода самые подходящие слова, но и облечь их в соответствующую грамматическую форму. Необходимо также учитывать и стилистические факторы. Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка.

Расхождения в семантических системах разных языков – доказанный факт, являющийся источником многочисленных трудностей при переводе. Переводчики, как правило, сталкиваются со следующими проблемами:

1) лексическими – обычно это отсутствие эквивалентных единиц в переводимом языке;

2) стилистическими – помимо стилистически нейтральных слов в любом языке существуют слова и сочетания, употребление которых ограничено какими-то определенными жанрами и типами речи;

3) Грамматические. Отсутствие тех или иных грамматических средств в одном из языков.

Объектом перевода является конкретное речевое произведение (текст подлинника), на основе которого создается другое речевое произведение на другом языке (текст перевода). Перевод предполагает смысловое восприятие исходного текста и передачу того же самого значения средствами иного языка. При этом, как справедливо полагают ученые, неизбежны семантические потери. Поэтому переводчику необходимо добиться того, чтобы эти потери были сведены к

минимуму, т.е. обеспечить максимально большую степень эквивалентности исходного текста и текста перевода, отдавая себе отчет в том, что достижение "стопроцентной" эквивалентности является, по существу, недостижимой задачей, неким идеалом, к которому необходимо стремиться, но достичь которого никогда не удается [1, 3].

Литература

1. Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. - М.: Высш. шк., 2006. - 102 с.
2. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Просвещение ,1982.– 184 с.
3. Сдобников В.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В.Сдобников. О.В.Петрова. - М.: АСТ: Восток - Запад. 2006. - 448 с.
4. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1983. – 303 с.

© Е.А. Морозкина, Д.К. Саяхова, 2014

О.П.Мотина
БашГУ, Уфа, Россия

Морфемная структура паронимов русского и английского языков

Членение словоформы на значимые элементы отражает ее формо- и словообразовательные связи, морфонологические законы построения, а также внутреннюю форму лексического значения [5, 234]. В процессе изучения паронимов необходимо уделить особое внимание морфемной структуре созвучных слов. Хорошее знание структуры слов и способов их производства существенно облегчает овладение лексическим составом любого языка, развитие навыков правильного словоупотребления, построения предложений [4, 86].

По своей морфемно-словообразовательной структуре паронимы можно разделить на два типа:

1) непроизводные (корневые) паронимы,

2) производные паронимы.

К непроизводным паронимам относятся паронимичные слова, в корнях которых наблюдаются чередования гласных или согласных

звуков; словообразовательные форманты в данном случае не выполняют смыслоразличительной функции, либо вообще отсутствуют. Такие лексемы раньше функционировали в языке в качестве либо однокоренных синонимов, либо лексических вариантов, однако с течением времени утратили семантическую близость и перешли в разряд паронимов.

К производным паронимам относятся паронимические пары, члены которых представляют собой производные слова, образованные различными словообразовательными способами, то есть префиксацией, суффиксацией, флексийным способом, сложением основ и др. Производные паронимы характеризуются усложненной и расчлененной структурой, что позволяет их разделить на две группы: 1) простые производные паронимы и 2) сложные производные паронимы. К первой группе относятся паронимические единицы, компоненты которых содержат не более одной производящей основы. Ко второй группе относятся паронимические единицы, компоненты которых содержат в своем составе не менее двух производящих основ.

Простые производные паронимы преимущественно образуются с помощью морфематического способа: к производящей основе (которая может совпадать с корневым или производным словом) прибавляются продуктивные суффиксы или префиксы, и в результате получаются слова с новыми лексическими значениями. Таким образом, в зависимости от того, какие морфемы выполняют смыслоразличительную роль между компонентами паронимических единиц, среди лексических производных паронимов можно выделить префиксальные, суффиксальные и флективные (флексийные) паронимы.

В рамках данной статьи представлены результаты сопоставительного анализа морфемной структуры паронимов в русском и английском языках. Для эмпирического изучения отобраны парные единицы, репрезентирующие ядро паронимических полей в языках сравнения. Ядром соответствующих полей служат однокорневые паронимические пары субстантивного, глагольного и адъективного характера современного русского и английского языков. В русском языке материал исследования представлен корпусом из 606 однокорневых паронимических пар, извлеченных из словарей паронимов О.В. Вишняковой [3] и Ю.А. Бельчикова [2]. Паронимический фонд английского языка был выделен из словарей Macmillan English Dictionary for

Advanced Learners [8] и Dictionary of Confusibles A. Рума [9] методом фронтального анализа и составляет 571 паронимическую пару.

Необходимо отметить, что отобранные парные единицы отвечают следующим критериям выделения однокорневых паронимов: 1) фонетическая близость, 2) этимологическое родство единиц, 3) полное или частичное различие в лексическом значении, 4) принадлежность к одной части речи, 5) полная или частичная невозможность взаимозамены в речи вследствие несовпадения сфер лексической сочетаемости, 6) возможность ошибочного смешения в речи в результате общности корня [1].

При рассмотрении морфемной структуры паронимов в языках сравнения необходимо учитывать тот факт, что типологически английский язык относится к аналитическим языкам, в то время как русский язык принадлежит к группе синтетических языков. Это помогает понять представленные ниже различия между морфемными структурами паронимов русского и английского языков, в частности, отсутствие флективных (флексийных) паронимов в английском языке.

Рассмотрим морфемную структуру паронимов русского языка.

Число непроизводных паронимов в русском языке невелико. По результатам проведенного анализа паронимичные слова, образованные путем чередования гласных или согласных звуков внутри корня, составляют 4,5 % от числа всех паронимов. К этой группе относятся такие паронимические единицы как, например, *воскресать // воскрешать, ящер // ящур, крестный // крёстный*.

Сложные производные паронимические единицы, содержащие в своем составе не менее двух производящих основ, встречаются в числе паронимов-существительных (*домоправление // домоуправление*) и паронимов-прилагательных (*малопонятный // малопонятливый, добровольный // добровольческий, однорукий // одноручный, стихотворный // стихотворческий*). Лексемы, составляющие такие паронимы, образованы в основном путем сложения основ. Среди проанализированных единиц было выявлено всего 5 подобных паронимов (0,8 %).

Простые производные паронимические лексемы в русском языке представлены префиксальными, суффиксальными и флективными единицами.

Префиксальные паронимы образуются присоединением к одной и той же производящей основе близких по звучанию, но различ-

ных по значению префиксов. Префиксальные паронимы (15 % от числа всех проанализированных единиц) представлены в основном глаголами, например, *обогреть // огреть, вбить // взбить, последовать // проследовать*, *опечатать // отпечатать*. В то же время среди префиксальных паронимов немало отглагольных имен существительных и прилагательных: *поиски // происки, поступок // проступок, поселок // проселок, поверка // проверка, основанный // обоснованный* и др.

Наиболее широко представлены в системе русского языка суффиксальные паронимы (79 %). Образование суффиксальных паронимов происходит следующим образом: к одному и тому же корню или (чаще всего) к общей основе прибавляются суффиксы одной и той же части речи, и вследствие семантической дифференциации возникают паронимы, например, *охладеть // охладить, сеточный // сетчатый, удачливость // удачность*.

Среди суффиксальных паронимов преобладают паронимы-прилагательные, например, *деспотичный // деспотический, конный // конский, пионерный // пионерский*, *непонятный // непонятливый, опасный // опасливый*. Семантическая дифференциация паронимов-прилагательных в отличие от паронимов, относящихся к другим частям речи (глаголам, именам существительным) происходит в основном именно за счет суффиксов. На втором месте по продуктивности образования стоят паронимы-глаголы: *телефонировать // телефонизировать, породить // породнить, охладеть // охладить* и др. Паронимы-существительные (*мелодия // мелодика, невежа // невежда, наследие // наследство*) в составе суффиксальных паронимов занимают незначительно место.

Совсем немногочисленны в русском языке в количественном отношении флексийные (флективные) паронимы (1,2 %). В большинстве случаев они представлены именами существительными, например, *зубы // зубья, черви // червы*. В единичных примерах подобные единицы встречаются среди паронимических прилагательных (*вдовий // вдовый, слоновий // слоновый*). Во флективных субстантивных паронимах параллельность значений компонентов возникает благодаря окончанию множественного числа: *колени // колена, цветы // цвета*.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в паронимическом фонде русского языка преобладают суффиксальные

паронимы и значительно число префиксальных паронимических единиц, тогда как непроизводные, сложные производные и флективные паронимы встречаются в небольшом количестве.

Корпус паронимов современного английского языка составляют как производные, так и непроизводные единицы.

В английском языке непроизводных паронимов очень мало. Паронимичные пары, члены которых отличаются составом корня, составляют 0,7 % от общего числа паронимов. К этой группе относятся простые непроизводные паронимичные пары, такие как *biennual // biannual, older // elder, motive // motif, meter // metre*.

Сложные производные паронимы представлены всего одной единицей в исследованном корпусе английского языка: *handwork // handiwork*.

Согласно многим лингвистам, чередование гласных и согласных звуков не является продуктивным способом словообразования и словоизменения в современном английском языке. Вслед за такими исследователями, как А.А. Реформатский [6], А.А. Ривлина [7], в работе делается вывод, что чередование как внутренняя флексия используется в английском языке для создания грамматических форм (например, *tooth* (sg.) – *teeth* (pl.)) или для частеречной дифференциации слов, образованных от одного корня (например, *blood* (n) – *bleed* (v)). Такие чередования А. А. Ривлина называет грамматическими и лексическими инфиксами соответственно. Лексемы, созданные подобным способом, не являются объектом данного исследования из-за несоответствия критериям выделения паронимов.

Несмотря на небольшое количество непроизводных паронимов в английском языке, чередование в корне часто наблюдается по причине добавления к производящей основе слова аффиксов, например, *motion // movement*. Такие единицы мы относим к производным паронимам, поскольку смыслоразличительную функцию в данном случае выполняет аффикс, а не внутренняя флексия.

В английском языке превалируют производные паронимические лексемы, среди которых можно выделить суффиксальные, префиксальные и смешанные единицы. Последнюю группу составляют паронимы, в которых смыслоразличительную функцию между компонентами выполняют как суффиксы, так и префиксы.

Паронимы, созданные путем присоединения к одной и той же производящей основе различных префиксов, составляют 21,5 % от

общего числа исследованных английских паронимов. Они представлены в основном глаголами, например, *assent // consent, affect // effect, allude // elude, preoccupy // occupy*. Префиксальные паронимы представлены также отглагольными именами существительными и прилагательными: *apposition // opposition, enquiry // inquiry, persecution // prosecution, eminent // imminent, allusive // elusive* и др.

В английском языке значительно число суффиксальных паронимов (76 % исследованного корпуса). Большинство из них являются именами прилагательными (*steaming // steamy, communicable // communicative, responsible // responsive*). Достаточно многочисленны в группе суффиксальных единиц паронимы-существительные: *economy // economics, deformation // deformity, coherence // cohesion* и др. Паронимы-глаголы (*moisten // moisturize, circulate // circularize, chastise // chasten*) в составе суффиксальных паронимов занимают незначительное место.

Смешанные паронимы составляют 2% паронимического корпуса английского языка. В составе таких паронимов встречаются как префиксальные, так и суффиксальные производные лексемы. Такие единицы наблюдаются среди глаголов, имен существительных и прилагательных, например, *attest // testify, reconcile // conciliate, ammunition // munitions, numerous // innumerable*.

Резюмируя, можно сделать вывод, что в паронимическом фонде английского языка преобладают производные паронимы, представленные преимущественно суффиксальными и префиксальными единицами.

Морфемный анализ выявил больше сходств, чем различий между паронимами русского и английского языков. Приведенные выше процентные расчеты наглядно демонстрируют, что непроизводные паронимы крайне редко встречаются в обоих языках (в русском языке: 4,5 %, в английском языке: 0,7 %), значительно уступая производным единицам по количеству. Сложные производные лексемы хоть и немногочисленны, но имеются в паронимическом фонде русского языка (0,8 %), в английском языке была обнаружена только одна подобная единица. Преобладающее число паронимов обоих языков являются суффиксальными именами прилагательными и существительными. Большинство глагольных единиц образованы с помощью добавления префиксов к производящей основе. Морфемный анализ русских паронимов выявил также флективные лексемы (1,2 %), не

имеющие аналогов в английском языке. Однако в английском языке функционируют так называемые смешанные (префиксально-суффиксальные) паронимы, не характерные для русского языка.

Литература

1. Антипина О.П. Структурно-словообразовательная характеристика адъективных паронимов русского и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 69. - № 23. – 2012. – С. 14-17.
2. Бельчиков Ю.А. Словарь паронимов русского языка: более 200 рядов паронимов/Ю.А.Бельчиков, М.С. Панюшева. М.: АСТ: Астрель, 2008. - 458 с.
3. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
4. Епхиева М.К. О лингвометодических основах обучения русскому словообразованию в национальной школе // Фундаментальные исследования. Издательский Дом "Академия Естествознания", 2005, № 3. – С. 86-86.
5. Панов М.В. О степенях членимости слов // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. – С. 234-238.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996.- 536 с.
7. Ривлина А.А. Теоретическая грамматика английского языка: учебно-методическое пособие / А.А. Ривлина. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. – 118 с.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – 1692 p.
9. Room A. Dictionary of Confusibles. – London: Routledge & Kegan Paul, 1979. – 153 p.

© О.П. Мотина, 2014

И.А. Муравская
МГЛУ, Москва, Россия

К вопросу об элиминации межъязыковых лакун через заимствования

Социокультурные изменения, появление нового в жизни общества естественно приводят к ревизии лексического фонда языка и вызывают необходимость номинации новых явлений. Именно заимствования отражают лексические и понятийные потребности определенного периода существования лингвокультуры и заполняют пусто-

ты на ментальной карте индивида. Однако не любая элиминация лакун является мотивированной.

Общим местом в исследованиях межъязыковой лакунарности стало утверждение о том, что языки имеют одинаковые номинативные возможности, и любое значение может быть выражено в любом языке. Но в одном языке оно представлено лексически, а в другом отсутствует, или в одном языке представлено в нерасчлененном виде, в другом может быть в большей или меньшей степени расчленено, дифференцировано; или в одном языке представлено словом, в другом – сочетанием слов или компонентом значения лексемы. Это является результатом включенности языка в процессы познания действительности: «один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать» [3, 31]. Учитывая сказанное, мы будем рассматривать лакуну как *отсутствие языкового эквивалента в системе другого языка, в результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков или полного отсутствия понятия, предмета или явления в лингвокультуре, что связанно с этнокультурной спецификой познания действительности языковым коллективом*. Далее рассмотрим основные типы межъязыковых лакун и обратимся к вопросу их компенсации через заимствования.

Концептуалные (понятийные) лакуны отражают отсутствие в языке слова вследствие отсутствия предмета, явления, процесса в самой действительности народа, говорящего на данном языке, и, на наш взгляд, являются *мотивированными*, т.е. представляют собой обоснованное заимствование лексической номинации вместе с понятием / предметом, что ведет к развитию собственной концептуальной системы (компьютерные, экономические термины, названия спорта, наименования объектов обыденной жизни *(гамбургер, сейтброд, триммер, молдинг, роуминг, иммобилайзер* и др.)). Мотивированной причиной заимствования также является необходимость транслировать специфичное понятие-реалию другой культуры: названия предметов одежды (*килт, сари*), жилищ (*юрта, сакля, чум*), блюд и напитков (*айран, долма*), особенностей госустройства (*импичмент, конгрессмен, праймериз*), некоторые из которых со временем могут стать обозначениями реалий жизни носителей языка-реципиента: *мэр, префект, парламент, спикер* [2, 36-40].

Лексические лакуны отражают отсутствие в языке слова при наличии соответствующего предмета, явления, процесса, что связанно с познавательной деятельностью индивида, т.е. умением замечать и выражать в языке те или иные стороны действительности. Отсутствие номинации имеющегося понятия может быть обусловлено отсутствием коммуникативной потребности в нем в силу конкретных исторических или культурных причин или его нерелевантности для лингвокультурной общности. Если понятие затрагивает важные сферы деятельности человека и социум испытывает необходимость в наименовании, то происходит компенсация / заполнение лакуны через заимствованную лексему. Так, закрепились лексемы, относящиеся к сферам политики, экономики, СМИ, спорту и некоторым другим областям *(дефолт, инвестиция, спонсор, шоу, пиар)*. В обществе стали актуальными темы, связанные с разного рода преступлениями и нарушениями общественной морали: взяточничеством, убийствами, проституцией, наркоманией, обсуждение которых не обходится, в частности, без употребления слов иноязычного происхождения (*коррупция, киллер, наркотик, наркокурьер, трафик* и др.).

Отсутствие в языке однословной номинации реалии приводит к срабатыванию тенденции к нерасчлененности номинации и обозначаемого понятия, что способствует появлению заимствований. Если объект наименования представляет собой одно целое или мыслится как таковое носителями языка, то говорящий стремится заменить описательное наименование или словосочетание однословным (*электорат* (совокупность избирателей), *снайпер* (меткий стрелок), *киллер* (профессиональный убийца), *брокер, дилер* (посредник на бирже) и т.д.).

Еще одной причиной появления заимствований в языке являются *семантические (*или *векторные лексические*) лакуны, отражающие несовпадение компонентов значения лексем в сопоставимых языках. Ю.А. Сорокин отмечал, что слова, которые вполне соотносимы в двуязычных словарях, «квазисопоставимы», так как они могут неодинаково, даже противоположно восприниматься носителями сопоставляемых языков, иметь разную частоту употребления, разную дистрибуцию [4, 23].

На наш взгляд, именно наличие векторных лакун вызывает потребность в семантическом и / или функциональном разграничении слов (часто терминов) с помощью заимствований, благодаря которым

имеет место перераспределение смысловых ролей (*имидж – образ, департамент – управление, дорога – шоссе – автострада – автобан – хайвей, предупредительный – превентивный, представление – презентация, ввоз – экспорт, вывоз – импорт* и др.*)*.

Сходные по объему понятийного компонента лексические единицы могут различаться объемом значения коннотативного признака и образуют в рамках векторных лакун *коннотативные* лакуны. Однако прагматическая информация, закрепленная в структуре значения исконного слова, может противоречить информации, соотносимой социумом с бытующим явлением, или, наоборот, в социуме может возникнуть потребность в номинации нового явления, причем такой номинации, которая бы не содержала коннотаций исконного слова. Так, появились пары типа *арт – искусство, креатив – творчество, представление – перформанс, парень / друг – бойфренд, исключительный – эксклюзивный* и др.

Несмотря на естественные процессы архаизации определенной части словарного состава и очевидную потребность языка в компенсации разного рода лакун, многие заимствованные слова «пусты» для носителя языка-реципиента в связи с неясностью их внутренней формы, что позволяет продуценту текста и реципиенту самим фиксировать личностные смыслы с опорой на имеющиеся структуры знания и фонетические ассоциации. Прагматическая нечеткость лингвистического оформления высказывания, а также несовпадение тезаурусов адресанта и адресата, неполное осознание коммуникативных намерений и пресуппозиций говорящего со стороны слушателя [5, 50] – все это приводит к *коммуникативным неудачам* и искаженному восприятию информации. Когнитивный диссонанс, возникающий при восприятии незнакомого слова, усугубляется тем, что контекстные ожидания говорящего оказываются неоправданными в связи с неуместным, некорректным использованием лексических средств: 1) *Что делать – спортивный имидж не был столь модным, и тягаться с престижными бизнес хронометрами было сложно, несмотря на столь же высокое качество* («Бизнес-журнал», 2003.10.23). Незнание значения слова *имидж* приводит к его синонимизации со словом *стиль;* 2) *Не уступил по настрою, по тактике, по инновационным тренерским задумкам и решениям* (Известия, 2007.12.24). Словоупотребление неверно, т.к. слово *инновации* семантически связано с новыми технологиями; 3) *Я не совсем адекватный*

респондент в этом вопросе. Неверное употребление предлога с существительным *респондент* говорит о том, что в лексему вкладывается смысл *специалист, профессионал*, не совпадающее с исконным значением лексемы.

Часто очевидно непонимание условий коммуникации, контекста ситуации и уместности употребления англицизмов: 1) *Это вроде бы вполне типичная экранизация классики, но в ней есть… кураж и драйв* (Известия, 2007.11.23). Стилистическая несовместимость слов *классика* и *кураж, драйв* основана на несовпадении фреймов ситуации, эксплицируемых соответствующими лексемами; 2а) *В 2007 году во избежание обмана потребителей арбуз маркировали – на каждую ягоду наклеили лейбл «Астраханская область»* (РБК Daily, 2008.07.22); 2б) *Если правительство провернет задуманное, «челночество» станет в нашей стране таким же историческим секонд-хэндом, как и давно не модный лейбл «ЛЕНИН»* (Комсомольская правда, 2002.10.10). В связи с тем, что лексема *лейбл* референтирует к товару, продукту, фирме, компании, причем иностранного производства, ее употребление вне контекста, созданного такого рода лексемами или относительно товаров или компаний российского происхождения, представляется как дефектное, т.к. смысловая структура формируется наложением фрейма *лейбл* (фирменная этикетка) и фрейма, актуализирующего *название области / исторического деятеля*.

Итак, неоправданное использование заимствованных лексических средств зачастую не позволяет создать необходимую область взаимодействия, в которой коммуникативная деятельность могла бы быть эффективной, потому что заимствованное слово, содержащее определенное знание, но употребленное в дефектной семантической или синтаксической структуре, не приводит к идентификации фрагмента действительности реципиентом, но, напротив, способствует формированию неполных структур знания, не способных эффективно участвовать в познавательных процессах.

Как культурный конструкт, сформированный на базе языка, общественное сознание существует лишь в той мере, в какой обеспечивается возможность участия большинства индивидов в языковой деятельности, причем в пределах разделяемой этими индивидами (консенсуальной) области, которая в свою очередь поддерживается письменным языком (важно отметить, что именно письменным, т.к.

материальный знак (графическое слово) является средством обеспечения и поддержания структуры информационной среды и создания области опосредованных взаимодействий). Из этого следует, что целенаправленное систематическое воздействие на письменный язык как подчиняющуюся определенным закономерностям систему общественной практики, ведущее к ее содержательному (качественному) изменению, «влечет за собой и изменение общественного сознания», т.к. оно является вторичным (конструктом) по отношению к письменному языку [1, 39-45]. В современном информационном обществе текстовая среда является во многом продуктом деятельности СМИ, следовательно, тиражируемые ими образцы письменного языка, созданные людьми, отличающимися малограмотностью и стремлением к кичу, излишней экспрессии, эпатажу, новизне, подражанию, способны формировать фрагменты общественного сознания. Кроме того, общественно-политическая практика закрепила в общественном сознании убежденность в том, что все западное по определению лучше «своего» – особенно в том, что касается языка и культуры. Как следствие, русский язык стал рассматриваться как непрестижный, второсортный по отношению к английскому.

Таким образом, несмотря на ряд объективных причин лексического заимствования, очевидна резкая неологизация речи, и в первую очередь дискурса СМИ, который влияет на уровень языковой культуры в целом. В языке СМИ функционирует масса лексических новшеств, которые, с одной стороны, встраиваются в концептуальную систему носителей языка-реципиента, с другой – нарушают ее стабильность за счет смысловой неопределенности или чужеродности формы лексем, не позволяя реципиенту сформировать адекватные структуры знания для интерпретации информации.

Литература

1. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. – М.: рукописные памятники Древней Руси, 2013. – 388 с.
2. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. – М. : Знак, 2008. – 320 с.
3. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975. – 96 с.
4. Сорокин Ю. С. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М., 1982. – С. 22–28.

5. Шехтман И.А. Лингвокультурные аспекты понимания // Филологические науки, 2002. – №3. – С. 50-58.

© И.А. Муравская, 2014

Л.И. Мурсалиева
БашГУ, Уфа, Россия

Рокайльные черты литературного дискурса Реньяра (на примере анализа «Послания VI. Господину….»)

Как следует из философского «Энциклопедического словаря» термин Дискурс «как сходен, так и отличен от языка и речи. С речью его сближает то, что он также является процессом и деятельностью. Однако в отличие от речи Дискурс предполагает систему, он обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля. Свойство системности сближает Дискурс с языком. Язык является универсальной абстрактной микросистемой, тогда как Дискурс — конкретной минисистемой. Дискурс — это речь, наделенная социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст» [6, 187].

Литературный дискурс талантливого французского драматурга Ж.-Ф. Реньяра (1655-1709) отмечен чертами зарождающегося на рубеже веков рококо, своеобразного феномена европейской культуры и литературы, который включает «в себя не только формальные приемы, но и особое видение мира и человека» [4, 885], что особенно ярко проявилось не только в его комедийном творчестве, но и в посланиях [2, 58-85]. В 80-90 -е годы Реньяр написал шесть посланий, обращенных к различным лицам, в которых отразились раздумья поэта о жизни и литературном труде. Литературный дискурс посланий отмечен чертами рокайльного мировоззрения Реньяра, его стремлением к земным радостям и наслаждениям, компромиссам, снисходительным отношением к слабостям человеческой природы, эпикуреизмом. Обращаясь к жанру посланий, он ориентируется на образцы Горация, который дал законченное художественное оформление эпистолярного жанра в поэзии. Реньяр берет за образец не только разработанную им форму поэтического письма беседы с другом, но и его жизненную философию. «Счастье, по Горацию, - в «золотой середине» (это вы-

ражение ему и принадлежит), в довольстве малом, как источнике внутренней независимости и господства над страстями, в безмятежном и умеренном наслаждении благами жизни» [5, 370]. Полагаясь на свой здравый смысл, Реньяр видел в философии и литературе не самоцель, а средство раскрытия своего жизненного опыта, понимания окружающего мира и человеческой природы. Обладая широким взглядом на мир, о чем свидетельствуют его страсть к путешествиям и оставленные им путевые заметки, а также его творчество (особенно, послания), Реньяр не замыкался в рамках какого-либо одного философского учения, но доминирующую роль в его мировоззрении сыграли идеи смеющегося над людскими слабостями Демокрита, идеи Эпикура и Гассенди, которые стремились к разумным наслаждениям жизнью, что нашло отражение в литературном дискурсе Ж.-Ф. Реньяра. На его литературный дискурс повлияли также рационализм Декарта, жизнеутверждающая философия Рабле, скептицизм Монтеня и Бейля. Не принимая крайностей, Реньяр следует горациевой философии «золотой середины» и этике здравого смысла, суть которой заключается в том, что человеку приходится мириться с несовершенством жизни и снисходительно относиться к людским слабостям, «смягчать отрицательные стороны жизни, отводя им соответствующее место в действительности, ведь многие явления можно рассматривать как относительно дурные или относительно добрые, все зависит от угла зрения» [2, 256]. Следуя примеру Горация, Реньяр ценил «разумные» наслаждения, доставляемые поэтическим творчеством, беседой с остроумными собеседниками, умел ценить хорошее вино, любовь женщин, веселье в обществе друзей, охоту... В творчестве он ценил свободу и оригинальность, пренебрегал догмами, как в искусстве, так и в мировоззрении. Нравы своего времени Реньяр отражал сквозь призму рокайльного литературного дискурса, не давая наставлений, позволяя читателям и зрителям самим делать выводы из изображаемых событий.

Структура «Послания VI. Господину…», (1698) и его эпикурейский дух близки «Посланию к Тарквинию» Горация, что особенно ярко проявляется в начале произведения. Как и подобает жанру, Реньяр приглашает своего друга, имя которого по каким-то причинам скрыто от читателя, оставить свое роскошное жилище и прекрасно сервированный стол, в один из январских дней зайти к нему на скромный обед, лучшим украшением которого будет вино, превосхо-

дящее чудесное вино, описанное в романе Рабле, и компания из «трех знаменитых и надежных гостей, свободных от любви и дел» [1, 413]. Вино расположит к откровению, к «сотне остроумных словечек… к радости, которую одобрил бы Гораций» [1, 413].

Однако Реньяр творчески относится к традициям римского поэта, развивая их в соответствии с духом своего времени. Поэт дает яркое описание своего дома на окраине Парижа, расположенного на холме возле Порт де Ришелье, откуда открывается живописный вид. Он любуется красивым пейзажем вокруг горы Монмартр, покрытой ветряными мельницами, чудесным садом и огородом с прекрасными плодами, «чарующими равным образом и вкус и взор» [1, 414], и рядом грибов по соседству, которые появятся на его кухне по первому же его требованию.

Поэт говорит о том, что стремится создать в своем доме жизнерадостную атмосферу, выступает «защитником монастыря, воспетого Рабле» [1, 413], хочет создать некое подобие Телемского аббатства. В этом доме, вдали от городского шума, он устраивает пиры, организованные со вкусом, удостаивается чести встречать там таких известных лиц Франции, как например, принц Конти и герцог Энжьен [1, 415].

Описывая свое скромное жилище и царящий в нем эпикурейский дух, Реньяр, хотя и вскользь, говорит о своем отрицательном отношении к различного рода войнам, давая несколько двусмысленную характеристику кардиналу, «который, поддерживая всю тяжесть расшатанного трона, умел проливать кровь сильнее, чем воду» [1, 414]. Поэт высоко ценит свое уединение, добровольное изгнание, «куда… горе не знает входа» [1, 266]. Он признается, что здесь он обрел счастье и покой, поэтому «вовсе не хочет знать, что делается в городе» [1, 414]. Он не хочет слышать победоносный салют в честь очередной победы Людовика XIV, ему неприятно видеть самодовольного нувориша, который «в позолоченной карете смело ловит негодующие взгляды» [1, 414]. Реньяр пишет, что в своем уединении «свободный от тщеславия, любви и ревности, умеренный циник, я наслаждаюсь жизнью» [1, 415]. Эта «отдаленность» от светской жизни, любовь к одиночеству не мешают его веселости, он с удовольствием пользуется всеми благами жизни и радушно, как только может, встречает несколько избранных своих друзей.

Таким образом, своеобразие литературного дискурса Реньяра заключается в том, что он отразил в нем свой образ жизни и мировоззрение, эпикурейскую философию, наполнил его рокайльными чертами.

Литература

1. Regnard J.-F. Epître VI. A Monsieur…//Regnard J.-F. Oeuvres complètes. T. 1-6. Paris.Chez Haut-Cœur, libraire, 1820. T. 4, p. 413-417. – 454 p. Здесь и далее цитаты даны в переводе автора статьи.
2. Дуров В.С. История римской литературы. СПб., «Правда Севера», 2000. – 624с.
3. Мурсалиева Л.И. Черты рококо в жизни и творчестве Ж.-Ф. Реньяра (итальянский период). Saarbrucken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 208 с.
4. Пахсарьян Н. Рококо // Литературная энциклопедия терминов и понятий/ред. А.Н. Николюкин. – М., НПК «ИНТЕЛВАК», 2001. – 1598 с.
5. Тронский И.М. История античной литературы. М., Высшая школа, 1988. – 464с.
6. Философия: Энциклопедический словарь / ред. А.А. Ивин. – М., Гардарики, 2004. – 1072 с. Режим доступа: http//terme.ru/dictionary/187/word/diskurs

© Л.И. Мурсалиева, 2014

И.Х. Мусин, О.Н. Гордеева
БГМУ, Уфа, Россия

Изучение процесса социальной детерминации языка

Социальный фактор представляет собой социальное действие идеологического, нравственного и этического характера, которое может влиять на развитие языка, определять языковые формы взаимообщения коммуникантов. К социолингвистическим факторам можно отнести и человеческие речевые потребности, умственные, физические и социальные способности говорящих индивидов.

Особенно сильное влияние со стороны социофакторов испытывает словарный состав языка, т.е. образование многих его слоев зависит от развития науки и техники, литературы и искусства, от духовного развития общества, т.е. лексический состав языка самым непосредственным образом связан с развитием общества, взятым в конкретный момент его функционирования.

Влияние социальных факторов на фонетический, морфологический и синтаксический уровни языка не столь ярко выражено, как это имеет место в лексике, однако, как нам представляется, было бы ошибочно полагать, что язык развивается только по своим внутренним законам. Сознательное и стихийное влияние общества, воздействие социальных факторов на развитие языка было убедительно продемонстрировано, например, в ходе развития и становления младописьменных и бесписьменных языков некоторых народов нашей страны. Сфера употребления русского языка стала массовой, число лиц, говорящих на языке межнационального общения, значительно увеличилось. Коренным образом изменились и социально-классовые условия развития русского языка, увеличился рост культуры населения страны и грамотность.

Дать детальную характеристику всем социальным факторам практически невозможно, ибо социальный фактор - это очень широкое понятие, охватывающее многие сложные процессы развития общества. К тому же следует учесть и то, что одни и те же социальные факторы по-разному функционируют в различных общественно-экономических формациях. Сложность характеристики всех социальных факторов состоит в том, что каждый социофактор, взятый в отдельности, имеет свою собственную структуру со свойственными только ему субъектом действия и объектом воздействия, целями и задачами субъекта и т.п.

В целях классификации социофакторов их можно подразделить на две большие группы: макросоциальные факторы и микросоциальные факторы. К первым, имеющим максимальное общественное, теоретическое, идеологическое и политическое значение и оказывающим наиболее сильное воздействие на развитие языка, относятся прежде всего общественно- экономический строй, идеология, наука, культура, политика, образование, эстетическая и этическая система взглядов. Ко вторым, имеющим минимальное общественное значение и не создающим условий внутриструктурного и функционального развития языка, относятся содержание текстов, предложений, словосочетаний, отдельных слов, выполняющие функции идеологического содержания.

Необходимо иметь в виду, что воздействие социофакторов на речевую деятельность носит исключительно специфический характер, не зависящий непосредственно от воли отдельных дюдей, кото-

рые в состоянии лишь учитывать эти факторы, но не могут кардинально что-то изменить в их функционировании. Этот факт, по-видимому, объясняется тем, что речевое поведение коммуникантов детерминируется определенными этическими правилами и нормами, влияющими на социальное и речевое воздействие личностей.

В связи с тем, что процесс социальной детерминации языка тесно переплетается с речевой деятельностью, не менее важным является изучение социальной детерминации личности, связи между отдельными социофакторами и речевыми действиями участников коммуникативного акта в конкретной социальной ситуации. Это помогло бы в дальнейшем выявить сам механизм детерминации речевого поведения общающихся индивидов (и в частности - билингвов).

© И.Х. Мусин, О.Н. Гордеева, 2014

А. Р. Мухаметдинова
БашГУ, Уфа, Россия

Экспериментальное исследование особенностей понимания и интерпретации поликодового текста детьми старшего дошкольного возраста (на материале вторичного текста - пересказа)

В нашем исследовании особенностей понимания поликодового текста на материале вторичных текстов детей старшего дошкольного возраста мы рассматриваем данную проблему в рамках группы субъект-объектных теорий. Мы будем использовать термин «поликодовый» текст для обозначения понятия негомогенных, синкретических текстов смешанного типа, образуемых комбинацией вербальных и невербальных, изобразительных средств передачи информации, взаимодействие которых обеспечивают целостность и связность произведения.

Цель настоящего исследования – уточнение и выявление особенностей понимания поликодового текста детьми дошкольного возраста на основе анализа вторичного текста-пересказа, порождаемого реципиентами после просмотра мультипликационного фильма.

Задачи данного исследования:

1) выявить и описать особенности вторичного детского текста, представляющего собой, по нашему мнению, естественный «встречный текст», возникающий в сознании реципиента в процессе восприятия поликодовой информации;

2) выявить и описать особенности восприятия и понимания поликодового текста детьми на основе полученных в процессе эксперимента естественных «встречных текстов», во многом представляющих собой набор реакций, но не зафиксированных письменно, как это имеет место согласно методике в случае со взрослыми реципиентами, а порождаемых в устной форме и регистрируемых экспериментатором.

Несмотря на многочисленные работы в области понимания разных типов текстов, актуальность нашего исследования во многом обусловлена спецификой самого объекта понимания, поликодового текста, столь распространенного в современной жизни, включающего в себя несколько составляющих – визуальную, звуковую и т.п. Именно эта особенность делает данный тип текста отличным от всех других и во многом определяет особенности его восприятия и понимания.

Следует также отметить, что актуальность данного исследования связана и с тем, что ранее данная возрастная группа не привлекалась в качестве испытуемых реципиентов при изучении процессов понимания текста с использованием названного выше метода. Хотя нужно сказать, что мы, по сути, используем только сам принцип, лежащий в основе метода «встречного текста», а не оригинальную методику в целом, ранее применяемую для изучения понимания текстов различных типов целым рядом исследователей (Н. П. Пешкова; И. В. Кирсанова, Н. В. Анохина, Я. А. Давлетова). Главное отличие нашего исследования заключается в том, что наш эксперимент протекает в естественных условиях просмотра и восприятия мультфильма детьми, в то время как взрослые испытуемые, участвующие в эксперименте, в процессе чтения текста должны были выполнить определенное задание в соответствии с методикой, разработанной А.И. Новиковым.

В первой части нашего экспериментального исследования приняли участие 30 испытуемых, детей старшего дошкольного возраста от 5 до 7 лет. Объектом понимания стала одна из серий мультипликационного фильма «Винни Пух и его друзья», «Настоящий друг», длительность которой составила 10 минут и 10 секунд. Детям было предложено посмотреть данный мультфильм, после чего каждый испытуемый должен был пересказать его как можно подробнее, при необходимости задавались встречные вопросы. Экспериментатор ра-

ботал с каждым испытуемым индивидуально, запись велась на диктофон. Материалом для анализа послужили полученные в ходе эксперимента детские пересказы (вторичные тексты).

С целью выяснения уровня понимания, экспериментатор задавал реципиентам наводящие вопросы по содержанию исходного «поликодового» текста. Нужно сказать, что среди реципиентов были и такие испытуемые, которые не могли самостоятельно строить свой текст, а лишь отвечали на вопросы. Однако в своих ответах они демонстрировали правильное понимание исходного текста, что для нас было достаточно важным моментом.

Мы полагаем, что в процессе понимания поликодового текста детьми происходит субъективная смысловая интерпретация содержания текста, о которой писал А. И. Новиков. Анализ полученных экспериментальных материалов подтверждает это предположение. Кроме того, данные наших экспериментов позволяют допустить, что некоторые механизмы понимания, действующие в процессах восприятия и понимания поликодового текста детьми данной возрастной группы, имеют определённое сходство или даже совпадают с механизмами обработки информации, присущими взрослым реципиентам.

Устные тексты пересказа содержания мультфильма, порождаемые нашими испытуемыми, можно считать разновидностью «встречного текста», поскольку дети не просто пересказывают содержание мультипликационного фильма, но и по-своему интерпретируют его, передают своё отношение к его содержанию. Как известно, то же самое, на другом вербальном и ментальном уровне, демонстрируют взрослые испытуемые в процессе эксперимента с использованием методики «встречного текста».

Можно утверждать, что и те, и другие вербализуют свои реакции на информацию в форме оценки, вывода, мнения, перефразирования и т.п. Иными словами, в детском вторичном тексте пересказа, построенном на основе понимания поликодового текста мультипликационного фильма, наблюдались высказывания, представляющие собой перефразирование, генерализацию, мнение, оценку, вывод и т.п., что дает возможность говорить о сходных механизмах понимания и осмысления воспринимаемой информации в форме поликодового текста.

© А.Р. Мухаметдинова, 2014

А.Р. Мухтаруллина
БашГУ, Уфа, Россия

Функциональные особенности дружеского письма как эпистолярного дискурса

Выполнение функций конкретным типом дискурса позволяет более четко осветить его специфические особенности и создать целостное представление о дискурсе как особой форме коммуникации. Эпистолярный дискурс (ЭД) в этом плане обладает большим потенциалом, так как с момента своего появления в глубокой древности и по сей день является неотъемлемым атрибутом межличностной коммуникации в разных ее проявлениях. Интерес к процессу коммуникации со стороны представителей разных отраслей знаний сегодня поистине огромен (Н.Ю. Бусоргина, Н.В. Глухих, Л.В. Нижникова, Е.В. Полякова, Н.В. Силаева, А.В. Курьянович и др.). Специфика функциональных проявлений ЭД обусловлена его ключевой коммуникативной ролью в межличностном общении и полифункционализмом.

Результатом действия коммуникативной функции является установление контакта автора с адресатом с целью последующей передачи ему сообщения и воздействия на него. Следовательно, все частные проявления коммуникативной функции будут ориентированы на диалог, в направлении «от автора» «к адресату» и наоборот. А.В. Курьянович выявляет следующие частные функции в эпистолярном дискурсе: *информативная, референциальная, когнитивная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, метаязыковая, кумулятивно-трансляционная, фатическая, этикетно-ритуальная, императивная, художественно-эстетическая, функции самопрезентации* и пр.[3]

Н.И. Белунова, в свою очередь, выделяет в качестве ведущих когнитивную и прагматическую функции ЭД [1]. Когнитивная функция ЭД отражает способность письменной эпистолярной речи являться особой формой порождения и обозначения мысли, «вербализованной версией ментального представления события» (В. Дейк), «языковой формой концептуализации знаний о мире» (Е.С. Кубрякова). Прагматическая функция может быть представлена эмотивной (эмотивно–оценочной), эстетической и волюнтативной функциями. Эмоционально-оценочная и экспрессивная функции ЭД обусловлены

общей тональностью эпистолярного общения, «фактором коммуникативного прошлого и будущего» [9, 88], а также личностными характеристиками участников коммуникации (их коммуникативной ролью и статусом, возрастом, степенью знакомства друг с другом и пр.). Эмотивная функция позволяет автору выразить свое отношение к содержанию речи, к адресату письма. «Эмотивная функция реализуется в формах субъективной модальности, пропозициональных установках, средствах оценки, эмфазе, восклицаниях, интонации, междометиях и т.д. Волюнтативная функция ЭД, или императивная, как ее классифицирует А.В. Курьянович, связана с авторской апелляцией к воле, чувствам, сознанию – собственному и другого человека – и, тем самым, побуждением его и себя к действию (на физическом, интеллектуальном уровнях, а также в сфере чувств). Таким образом, функциональные возможности ЭД в сфере межличностной коммуникации являются чрезвычайно разноплановыми, отражающими его прагматическую, типологическую, речевую сущность.

В пространстве современной межличностной коммуникации эпистолярный дискурс присутствует широко, в разнообразных жанровых проявлениях: от «классического» частного письма до современной электронной деловой корреспонденции, имеющей формат письма**,** отличающейся наличием обязательных структурно-композиционных элементов (указание адресата, места написания, даты, обращения, подписи). Наибольший интерес для нас представляет дружеское письмо, так как частное дружеское письмо создается в процессе общения и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом. Такие авторы, как: С.В Гусева, Н.В. Сапожникова, О.С. Сыщиков, Т.Н. Кабанова**,** О.П. Фесенко, рассматривают дружеский эпистолярий именно как тип дискурса.

В соответствии со своими характерологическими свойствами, дружеский эпистолярный дискурс относится к личностно-ориентированному устно-письменному типу и занимает промежуточное место между бытовым и бытийным дискурсом. Внутри данного вида дискурса выделяются различные жанры и стили. На наш взгляд, наиболее отчетливо и ярко на фоне других просматривается разговорный стиль эпистолярного дискурса. Выделяются и подвиды дружеского эпистолярного дискурса: интимно-дружеский (обращение на «ты») и условно-дружеский (обращение на «Вы») - исходя из

определения, предложенного К.В. Фокиной: «дружеский эпистолярный дискурс является формой письменной межличностной коммуникации, основанной на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и допущении в личное пространство («я – друг»), а также предполагающей социальные отношения иерархического плана («я – коллега/друг») [8].

Т.Н. Кабанова, определяя частное письмо (а дружеское письмо тоже можно отнести к частным письмам) как вид дискурса, выявляет следующие дифференциальные признаки: реализация фатической функции, письменная форма и дистантность общения [2, 21].

Главенствующую позицию в коммуникативной модели речевого общения, как известно, занимает фактор адресанта. Адресант является инициатором общения, задаёт определённый тон коммуникативной ситуации, он – «эго всего текста» [5]. Однако, анализируя феномен дружеской эпистолярной коммуникации, необходимо учитывать не только факт адресанта, но и наличие коммуникативной триады: адресант – адресат – канал коммуникации, каждый из компонентов которой является ценностной доминантой межличностного общения. В процессе интерпретации дружеского эпистолярного дискурса учитываются: «оценочное отношение к коммуникативному партнеру, к каналу общения, к жанрам дискурса» [4]. Доверительные дружеские отношения между коммуникантами являются характерной чертой дружеских писем.

Итак, дискурсивными свойствами дружеского эпистолярия являются антропоцентричность, креативность, полифункциональность и диссимметрия [7]. Соответственно, антропоцентричность текста состоит в том, что тексты создаются людьми, для людей и при помощи специфических человеческих средств. Иными словами, текст является одновременно и средством, и результатом реализации языковой личности. Человек является организующей категорией текста как на уровне создания (интенции), так и на уровне восприятия (рецепции). Письмо представляет собой текст, имеющий конкретного создателя, личностные качества которого не могут не повлиять на структуру письма, его содержания и характер изложения информации. Эпистолярное общение не сопровождается визуальным контактом с адресатом. Оно дистанцировано во времени и в пространстве, что требует от коммуникантов, организующих переписку, проявиться в тексте с наибольшей полнотой для поддержания продуктивного об-

щения. В данной ситуации адресант и адресат выступают как единое целое, поскольку структура, содержание и характер изложения информации обусловлены ими обоими одновременно. Антропоцентризм ЭД проявляется и в особой эмоционально-оценочной тональности, которая создается оценочной лексикой, средствами экспрессивного синтаксиса (прямая оценка), коммуникативами, словами и эмоционально-экспрессивной коннотацией: чем сильнее в слове экспрессивно-оценочный компонент значения, тем неопределеннее денотат.

Формой проявления креативности в эпистолярном дискурсе является языковая игра (в широком и узком понимании) [7]. В широком смысле понимания этого феномена (языковая игра как моделирование действительности), эпистолярный дискурс представляет собой «игру» в обычный бытовой диалог, моделирование устной речи. Поэтому часто текст письма строится по принципу «вопросно-ответный шаг»:

«*My Sweetheart, I simply have to take time out to thank you for your thoughtful words. How could I possibly misunderstand an expression so patently laden with loving concern and husbandly devotion! Darling, don't you know how solid this combine really is?»* (The Rosenberg letters, London, Dennis Dobson, 191 p. p. 78.). Такой прием добавляет письму динамизм, создает иллюзию диалогического общения, и тогда эпистолярный текст перестает быть просто средством передачи информации, но служит средством взаимодействия» [7, 13]. Порой события, которые описываются в тексте, изложены несвязно, непоследовательно, как это свойственно спонтанной устной речи. Спонтанность проявляется через политематичность, путем использования специальных синтаксических конструкций (инверсии, эллиптических конструкций), через конвенциональность (регулярное, сознательное, функционально значимое нарушение этикетной рамки письма). Полифункциональность эпистолярного дискурса, по мнению вышеуказанного автора, реализуется двумя базовыми функциями (коммуникативной и когнитивной) и тремя вторичными (репрезентативной, фатической (контактоустанавливающей) и прагматической (функцией эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата). Когнитивная функция предстает в эпистолярном дискурсе в форме авторского самовыражения. Вторичные же функции могут одновременно реализовывать обе первичные функции.

«London
June 14, 1870
My dear Aston,

Forwarded the enclosed in your note of April 12 to the Sanjos. It is decided that I leave Marseilles on the 2nd October and I ought to arrive at Yokohama about the 18th November. It is perhaps very selfish of me to remain so long away when there is such a great necessity (as I understand from Mitford) for your getting leave of absence. But it is very hard to tear oneself away from European life, just as one is beginning to like it; and besides my parents were so anxious that I should stop with them a few months longer, that I was almost forced to apply for leave. The Legation must be terribly shorthanded.

I quite share your feeling of disgust with Japan. For at least a year before I left I had ceased to take any interest in the work. The natives may be making progress there, but we foreigners only fall back I think. The railway scheme and the loan will, I am afraid, be a damned nuisance to the Legation.

Remember me kindly to Adams.

Yours very sincerely

Ernest Satow» (FREE DOWNLOADABLE PREVIEW Sir Ernest Satow's Private Letters to W. G. Aston and F. V. Dickins: The Correspondence of a Pioneer Japanologist from 1870 to 1918. Transcribed from the Satow Papers, annotated and indexed by Ian Ruxton with an Introduction by Peter Kornicki PREVIEW)

В приведенном в качестве примера эпистолярном тексте реализуются следующие функции: фатическая, проявляющаяся в употреблении обращений (My dear Aston,) информативная (в тексте сообщается о причине задержки с отъездом); прагматическая, реализующаяся посредством глаголов в форме повелительного наклонения, лексики и фразеологии, передающей эмоциональное состояние автора. Все вышеуказанные функции, с одной стороны, реализуют коммуникативную функцию, с другой – являются средствами авторского самовыражения, его отношения к описываемому событию и к адресату, что представляет собой когнитивную функцию.

Последнее, выявленное автором дискурсивное свойство – диссимметрия – будет проявляться каждый раз при смене традиции речевого жанра. Показателями диссимметрии являются полифункцио-

нальность, политематичность (письма XVIII века были преимущественно монотемными).

Таким образом, дружеский эпистолярный дискурс – это речевое произведение, имеющее письменную форму, реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций, созданное с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции. При этом дружеский эпистолярный дискурс – не результат, а процесс речевого поведения, т.е. текст письма создается в процессе дискурсивного развертывания. Дружескому эпистолярию свойственны текстовые категории информативности, диалогичности, времени и пространства, текстового хронотопа, цельности и связности, текстовой модальности (тональности).

Литература

1. Белунова Н.И. Искусство эпистолярия и художественное произведение // Рус. яз. в школе. – 1995. №5. – С. 78.
2. Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века): автореф. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. - С.21.
3. Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: дис…. канд. филол. наук. – Томск, 2002. - С. 54.
4. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. - М.: Academia, 2000. - 139 с.
5. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М., 1985.
6. Фесенко О.П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры: монография. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт, 2008 – 128с.
7. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. … доктора филол. наук. - Томск. 2009. - С.13.
8. Фокина К.В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе (на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша): автореф. … канд. филол. наук. – Саратов, 2010.
9. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. - Саратов, 1997(6). - С.88-99.

© А.Р. Мухтаруллина, 2014

Ш.В. Нафиков
УНЦ РАН, Уфа, Россия

Языковое понятие 'имя' и транс-индоевропейские изоглоссы

В лексике индоевропейских языков концепт 'имя' в ряде случаев выражается общей лексемой. Примеры этого видим в следующей цепочке соответствий: перс. *nām*, готск. *namo*, нем. *Name*, англ. *name*; в ряде романских языков лат. *nomen*, фр. *nom*; в части из них *nome, nume*. В компаративистике XX века известна реконструкция гипотетической общей формы **nimi* 'имя' только в ареале индоевропейских (**nom*) и уральских (**nime*) языков, см. [Иллич-Свитыч 1976], ср. также санскр. *nama*, гр. *ὀνόματός*, 'имя'.

Исследователи XX и нынешнего, XXI века [Greenberg 2002 и др. ученые], к числу дальнеродственных уральских, индоевропейских относят и чукотско-камчатские языки (в науке XX века причисляемые к группе палеоазиатских). Одним из доводов в пользу общности названных языковых объединений выступает сближение урал. **nime* 'имя' [Redei (ред.), 305] с чук. **nimi* 'то же'. Соответствия из таких различных ветвей, как хант. *нам* 'имя', нган. *ним*, камас. *ним;* юкаг. *ним, нив* 'то же', позволяют считать это исконно уральским словом, ср. также изоглоссы из языков более западного ареала — саам. *nâmmâ*, коми *nimj* в одном и том же значений 'имя'.

В работах В.Иллич-Свитыч в качестве соответствия называется также реконструкт сем.-хам. **nb-* 'назвать' (в семитских языках), см. [Иллич-Свитыч 1965/1967, 343]. Коллега и соратник ученого А.Долгопольский ставил знак равенства между урал. **nime-* 'имя' = сем. **nʔ m* 'сказать' = яп. *namae* 'то же', шум. *inim* 'слово' и подводил эти изоглоссы под единый фономорфологический тип NM [Долгопольский 1964, 59].

Исследования ученых нашего времени выявили наличие изоглосс вида NM также в соседствующих с индоевропейскими алтайских языках, что явствует из ПА **niumV* 'имя; заклинание, гадание': тюрк. *jom, jom(ŋ)ak*; ,ТМ **nim-ŋā-*; яп. **náN*, причем глагольным коррелятом к **naŋ* 'имя' в ПЯ является **nan-* 'молиться' [Старостин 1991, № 48]; в значении имени лексема встречается лишь в диалекте Кагосима японского языка.

Подобное этимологическое толкование поддерживает и чешский макрокомпаративист В. Блажек [Blažek 1990, 211], хотя и со

знаком *?*: ностр. **nimi* 'имя'- ...тюрк. *jumak (~ jymak)* 'сказание', ср. чув. *səmax* 'слово', [башк. *йомаҡ* 'загадка' — Ш.Н.]...

Из теории этнолингвистики и этнологии известно о доисторической магии слов у многих племен и народов. Сюда же относятся известные явления и/или обычаи табуации, наречения парадоксальными (с точки зрения современности) именами новорожденных.

В смысловом отношении словесное табу может быть источником состояния загадочности.

Из обзора научной литературы можно сделать наблюдение о том, что в значении ‘имя’ сближения на *N* встречаются в географически весьма удаленных от индоевропейских и соотв. ностратических языковых ареалах, примерами чему могут служить австронезийск. **(ŋ)aran* и сквомиш (гр. селишских индейских языков на западе Северной Америки) *nəh, na(ʔ)*, см. по [Bengston, Blažek 2009, 13] и [Nikolayev, Mudrak 1989, 77].

Представленное выше беглое обозрение сходных и/или общих лексем для отображения понятия 'имя' — составной части базового словаря многих языков мира (см. так называемый список Лейпциг — Джакарта от 2009 г.) - *показывает* нам *наличие* многих *схождений* иначе изоглосс в *очень широком ареале* ностратических языков с аналогами в австронезийской и америндской языковых общностях.

Литература

1. Долгопольский А. 1964. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания 2, 53-64.

2. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский) // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. с. 321-373.

3. Иллич-Свитыч В.М. 1976. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (*1-З*) Указатели. Т.2. М.: Наука.

4. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. - М., 1991.

5. Bengston Jonn D., Blažek V. Ainu and Austric: Evidence of Genetic Relationship // Вопросы языкового родства. 2009. № 2. p. 1-24.

5. Blažek V. *Lexica nostratica* // *Addenda et Corrigenda* // Archiv Oriéntalni, 58/3, 1990. - P. 205-218.

6. Greenberg J.H. Indo-European and its closest Relatives. The Eurasiatic language family. 2002; Vol. 2: Lexicon. Stanford: University Press.

7. Redei K. (ed.) Uralisches Etymologiches Wörterbuch. - Bp., 1986-1988. - Lfg. 1-7/- XLVIII, 906 S.
8. Nikolajev S., Mudrak O. 1989. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan Keresiouan Languages: Lexical Evidence. // Shevoroshkin V. ed. // Explorations in language macrofamilies. Pp. 67-87.

Список сокращений

австронезийск. – австронезийский, англ. – английский, башк. – башкирский, готск. – готский, гр. – греческий, камас. – камасинский, лат. – латинский, нем. – немецкий, нган. – нганасанский, ностр. – ностратический, перс. – персидский, ПА – праалтайский, саам. – саамский, санскр. – санскритский, сем.-хам. – семито-хамитский, ТМ – тунгусо-манчжурский, тюрк. – тюркский, урал. – уральский, фр. – французский, хант. – хантыйский, чув. – чувашский, чук. – чукотский, шум. – шумерский, юкаг. – юкагирский, яп. – японский.

© Ш.В. Нафиков, 2014

Н.М. Нестерова, А.Н. Кетова
ПНИПУ, Пермь, Россия

Целостность как психолингвистический признак текста и условие его компрессии

Как известно, в современном информационном пространстве огромную роль играют так называемые вторичные тексты, представляющие содержание первичных в сжатой форме. В основе создания таких текстов лежит механизм смыслового свертывания, что возможно благодаря внутренней *целостности* текста, которая является его фундаментальным свойством (А.А. Леонтьев), его психолингвистическим признаком (А.И. Новиков). Целостность как признак текста, как правило, рассматривается «в паре» с другим его признаком — *связностью,* что вполне закономерно, поскольку само слово «текст» (лат. textus) означает ткань, сплетение, соединение [1, 72].

Названные признаки являются текстообразующими, но «отвечают» они за организацию различных ипостасей текста: связность — за языковую внешнюю форму, а целостность за внутреннюю форму текста. Связность текста проявляется через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста. Целостность же (или внутренняя связность) текста усматривается в связи тематической, концептуальной, модальной. При этом нужно подчеркнуть два момента, на которые указывал А.И. Новиков. Во-

первых, признаки текста «являются не столько функцией самого текста, его частей, единиц и т. п., сколько функцией воспринимающего текст сознания» [2, 23]**.** Во-вторых, «внутренняя связность может не совпадать с формальной связностью, поскольку имеет принципиально другие основания» [Там же].

Основываясь на данных положениях А.И. Новикова, мы провели небольшое исследование с целью выявить зависимость компрессивности от внешней и внутренней связности (цельности) на материале различных текстов. Были проанализированы следующие тексты: 1) фрагмент древнего письма; 2) запись речи больного шизофренией; 3) стихотворение известного немецкого писателя Кр. Моргенштерна; 4) детский стишок – прибаутка; 5) отрывок из знаменитого романа Эрика Марии Ремарка. Различные жанры и языки текстов делают исследование особенно интересным и даже занимательным.

Текст 1:

Рис.1 Табличка из Энкоми

Данный текст представляет собой фрагмент глиняной пластины, найденной на о. Крит. Это табличка из Энкоми, древнейший памятник кипро-минойского письма. Его анализ подобен задаче, с которой сталкиваются дешифровщики древних текстов. Совершенно очевидно, что в данном случае можно попытаться выявить только внешнюю связность, которая заключается в подсчете повторяющихся знаков в тех или иных позициях и статистическом обобщении найденных повторов [3, 15]. Повтор сегментов в некоторой последовательности, которая, возможно, является знаковой, позволяет с определенной долей вероятности предполагать, что перед нами текст. Эта вероятность увеличивается, когда появляется основание расценивать визуальные образы как регулярно повторяющиеся формы знаков,

пусть даже их значения и денотаты пока не вполне ясны. Речь идет о связности формальной, которая просто является формой выражения данного текста. Мы не имеем возможности говорить о свойстве целостности относительно данного текста, так как не располагаем кодом, который помог бы его расшифровать. Соответственно, попытки его осмысления и компрессии так же являются необоснованными.

Текст 2:

*«Родился на улице **Герцена**, в **гастрономе** № 22. Известный **экономист**, по призванию своему — **библиотекарь**. В народе — колхозник. В магазине — продавец. В **экономике**, так сказать, необходим. Это, так сказать, система… эээ… в составе **120 единиц**. **Фотографируете Мурманский полуостров** и получаете te-le-fun-ken. И бухгалтер работает по другой линии — по линии **библиотекаря**. Потому что не воздух будет, академик будет! Ну вот можно **сфотографировать Мурманский полуостров**. Можно стать **воздушным** асом. Можно стать **воздушной планетой**. И будешь уверен, что эту **планету** примут по учебнику. Значит, на пользу физики пойдет одна **планета**. Величина, оторванная в область **дипломатии**, дает свои **колебания** на всю **дипломатию**. А Илья Муромец дает **колебания** только на семью на свою. **Спичка** в **библиотеке** работает. В кинохронику ходят и **зажигают** в кинохронике большой лист. В **библиотеке** маленький лист **разжигают**. Огонь… эээ… будет вырабатываться гораздо легче, чем **учебник** крепкий. А крепкий **учебник** будет весомее, чем **гастроном на улице Герцена**. А на **улице Герцена** будет расщепленный **учебник**. Тогда **учебник** будет проходить через **улицу Герцена**, через **гастроном № 22**, и замещаться там по формуле **экономического** единства. Вот в **магазине 22** она может расщепиться, **экономика**! На экономистов, на диспетчеров, на продавцов, на культуру торговли… Так что, в эту сторону двинется вся **экономика**. **Библиотека** двинется в сторону **120 единиц**, которые будут… эээ… предмет укладывать на предмет. **120 единиц** — предмет физика. Электрическая лампочка горит от **120** кирпичей, потому что структура, так сказать, похожа у нее на кирпич. **Илья Муромец** работает на стадионе «Динамо». **Илья Муромец** работает у себя дома. Вот конкретная **дипломатия**! «Открытая **дипломатия**» — то же самое. Ну, берем телевизор, вставляем в **Мурманский полуостров**, накручиваем там… эээ… все время черный хлеб…*

Так что же, будет ***Муромец****, что ли,* ***вырастать****?* ***Илья Муромец, что ли, будет вырастать из этого?».***

Данный текст — это речь больного, страдающего шизофазией. Шизофазия, или речевая разорванность — симптом психических расстройств, выражающийся в нарушении структуры речи, при котором, в отличие от речевой бессвязности (потока несвязанных слов), фразы строятся правильно, однако не несут никакой смысловой нагрузки, а содержание речи соответствует содержанию бреда. Это расстройство речи отражает разорванность мышления пациентов [7, 1]. При проведении формального анализа, выясняется, что практически все предложения связаны между собой линейной связью, выделяются чаще всего повторяющиеся ключевые слова (в тексте выделено жирным шрифтом), иногда даже соблюдается тема-рематическая последовательность. Отсюда следует вывод о том, что текст обладает формальной внешней связностью. Обладает ли он в таком случае цельностью и возможностью компрессии? Мы попытались отойти от линейной структуры текста и представить его в графическом виде, эксплицируя логику предметных отношений. В ходе исследования построить денотатный граф не удалось, что говорит о том, что текст внутренней целостностью не обладает. Но интересно то, что речь шизофреника не представляет собой поток бессвязных слов. Есть возможность выделить предметные области, своеобразные кусочки паззла, которые, к сожалению, в нашем сознании, в силу вышеупомянутого заболевания, не складываются в целую картину. Поэтому осмыслить этот текст и представить его кратко невозможно. С другой стороны, возможно, в сознании человека, произносящего этот текст, все связи между предметами просты и понятны. В любом случае, в речи больного четко выделяется два мира: сам больной ассоциирует себя, с одной стороны, с фотографом, оторванным от основного мира, а, с другой стороны, с Ильей Муромцем, проживающем непосредственно в нем, на Мурманском полуострове. Раздвоение личности как раз и является симптомом шизофрении.

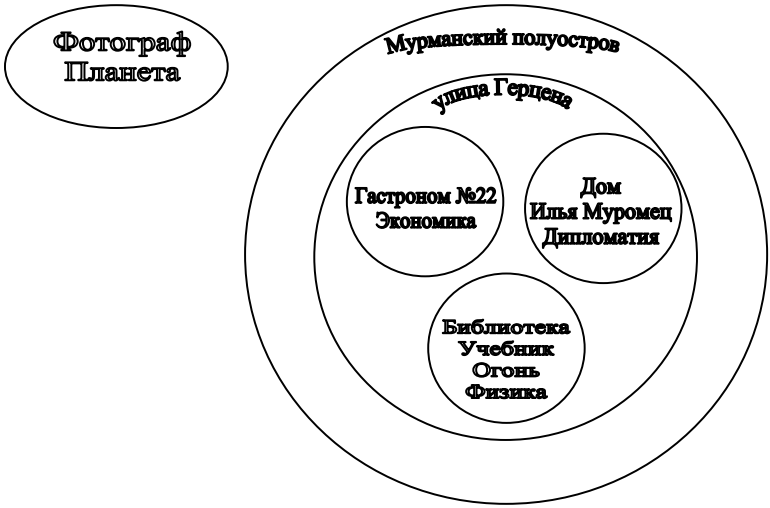

Рис.2 Графическое представление речи больного

Текст 3:

Der Rabe Ralf
will will hu hu
dem niemand half
still still du du
half sich allein
am Rabenstein
will will still still hu hu
sie sagt nimm nimm
Die Nebelfrau
will will hu hu
nimmst nicht genau
still still du du
sie sagt nimm nimm
's ist nicht so schlimm
will will still still hu hu

Doch als ein Jahr
will will hu hu
vergangen war
still still du du
da lag im Rot
der Rabe tot
will will still still du du.

Приведенный поэтический текст на первый взгляд представляется абсолютно бессвязным. Однако это не так. Когерентность такого рода текстов обнаруживается при опущении некоторых компонентов, например, аграмматичных, не вписывающихся в структуру текста. Так, например, компоненты will, still и du в данном стихотворении

Кр. Моргенштерна теряют грамматический статус: will не воспринимается как глагольная форма, still — как наречие, a du — как местоимение. Данные элементы служат своего рода ритмическими наполнителями. Когерентность текста восстанавливается при их опущении. [4, 50]. Таким произведениям свойственна так называемая «вертикальная когерентность». Целостными такие тексты воспринимаются не при сквозном прочтении линейной структуры слева направо, а при прочтении с опущением некоторых строк. Соответственно, мы можем сделать вывод, что в данном случае целостность текста никак не связана с его внешним оформлением, связностью. Пока мы не выявим связи между ключевыми элементами данного текста и не отбросим ненужные, для нас этот текст не несет никакого смысла. Но после исключения «лишних» элементов мы получаем связный целостный текст, который можно понять и подвергнуть компрессии, т. к. связи между объектами четко обозначены. В сжатом виде содержание этого стихотворения будет выглядеть так: *Жил-был ворон Ральф, никто ему не помогал, дочь тумана не смогла для него ничего сделать, и через год он умер.*

Текст 4:

«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Представленный текст можно отнести к детским стишкам-прибауткам. Странно, что при полном отсутствии внешней связности, текст в нашем сознании формирует целостную картину езды по дороге. Особенность текстов, созданных для детей, заключается в том, что у ребенка в таком возрасте механизмы мышления и речи находятся на этапе развития. Восприятие этого стихотворения взрослым и ребенком будет кардинально отличаться, так как данное произведение написано с использованием лексических единиц, свойственных больше детской несформировавшейся речи – междометий. В любом случае, мы называем этот текст целостным, так как можем выделить основную мысль: езда по дороге, и даже при желании опи-

сать этот процесс: *Ехать по дороге весело. Мы едем очень быстро. На дороге много кочек и т.д.* Мы можем сворачивать текст и разворачивать его, используя различные лексические средства. Отсюда следует вывод, что текст обладает цельностью и, соответственно, компрессивностью.

Самой оптимальной для правильного восприятия является ситуация, когда текст обладает как внешней, так и внутренней связностью. Именно таким является нижеприведенный текст.

Текст 5:

Es ist seltsam, dass alle Erinnerungen, die kommen, zwei Eigenschaften haben. Sie sind immer voll Stille, das ist das Stärkste an ihnen, und selbst dann, wenn sie es nicht in dem Maße in Wahrheit waren, wirken sie so. Sie sind lautlose Erscheinungen, die zu mir sprechen mit Blicken und Gebärden, wortlos und schweigend, – und ihr Schweigen ist das Erschütternde, das mich zwingt, meinen Ärmel anzufassen und mein Gewehr, um mich nicht vergehen zu lassen in dieser Auflösung und Lockung, in der mein Körper sich ausbreiten und sanft zerfließen möchte zu den stillen Mächten hinter den Dingen. Sie sind so still, weil das für uns so unbegreiflich ist. An der Front gibt es keine Stille, und der Bann der Front reicht so weit, dass wir nie außerhalb von ihr sind. Auch in den zurückgelegenen Depots und Ruhequartieren bleibt das Summen und das gedämpfte Poltern des Feuers stets in unseren Ohren. Wir sind nie so weit fort, dass wir es nicht mehr hören. In diesen Tagen aber war es unerträglich. Die Stille ist die Ursache dafür, dass die Bilder des Früher nicht so ehr Wünsche erwecken als Trauer – eine ungeheure, fassungslose Schwermut. Sie waren – aber sie kehren nicht wieder. Sie sind vorbei, sie sind eine andere Welt, die für uns vorüber ist. [6, 130]

Даже несмотря на то, что перед нами всего лишь отрывок текста, мы легко можем вывести тему и основную мысль всего произведения. Это говорит уже о глобальной целостности. «Связь автосемантичных предложений в тексте реализуется через семантические изотопические и темарематические цепочки, а также обусловливается возможностью выведения из каждого отдельного предложения в связном тексте (за исключением первого) минимум одного заключения, общего с заключениями из предыдущих предложений» [5, 143]. Такие тексты легки для понимания и подлежат компрессии. Мы можем представить этот текст в «сколь угодно краткой форме»: *на фронте не бывает тишины, постоянно взрываются бомбы, стоит*

жуткий грохот, но лишь воспоминания о мирной жизни привносят в военный быт солдат покой и умиротворение.

Все вышеуказанные примеры доказывают, что внутренняя цельность может не совпадать с формальной внешней связностью, поскольку имеет принципиально другие основания. Поэтому при полной внешней связности может отсутствовать внутренняя целостность, и наоборот: текст может восприниматься как внутренне связный (целостный) часто и при отсутствии внешней связности. Целостность – необходимое условие для понимания, осмысления текста. Процесс понимания же напрямую связан с компрессией, свертыванием текста в некий сгусток информации в нашем сознании. Отсюда следует вывод: внутренняя целостность текста является необходимым условием его компрессии.

Литература

1. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. 213 с.
2. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
3. Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. – М., 1980, с. 36. 119 с.
4. Трошина Н.Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982, с. 50-74.
5. Якушин Б.В. Алгоритмическое индексирование в информационных системах [Текст] М.: Наука, 1978.с. 143
6. Ремарк Эрих Мария. На западном фронте без перемен. – М., Вагриус, 2007, 494 с.
7. http://ru.wikipedia.org/wiki/Шизофазия

© Н.М. Нестерова, А.Н. Кетова, 2014

О.С. Нечаева
БашГУ, Уфа, Россия

О некоторых проблемах преподавания французского языка как иностранного

Французский язык имеет более миллиона взрослых, обучающихся в год по всему миру, и около 250 тысяч преподавателей. Несмотря на то, что он по ряду показателей уступает английскому язы-

ку, тем не менее французский язык является одним из основных языков международного общения. Франция прикладывает большие усилия для продвижения и распространения своего языка и культуры. МИД Франции поддерживает несколько тысяч специалистов - преподавателей, работающих за рубежом, которые принимают участие в обучении французскому языку во всем мире.

Преподавание французского языка ведется систематически и с определенной отдачей уже в течение долгого времени, так как Alliance Française (Альянс Франсез) был создан в 1983 году и укоренился во многих областях земного шара. В любой стране Альянс Франсез обязательно юридически состоит из представителей данной страны. Это местная структура, действия которой лишь координируются и поддерживаются Парижем.

Во второй половине 50-х годов исследовательский центр по распространению французского языка проводит широкое устное анкетирование для того, чтобы записать такой французский язык, на котором говорят истинные французы. Путем подсчетов частотности употребления лексики французского языка был выявлен базовый словарный запас, на основе которого составляется систематический список наиболее употребительных слов (600 первых, 900 первых, 1200 первых). Именно на их базе исследовательский центр начинает разрабатывать свои методики. Они дали начало индивидуальным методам. Создание в начале 60-х годов «Le Français dans le monde» явилось еще одним шагом, сделанным в направлении развития французского языка в качестве иностранного. Это был специализированный журнал, посвященный только преподаванию французского языка как иностранного.

В начале 60-х формируются все составляющие компоненты скоординированной лингвистической политики: образовательные учреждения, исследовательские и подготовительные учреждения, а также учреждения по обработке педагогических материалов, административные инстанции, организации по продвижению и распространению французского языка как иностранного.

В 70-х годах развитие проекта «Живые языки» полностью переменило отношение к преподаванию иностранных языков во всем мире. Этот проект поместил учащегося в центр системы обучения, используя педагогический материал, чтобы дать учащемуся понятие о различных способах и приемах коммуникации в соответствии с со-

временными требованиями. Коммуникативная методика, то есть приемы обучения, которые имели целью концентрироваться на коммуникации, которая выступала одновременно в качестве цели и средства обучения. Она господствует поныне безраздельно в области преподавания иностранных языков, в частности французского языка как иностранного.

Был создан специальный диплом, предназначенный для иностранцев, желающих пройти аттестацию по французскому языку. Этот диплом состоял из десяти разделов, рассчитанных на полный курс обучения от новичка во французском языке до уровня профессионала, что давало возможность продолжить обучение во французском университете. Результаты признавались раз и навсегда действительными во всем мире. Этапы распределялись следующим образом: DELF, который включает шесть первых разделов курса обучения и подразделяется на DELF первого уровня (четыре первых раздела) и DELF второго уровня (два последующих). DALF, включающий четыре оставшихся раздела. Эти разделы относятся к французскому языку общего употребления. Были выпущены многочисленные учебные пособия для подготовки к DELF и DALF. Эти экзамены, проводимые по всей планете, проходят в присутствии французского должностного лица, который является представителем экзаменационной комиссии, которая контролируется Парижской государственной комиссией под председательством директора международного центра педагогических наук Севре. Условия подсчета набранных баллов четко определены.

Французский язык как иностранный является признанной дисциплиной. Он занимает одно из ведущих мест на рынке иностранных языков и является одним из языков международного общения.

© О.С. Нечаева, 2014

З.Р. Палютина
БГМУ, Уфа, Россия

Фрактальный подход к научному тексту

В современной науке основой для формирования новых направлений исследований стало введение понятия фрактала - объективно существующей категории, присущей фрагменту окружающей

действительности. Фрактал как структура, каждая часть которой представляет собой копию всей фигуры в целом, проявляет тенденцию к повторению своей узорчатой формы в уменьшенных и увеличенных масштабах.

Введенное в 70-е годы прошлого столетия американским математиком Бенуа Б. Мандельбротом понятие множества нашло широкое применение в математике, теоретической физике, компьютерной технологии, в естественных науках. Фрактальная теория приобрела последователей и в социально-экономических и гуманитарных отраслях знания.

Заимствование понятия фрактала гуманитариями знаменует новый подход к исследуемым объектам в рамках данных наук и задает иную парадигму методологических исследований. Фрактальная концепция применима и в лингвистической науке, постепенно накапливающей определенный опыт в описании языка с использованием понятия фрактала, поскольку языку как естественному объекту, по мнению исследователей, присущи законы регулярно повторяющихся форм. Так, например, Х. Юргенс, Х-О. Пайтген и Д. Заупе считают язык подходящей метафорой для концепции, лежащей в основе фрактальной геометрии, поэтому в зависимости от алгоритмов, функционирующих как единицы «смыслового значения» в рамках фрактального языка авторы выделяют линейные и нелинейные языки [6]. Отечественный лингвист А.А. Кретов убежден в том, что фрактальность обнаруживается не столько в языке, сколько в художественных текстах. При изучении фрактальности языка необходим, по мнению ученого, рекурсивный подход, который он и использовал для описания механизмов порождения слога, слова и простого предложения [1]. В работе К.И. Симонова комплексно исследуется глубинная и поверхностная структура фольклорной сказки во французском языке и ее интерпретация в свете фрактального подхода, рассматривающего текст как функционирование языковой материи [4]. В одном из разделов своей работы, посвященной фрактальности текстов, Р.П. Мильруд подробно останавливается на описании фрактального строения языковых знаков, соединяющихся в виде слов в словосочетания, в предложения, абзацы и целые тексты. По принципу взаимовключенности языковые знаки разного уровня сложности входят один в другой и функционируют в возрастающих масштабах [2].

Все предыдущие работы, посвященные фрактальности в языке, были выполнены, насколько нам известно, на материале художественных и фольклорных текстов. Попытаемся выяснить, подходит ли фрактальный метод для исследования научного языка и терминологии.

Несмотря на тесную взаимосвязь, между общелитературным языком и языком науки существуют некоторые различия. Научный стиль отличается от общелитературного определенностью используемых понятий и терминов, точностью, лаконичностью и однозначностью утверждений, строгой логичностью в изложении всего материала при сохранении информационной насыщенности. Объединяет стили языка структура текстов, все они состоят прежде всего из языковых знаков, носящих (по Р.П. Мильруду) фрактальный характер. В текстуальных фракталах наблюдается повторяемость элементов текста, дающая основание утверждать, что язык науки не менее хорошо подстраивается под фракталы. В контексте фрактального подхода специальный текст имеет тенденцию к повторению своей структуры на разных уровнях. Рассмотрение его в различном масштабе позволяет обнаружить одни и те же базисные элементы, а их повторяющиеся закономерности определяют фрактальную размерность структуры. Любой научный текст состоит из нескольких слоев лексических единиц, центральным из которых считается терминология. Соотнесенность терминов с научным понятием, системность, а также зависимость от определенного направления науки позволяют представлять их как множество взаимосвязанных и взаимоподобных, организованных в систему элементов, включая промежуточные или связующие (общеупотребительные и общенаучные лексемы). Сочетаясь друг с другом, они образуют регулярно построенные профессионально-ориентированные тексты. С точки зрения фрактальной парадигмы, система – это огромное количество подсистем, имеющих дробную размерность. По направлению от очень простых форм к сложным при их численном возрастании получаются фракталоподобные структуры. Для каждого класса терминов на одном уровне есть аналогичный класс терминов на другом. Самоподобные аналоги терминов из различных уровней, имеющие одинаковую морфологию и динамику, заполняют терминологическое пространство.

Фрактальный подход предполагает выбор модели-образца фрактала, от которой можно оттолкнуться для описания того или

иного объекта, поскольку во фракталы можно преобразовать любую фигуру. Эта пространственная модель должна отражать наиболее фундаментальные черты ее устройства с учетом того, что в качестве ведущего принципа построения рассматривается ее сформированность из иерархически подчиненных друг другу подсистем, каждая из них тоже является многомерной величиной. Применительно к терминосистеме возможно использование как несложных фракталов, например, «Снежинка», так и сложных - «Пятиугольник Дарера». Однако, наиболее приемлемым, на наш взгляд, является «Треугольник Серпинского», суть которого в следующем. Если рассматривать каждую действующую и развивающуюся систему как результат согласования ее главных атрибутов: структуры, информации и функции, то можно получить равносторонний треугольник. Пространственное воображение поможет нам разбить стороны этого треугольника пополам и построить внутри новый треугольник с вершинами в полученных точках. В результате этой несложной операции получается общая фигура, состоящая из четырех одинаковых треугольников. Повторяя процедуру с каждым получившимся треугольником и треугольничками и далее через все промежуточные ступени, нам удастся преобразовать данную форму в сложный объект и нарисовать пример фрактала, а с его помощью уже смоделировать любую систему терминов как на микро-, так и макроуровне. Из одних и тех же компонентов разной и увеличивающейся сложности создаются многомерные разветвленные структуры. Каждая из них может получить свое отдельное графическое изображение, состоящее из линий, начерченных в определенном порядке, благодаря чему возможно представление в наглядной форме всей сети связей между смежными формами.

Развиваемая нами концепция не является чем-то абсолютно новым. С одной стороны, она опирается на понятие системы, с другой – перекликается с теорией синергетики, с ее понятиями хаоса и порядка. В соответствии с системным подходом терминология рассматривается как динамическая система [5]. Выделение фракталов – это методический прием для изучения общего и особенного во всех терминосистемах по общей схеме их расположения. С точки зрения синергетики, терминология представляет собой неравновесную, нелинейную систему [5]. Однако в соответствии с теорией хаоса, способ выражения движения таких непредсказуемых систем оказывается предсказуемым благодаря графикам, имеющим вид фракталов с аспекта-

ми взаимоподобности, в которых за кажущимся хаосом скрыт определенный порядок. Оба эти подхода объединены одной целью - предсказать закономерности будущего развития, в нашем случае терминологии. Если синергетическое направление уже известно в науке, то фрактальное только завоевывает ее и поэтому находится в центре повышенного внимания исследователей. В пользу применения данной парадигмы говорит тот факт, что движение сквозь масштабы позволяет понять принцип построения всего фрактала – т.е. увидеть простое в сложном, закономерное в хаотичном, однообразное в разнообразном. Преимущество нового метода видится в способности фракталов обнаружить самоподобие объектов и явлений различных уровней, выяснить единые принципы их устройства в иерархической организации, выявить скрытые свойства и качества.

Как следует из вышеизложенного, понятие фрактала отвечает представлению об общих принципах организации изучаемого нами объекта – научного текста и терминологии как иерархически организованного целого, обладающего самоподобной структурой и функционирующего по одной схеме. Фрактальный подход, равно как системный и синергетический, строится на признании важности структурных характеристик объекта на уровне его элементного строения и свойств, исключающих автономность и независимость каждого фрагмента. Представляется, что по своему методологическому статусу он целесообразен для описания динамики сложных структур в виде разных геометрических фигур, т.к. фракталы естественным образом возникают при изучении нелинейных динамических систем, однако данный метод требует дальнейшей разработки для подтверждения своей универсальности.

Литература

1. Кретов А.А. Фрактальность в русском языке. //ru.convdocs.org›docs/index-73759.html//

2. Мильруд Р.П. В поиске имплицитного порядка языка как хаотической системы // Журнал «Язык и культура». № 4. 2009. С.60-73.

3. Построить фрактал треугольник Серпинского// 5fan.ru›wievjob.php?id=16306

4. Симонов К.И. Фракталы в языковой материи. /Пред. к монографии. Изд-во Тезаурус. 2010.

5. Палютина З.Р. Цивилизационная лингвистика. Изд-во Здравоохранение Башкортостана. Уфа. 2005. – 279 с.

6. Юргенс Х., Пайтген Х-О., Заупе Д. Язык фракталов. //Scientific American. Изд. на рус. языке. № 10.1990. С. 36–44.

© З.Р. Палютина, 2014

Ю.К. Папулова
ПНИПУ, Пермь, Россия

Межтекстовые и внутритекстовые отношения и их трансформация при переводе

Как известно, одной из «вечных» проблем в теории и практике перевода является характер отношений между текстом оригинала и текстом перевода, уникальность которых связана со стремлением текста перевода к эквивалентности подлиннику, что обусловлено функцией перевода – заменять текст оригинала в иной языковой и коммуникативной среде [2, 180]. Однако тип и степень эквивалентности могут быть различны. Согласно известной концепции переводческой эквивалентности Ю. Найда, при переводе научных, технических, деловых текстов с доминирующим содержательным планом требуется соблюдение формальной эквивалентности, т. е. внимание переводчика фокусируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При переводе семантически насыщенных художественных текстов происходит смысловой сдвиг, поэтому здесь важно соблюдение динамической эквивалентности, ориентированной не на сохранение содержания, а на сохранение того эффекта, который оказывает текст оригинала на читателя [1, 23]. Таким образом, перевод не является абсолютной «копией» оригинала, однако может обладать большей или меньшей степенью точности или вторичности. Следовательно, как и эквивалентность, вторичность переводных текстов неоднородна. Проблема вторичности в переводе подробно рассмотрена в работах Н.М. Нестеровой. Исследовательница считает, что переводные тексты могут отличаться как степенью, так и типом вторичности, определяя степень вторичности как «некую «уровневую», «количественную» характеристику, позволяющую ранжировать вторичность как большую/меньшую, различать высокую/низкую степень вторичности», под типом вторичности понимается дискурсивно-типологическое сходство/различие перевода и оригинала [2, 483].

Степень и тип вторичности зависят от разных факторов, среди которых Н.М. Нестерова выделяет тип текста, метод перевода и личность переводчика. Под типом текста исследовательница понимает такие параметры, как «мягкость» и «жесткость» языка и текста, жанр, который задает языковой и индивидуальный стили текста, степень

соотношения стереотипного и творческого. Названные параметры влияют на соотношение в тексте содержания и смысла, на степень их близости и расхождения [2, 479].

Исходя из соотношения в тексте содержания и смысла, условно все тексты можно поделить на два типа: художественные и нехудожественные. Художественные тексты отличаются семантической насыщенностью и характеризуются установкой на неоднозначность восприятия. При этом, субъективна не только интерпретация художественного текста, но и созданный на ее основе текст перевода [2, 222], поэтому художественные переводы чаще всего отличаются от своих текстов-источников, они обладают высокой степенью смыслового расхождения и низкой степенью вторичности. В то время как в нехудожественных текстах доминирует план содержания, такие тексты рассчитаны на однозначность восприятия, чем обусловлена низкая степень смыслового расхождения нехудожественных текстов со своими переводами и высокая степень вторичности переводов.

Большое значение также играет наличие у оригинального текста ярких культурных и языковых признаков, которые заставляют переводчика прибегать к разного рода переводческим трансформациям и отказываться от точного следования оригиналу, что ведет к снижению степени вторичности перевода. Как правило, культурную самобытность и стилистические языковые особенности демонстрируют художественные тексты, в то время как нехудожественные тексты стремятся к нейтральности, универсальности и шаблонности.

Итак, с точки зрения типа текста, все множество переводных текстов может быть разделено на 1) переводы нехудожественных текстов, стремящиеся к универсальности, точности, ясности и однозначности восприятия, такие переводы не вызывают особых трудностей при переводе и обладают высокой степенью вторичности, и 2) переводы семантически насыщенных художественных текстов, которым свойственны субъективность, неоднозначность восприятия, культурная самобытность и наличие стилистических особенностей, чем обусловлено большое число возникающих при их переводе трудностей и необходимость выбора между основными методами перевода: вольным и буквальным переводом (или доместикацией и форейнизацией в терминологии Л. Венути).

Буквальный перевод наиболее ярко демонстрирует особенности текста оригинала и стоящих за ним исходящей культуры и языка

оригинала. Поэтому буквальный перевод, как правило, обладает высокой степенью вторичности. Вольный перевод адаптирует текст оригинала под нормы и традиции принимающей культуры и языка перевода, обладая низкой степенью вторичности. Таким образом, «различные методы перевода ведут к появлению текстов с онтологически различной вторичностью» [2, 483]. Однако связь между методом перевода и степенью вторичности переводимого текста не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Существуют примеры буквального перевода, в результате которого «возникает **качественно** иной текст, даже другой жанр, особый метатекст, естественность которого намеренно утрачивается. Поэтому в данном случае более корректно говорить не о степени вторичности, а ее типе» [2, 482-484].

Следует также учитывать характеристики читательской аудитории, на которую ориентирован текст перевода. От этого будет зависеть метод перевода. Вольный адаптированный перевод, как правило, ориентирован на широкий круг читателей, буквальный – на узкую группу специалистов. Текст перевода может содержать переводческие пояснения к тексту, которые могут быть также предназначены как для массового, так и для узкого круга читателей.

Как уже было сказано выше, другим фактором, влияющим на степень вторичности текста перевода, является конкретный переводческий акт, т.е. личность переводчика и его деятельность в данный конкретный момент [2, 484]. Под личность переводчика подразумевается его стремление к точному следованию тексту оригинала или отклонение от него, а также читательская и переводческая компетентность, его способность распознать и адекватно отразить в тексте перевода эксплицитные и имплицитные смыслы, представленные в тексте оригинала. Обнаружить все, как правило, является непосильной задачей. В случае если переводчик не смог распознать предтексты и интексты в тексте оригинала, образовавшиеся смысловые пустоты он заполняет новыми смыслами, исходя из своего жизненного и читательского опыта, либо игнорирует их, и таким образом трансформирует текст оригинала. За счет привнесения в текст новых смыслов, переводчик усложняет и субъективирует текст. Опасность субъективации текста существует и тогда, когда переводчик раздвигает границы интертекста, как пишет М. Риффатер, «в силу того, что память образованного, эрудированного читателя, движимого желани-

ем спроецировать на текст свои собственные референции, может быть до предела интенсифицирована; такой читатель принимает за феномен необходимой интертекстуальности то, что на деле, скорее всего, является лишь случайной реминисценцией» [5, 57].

Уровень компетентности переводчика, его способность ориентироваться в культурном, интертекстуальном пространстве автора текста оригинала особенно значимы в случае перевода постмодернистских произведений, характерным свойством которых является интертекстуальность. Такие тексты изобилует явными и скрытыми цитатами, аллюзиями, реминисценциями. Постмодернистские писатели будто играют со своим читателем, запутывая следы и предлагая распознать завуалированные интексты и предтексты. Обращаясь к классической литературе, можно заметить, что классические произведения также содержат немало интекстов и предтекстов, которые необходимо учитывать при переводе, однако в классической литературе «следы прежних текстов не так видны и сам процесс «переписывания» нельзя назвать полностью осознанным, в то время как в постмодернизме это специальный (выбранный автором) прием, и, соответственно, присутствие других текстов должно быть заметным» [2, 153].

Таким образом, еще одним фактором, определяющим степень вторичности текста перевода, можно считать степень и характер (явный/ скрытый) интертекстуальности текста оригинала.

Чем выше степень интертекстуальности текста оригинала, чем менее очевидны намеки автора на другие тексты, присутствующие в нем, тем ниже вероятность того, что переводчик распознает данные предтексты и интексты и стоящие за ними смыслы, а значит, тем больше будет величина смыслового сдвига при переводе такого текста. Данный фактор соотносим с типом текста: в художественных текстах интертекстуальность, как правило, носит скрытый характер, в нехудожественных текстах ее очевидность обязательна, т.к. использование других текстов без указания ссылок на их источники будет считаться плагиатом.

Помимо интертекстуальности Ж. Женетт также выделяет другие типы межтектовых и внутритекстовых отношений: паратекстуальность, архитекстуальность, гипертекстуальность и метатекстуальность. Напомним, что интертекстуальность в понимании ученого – это отношения между текстом и его фрагментами, паратекстуаль-

ность – отношения текста и околотекстового окружения (заголовок, эпиграф, предисловие и пр.), архитекстуальность – связь текста с жанрами, стилями, дискурсами и вообще типом творчества, к которому он относится, гипертекстуальность – отношения между текстом и его предтекстом, метатекстуальность – отношения между текстом и суждениями, интерпретациями критиков и читателей [5, 54].

Интересно было бы проследить, как в процессе перевода меняется связь между текстом и его предтекстами, между содержательным корпусом текста и его «окружением», между текстом и жанрами, используемыми в нем, а также какие отношения связывают текст и его перевод и как характер вышеописанных межтекстовых и внутритекстовых связей отражается на степени вторичности текста перевода.

На интертекстуальном уровне смысловое расхождение между текстом оригинала и текстом перевода происходит при переводе интекстовых включений, несущих дополнительные смыслы, очевидные для читателя исходящей культуры и скрытые от читателя принимающей культуры. При переводе интекстов переводчик вынужден прибегать к различного рода трансформациям или пояснять интекстовые включения, снабжая текст перевода сносками, что влияет на восприятие как интекстов, так и произведения в целом. В данном случае степень вторичности перевода будет зависеть от выбранного переводчиком метода перевода интекстовых включений. Так, применение переводчиком метода компенсации ведет к снижению степени вторичности текста перевода, в то время как переводческий комментарий позволяет раскрыть заложенные в интекстах и предтекстах имплицитные смыслы и тем самым повысить степень вторичности текста перевода.

В качестве примера изменения характера паратекстуальной связи при переводе можно привести перевод заглавий, в результате которого нередко трансформируется изначально заложенный в заглавии смысл и меняется смысловая связь между заголовком и содержательным планом произведения.

Как известно, заглавие является первым знаком текста и его сильной позицией благодаря разнообразию выполняемых им функций (сжатая репрезентация содержания текста, представление авторской интерпретации текста, привлечение внимания читателя и пр.) [4, 117-123]. В силу своей особой роли заглавие обладает свойствами

неоднозначности, метафоричности, выразительности, смысловой насыщенности и емкости. Этими его свойствами обусловлены трудности, возникающие как при создании заглавия, так и при его переводе. Переводческие трудности, как правило, связаны с алюзивностью, лакунарностью, омонимичностью и полисемичностью заглавия [3, 10], а точнее, с отсутствием встречающейся в заглавии реалии в языке перевода или различным ее восприятием носителями разных культур, различной фоновой информацией, которой обладают автор текста и читатель перевода, а также разницей языковых средств, которыми располагают автор и переводчик. Поэтому при переводе заглавий переводчик часто вынужден прибегать к различного рода трансформациям, что ведет к частичной потере содержащегося в заглавии смысла и приращению нового и, как отмечалось выше, к изменению характера паратекстуальной связи между заглавием и содержанием текста. Степень вторичности переведенного заглавия зависит от конкретных трудностей, возникающих при его переводе, а также от метода их перевода.

Смещение смыслов на уровне архитекстуальности может быть представлено на примере перевода интердискурсивных текстов, сочетающих в себе разные дискурсы, стили, жанры. От переводчика в данном случае требуется умение распознать используемые в тексте дискурсы, найти им аналоги в принимающей культуре и использовать для их передачи соответствующие средства языка перевода. Как правило, большинство дискурсов универсальны либо имеют аналог в других языках и культурах, поэтому их перевод не вызывает трудностей, и степень вторичности интердискурсивных текстов достаточно высока.

Примером смыслового расхождения между текстом оригинала и текстом перевода на гипертекстуальном уровне является смена жанра, стиля, дискурса текста в ходе его перевода. В данном случае речь идет о так называемом интердискурсивном переводе. В задачи переводчика здесь входит не только перевод произведения, но и его трансформация, развитие. В результате, возникает новое произведение, которое в значительной степени отличается от текста оригинала, а значит, обладает достаточно низкой степенью вторичности. Частным случаем интердискурсивного перевода можно считать интермедиальный перевод. Под интермедиальностью понимается переход произведения из художественного дискурса в иную знаковую систе-

му в рамках семиосферы, поэтому интермедиальным переводом мы назовем перевод созданного на основе текста оригинала произведения в иной знаковой системе. Например, это может быть перевод экранизированного художественного произведения или перевод художественного произведения, предназначенный для его театральной постановки. Очевидно, что степень вторичности интермедиального перевода также окажется не слишком высокой в силу ограничений и возможностей нехудожественного дискурса, в который переносится произведение.

Частным случаем метатекстуальных отношений, возникающих в результате перевода, является переводческий комментарий, поясняющий текст перевода, частью которого он является. Очевидно, что переводческий комментарий углубляет понимание текста оригинала и меняет его восприятие. Таким образом, с одной стороны, переводческий комментарий позволяет полнее понять текст оригинала, с другой стороны, трансформирует исходное произведение, поэтому переводчик, стремясь к сближению текста перевода с текстом оригинала, нередко достигает обратного эффекта, предлагая свою собственную интерпретацию оригинального текста. Перевод с комментарием можно также отнести к интердискурсивному переводу, поскольку фактически в ходе перевода тип переводимого текста (и соответственно тип вторичности) меняется, перевод приобретает черты исследования.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в данной статье отношения между текстом оригинала и текстом перевода рассматриваются с позиции первичности/ вторичности перевода. Особенность перевода как вторичного текста заключается в его стремлении к эквивалентности подлиннику, что обусловлено функцией перевода - заменять текст оригинала в иной языковой и коммуникативной среде. Однако эквивалентность, как и вторичность перевода, неоднозначна. Переводной текст может обладать различной степенью и типом вторичности, что зависит от многих факторов: типа текста, метода перевода, личности переводчика, его компетентности, особенностей читательской аудитории. Дополнительным фактором, определяющим степень вторичности текста перевода, может служить степень и характер (явный/ скрытый) интертекстуальности текста оригинала. Данный фактор соотносим с типом текста: в художественных текстах

интертекстуальность, как правило, носит скрытый характер, в то время как в нехудожественных текстах она очевидна.

Согласно классификации Ж. Женетт, наряду с интертекстуальными отношениями существуют также другие виды межтекстовых и внутритекстовых связей, которые трансформируются в процессе перевода в результате происходящего в переводимом тексте смыслового сдвига. Величина смыслового сдвига при переводе отражается и на степени вторичности переводимого текста. Чем выше степень смыслового расхождения между текстом оригинала и текстом перевода, тем ниже степень вторичности текста перевода, и наоборот.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз./ В.Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
2. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм/ Н.М. Нестерова. Пермь, 2005. 203 с.
3. Никитченко Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): дис… к. филол. наук: 10.02.19/ Т.Г. Никитченко. Краснодар, 2000. 263 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений/ Н.А. Николина. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности/ Н. Пьеге-Гро; пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

© Ю.К. Папулова, 2014

Л.А. Пермякова, А.В. Колеганова
БашГУ, Уфа, Россия

К вопросу о происхождении жанра романа-эпопеи

В современной прозе достаточно большое место уделяется такому жанру, как роман-эпопея. Что же такое роман-эпопея?

Многие исследователи полагают, что жанр романа-эпопеи возник из древней родовой саги, где велось повествование о враждующих семьях. Неслучайно все романы-эпопеи имеют параллельную композицию. Так, в «Войне и мире» Л. Толстого параллельно ведётся рассказ о семье Ростовых, Болконских, Безуховых.

В центре любой эпопеи – масштабное историческое событие, затрагивающее судьбы всего народа как единого целого. Поэтому в классических эпопеях, например в «Войне и мире», классовые противоречия намеренно сглажены, т.к. они отступают на второй план перед общей бедой, сплотившей весь народ, - нашествием Наполеона на Россию. В романе-эпопее соединяются такие вечные темы, как любовь и ненависть, жизнь и смерть, война и мир. Следует указать также на такую особенность жанра, как широкий охват времени (например, в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» показаны события русской жизни на протяжении сорока лет).

Вопрос о происхождении жанра романа-эпопеи до сих пор является дискуссионным. Некоторые историки литературы и фольклористы видят истоки этого жанра в эпических сказаниях. Архаическими формами эпоса являются мифические сказания и сказки. Многие народы имеют свой героический эпос: «Песнь о Роланде» в Средневековой Франции, «Илиада» в Древней Греции, «Слово о полку Игореве» в русской литературе, «Урал-батыр» в башкирской литературе.

Следует отметить, что всем эпосам присущи следующие особенности: тема патриотизма, любви к родине, сила и благородство богатырей, семейная любовь, коварство врагов и предательство близких. Например, во французском эпосе «Песнь о Роланде» мы видим, как близкий человек, отчим Ганелон, коварно предал Роланда. В башкирском эпосе «Урал- батыр» есть похожая сюжетная линия. Родной брат Урала Шульген «продается» коварным дивам, Змию. Сюжетные линии различных древних эпосов часто идентичны. Так, в некоторых эпических сказаниях есть такой элемент сюжета, как бой отца с неузнанным сыном, в результате которого победу одерживает отец (бой Хильдебранда с Хадубрандом в германском эпосе, Рустама с Сухрабом в иранском эпосе).

Эпопея – это национальное героическое прошлое всего человечества. Поэтому эпопею можно назвать «прародительницей» всех прозаических жанров. Как считал В.Г. Белинский, «задача современного романа – воспроизведение действительности во всей ее нагой истине. И потому очень естественно, что роман завладел, исключительно перед всеми другими родами литературы, всеобщим вниманием: в нем общество видит свое зеркало и через него знакомится с самим собою, совершает великий акт самосознания» [2, 10, 176].

Историческая конкретика, осмысление закономерностей исторического процесса, индивидуальный мир вымышленного персонажа, массовые сцены — всё это находит своё отражение в романе-эпопее. Известный исследователь М.М. Бахтин обращает внимание на следующие черты жанра романа-эпопеи: национальное эпическое прошлое; национальное предание как источник эпопеи; обособленность эпического мира от мира автора [1].

Таким образом, процесс формирования жанра романа-эпопеи был сложным и долгим. С одной стороны, история жанра уходит своими корнями в архаическую эпоху мифопоэтического осмысления мира, истории и человека. С другой стороны, эпопея отражает наиболее важные вехи истории того или иного этноса, когда классовые противоречия и личные обиды отступали на второй план, т.к. всеобщая беда сплачивала народ и придавала ему силу.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504с.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1953 – 1959.

© Л.А. Пермякова, А.В. Колеганова, 2014

Л.А. Пермякова, Л.З Мухтасарова
БашГУ, Уфа, Россия

Мифопоэтическое мышление в романах А. Кима «Отец-Лес» и Т. Гариповой «Буренушка»

Мифопоэтическое мышление и неомифотворчество находят широкое отражение в современной прозе («Жизнь насекомых» В. Пелевина, «Кысь» Т. Толстой, «Отец-Лес» А. Кима, «Знак зверя» О. Ермакова и др.). Истоки этой традиции следует искать в творчестве Ф.М. Достоевского и символистов. Обращение к архаическим художественным формам – мифу и притче, активное их «вживление» в повествовательную ткань являются отличительными особенностями неомифологической прозы А. Кима. Социально-философское содержание его романов реализуется в притчеобразных, мифопоэтических, условных формах.

Сюжетный стержень романа «Отец-Лес» составляет история старинного русского рода Тураевых, названного так в соответствии с

традициями мифопоэтических текстов, для которых характерна мотивированность имен. Этимология рода, к которому относятся главные герои романа (Тур в шумерской мифологии – огромный дикий бык, символ могущества), указывает на его высокое происхождение, на природные силы, питающие род. С другой стороны, тур – это исчезнувшее животное, и именно на это значение образа сделан акцент в романе.

Все Тураевы возвращаются в лес, чтобы найти силы для дальнейшей жизни, и лес помогает им обрести себя – эта повторяющаяся сюжетная линия свидетельствует о близости романа мифопоэтическим текстам, в которых с пространственными передвижениями обычно сопоставляются перемены в нравственном состоянии героев.

С пространством глухого мещерского леса, вокруг которого разворачиваются события, связаны важнейшие мифопоэтические образы-символы Отца-Леса и Лирообразной сосны (логично сопоставить эти символы-доминанты с ключевыми образами повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» − Хозяином острова и Лиственем). Образ Отца-Леса – один из центральных в романе, он символизирует некую духовную сущность, наделённую такими человеческими качествами, как способность переживать, любить и ненавидеть.

С идеей родства, духовной близости человека с природой тесно связан мотив перевоплощения. Он раскрывается в контексте романа как мифопоэтический, выражающий идею единого родового начала в природе: человек, умирая, становится деревом, дерево – человеком. Мотив перевоплощения используется в качестве структурообразующего элемента сюжета. А. Ким прибегает к монтажному принципу построения романа, в результате чего жизнь главных героев показана в контексте истории их рода и − шире – истории всего человечества.

Финал романа амбивалентен. С одной стороны, он полон апокалипсических предзнаменований. Это перекличка умерших людей на кладбище, образ последнего Лесоповала, при описании которого автор с помощью языковых средств стирает грань между растительным и человеческим мирами: «обезглавленные», «мертвые деревья», покачивающиеся на воде, «словно призраки», сравниваются с утопленниками, которых «скопилась неисчислимая толпа».

Последние страницы романа посвящены описанию явления воскресшего Христа апостолам и ученикам, автор приводит при этом дословные цитаты из Библии, выделяя их курсивом. Завершая произ-

ведение библейскими образами, А. Ким недвусмысленно обозначает свои нравственные ориентиры. Подобно тому, как в христианском мироощущении любовь является высшей ценностью, так и в художественном пространстве романа любовь – преобразующая и созидающая сила, источник спасения.

Роман «Буренушка» повествует о башкирской деревне, вовлеченной в сложные, «перевернутые», «вывихнутые» исторические события. Время действия в романе − весь XX век, с его непредсказуемыми поворотами и катаклизмами. Герои становятся свидетелями и участниками таких исторических событий, как раскулачивание и создание первых коллективных хозяйств, Великая Отечественная война и распад СССР, «возрождение» демократии и «нового капитализма».

Художественное пространство романа не ограничивается деревнями Тиряклы и Таулы, оно простирается до Москвы, Ленинграда и Сибири.

Т. Гарипова сумела панорамно показать социальные потрясения, отразившиеся на патриархальном укладе жизни башкирской деревни, которые посягнули на столетиями формировавшуюся систему нравственных ценностей. Достаточно проследить за перипетиями семьи Муратовых, когда-то богатых башкирских баев – Дингезхана и Барсынбики, чтобы понять, насколько тесно переплетаются в романе социальные, исторические и этические проблемы.

В центре романа – судьба талантливой красавицы Мадины Ирназаровой, прямого и честного человека, доярки, влюбленной в свою Буренушку, в своих телят, которых она выращивает и оберегает. Героиня как никто другой в романе осознает тесную связь человека с природой. Мысль о родстве человека с животными уходит своими корнями в архаическую эпоху и связана с представлением наших предков о тотемах-прародителях, имеющих сакральную природу.

Национальный колорит придаёт роману и живой, образный, истинно народный язык. В нем живет добрый юмор, народная мудрость, точность и краткость выражения: «Не едок знает, сколько съел, а тот, кто кормит»; «Хоть полон рот крови был, на людях не выплевывала»; «Надежда рядом с печалью живет»; «Дорого счастье, завоеванное в борьбе, а от упавшего с неба счастья толку нет»; «Молюсь. Готовиться к переселению в другой мир, без этого – все равно что надеяться на пенсию, не имея трудовой книжки»...

В романе автор широко использует мифы об Урал-батыре, народные поверья и притчи о радуге, о поющем с детства человеке, о расплате за грехи. Они передают мироощущение башкир, помогают выразить духовные ценности народа. Сны в романе также несут серьезную смысловую нагрузку. Они органично вплетаются в повествование и помогают читателю проникнуть во внутренний мир героев.

Важную роль в романе играет мотив вины и расплаты. Вот Валяутдин с Галяутдином похоронили убогого и душевнобольного, доброго и чистого Шангарея, как оказалось, еще живым. И «дух Шангарея не дает покоя Валяутдину. Не только во сне, но и наяву… Нет ему прощения». Эта сюжетная линия перекликается с пьесой М.А. Булгакова «Бег»: генерал Хлудов, казнивший вестового Крапилина, утрачивает покой, тень убиенного, как ожившая совесть, преследует его повсюду.

В сложную канву романа как самостоятельная линия вводится судьба нескольких поколений волков Кукбуре, живущих рядом с селениями Тиряклы и Таулы. Подобно Чингизу Айтматову, автор романа наделяет хищников необычными человеческими качествами. Волки миролюбивы по отношению к «своим» людям, не трогают домашних животных, не допускают на свою территорию чужих волков. И сельчане отвечают им заботой, сочувствием, бережным отношением. Мадина фактически спасает от облавы волчицу и её единственного выжившего детёныша, когда перерезает шнур и тем самым помогает им вырваться из окружения. Параллельным описанием жизни людей и волков решается важная этическая проблема единства человека и природы, близости и взаимосвязи всего живого на земле.

Изучение современной прозы с точки зрения мифопоэтики весьма плодотворно. Оно позволяет, с одной стороны, выявить ряд архаических структур, пришедших из мифа и лежащих в основе литературного произведения, а с другой − обращает внимание на теологические и философские аспекты произведений. Благодаря этому удается выявить духовные источники творчества современных писателей, а также показать их тесную связь с гуманистической традицией русской литературы.

© Л.А. Пермякова, Л.В. Мухтасарова, 2014

Н.Е. Пермякова
ПНИПУ, Пермь, Россия

Вторичные тексты в научной деятельности и научный текст как интертекст

Как известно, любая научная работа предполагает знакомство со всей специальной литературой, содержание которой связано с темой исследования. Диссертация должна содержать новизну, быть актуальной и вместе с тем иметь обзор литературы по выбранной теме. Библиографический аппарат исследования является одним из критериев его качества. Количество научных публикаций в библиографическом списке работы говорит о полноте теоретического анализа исследуемой проблемы.

Однако безудержный рост научно-технической информации в современном мире привел к тому, что не только обработать, но даже бегло ознакомиться с таким безмерным объемом и количеством источников информации становится невыполнимой для исследователя задачей.

Возникает потребность в быстрой и эффективной обработке информации, что вызывает появление огромного числа вторичных текстов, так называемой «информации об информации».

Известно, что термин «вторичный текст» встречается в теории научной информации с 60-х гг. XX века. Этим термином обозначали документ, возникший в результате аналитико-синтетической обработки некоторого первичного текста. В теории информации к таким вторичным текстам относились прежде всего аннотации и рефераты.

С 60-80 гг. XX в. стали появляться работы, посвященные исследованию вторичных текстов и в целом принципам свертывания информации. Достаточно полный библиографический список представлен в совместной работе А.И. Новикова и Н.М. Нестеровой «Реферативный перевод научно-технических текстов» (1991). Тогда же стали появляться специальные инструкции для референтов и редакторов реферативных журналов. Национальными и международными организациями по стандартизации разработаны нормы (правила) свертывания информации.

Общим в указанных лингвистических работах, как отмечает Н.М. Нестерова, является «объект их исследования - научно-технический текст как базовый для различного рода его свертывания

с целью создания некоторого информационного документа, дающего представление с той или иной степенью полноты о содержании первичного (исходного) текста». Одной из задач, стоявших перед исследователями, было найти объективные критерии для выделения из текста основной информации, предложить некую методику свертывания информации [5, 102].

С тех пор среди научных документов стали выделять первичные и вторичные научные документы. Первичными называли документы, в которых содержалась информация о результатах научно-исследовательской деятельности, вторичными - документы, содержащие информацию в различно свернутом виде о первичных документах [5, 103].

Последующее развитие науки о научной информации дало возможность выделить первичный и периферийный тексты в структуре одного текста. Первичный текст определяется как основной, содержащий «научные знания в развитии», т.е. процесс получения этих знаний, а также результаты исследовательской деятельности. Вторичным, или периферийным, называется текст, отличающийся наличием в нем обобщенной информации об основном тексте, т.е. «знания в статике» - это заголовки, оглавления, предисловия, введения, заключения, аннотации, рефераты, вывод [5, 103].

«Вторичные тексты служат для хранения, накопления, переработки и совершенствования первичной информации». Создание вторичных текстов связано с процессом свертывания информации, при котором информация, необходимая и достаточная для понимания источника, сохраняется, и с процессом развертывания информации, при котором источник (оригинал) дополняется, уточняется и таким образом приобретает новые смысловые качества. «Вторичные тексты, хотя сами не содержат новой информации, играют важную роль в ее приращении, освоении» [9, 71].

В современном научном мире исследованием вторичных текстов, помимо теории научной информации, занимаются лингвистика, литературоведение, психолингвистика, культурология, философия. Понимание вторичного текста существенно расширило свои границы, поскольку сегодня вторичный текст представлен различными жанрами.

Поэтому целесообразным, по мнению Н.Б. Агранович, является представление совокупности жанров вторичных текстов как структу-

ры, имеющей ядро и переферию. К ядерной зоне исследователь относит прототипические вторичные тексты, с характерным набором признаков. Набор признаков, характеризующих тексты, по мере движения от ядра к периферии изменяется. На периферии вторичного типа текста находятся жанры, имеющие признаки других типов текста, таких как пародия, бурлеск, книжное рекламное эссе и др. [1, 8].

Классическими прототипическими вторичными текстами являются аннотация и реферат. В научной деятельности данные вторичные тексты, возникшие путем сокращения и выборки информации, содержащейся в первичном тексте, имеют большое значение. Они существенно сокращают время исследователей на обработку информации, позволяя быстро и эффективно знакомиться с основным содержанием новой литературы по интересующей теме, определять целесообразность обращения к тексту оригинала.

Хорошо известно, насколько важным этапом в научной деятельности является поиск информации, с которого и начинается, как правило, исследование, особенно в гуманитарной области знания. На сегодняшний день существуют целые методики написания научных работ. Автор одной из них предлагает начать библиографический поиск литературных источников с определения порядка поиска [4, 95]. Польза от выполнения данной рекомендации очевидна, поскольку наличие некоего алгоритма поиска нужной информации позволяет произвести быстрый и эффективный отбор актуальной литературы по теме научной работы. Данный алгоритм представляет собой определенную последовательность этапов поиска. Выглядит эта последовательность следующим образом: Автор и Название, Аннотация — Реферат – Источник.

Одним из первых документов, с которым сталкивается ученый в процессе поиска информации, является каталожная карточка (в настоящее время каталожную карточку зачастую заменяют интернет-ссылкой, однако последовательность этапов поиска это не меняет). В ней содержатся основные данные о книге: сведения об авторе, заглавие, год издания, место издания, количественная характеристика и др.

Найдя автора и название его работы, мы знакомимся с аннотацией, в которой, как известно, представляется предельно краткое изложение того, о чем можно прочитать в оригинале, перечисляются проблемы, задачи, главные вопросы, изложенные в первичном тек-

сте, уточняется основная тема, общая структура, методы работы, кому адресована.

Аннотация не раскрывает содержание документа, она дает лишь самое общие представление о нем, помогая определить целесообразность обращения к первоисточнику. В качестве примера приведем аннотацию на статью И.А. Скрипак «Интертекстуальность как категориальный признак современного научного дискурса»: *«Статья посвящена специфике интертекстуальных связей в текстах научного дискурса. Определяется место и роль интертекстуальности в текстах научного дискурса, а также обосновывается вывод о том, что интертекстуальность является способом порождения научного дискурса»* [7, 450].

В отличие от аннотации, реферат дает возможность читателю познакомиться с сутью излагаемого в первичном тексте содержания.

Представим пример реферата статьи Б.Спорн «Управление в высшем образовании: текущие тенденции и будущие перспективы европейских университетов и колледжей» из электронного реферативного журнала: *«Управление высшим образованием значительно изменилось в последнее десятилетие. Усиление институциональной автономии и отчетности способствует изменениям в методах и инструментарии управления, которые включают в себя управление по целям и контрактам, предпринимательские подходы и ориентацию на потребителя. В статье обсуждаются основные тенденции, характерные для европейской системы высшего образования, которые ведут к развитию новых подходов в университетском управлении. Отмечается, что глобализация и интернационализация создают конкурентную среду для вузов <…> Автор статьи анализирует несколько моделей университетского управления, которые появились в европейских странах: предпринимательскую, адаптивную и обучающуюся. Особое внимание уделяется меняющейся роли руководства университета, включая ректора, академический совет, администрацию и пр. Подчеркивается, что одним из самых важных принципов текущего университетского управления становится его профессионализация»* [3, 94].

Как видим, реферат практически раскрывает содержание исходного текста, т. е. он отвечает на вопрос «что говорится» в источнике, в отличие от аннотации, которая информирует только «о чем» источник. Если после работы с рефератом становится ясно, что изда-

ние представляет ценность и может быть полезно для научного исследования, имеет смысл обратиться к первоисточнику. Найденная информация ложится в основу создания собственного научного текста, который аккумулирует в себе освоенную информацию. Новый авторский (т. е. первичный) текст, на наш взгляд, может быть назван **интертекстом.**

Понятие интертекстуальности, как правило, связывают с художественным текстом, однако совершенно очевидно, что «чужое слово» присутствует и в научном тексте. Так, О. Вайнштейн, характеризуя современный научный дискурс, пишет: «Новая мысль может возникнуть только на скрещивании уже известных идей, в соотношении с ними. Оттого рассуждение нередко превращается в цепь уточнений, разграничений, разговор ведется с оглядкой на авторитеты. Понятия «свое», «чужое» теряют свое прямое значение. На первый план выходит непосредственное развитие идеи или целого направления мысли, совершаемое коллективно, в русле традиции» [2, 184].

Не согласиться с мнением исследовательницы нельзя. Все, кто создает научный текст, для подтверждения собственной гипотезы приводят многочисленные ссылки на работы авторитетных ученых.

Таким образом, можно говорить, что интертекстуальность является универсальным принципом создания не только художественного текста, но и научного: «всякое научное произведение лучевым образом – ретроспективно и перспективно – связано с другими исследованиями и выступает как своеобразный микротекст в общенаучном макротексте. С одной стороны, в рамках определенной проблематики концепция отдельного автора перекликается с множеством других текстов – как иных авторов-коллег, так и своих собственных. С другой - каждый новый научный текст знаменуют собой поступательность, эволюционность научного познания во временном контексте, отражает фактор преемственности в науке » [8, 66].

Из вышесказанного следует, что практически любой научный текст является первичным и вторичным одновременно. Он первичен, поскольку при его создании происходит процесс накопления информации (знания), ее обработка (интерпретация) с целью создания новой, первичной информации, но, по сути, уже и он, вновь созданный первичный текст, является вторичным, т. к. в нем обязательно присутствуют «чужие» мысли, «чужие» слова. Таким образом, можно сказать, что «каждый текст вторичен - и каждый текст первичен…

Вторично (цитатно) наше мышление, «вторичен» и порождаемый нами текст» [5, 95]. Говоря о вторичности, Нестерова Н.М., отмечает ее родство с явлением интертекстуальности, предполагая, что именно интертекстуальность и порождает вторичность текста и сознания, точнее, «чужое слово» порождает и то, и другое [5, 94].

Итак, в случае создания научного текста мы можем говорить, что, с одной стороны, его порождению предшествует поиск соответствующей информации, чему способствуют такие классические вторичные тексты, как аннотация и реферат. С другой стороны, появившийся в результате исследовательской деятельности научный текст представляет собой интертекст, включающий в себя другие тексты и являющийся в той или иной степени вторичным. В то же время, этот текст, несомненно, относится к первичным: впоследствии он станет источником для дальнейшего осмысления и цитирования, для создания новых вторичных информационных текстов — аннотации и реферата. Так обеспечивается «поступательность, эволюционность научного познания во временном контексте», преемственность в науке [8, 66].

Литература

1. Агранович Н.Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: дис. …канд. филолог. наук. М., 2006. 152 с.
2. Вайнштейн О.Б. Леопарды в храме (Деконструкционизм и культурная традиция) // Вопросы литературы. М., 1989. № 12. С. 167-199.
3. Вашурина Е.В. Электронный реферативный журнал. Университетское управление: практика и анализ [Электронный ресурс]. 2006. № 2. С. 94. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp?pagenum=1 (дата обращения: 22.11.14).
4. Кузин Ф.А. Диссертация: Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты. Практическое пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. М.: «Ось-89», 2000. 320 с.
5. Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. …д-ра филол. наук. Пермь, 2005. 368 с.
6. Новиков А. И., Нестерова Н. М. Реферативный перевод научно-технических текстов. М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1991. 148 с.
7. Скрипак И.А. Интертекстуальность как категориальный признак современного научного дискурса // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. № 74-1. С. 450-453.
8. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: дис. …д-ра филол. наук. СПб., 2000. 448 с.

9. Яхиббаева Л.М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса: дис. …канд. филол. наук. Уфа, 2009. 206 с.
© Н.Е. Пермякова, 2014

М.М. Петросян
БашГУ, Уфа, Россия

Духовная свобода как бунт в рассказе А.Камю "Неверная жена"

В рассказе «Неверная жена» (1957г.) излюбленная автором тема экзистенциальной свободы приобретает новое истолкование в сравнении с предыдущими рассказами этого сборника. Камю рассматривает здесь свободу как награду личности за экзистенциальный бунт.

Главная героиня – Жанин, состоящая в браке с мужем уже двадцать лет. Большинство людей сочли бы их вполне благополучной и счастливой парой. Жанин предана своему мужу, ей нравится чувствовать себя нужной кому-либо. Марсель же – ответственный семьянин и умелый торговец.

Однако за внешне благопристойным фасадом их жизни скрываются одиночество и неудовлетворённость. Жанин вышла замуж лишь по причине того, что боялась встретить старость в одиночестве, ей хотелось быть любимой и нужной кому-то. Но семейная жизнь не принесла ей никакого счастья. Жизнь Жанин проходила уныло и однообразно – в «сумраке наполовину закрытых ставен». «Лето, пляжи, прогулки, даже небо – всё было далеко» [3; 10]. Единственной страстью её мужа оказались деньги. Отсутствие ребёнка у супругов весьма символично – моральное бесплодие их брака прибрело материальное воплощение.

С самой ранней юности главную героиню беспрестанно мучили чувства тоски и страха. Двадцать пять лет назад она с этими чувствами и думала о том, что ей, возможно, придётся встретить свою старость в одиночестве. Но эти чувства никуда не делись даже после того, как Жанин вышла замуж: «Она ждала, сама толком не зная чего. Она чувствовала лишь своё одиночество и пронизывающий холод, и необычную тяжесть на сердце» [3; 13]. Ощущение острого, невыносимого холода будет мучить Жанин на протяжении всего рассказа,

хотя она и её муж находились в пустыне. «Комната была совсем ледяная» [3; 19]. «Было холодно» [3; 7]. «Она стояла, опустив руки, грузная, чуть сутулая, и не замечала, как холод постепенно поднимается к её тяжёлым ногам» [3; 13]. Жанин постоянно ощущает отсутствие тепла, и это ощущение скорее психологическое, духовное, чем физическое. В её отношениях с мужем никогда не было душевной теплоты и взаимопонимания, хотя сама героиня пытается убедить себя в обратном. Таким образом, чувства Жанин оказываются более правдивыми и более честными, чем её разум. Столь свойственная многим людям попытка рациональным путём решить свои проблемы (в данном случае – выйти замуж, чтобы избавиться от одиночества) оказывается неудачной. Следование традиционным схемам социального поведения приводит героиню к моральному опустошению. Её попытки разумно вести себя в неразумном мире уже абсурдны, по мнению Камю.

По Камю, несогласие между человеком и жизнью, которая его окружает, как раз и создаёт чувство абсурда [2; 10]. Но рано или поздно, посреди рутины привычного существования, может возникнуть вопрос «зачем?», и человек начинает испытывать усталость, которая пробуждает его сознание и заставляет искать выход из создавшейся ситуации [2; 15]. Именно чувство усталости преследует Жанин, она ощущает себя слишком тяжёлой и грузной, ей неуютно даже в собственном теле.

Однако чувства помогают героине достичь духовного прозрения. Подтолкнул её к этому величественный вид бескрайней пустыни: «…она не могла отвести глаз от горизонта. Ей внезапно почудилось, будто далеко-далеко на юге, в том самом месте, где небо и земля, смыкаясь, образуют чёткую чистую линию, её что-то ждёт; что-то, чего ей всегда не хватало, хоть она и не подозревала об этом до нынешнего дня» [3; 18]. Именно чувства позволили героине осознать противоречивость своего бытия и то, что она испытывает потребность в чём-то очень важном, чего не имела раньше. «Абсурд связан с ностальгией, тоской по потерянному раю. Без нее нет и абсурда», – отмечал Камю [Цит. по: 4; 15] Пустыня с её свободными и бездомными кочевниками – это то царство, что было завещано ей, Жанин. Это её потерянный рай. Тяжесть условности и скуки, столько лет давившая на Жанин, наконец-то начала ослабевать.

Подобная оппозиция между разумом и чувствами в рассказе Камю неудивительна. Как и все философы-экзистенциалисты, французский писатель считал, что фундаментальные истины о самом себе и окружающем мире человек может постичь не путём научных исследований и философских рассуждений, а с помощью чувства, способного высветить существование личности [4; 13]. Для Камю мир неразумен, так как стоит вне границ человеческой реальности и совершенно отличается от нашего рассудка и желаний; соответственно получить от мира ответы о смысле нашего бытия при помощи разума невозможно [4; 14].

Поэтому познать свою жизнь по-настоящему Жанин помогают именно чувства, а не разум. Она осознала, что перебороть страх смерти при помощи Марселя ей не удастся. За внешне благополучным фасадом их брака на самом деле никогда не было ни любви, ни счастья. Но навалившаяся на Жанин невыразимая тоска пробудила в ней желание свободы, свободы любой ценой. Подчинившись зову своего сердца, который она буквально услышала в те мгновенья, героиня ночью выбежала на улицу. Там Жанин пережила подлинное духовное слияние с окружающим её миром. Она кружилась вместе с хороводом звёзд и раскрывалась навстречу ночи. «Она дышала, она забыла о холоде, о бремени бытия, о своём безумном и застойном существовании, о томительном ужасе жизни и смерти <…> Казалось, она обрела свои корни, и новые соки вливались в её тело…» [3; 23].

Именно желание обрести свободу толкнуло героиню на духовный бунт против удушающего рационализма человеческих устоев, обезличивающей обыденности и собственных страхов. Бунтующий человек, по мнению Альбера Камю, – это человек, который говорит «нет» [1; 127]. Однако, как утверждает Камю, это «нет» провозглашает существование некой границы. Осознание этой границы помогает бунтарю понять, где начинается посягательство на его свободу и начать выступать против этого. Таким образом, желание бунтовать проистекает из сопротивления любому вмешательству, которое рассматривается как нечто недопустимое, и из уверенности бунтаря в том, что он делает это по своей собственной воле. Бунт невозможен без осознания собственной правоты. Устанавливая для себя границы, бунтарь тем самым утверждает в себе нечто ценное и важное, что стоит защищать [1; 127].

Жанин говорит «нет» своему прежнему существованию, наполненному страхом и иллюзиями. Страдание открывает ей путь к свободе. Дав волю своей природной стихии, она погружается в тайны бытия, сливается с природой и возвращается к источнику жизни. Это внерациональный, духовный бунт.

Почему же в таком случае рассказ называется «Неверная жена»? Ведь речь в данном произведении идёт вовсе не о физической измене мужу. Но дело в том, что Жанин действительно «изменила» своему мужу, их привычному, но бессмысленному существованию. Она бросила вызов общественному рационализму, который не исцелял человеческие страхи, а лишь загонял их в глубины подсознания. Жанин взбунтовалась против своих фобий и предрассудков, желая наконец обрести свободу. С точки зрения общества, поведение героини – это действительно измен привычным нормам и устоям. Жанин познала любовь и счастье не в объятиях своего мужа, а пребывая наедине с природой. Она отвергла привычный мир строгих законов и правил, утверждая тем самым своё духовное начало, которое нужно было защитить. Но сделать это Жанин могла, лишь обретя свободу чувствовать и любить.

Но бунт героини – это «тихий» бунт. Она не стремится разрушать старую жизнь и причинять кому-либо боль. После своего духовного прозрения она возвращается домой, к мужу. Камю считал, что абсолютное неприятие всего сущего в результате бунта – это своеобразное убийство [1; 196]. Мятеж против зла – это, прежде всего, требование единства [1; 196]. Таким образом, бунт для Камю – это не разрушение, а, напротив, защита своего морального достоинства, своего духовного содержания. Это восстановление целостности бытия.

Но желание Жанин вырваться из духовного тупика никогда бы не стало бунтом, если бы она пошла по пути, который в самом начале намечался автором (конечно, из желания устроить читателю своего рода «испытание»), то есть если бы она и в самом деле изменила мужу. Французский солдат, похожий на шакала, мог бы составить ей пару по адюльтеру. Но в основе бунта должно лежать стремление к свободе, а не просто тоска или отчаяние. Камю весьма своеобразно ставит свою героиню перед выбором, и она предпочтёт путь самопознания, а не саморазрушения.

Но само по себе пробуждение сознания ещё не означает конца сложного процесса духовного прозрения. Камю утверждал, что это пробуждение может восторжествовать, а может закончиться возвращением к бессознательности. Итогом первого будут либо суицид, либо вновь обретённое равновесие [2; 15]. Именно поэтому моральное пробуждение Жанин нельзя считать завершённым. Она находится в самом начале пути. Духовная драма Жанин в том, что после всего пережитого она вынуждена вернуться к своей жизни, которая ничуть не изменилась. Само это существование мало совместимо с её новым моральным состоянием. Показательно, что в конце героиня рыдает навзрыд и ничего не рассказывает мужу о том, что с ней произошло. Видимо, это отражает понимание Жанин того, что её новое самоощущение и мировосприятие не будут поняты её мужем. Примечательно, что свет, зажжённый Марселем, ударил её, как пощёчина.

Таким образом, пробуждение сознания героини привело к тому, что её проснувшееся природное начало оказалось в состоянии острого духовного кризиса в отношениях с окружающим миром. Бунт Жанин грозит стать вечным, поистине экзистенциальным, а потому неразрешимым.

Но сам этот бунт не был тотальным отрицанием и проявлением тяги к разрушению. Это был протест против лицемерия и несвободы, окружавших Жанин. Героиня Камю стремилась прежде всего избавиться от социальных условностей, действовать согласно своей природе и познать духовные границы собственного бытия. В условиях всеобщего лицемерия и равнодушия духовная свобода становится бунтом против общества и его аморальных устоев.

Литература

1. Камю А. Бунтующий человек //Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990. – С. 119–356.
2. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Сочинения. В 5 т. Т.2. – Харьков: Фолио, 1997. – 527с. – С. 5–112.
3. Камю А. Неверная жена // Камю А. Сочинения. В 5 т. Т.4. – Харьков: Фолио, 1998.– 620 с.– С. 7–25.
4. Руткевич А. М. Философия А. Камю //Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990. – С. 5–22.

© М.М. Петросян, 2014

Н.П. Пешкова
БашГУ, Уфа, Россия

Особенности стратегий понимания текста социальной направленности

В предшествующих исследованиях, опираясь на данные психолингвистического эксперимента, мы пришли к выводу о том, что такой параметр, как тип текста, оказывает непосредственное влияние на восприятие и интерпретацию информации и, в частности, на механизмы образования смысла текста, играющие важнейшую роль в процессе его понимания [6], [7].

Так, исследования механизмов понимания научных и учебных текстов, проводимые с участием различных возрастных групп испытуемых, студентов и школьников, свидетельствовали в пользу воздействия на восприятие пресуппозиционного компонента внутренней структуры сообщения, связанного с когнитивными пространствами автора и реципиента. Значительной оказалась и роль характеристик внешней, вербальной структуры представления информации, например, последовательности изложения и различных форм выражения субъективной модальности. Все характеристики текста, упомянутые выше, являются типологически значимыми, что позволяло говорить о зависимости стратегий понимания текста от его типа уже на ранних этапах наших исследований, проводимых с использованием денотативного метода как инструмента анализа глубинной структуры речевого произведения [5], [6].

Экспериментальные данные показали, что при понимании некоторых типов научного текста, например, технического и научного описания, маркированных такими типологически значимыми характеристиками, как объективно-логическая последовательность и отсутствие субъективной модальности, исключающее эмоционально-оценочные элементы из внешней структуры, смысл для большинства реципиентов может совпадать с содержанием текста.

При понимании такого типа текста, принадлежащего области точных наук, как рассуждение-доказательство, также проявляется тенденция к совпадению содержания и смысла.

Как можно было видеть, ни строго научное описание, ни строго научное рассуждение (скажем, доказательство теоремы) не распола-

гают к разнообразию вариантов интерпретации рассматриваемых фактов. Мы уже отмечали, что для испытуемых аспирантов-математиков полный смысл текста заключался в формулах и уравнениях, которые можно было развернуть в денотатный граф, отображающий содержание всего текста в целом.

С одной стороны, в обоих случаях имеет место формализованная, стандартная вербальная форма представления содержания, несомненно, воздействующая на восприятие и понимание информации. С другой, нельзя исключать влияние на процессы извлечения смысла самого содержания и особенностей организации его структуры на глубинном уровне. Эксплицировать последние помог, как мы уже отмечали, денотатный граф, построенный с помощью денотативного анализа текста.

На более поздних этапах наших исследований, помимо денотатного графа, мы использовали метод «встречного текста», позволяющий, по мнению его автора А.И. Новикова, затронуть глубинные процессы языкового сознания, связанные с механизмами обработки текстовой информации на содержательном и смысловом уровнях [4].

Нужно отметить, что данные, полученные на ранних этапах нашего изучения обсуждаемых проблем, демонстрировали тот факт, что один и тот же тип текста, например, текст-рассуждение, принадлежащий различным наукам, точным, естественным и гуманитарным, скажем, математическим, физическим и историческим, при совпадении общих типологически значимых характеристик мог отличаться формой и степенью их реализации [5].

Типологические особенности текста не могли не влиять на механизмы и стратегии его восприятия реципиентами. Как мы отмечали, при понимании текста-рассуждения, представляющего собой анализ событий из области истории, нельзя было утверждать факт полного слияния для испытуемых содержания и смысла, хотя их частичное совпадение и могло наблюдаться [6].

Как мы утверждали в статье, посвященной анализу влияния типа текста на механизмы формирования его содержания и смысла, при понимании исторического текста о социальном статусе земледельцев Древнего Египта для большинства испытуемых главный смысл так и остался не раскрытым. Об этом свидетельствовало, в том числе, и большое разнообразие толкований и интерпретаций двух подтем текста – «юридический статус» и «экономический статус» земледельцев.

Нужно сказать, что во многом такая ситуация объяснялась позицией самого автора текста, проявлявшего осторожность в оценках, что зачастую интерпретировалось реципиентами как неуверенность автора в достоверности фактов, недостаток исторической информации и т.п.

Так или иначе, анализ формулировок испытуемых, передающих содержание и смысл текста-рассуждения на историческую тему, позволили констатировать наличие потенциальной возможности интерпретаций и толкований его главного смысла, отсутствующей в случае восприятия текста-рассуждения из области математики. Подобное положение, с нашей точки зрения, было обусловлено целым рядом факторов. Среди них мы упоминали, прежде всего, особенности самого содержания, составляющего основу текста, а также такие параметры, как индивидуальное когнитивное пространство участников эксперимента и внешняя форма сообщения, связанная с авторским стилем изложения, отчасти, с его когнитивным стилем. Авторский стиль неопределенности, передаваемый средствами субъективной модальности, как мы отмечали, заставляет колебаться в своих суждениях и большинство испытуемых-реципиентов [6].

Мы по-прежнему разделяем позицию, признающую значительную роль внешней формы текста в процессе его восприятия, поскольку эта позиция подкрепляется экспериментальными данными, демонстрирующими тот факт, что в некоторых случаях при понимании внешняя форма воспринимаемого текста может доминировать над его внутренней, содержательной структурой.

Тем не менее, нельзя преуменьшать и то значительное влияние, которое оказывает фактор содержательной направленности текста, на механизмы восприятия и стратегии понимания, используемые реципиентом при обработке информации в форме различных типов текста. Об этом свидетельствуют исследования особенностей понимания научно-популярной литературы [2], [7], библейских текстов [1], гламурных журналов [3], а также текстов явно выраженной социальной направленности [8] с применением методики «встречного текста».

В экспериментальном исследовании участвовали восемьдесят студентов второго-четвертого курсов физико-технического института Башкирского государственного университета. Возрастной диапазон испытуемой аудитории составил 19-20 лет, часть реципиентов являлись билингвами.

Вместе с текстом для чтения испытуемые получали инструкцию, сформулированную в соответствии с методикой «встречного текста». Инструкция адаптирована нами с учетом особенностей аудитории испытуемых, но принципиальных отличий от оригинальной методики А.И. Новикова она не имеет. Главной задачей участников эксперимента остается последовательное прочтение предлагаемого текста и регистрация в письменной форме всего того, что «приходит им в голову» в процессе чтения по поводу каждого предложения, иными словами «саморегистрация» собственного «внутреннего текста», или, по терминологии автора методики, «встречного текста» [4].

Текст, предлагаемый для чтения, представлял собой отрывок из Гуманистического манифеста, посвященный обсуждению перспектив лучшего будущего человечества, затрагивающий вопросы развития науки, техники, медицины, прогресса человеческого общества в целом, а также проблемы угроз развитию цивилизации.

Характеризуя данный текстовый отрывок, следует отметить, что в нем содержались обозначения некоторых условных и безусловных ценностей и антиценностей. Нужно сказать, что в широком смысле под социальными ценностями понимаются предметы и явления реальной действительности, значимые с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям как отдельной личности, так и социальной группы и социума в целом.

Так, в тексте упоминались следующие группы социальных ценностей:

свобода и счастье человека, его здоровье и материальное благополучие;

процветание и развитие человеческого общества, продвижение и прогресс;

развитие науки, ее отдельных областей (естественных и гуманитарных), достижения техники, медицины, экономики.

Что касается антиценностей, из них в тексте назывались такие, как война и терроризм; негативные последствия развития цивилизации, связанные с перенаселением, голодом, неизлечимыми болезнями, вызванными плохой экологией и т.п.

Общеизвестно, что само понятие прогресса не всегда интерпретируется в философии и социологии как безусловная ценность, более того, оно может трактоваться и как антиценность. Например, такие признаки прогресса, как индустриализация и урбанизация, понима-

ются неоднозначно, поскольку зачастую сопровождаются негативными для человечества последствиями.

Нельзя не отметить, что в реакциях участников нашего эксперимента присутствовали все классические трактовки прогресса, и можно сказать, что были представлены трактовки разных философских направлений, как правило, без ссылок на оригинал, о котором они, возможно, забыли или даже не знали.

Полученный в результате эксперимента массив реакций, составляющих «встречные тексты» испытуемых, был подвергнут статистической обработке, после чего мы осуществили их содержательный анализ.

Анализ реакций с точки зрения их типов демонстрирует преобладание оценочных реакций (35%) и реакции «мнения» (30 %), при этом часть оценок имеет эмоциональный характер, другая, не меньшая часть – логический, аргументированный характер. Оценка не всегда присутствует во «встречных текстах» в чистом виде, но может сопровождать другие типы реакций.

Можно привести следующие примеры.

№ 1. «Впервые в истории человечества мы обладаем средствами – и этим мы обязаны науке и технике – способными улучшить условия существования человека, приблизить его счастье и свободу, обеспечить на планете достойную жизнь для всех людей».

Я считаю, что такая ситуация возникает не в первый раз…Я считаю, что этому стремлению нет конца, но, безусловно, жить сейчас хорошо, не так, как раньше.

№ 3. «Многие, верующие и неверующие, предрекают миру потрясения, грядущий судный день».

Я не хочу слепо верить в какие-либо будущие катастрофы. И я считаю, что судный день несет в себе поучительный, хороший смысл.

Обе реакции, приведенные выше, содержат явно выраженное мнение, начинающееся со слов «я считаю». Мнение сопровождается оценками «сегодняшнего дня» в реакции на первое предложение и «судного дня» в реакции на третье предложение текста, и в обоих случаях они носят эмоциональный характер.

Оценочные реакции, приводимые ниже, можно характеризовать, как аргументированные.

№ 4. «Пессимисты указывают на жестокие войны двадцатого столетия и говорят об угрозе новых форм терроризма и смут, которые могут захлестнуть человечество в наступающем веке».

Войны будут всегда, потому что борьба заложена в сути человека.

Война неизбежна, ведь кому-то всегда чего-то не хватает – власти, земли, нефти.

В полученных «встречных текстах» испытуемых также присутствует немало реакций аргументации (20%), и вывода (25%). Можно привести следующие примеры, интерпретирующие и объясняющие утверждение о страхе перед будущим, приводимое в одном из предложений.

№ 2. «Однако сердца многих преисполнены страха, когда они думают о наступлении следующего тысячелетия».

Многих людей пугает политика ведущих стран, поэтому многие боятся, что наступит война.

Ведь ресурсы нашей Земли не восполняемы.

Это боязнь конца света.

Некоторые люди не успевают за прогрессом. Так и возникает страх.

Можно отметить, что меньшей частотностью характеризуются реакции прогнозирования (10%), перевода (8%), интертекста (2%) и отсутствует реакция визуализации. Ниже приведем достаточно типичные реакции прогноза и выходящую за общие рамки реакцию интертекста.

№ 6. «Надо отметить, что вопреки политическим, военным и социальным неурядицам, двадцатый век стал свидетелем множества полезных достижений».

Несмотря на многие препятствия, процесс социального преобразования будет продолжать набирать обороты.

Благодаря новому подходу к уже существующим не решаемым пока проблемам, будут появляться новые варианты их решения.

№ 10. «Гуманитарные исследования оказались в силах добиться новых результатов и получить их подтверждения со стороны науки и разума…».

“Когда б ты знал, что нет и мысли мало-мальской, которую б не знали до тебя” (Гете. «Фауст»).

Таким образом, преобладающие стратегии понимания текста социальной направленности опираются на реакции оценки (35%), мнения и оценки (30%), мнения (20%), аргументирования (20%), прогнозирования (10%), сложную реакцию перевода (8%), в меньшей степени на непосредственные ассоциации (3%) и интертекст (2%).

Следует особо подчеркнуть, что при восприятии и интерпретации данного типа текста испытуемая аудитория была склонна к критическому мышлению, аргументировано объясняя свои мнения, оценки и прогнозы. Как представляется, эта особенность, связанная с логичностью и аргументированностью реакций, присуща процессу понимания текста подобного типа в отличие от иных типов текста, упоминавшихся в начале нашей статьи.

Литература

1. Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов. – Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2012. – 19 с.

2. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 21 с.

3. Моисеева А. В. Экспериментальные исследования особенностей восприятия текстов гламурного журнала // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия Филология. Искусствоведение. – Выпуск 83. – 2013. – № 29(320). – С. 89-95.

4. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. – № 1. – 2003. – С. 64-76.

5. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. – Монография. – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002. – 261 с.

6. Пешкова Н.П. Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования // Проблемы прикладной лингвистики. Выпуск 2. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – С. 266-276.

7. Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода. – Монография под ред. Н.П. Пешковой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.

8. Пешкова Н.П. Общечеловеческие ценности в языковом сознании молодежи полиэтнического региона // Жизнь языка в культуре и социуме-4. – Материалы международной научной конференции. – М: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2014. – С.21-23.

© Н.П. Пешкова, 2014

В.Н. Попова
БашГУ, Уфа, Россия

Эксперимент как важнейший фактор исследования речевой деятельности

Традиционно в лингвистике выделяется три метода сбора языкового материала: метод интроспекции, главной составляющей которого является интуиция исследователя, метод наблюдения в естественных условиях, включающий корпусный метод, и экспериментальный метод, доминирующий в психолингвистических исследованиях. Н.И. Жинкин отмечал, что язык есть средство передачи сообщений, в этом заключается его коммуникативная функция, в то же время, он является средством мышления, в этом - его экспликативная функция [1].

Носитель языка, по определению Р.М. Фрумкиной, является объектом изучения фактов языка в определенных рамках и условиях порождения и восприятия текстов [2]. Функции человека в эксперименте отражают особенности речевой деятельности, особенности языка, параметры различного плана, а также индивидуальные характеристики испытуемых. К таковым относят память, доминантность полушария, внимание, наличие усталости, воздействие извне, а также временные ограничения. Условия и результаты эксперимента моделирования речевых стратегий используются для получения данных и связи характеристики речевого стимула с полученными ответами. Ответы испытуемых получают оценку: одни и те же ответы вне рассматриваемого контекста показывают взаимодействие отличных от заданных механизмов и процедур ответов. Для серии экспериментов необходима повторяемость результатов в сравнимых условиях, поэтому необходимо провести предварительное исследование, затем апробируется методика и определяется круг задач. Традиционная схема психолингвистического эксперимента: стимул, реакция испытуемого, между ними осуществляется связь через активного участника для выполнения выбранных заданий. Стимул объединяет непосредственный материал и стимульный материал в сочетании с инструкцией или какими-либо условиями. Избыточность языка, механизмы контекстной предсказуемости и вероятностного прогнозирования позволяют легко справляться с возможными сложностями воспри-

ятия текста. Все то, что помогает носителям языка справиться с заданиями, всячески затрудняет работу исследователя.

Эксперимент определяет ментальный лексикон как декларативный компонент языка, он зависит от целей и задач исследования. Метод субъективного шкалирования используется как один из самых простых способов измерения субъективных расстояний между ощущениями. Существуют различные модификации данного метода: метод ранжирования, метод последовательных интервалов, метод парных сравнений. С помощью субъективного шкалирования возможно сравнение интересующих стимулов, слов по одному из признаков. Суть метода ранжирования заключается в том, что участникам эксперимента предлагается упорядочить некоторый набор стимулов по какому-то общему для них признаку, приписав наименьший ранг стимулу, обладающему данным признаком в наибольшей степени. Запрет приписывать одинаковые ранги разным стимулам вынуждает оценивать как различные даже те, которые представляются одинаковыми. В подобном эксперименте существенно ограничен объем набора стимулов, чтобы испытуемый смог работать с ним, удерживая в голове все сделанные ранее оценки. Метод последовательных интервалов состоит в том, что испытуемым предъявляется набор стимулов и предлагается разделить их по некоторому признаку на заданное число категорий. Метод парных сравнений, часто используемый в психолингвистических исследованиях – один из наиболее простых способов получения матрицы семантического сходства.

Все наблюдения в статистическом анализе, выступающие как случайные величины, обозначаются термином выборка. Чем сложнее структура выборки, тем больше требований к ее объему, при самом маленьком количестве испытуемых должно быть представлено допустимое число наблюдений и наоборот, чем меньше объем выборки, тем проще должна быть ее структура. Контролируемые параметры задаются заранее, уже на этапе планирования известна структура выборки и контролируемые параметры. Результирующие параметры определяются уже в заключении эксперимента, это характеристики реакции или пары стимул - реакция. Требование однородности выборки должно учитываться дважды: на этапе планирования и проведения эксперимента и наблюдения и на этапе анализа данных. Это требование предполагает, что основному анализу подвергаются данные, в большей или меньшей степени однородные с точки зрения как

стимульного материала, так и состава испытуемых. Как известно, исследования, ставящие своей целью изучение индивидуальной и групповой вариативности, предполагают большой объем выборки, главным образом, за счет увеличения числа испытуемых; исследования, рассматривающие закономерности общеязыковые, могут допускать меньший объем выборки. Вербальные ассоциации менее всего зависят от контекста и в то же время существенно связаны со значением - совокупность множества ассоциативных реакций, полученная в массовом эксперименте, отражает и множество возможных стратегий вербального ассоциирования. Свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемым предлагают отвечать словом, первым пришедшим в голову при предъявлении слова-стимула. Направленный ассоциативный эксперимент, в котором накладываются некоторые ограничения на выбор реакции с помощью дополнительных условий — указанием части речи требуемой реакции. Ассоциативные эксперименты могут различаться по зрительной или слуховой модальности работы для испытуемого. Самой важной характеристикой любой ассоциативной связи является ее вероятностный характер. Упорядоченный по частотности набор реакций на слово-стимул принято называть ассоциативным полем или распределением реакций. Количественная характеристика ассоциации отражает силу связи со стимулом в заданных экспериментальных коммуникативных условиях. Если оценивать сравнительную вероятность разных реакций на данный стимул, можно определить силу отдельной реакции. Если оценивать степень предсказуемости всего распределения реакций на данный стимул, то можно сравнить ассоциативные поля целиком. Ассоциативные нормы определяют некий стандарт, с помощью которого исследуются как семантические, так и формальные характеристики слова-стимула, закономерности стратегий ассоциации и типы связей единиц лексикона. Главный критерий разграничения парадигматических и синтагматических связей, с одной стороны, и тематических, с другой, лежит в природе связи: в первом случае испытуемый основывается на языковой природе слова, во втором – на соотнесении с ситуацией внешнего мира. Критерием наличия формально-фонетических связей является наличие фонетического сходства между словом-стимулом и словом-реакцией, они оказываются наиболее характерными для детей. Зачастую формально-фонетическая связь является не единственной связью между стимулом и реакцией. Стра-

тегии ассоциирования характеризуют глубину проникновения индивида в слово, его структуру для выбора определенного варианта. Характер ассоциаций зависит от индивидуальных особенностей носителя языка: от его информационной базы, опыта, особенностей памяти и мышления, уровня языковой компетенции. Основным вопросом остается выбор стимульного материала и состава испытуемых. Тема исследования предполагает различие стимулов по грамматическим характеристикам, и поэтому необходим учет грамматической формы слова, части речи. Рассматриваемые стимулы должны представлять собой однородную выборку по частотности для данного возраста и по основным фонетическим характеристикам. Для исключения эффекта самообучения испытуемого в процессе эксперимента, стимулы следуют друг за другом в случайном порядке, их разбавляют фоновыми стимулами, так, чтобы испытуемый не мог понять, какие именно ответы хочет получить от него экспериментатор. Все рабочие вопросы разрешаются на этапе планирования эксперимента и включают адекватную инструкцию о месте и времени проведения эксперимента, распределение всех серий по сложности, пропорциям стимулов разных типов, адекватности целям. На примере проводимого исследования можно подчеркнуть важность и необходимость учета времени латентного периода. Благодаря таким данным на статистически представленных выборках прослеживается степень связи стимула и реакции, а также вероятность включения дополнительных процедур превращения стимула из несловарной формы в словарную. Далеко не все параметры можно предусмотреть заранее, на этапе планирования эксперимента, структуру выборки, как правило, нельзя полностью предсказать заранее. Некоторые вопросы можно решить только на основании предварительного анализа материала. Естественно, невозможно заранее точно предсказать реакции испытуемых, их ассоциативной стратегии. Простейший вариант исследовательской процедуры – в каждый момент времени сравнивать наблюдения из выборок, различающихся по одному из рассматриваемых параметров, тогда результаты статистического анализа в наибольшей степени решают вопрос влияния этого параметра на результат в процессе эксперимента. Для этого формулируют основные вопросы, на которые надо искать ответы в ходе задуманного исследования.

Экспериментальные исследования наших ученых показывают, что объем кратковременной и долговременной памяти непосредст-

венно зависит от ассоциативной силы предъявленных стимулов. Участники эксперимента запоминают слова, обладающие высокой ассоциативной силой, независимо от установки. Прочные ассоциативные связи благотворно влияют на сохранение слова в памяти кодированием звуковой, графической, структурной и семантической информации, использованием одного из этих аспектов, более употребимого в зависимости от ассоциативной связи слова и от речевого опыта испытуемых. Материал в памяти группируется в соответствии с теми же принципами, которые лежат в основе формирования свободных ассоциаций. Для воспроизведения слов параллельно активизируются и взаимодействуют различные правила группировок по ассоциативным признакам. Взаимодействие различных принципов группировки слов при их воспроизведении особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда имеет место переход от аналогии по звуковой или же графической форме к объединению на основе смысловой связи или группировке по грамматической категории [3].

Литература

1. http://www.philology.ru/linguistics1/zhinkin-64.htm
2. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. - М. «Академия», 2003 -320с. -с.363
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М. «Академия»: РГТУ, 1999, -349с. - с.52-54

© В.Н. Попова, 2014

М.В. Прокопова
Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Функции фразеологизмов в массово-коммуникативной деятельности (на примере кроссвордной статьи)

Исследование динамики массово-коммуникативной деятельности, в том числе изучение принципов и стратегий эффективной вербальной коммуникации признаются приоритетными направлениями современной лингвистики. Среди явлений массовой культуры (наряду с беллетристикой, кино, различными медийными жанрами) большую популярность имеет искусство составлять и разгадывать кроссворды – поиск слова-ответа путём расшифровки кодирующего текста.

С точки зрения лингвистики, кроссворд – это прежде всего продукт речемыслительной деятельности; текст, точнее – система микротекстов, объединённых общей прагматической установкой. Наиболее очевидная функция кроссворда – развлечение. Кроссворды разгадывают для удовольствия, природа которого – в демонстрации своей эрудиции, сообразительности, смекалки. Однако не менее значимым является тот факт, что кроссворд обнаруживает принадлежность разгадывающего к определённой лингвокультуре, его включённость в определённое языковое сообщество, так как кроссвордная статья специфическим образом отражает языковую картину мира, апеллируя к одной из её основ – прецедентным текстам, к которым традиционно относят тексты с высокой воспроизводимостью в речи: паремии, крылатые слова, фразеологизмы.

Использование фразеологических единиц в качестве основы кроссвордной статьи чрезвычайно продуктивно. Для построения такого рода микротекста фразеологические единицы привлекаются как в узуальной (*страж порядка в англоязычных странах* (искомое слово – полисмен)), так и в модифицированной форме (*корнеплод хрена не слаще* (редька)). (Здесь и далее примеры кроссвордных статей заимствуются из изданий «Русский кроссворд» и «Старый добрый кроссворд» за 2014 год).

Узуальная фразеологическая единица выполняет в кроссвордной статье следующие функции: 1) заменяет искомую лексему свободного употребления, значение которой синонимично значению фразеологизма: *ни свет, ни заря* (рань), *кровные узы* (родство); 2) даёт образное определение предмету или явлению, уточняет значение искомого слова: *неуклюжий, как слон в посудной лавке* (увалень), *поражение в пух и прах* (разгром).

Для раскодирования такой статьи большое значение имеют синонимические, полисемические, ассоциативные связи слов. Для примера расшифруем кроссвордную статью «*бизнесмен, вылетевший в трубу*»: во-первых, определим узуальное значение фразеологической единицы «вылететь в трубу»: «разориться»; во-вторых, соотнесём данную лексему с другим компонентом кроссвордной статьи – «бизнесмен» и получим конкретизированный вариант выражения: «разорившийся бизнесмен», значение которого соответствует значению искомого слова – «банкрот».

Трансформированная фразеологическая единица в составе кроссвордной статьи выполняет роль её образной основы, а также является отправной точкой для создания ассоциативных связей с другими компонентами статьи, в том числе – с другими прецедентными текстами. При построении кроссвордной статьи фразеологизмы могут трансформироваться всеми известными способами: посредством сокращения компонентного состава (*вкусная и здоровая в поваренной книге* (пища)), замены одного из компонентов (*филькин документ* (грамота)), расширения компонентного состава (*денежный мешок у власти* (олигарх)), буквализации (*топорная работа с дровами* (колка)), контаминации (*царь зверей с чадами и домочадцами* (прайд)) и др.

Для расшифровки статьи, сформированной на основе изменённого фразеологизма, необходимо прежде всего восстановить исходную форму языковой единицы. Так, в кроссвордной статье «*корнеплод хрена не слаще*», где, помимо инверсии компонентов, произошла замена компонента фраземы на лексему свободного употребления, означающую родовую принадлежность, (редька → корнеплод) восстанавливается узуальный фразеологизм «*хрен редьки не слаще*», после чего без труда обнаруживается искомое слово: «редька». Искомое слово может быть найдено и посредством соотнесения восстановленного фразеологизма с прецедентным текстом. Например, кроссвордную статью: «*удача, пойманная Емелей за жабры*», созданную при использовании приёма контаминации на основе узуальных фразем «*поймать удачу за хвост*», «*взять за жабры*», можно расшифровать, если соотнести её с текстом сказки «По щучьему велению», на что нацеливает появляющееся в качестве конкретизатора имя собственное «Емеля», и – далее – распознать приём буквализации (компонент «жабры» следует понимать буквально: речь идёт о рыбе), после чего несложно определить слово-ответ: «щука».

Таким образом, поскольку, как пишет В.В.Красных, «в человечество человек входит только как представитель своей культуры, владеющий своим языком и умеющий кодировать и декодировать знаки культуры /лингвокультуры» [1, 54], кроссворд, с одной стороны, оказывается самопроверкой разгадывающего собственного уровня «подключённости» к общему языковому полю, с другой стороны, выступает своего рода индикатором развитости и насыщенности это-

го лингвокультурного поля, актуальности его основных компонентов для носителей языка.

Литература

1. Красных В.В. Лингво-когнитивные основы воспроизводимости // Вестник ЦМО МГУ, 2009, №3. Лингвокультурология. 126 с. С.54-62.

© М.В.Прокопова, 2014

В.А. Разумовская
СФУ, Красноярск, Россия

Информационная неоднозначность текста и три вида перевода

Информационная неоднозначность, бесспорно, играет важнейшую роль в понимании художественного текста в рамках одной культуры, а также и при перекодировании художественного текста средствами другого языка и, соответственно, другой культуры в процессе перевода. Информационная неоднозначность генерирует такие категории, как неисчерпаемость оригинала и переводная множественность, сравнительно недавно пополнившие категориальную парадигму художественного переводоведения и лежащие в основе поливариантности и полилингвальности художественного текста как объекта эстетического восприятия и художественного перевода [10; 11].

Неисчерпаемость оригинала предполагает способность художественного текста иметь некоторое количество интерпретаций его информации при восприятии. Количество интерпретаций информации художественного текста гипотетически бесконечно, поскольку оно может быть равно потенциальному количеству читателей данного текста. Более того, даже у одного читателя одного текста может быть представлено несколько интерпретаций одного текста в зависимости от многих внутренних и внешних факторов в различные периоды его жизни. Несомненно, что интерпретации может быть подвержена и информация нехудожественных текстов (научных, публицистических и пр.). Таким образом, различные варианты понимания информации читателями (как носителями языка художественного оригинала, так и освоившими язык оригинала как иностранный) имеют своим результатом многочисленные интерпретации смысла художественного текста, репрезентируемые вторичными по отношению к оригиналу текстами. Вторичные тексты генерируются неодно-

значностью информации оригинала и являются формой фиксирования результатов интерпретаций смысла.

В свою очередь, существование вторичных текстов обеспечивает явление текстовой поливариантности оригинала, которое может быть определено как возможность существования нескольких вариантов исходного художественного текста в различных текстовых формах в рамках одной языковой системы и, соответственно, одной культуры. Так, в пределах «своей» лингвокультуры оригинальный художественный текст может иметь такие вторичные текстовые варианты, как пересказ, переименование, перифраз, аннотация, пародия, стилизация [1; 5]. При создании вторичного текста в пределах одной языковой системы переложение смысла первичного текста в другой текст представляет собой определенное переписывание оригинального текста средствами того же языка [7, 153]. В данном случае вторичные варианты являются результатом внутриязыкового перевода («intralingual translation» в терминологии Р. Якобсона) оригинального текста. В известной работе Р. Якобсона 1959 года «On Linguistic Aspects of Translation» внутриязыковой перевод (переименование, re-wording) определяется как интерпретация вербальных знаков с помощью вербальных знаков того же языка [13]. Для обозначения явления генерирования вторичных текстов в хронологической перспективе В.С. Виноградов предлагает термин «диахронический перевод» [3, 139]. В специальной литературе диахронический внутриязыковой перевод традиционно определяется через такие уже упомянутые понятия, как переименование, адаптация, историческая стилизация. Существуют различные подходы к описанию природы и видов внутриязыкового перевода (работы Р. Якобсона, А.П. Миньяр-Белоручевой, Е.С. Петровой и т.д.). В конечном итоге внутриязыковой перевод может быть сведен к двум основным видам, выделяемым на основе темпорального параметра осуществления перевода – диахроническому и синхроническому. Синхроническая разновидность характеризуется отсутствием существенного временного разрыва между временем создания оригинала и его переводов и предполагает перекодирование первичного текста, представленного изначально в одном функциональном стиле или литературном жанре, в другой стиль или жанр. Так, художественные тексты, первоначально созданные в стихотворной форме, могут быть представлены в прозе; первичные тексты могут быть вторично изложены в сокращенной форме

– в форме аннотаций или тезисов. Результат внутриязыкового перевода может отличаться от оригинала и по объему: перевод может быть меньше (аннотация) или больше (развернутый пересказ) оригинала.

Классическими примерами диахронического внутриязыкового перевода является перевод текстов, существующих в формах предшествующих периодов развития языка, в форму данного языка современного периода. Диахронический внутриязыковой перевод – это перевод на современный язык текста, написанного в предшествующие переводу эпохи. Так, англосаксонский эпос «Беовульф» VIII века, написанный на древнеанглийском языке, и «Песнь о Нибелунгах», созданная на средневерхненемецком – литературной форме существования немецкого языка в XII-XIII веках, были переведены соответственно на современный английский и немецкий языки. «Кентерберийский рассказы» Дж. Чосера, написанные на среднеанглийском языке в конце XIV века, в настоящее время доступны современным читателям, владеющим английским языком как родным или иностранным, во внутриязыковых переводах Дж. Тэтлока и П. МакКайе (1929), Р. Лумянски (1948), Н. Когхила (1977), Д. Райта (1985). Одну из последних версий среднеанглийского литературного памятника на современном английском языке (прозаическая версия) предложил американский профессор Дж. П. НеКастро в 2007 году [14]. Современные русскоязычные читатели имеют возможность познакомиться с известным памятником древнерусской литературы XII века «Слово о полку Игореве» также посредством многочисленных внитриязыковых переводов. Среди переводчиков «Слова» представлены имена известных российских мастеров слова и филологов: В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, К.Д. Бальмонта, Н.А. Заболоцкого, Р.О. Якобсона, Е.А. Евтушенко, Д.С. Лихачева. Основной причиной применения стратегии диахронического внутриязыкового перевода является стремлении сделать значимый (ключевой, «сильный») текст некой культуры более доступным для представителей данной культуры, отстоящих от времени создания оригинального текста на значительный временной период. Создание вторичных вариантов художественного оригинала в перспективе диахронии напрямую связано с проблемами восприятия подобных текстов. Каждый оригинальный текст по-разному воспринимается в разные исторические эпохи различными поколениями читателями [3, 121]. В данном случае нельзя

не согласиться с мнением Г.В. Колшанского о том, что понимание (восприятие) художественного текста очень тесно связано с суммой различных знаний и владением языкового кода читателем текста, что делает понимание художественных принципов и индивидуального стиля автора крайне трудным [4, 73-75]. Устаревшие языковые формы обязательно генерируют информационную энтропию художественного оригинала и в значительной степени затрудняют его понимание новыми поколениями читателей. «Осовременивание» («модернизация») текста, облеченного в древнюю или устаревшую форму языка, посредством диахронического внутриязыкового перевода служит целям снятия информационной энтропии, что облегчает восприятие и понимание текста читателями, живущими в современной им и переводчику эпохе и являющимися носителями современной формы языка оригинала.

Особую область внутриязыкового диахронического перевода представляет переложение литературных текстов классической восточной поэзии на современные формы восточных языков. В данном случае проблемы понимания устаревшего художественного текста обусловлены не только лексическими и грамматическими особенностями языковых форм ранних этапов развития языка, но и в значительной степени особенностями графическими. Так, классическая китайская поэзия, созданная на вэньяне (классическом китайском языке, сохраняющим синтаксические и морфологические нормы древнекитайского языка) переводится в современном Китае на письменный стандарт современного китайского языка (байхуа). Древние корейские художественные тексты, ранее имевшие только китайскую графическую форму (как единственную официальную систему письма Кореи в древние и средние века), переводятся на современный корейский язык, который получил собственную письменность (фонематическое письмо хангыль) только в середине XV века. Так, значительное место в творчестве известного переводчика-востоковеда А.А. Долина, занимающегося переводами классической японской литературы VIII-XIX веков (проза, поэзия и драма) на русский язык, принадлежит переложению текстов, созданных на старописьменном классическом японском языке (бунго), на современный японский язык. Такой диахронический внутриязыковой перевод дает возможность современным японским читателям знакомиться с богатым литературным наследием собственной культуры.

В более широком понимании вторичные художественные тексты могут существовать и в формах других (неязыковых) семиотических систем: театральная постановка, киноадаптация, мультфильм, комиксы, графическое или скульптурное изображение, песня, опера, балет. Такие вторичные тексты могут быть определены как результат межсемиотического перевода художественного текста («intersemiotic translation» в терминологии Р. Якобсона). Случаи межсемиотического перевода убедительно иллюстрируются примерами создания музыкальных произведений по мотивам первичного художественного текста. Так, новелла французского писателя П. Мериме «Кармен» (1845) легла в основу известной одноименной оперы Ж. Бизе (1875) и далее одноактного балета «Кармен-сюита» (1967), созданного в свою очередь Р. Щедриным на основе музыкального текста оперы Ж. Бизе. Таким образом, оригинальный текст французской новеллы претерпел определенную последовательность межсемиотических переводов. Другим ярким примером могут служить вторичные неязыковые тексты исторического романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831). Оригинальный текст романа, впервые созданный и опубликованный на французском языке, в результате межсемиотического перевода был адаптирован как многочисленные экранизации, сделанные в различных странах и имеющие различные названия киноверсий: «Эсмеральда» – 1905, 1922; «Горбун из Нотр-Дама» – 1911, 1923, 1939, 1966, 1977, 1982, 1986, 1997; «Квазимодо» – 1999, «Собор Парижской Богоматери» – 1956; «Горбун Собора Парижской Богоматери» – 1939. Опера А.С. Доргомыжского «Эсмеральда» была создана в 1838-1841 годах, а ее постановка осуществлена в Большом театре в 1847 году. В 1996 году на экраны вышел рисованный мультфильм-мюзикл «Горбун из Нотр-Дама» производства студии Дисней. В 1998 году во Франции осуществлена постановка мюзикла «Нотр-Дам де Пари» (музыка – Р. Коччанте; либретто – Л. Пламондон). Очень скоро появились итальянская, испанская, английская, корейская и ряд других версий мюзикла. В 2002 году Ю. Кимом была создана русская версия либретто, и мюзикл был с большим успехом поставлен в театре «Московская оперетта».

В ряде уникальных случаев межсемиотический перевод осуществляется автором оригинального текста (своеобразный «межсемиотический автоперевод»). Психофизиологической основой осуществления подобного рода перевода является способность автора ориги-

нала и перевода к синестезии (соощущению), которой нередко обладают творческие личности, одновременно работающие в различных областях искусства. Так, литовский художник и композитор М.К. Чюрлёнис (1875-1911) регулярно предпринимал в своей многогранной творческой деятельности интересные попытки синтеза различных видов искусств, выразившиеся в поисках регулярных аналогий музыки и изобразительного искусства. Наиболее наглядными примерами синестезии являются такие произведения М. Чюрлёниса как картины-сонаты «Соната Солнца. Скерцо», «Соната весны. Анданте», «Соната звезд. Аллегро», а также цикл «Похоронная симфония». Перечисленные произведения представлены параллельными живописными и музыкальными текстами, предназначенными для синхронного восприятия в зрительной и слуховой модальностях. Именно таким образом организована экспозиция в музее М.К. Чюрлёниса в Каунасе (Литва). В залах Национального художественного музея им. Чюрлёниса экспонируются полотна художника и звучит его музыка, что обеспечивает одновременность предъявления живописных и музыкальных текстов посетителям. Музыкальные произведения для фортепьяно у художника Чюрлёниса нередко называются «пейзажами», а музыкант Чюрлёнис в названиях своих живописных полотен использовал музыкальные термины – «аллегро», «скерцо», «финале» и т.д.

Поливариантность художественного текста, предполагающая многообразие вторичных форм оригинального текста в пределах «своих» языка и культуры, нередко сочетается с явлением полилингвальности, определяемого как возможность существования в синхронии и диахронии нескольких иноязычных вариантов исходного художественного текста. Полилингвальность является результатом, прежде всего, межъязыкового перевода («interlingual translation» или «translation proper» по Р. Якобсону). Исследование переводных вторичных художественных текстов нередко трактуется как отдельное направление современной филологической науки [6; 8; 12]. Академик В.В. Виноградов считал переводные художественные тексты значимой составной частью класса вторичных текстов и определял подобного рода тексты как «инвариантные формы воплощения того же замысла» [2, 57].

Необходимо отметить, что предельное количество возможных иноязычных переводных вариантов одного оригинального художест-

венного текста определяется не только количеством существующих в современном мире языков – возможных языков перевода. Потенциальное количество иноязычных интерпретаций оригинала гипотетически равно количеству потенциальных переводчиков-интерпретаторов оригинального текста-стимула. Также очевидно, что количество переводных вариантов может быть увеличено и за счет создания нескольких переводов одного текста-стимула на один иностранный язык в синхронии и диахронии.

В ряде случаев внутриязыковая, межъязыковая и межсемиотическая поливариантность оригинального художественного текста и его межъязыковая полилингвальность сочетаются, что происходит в случаях дублирования на иностранный язык для зарубежного проката киноадаптаций, созданных на основе оригинального художественного текста. Таким образом, вторичность как онтологическое свойство перевода [7], имеющая в своей основе информационную неоднозначность оригинала, является значимой не только для межъязыкового перевода, но для всех видов перевода в широком смысле данного понятия.

Литература

1. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 220 с.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Колшанский Г.В. О понятии контекстной семантики // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – С. 69-75.
5. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-т, 1999. – 278 с.
6. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. – М.: КомКнига, 2007. – 164 с.
7. Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: Дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Пермь, 2005. – 368 с.
8. Пастухов А.Г. Первичные и вторичные тексты в транслятологической перспективе: условия функционирования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №1. – 2006. – С. 87-91.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА, 2003. – 320 с.

10. Разумовская В.А. Вторичные художественные тексты и двойственность перевода // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации и переводческих дисциплин в ВУЗЕ: сборник статей международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 196 - 201.
11. Разумовская В.А. Информационная неоднозначность художественного текста: неисчерпаемость оригинала и переводная множественность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Гуманитарные и естественные науки. – 2012, № 3 (21). – С. 269 - 273.
12. Тюленев С.В. Вторичный текст как средство прагмастилистического изучения оригинала:Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04.– М., 2000. – 338с.
13. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation (ed. R. A. Bower). – Cambridge: Harvard University Press, 1959. – Pp. 232-239.
14. Sidorenko S.I. Rewriting Chauser: Some Dimensions of Middle English – Modern English Translations // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences 10 (2014 4). – Pp. 1462-1472.

© В.А. Разумовская, 2014

М.Ю. Романюк, К.О. Банокина
ОГУ, Оренбург, Россия

Classification of Paremias Included in the Semantic Field «Fear» in English

People's behavior is under the influence of many emotions that are expressed whatever nationality people have. These emotions are not connected with the language apprehension, though they have national markedness. The present article is concerned with the national peculiarities of expressing the emotion «fear» in English paremias.

Nowadays there is a great number of scientific works dedicated to the study of paremias and paremiology. Nevertheless the problem is that there is no classification of paremias. Most of the modern dictionaries and books on phraseological units present paremias just in alphabetical way. This fact is defined objective to develop the classification of paremias.

This study is based on the list of English paremias having components of lexical-semantic field (hereinafter referred to as «LSF») «fear» [1, 2218–2224]. These paremias were selected by sampling method with the use of the following phraseological dictionaries:

1) Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary, A. V. Kunin [8];

2) Cambridge Idioms Dictionary [2];

3) McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [10];

4) Dictionary of idiomatic English phrases, online-dictionary [4];

5) The Free Dictionary by Farlex, online-dictionary [6];

6) Idioms Dictionary, online-dictionary [7];

7) English Idioms & Idiomatic Expressions, online-dictionary [5].

As the result 93 paremias with the components included in the LSF «fear» are allocated.

This study is aimed to examine the composed list of English paremias on different aspects in accordance with their peculiarities. Phraseological units included in such list are divided into several classifications according to the different principles.

Syntactic classification

In the course of the study the paremias were analyzed on the principle of syntactic structural organization. In such a way the English paremias having the structure of sentence have been highlighted. Such paremias based a group of «full sentence phraseologisms». Examples are the following: *heart misses (skips) a beat;someone / something sends chills down one's spine*.

Besides the group of paremias mentioned above, the phraseological units having a group-word structure were singled out. For example: *to be scared to death (spoken); to be on pins and needles;to be in a (blue) funk.*

Each of these paremias in turn are divided into two groups: 1) verbal paremias mean action, and 2) adverbial paremias representingthe criterionof the action. Examples of such paremias are presented in the table below.

Verbal paremias	**Adverbial paremias**
To get the jitters	As a bundle of nerves
To quake in one's boots	Like a cat on hot bricks
To hit in the panic button	(To turn) as white as a ghost
To have goose bumps	With one's tail between one's legs
To get cold feet	As timid as a hare

It should be noted that during the analysis of phrasal paremias (6,5%) and paremias with group-word structure (93,5%), it was found that

the number of the second type prevails. This fact can be proved by the percentage resulting from the data of the statistic analysis.

This case suggests that the greatest number of the defined groups refers to the paremias having, as a rule, the structure of a sentence.

Classification of paremias based on psycholinguistic research

According to the «Concise Dictionary of cognitive terms» [3, 147], *psycholinguistics* is the science of people's speech activities in psychological and linguistic aspects, including the experimental study of psychological activity of a person's language acquisition and usage of language system as an organized and independentones.

The great variety of scientific works is aimed to describe the problems of phraseological units' functioning in the vocabulary of the linguistic identities. Such works deal with the various questions and have the different aims:

1) some linguists try to solve the problem of the native speakers' use of the paremias, answering the questions how spontaneous paremias are used in speech, whether they are separate lexical units and componentsor they are consciously used by a linguistic identity;

2) some authors have another object: to find out what use of paremias in speech (literal or figurative) is primary, and what is secondary;

3) other scientists explain if there is a possibility of paremias' dividedness into thecomponents in the process of perception;

4) thenext group is interested in the mental and cognitive processes which take place in the perception of paremias.

This study proposes a psycholinguistic classification of paremias based on the correspondencebetween their semantic meaning and the description of the actual state (cause, state, result). For example:

Cause of fear:*at one's own peril*. If you do something at your own peril, you do it although you know you might get harmed or lose something.

State of fear: 1) *to be on the edge of one's seat;* 2) *heebie-jeebies.*

Result of fear: 1) *to be frightened out of one's senses;* 2) *to be struck dumb*.

Polysemantic paremias

There are certain similarities between paremias and lexemes. Paremias are also related to each otheras the lexemes areand they form a specific system. In addition to that,paremic units have the same semantic

phenomena peculiar tothe lexical structure of the language, one of them is a phenomenon of polysemy.

Thus, *polysemantic paremias*are set expressions that have two or more meanings. However, it should be noted that the phenomenon of polysemy is not widely spreadin paremiology.

The main criteria of polysemantic paremias are the next:

1) differentiated structural and grammatical content of paremias. For example: 1) *to be afraid of one's own shadow* (verbal); 2) *heebie-jeebies* (nominal) and 3) *like a cat on hot bricks* (adverbial) – all meaning *«to be very nervous».*

2) changing of paremias' semantic content, depending on what lexeme is used. E.g., 1) *to give somebody the creeps* (informal). 1. To make you feel frightened or nervous and anxious, especially when there is no real reason for this. 2. To cause someone to feel dislike or disgust. 2) *To have kittens.* 1. To say that you're going to have kittens is a dramatic way of expressing worry or anxiety. 2. Means expressing fear.

3) phenomenon of the synonymy among the paremias. It's worth noting that there is a possibility to expand the synonymic row in the case of new meanings of the paremic expressions. For example, the meaning of the expression *to quake in one's boots– «to be extremely scared»* allows to include it into one synonymic row with the expression *to shake like a leaf*having the meaning *«to tremble with fear or nervousness»*.

4) the presence of phraseological synonyms.

E.g.: paremia *to have goose bumps* in the meaning *«to have a prickly feeling related to having bumps on one's skin due to fear»* is a part of the synonymic row *to have heart in one's mouth, to break out in a cold sweat, to get the jitters*. But in its second meaning *«a feeling related to having bumps on one's skin due to cold»* this paremia has other synonyms, such as*to turn blue with cold, to be chilled to the marrow, to freeze one's tail off*.

As the result, the group of paremias having two or more meanings was singled out.

Somatisms, animalisms and naturalistic group of paremias

In the course of the study all paremias were also classified into three groups according to the different lexical components forming them. These groups with their definitions are listed below:

1) somatisms– the group of paremias having in its structure the elements of the human body (feet, head, blood, hand, etc.) as the component;

2) animalisms (zoomorphisms) – group of paremias includingthe names of the animal species (fauna) in its structure;

3) naturalistic group – paremias having as component representatives of flora and various natural phenomena.

Firstly, let's focus on the group of paremias-somatisms. For better understanding, cite the following examples: 1) *to jump out of your* ***skin****;* 2) *as a bundle of* ***nerves***.

There is no doubt that the linguistic world-image of a certain individual is based on several components. One of such components is a unique system of each existing language. The remarkable fact is the fear in the European worldview is often transmitted through paremias with the component-somatism*blood*. Examples of such paremias are the following: 1) *to make somebody's* ***blood*** *curdle;* 2) *to freeze the* ***blood***.

As mentioned previously, paremias with animalistic component were taken from the list of all paremias, included in the LSF «fear». In the course of the study they were structured and arranged in one group. Such paremias with the names of animals are often called animalisms, or zoomorphisms. In phraseology animalisms have a number of specific features:

1) the presence of direct naming of an animal;

2) the figurative meaning «man»;

3) estimation of human actions or behavior.

The examples of animalisms in English include the following: 1) *to have* ***kittens****;* 2) *to have* ***butterflies*** *in one's stomach*.

Animalismsusually represent the result of long-term human inhabitancy with a particular animal in the same area, observations on their habits, and the result of direct interaction with the representatives of the fauna. Usually animals affect emotional state of people, that's why animals are ascribed the human qualities. Frequently it was based on the observation of animals' habits and behavior. Image of the hare traditionally associated with the cowardice is generally accepted one in the mind of almost all people across the world. Take note of the following paremias: *to be like a* ***rabbit*** *caught in the headlights;as timid as a* ***hare***, etc. These expressions are related to the concept of hare's cowardice in European nations. According to observations, a hare, hiding from the approachingdanger, really shakes a lot.

Thus, animalisms represent rather important group of paremias that is of great interest for deeper understanding.

Likewise, paremias reflecting the fear through the elements of nature were classified in the third group. For example: 1) *to hold [keep] at* ***bay****;* 2) *to put [get] the* ***wind*** *up* (British & Australian informal).

Fear is an emotion that characterizes behavior of a person outside of his/her ethnicity and language apprehension [9, 328]: *like a cat on hot bricks; tongue-tied; to quake in one's boots; to hit the panic button*.

Quite often, fear and terror are manifested in the human mind with the death threat: *heart skips a beat; to scare out of one's wits; to turn as white as snow; to have heart in one's mouth*.

The English paremia *«as pale as a ghost»*is nationally marked, and it reflects theworldview of the British Isles'inhabitants. Since ancient times England castles, according to tradition, were inhabited by ghosts. This fact explains the reason why a stab of fear is often correlated with the unexpected appearance of a ghost.

Thus, the image of the death in these paremias leads to the perception of fear not as a usual emotional reaction, but as a complex psychophysical process taking place under the threat of death.

Besides, in the course of the work, paremias expressing the highest degree of the fear intensity were marked: 1) *blue fank (slang)* (state of intense fear, fright, horror); 2) *to get the shock of one's life* (to be reeling in shock); 3) *to be scared stiff* (to be scared to death).

The existence of such paremias suggests a gradation of the emotional intensity of these linguistic culture representatives.

Colloquial paremias

Using the functional-stylistic and connotative characteristics of English paremic units as a guide, the group of paremias related to the colloquial speech was formed. Examples of such paremias are the following: 1) *to sweat bullets;* 2) *to be scared to death;* 3)*to give somebody the creeps;* 4) *to put the wind up*.

List of References

1. Banokina, K. O. Sravnitelnaya rekonstruktsiya lexico-semanticheskih poley «strah» / «fear» v anglijskom i russkom yazykah [Electronic resource] / K. O. Banokina, M. Yu. Romanyuk // Universitetskiy kompleks kak regionalnyu tsentr obrazovaniya, nauki i kultury: materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii; Orenburgskiy gos. un-t. – Orenburg : OOO IPK «Universitet», 2014. – 4014 pp. ISBN 978-5-4417-0309-3. – CD-ROM. – Zagl. s etiketki diska.
2. Cambridge Idioms Dictionary / Schulbuch : Klett Ernst, 2007. – 505 p.

3. Demjyankov, V. Z. Psiholingvistika // Kratkiy slovar kognitivnyh terminov / V. Z. Demjyankov, E. S. Kubryakova, U. G. Pankrats, L. G. Luzina. – Moskva : MGU, 1996. – pp.147-153.
4. Dictionary of idiomatic English phrases. Online Dictionary [Electronnyu resurs] // Internet Archive. – Rezhim dostupa: http://archive.org/stream/cu31924023354917/cu31924023354917_djvu.txt.–Zagl. s ekrana.
5. English Idioms & Idiomatic Expressions. Online Dictionary [Electronnyu resurs] // UsingEnglish.com. – Rezhim dostupa: http://www.usingenglish.com/reference/idioms/. – Zagl. s ekrana.
6. Free Dictionary by Farlex. Online Dictionary [Electronnyu resurs] // The Free Dictionary by Farlex. – Rezhim dostupa: http://idioms.thefreedictionary.com/. – Zagl. s ekrana.
7. Idioms Dictionary. Online Dictionary [Electronnyu resurs] // Dictionary.com. – Rezhim dostupa: http://dictionary.reference.com/idioms/. – Zagl. s ekrana.
8. Kunin, A. V. Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary / A. V. Kunin. – Moskva : Russkiy yazyk, 1984. – 945 pp.
9. Slovar po etike / pod red. A. A. Guseinova, I. S. Kona. – Moskva : Politizdat, 1989. – 477 pp.
10. Spears, R. A. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / R. A. Spears. – USA : McGraw-Hill, 2005. – 1080 pp. ISBN: 0-07-140858-4

© М.Ю. Романюк, К.О. Банокина, 2014

И.Н. Рыбка
УГАТУ, Уфа, Россия

Задача формирования знания процедурного типа

Все большее количество исследователей и практических преподавателей приходит к мысли, что «сегодня усилия лингвистов и методистов должны быть объединены с тем, чтобы разработать учебники и пособия, отвечающие современным потребностям общества, учебники работающие, гибкие, преследующие цель не только изучения языка как системы, но и практическое владение, а также формирование новой языковой личности и новой картины мира» [1, 124]. По нашему мнению, решение этой задачи может быть осуществлено только с использованием на практике достижений психологической и психолингвистической науки в области изучения процессов порождения и восприятия сообщений, затрагивающих работу внимания, памяти и другие когнитивные механизмы и психические процессы.

В качестве инновационной составляющей подобных учебных пособий видится использование опыта применения в процессе обучения иностранному языку возможностей, которые открываются через оперирование стратегиями овладения и пользования родным и иностранным языками и через их перенос на новые учебные и практические ситуации.

Понятие *стратегии* в приложении к процессу обучения иностранному языку находится в процессе теоретического осмысления и обсуждения в значительном ряде работ, опубликованных в последнее время отечественными и зарубежными авторами. Несмотря на тот факт, что стратегии трудно определить и классифицировать по целому ряду причин, указывается на появление новой предметной области обучения языку – «стратегий изучающего язык» (Г.В. Ейгер), а стратегия определяется в самом общем виде как некоторая последовательность навыков, используемая для достижения задуманной цели научения (А.А. Залевская, А.А. Пойменова).

Список описываемых стратегий включает стратегии обучаемых и преподавателей, стратегии как средства обучения и стратегии рассмотрения языка как системы, контроль или мониторинг пользования языком, стратегии проверки грамматического согласования, стратегии запоминания, понимания текста, стратегии поиска слов в лексиконе и др.

Представляется целесообразным использовать в учебных пособиях и практикумах специально отобранные стратегии, способствующие научению, а также стратегии, прямо влияющие на научение, без разделения их на метакогнитивные, когнитивные и социально-аффективные. Как правило, к когнитивным стратегиям относят практику, обмен сообщениями, анализ и рассуждение, структурирование получаемого и сообщаемого, установление ментальных связей, использование зрительных образов и звуков, повторение, догадку и проверку гипотез, преодоление трудностей и др. К метакогнитивным стратегиям относят акцентирование внимания на научении, организацию и планирование, оценку хода и результатов научения. Социальные стратегии ведут к усилению общения на изучаемом языке и связаны с кооперированием с другими людьми, обращением с вопросами и т.д. Аффективные стратегии связываются с эмоциями обучаемых и включают такие, как подбадривание себя, снижение волнения, создание положительного настроя при обучении и т.д.

По нашему мнению, обучение стратегиям следует осуществлять по программе, в соответствии с которой каждая стратегия, предлагаемая для освоения студентами, получает описание. После описания стратегии моделируется ситуация ее применения для решения задачи. Далее студентам можно предложить практиковаться в применении этой стратегии при выполнении задач, что постепенно приводит к формированию знания процедурного типа.

Внимание следует уделить мониторингу или контролю за успешностью применения стратегий со стороны обучаемых. Мы полагаем, что необходимо включать задания на рефлексию и автокоррекцию со стороны обучаемого, что помогает успешно организовать самостоятельную работу студентов, позволяет им стать более самоуправляемыми, осознанно выбирать и применять определенные стратегии (а также упражнения для их автоматизации) для оптимизации процесса научения. В качестве таких заданий можно предложить следующие: ведение дневниковых наблюдений обучаемого (то есть заполнение учебного дневника на каждом занятии), рассуждение вслух, а также атрибуция (причинное объяснение успехов и неудач в процессе изучения языка как иностранного самими обучаемыми).

Литература

1. Голикова Т.А. Обучение русскому языку как неродному: лингвистические и психолингвистические подходы // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения: материалы международной научно-методической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С.117-125

© И.Н. Рыбка, 2014

Л.Д. Сабирова
БашГУ, Уфа, Россия

О возможностях совершенствования языковых навыков после экзамена

Как известно, обучение иностранному языку в современном вузе для большинства студентов бакалавров не заканчивается на втором году обучения, а продолжается в виде курсов на третьем и четвертом годах обучения. При поступлении в магистратуру студенты снова показывают свои знания языка и продолжают посещать занятия для сдачи очередного экзамена. Если добавить, что в высшей ступени

вузовского образования, аспирантуре, изучение иностранного языка продолжается, в итоге от воспитанника вуза стоит ждать высокий уровень языковой подготовленности. Однако так можно сказать не про всех выпускников.

Обращаясь к теме «клиповой культуры» и проблеме «клипового мышления», хотелось бы более детально разобрать степень ответственности отдельных студентов в неудовлетворительной языковой подготовленности.

Многие молодые люди, не только начинающие, но и продолжающие свое академическое образование, сознаются в своей неприязни к устоявшейся и отточенной за многие годы образовательной рутине, и признаются преподавателю в отсутствии веры в успех. Решимость таких студентов получить навыки речи на иностранном языке сходит на нет, как только они сталкиваются с необходимостью воспринять и обработать большие объемы линейной информации.

При этом те же студенты воспринимают огромные объемы информации в мозаичном и препарированном виде, получаемые длительное время через СМИ. Ввиду особенностей мышления молодых людей в их памяти смыслы фиксированной длины легко укладываются и воспроизводятся в присутствии схожих ассоциаций [2]. Отметим также, что молодые люди готовы воспринять подобную клиповую информацию с большой готовностью, не разбирая ее практическую и образовательную ценность. И здесь самое время привести доводы в пользу утилитарного подхода к феномену «клипового мышления».

Обучение студентов с разным уровнем остаточных знаний по иностранному языку после сдачи ими экзамена в конце второго курса часто проходит в условиях низкой мотивации, неверия в возможность качественных изменений. Компромиссом между образовательной программой и реальным уровнем знаний студентов, от которого приходится отталкиваться при выполнении этой программы, может стать применение технологий, схожих с теми, которые используются в СМИ, как то: приемы, используемые в рекламе, новостных порталах, телесериалах.

Студенты, пасующие перед словесно-логическими доводами преподавателя, обязательно среагируют на так называемые «удары», о которых говорил Фёдор Иванович Гиренок, разработавший теорию клипового мышления – скучающий вид и отсутствующий взгляд сту-

дента сменятся интересом и желанием принять участие в аудиторной работе при смене принципа работы с объяснительного, монотонно неакцентированного, на дробный с переключениями между фрагментами и выделением главных моментов, а также обязательной актуализацией материала [1, 123].

Практика показывает, что студенты охотнее работают с информационными отрезками малой длины и способны проработать больший материал в виде коротких сообщений нежели тот же объем материала, представленный перед ними целиком. [4, 333]

Работа с классическими упражнениями на подстановку правильного варианта и объяснение выбора грамматической формы проходят без эмоциональной окрашенности познаваемой информации, без «*wow-эффекта*», который для современных студентов является определяющим в оценке полученной информации. И самым главным доводом о несостоятельности традиционных видов работ является отсутствие зрительного контакта, когда за все время выполнения упражнений, студенты редко поднимают взгляд на преподавателя и почти не встречаются взглядом с одногруппниками. Однако зрительный контакт – это неотъемлемая часть общения, без которой теряется смысл любого, даже очень ценного языкового материала.

Обучение иностранному языку как элективной дисциплине на третьем и четвертом курсах не предполагает жесткой схемы работы и позволяет преподавателям пробовать новые методы, перекликающиеся с основными положениями клип культуры. В итоге с непременной эмоциональной составляющей обучение будь то перевод, обсуждение, проговаривание, заучивание, воспроизведение в виде клипов приобретают нужный динамизм. Практика показывает, что даже значительная жертва традиционными упражнениями дает вполне ощутимые качественные изменения и рост интереса к аудиторной работе.

Изменения в принципах разработки курсов и в аудиторной работе со студентами необходимы, так как они продиктованы изменениями нашей информационной среды в целом и не должны игнорироваться.

Литература

1. Гиренок, Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). – М: Лабиринт, 1995. – 201 с.

2. Школа жизни.ру Познавательный журнал. Автор: Олег Фридман. http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-8011/

3. Оптимальные коммуникации (ok). Эпистемический ресурс Академии медиаиндусрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/
4. Сабирова Л.Д. Усвоение программы вуза против клипового мышления // Межкультурная Интракультурная Коммуникация: теория и практика обучения: материалы Международной научно-методической конференции. 5-6 декабря 2013 г. / отв.ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С 332-333.

© Л.Д. Сабирова, 2014

В.А. Саблукова
БашГУ, Уфа, Россия

Теория интертекстуальности и теория прецедентности

Термин интертекстуальность был впервые применен в 1967 году французским исследователем в области лингвистики и семиологии Ю. Кристевой, которая рассматривает интертекстуальность как «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [8, 102]. М.М. Бахтин отмечал, что действительность, описываемая автором, находится в постоянном «диалоге» с предшествующей литературой [2, 35–36].

А.Е. Супрун пишет, что интертекстуальность обнаруживается в Библии, в произведениях древнерусской литературы [19, 18].

На данный момент существует множество трактовок термина интертекстуальность, в том числе различают «узкое» и «широкое» понимание данного понятия. В широком смысле интертекстуальность соотносится с «открытостью» и «незамкнутостью» отдельного корпуса текстов по отношению к уже существующему корпусу текстов [16, 4-5].

Известный исследователь дискурса В.Е. Чернявская при исследовании интертекстуальности в широкой, радикальной концепции пришла к выводу, что, рассматривая всякий текст как интертекст, радикальная концепция стирала грани между понятиями текста и текстуальности. При такой концепции рассматривались не столько тексты, сколько отношения между ними [21, 193].

Ю.С. Степанов определяет понятие интертекстуальности как «явление скрещения, контаминации текстов двух или более авторов (а также не имеющих личного автора)» [18, 3]. В узком смысле интертекстуальность рассматривается с позиции «текст в тексте» (Ю.М. Лотман), когда «созданный автором текст оказывается включённым в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщённых опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключённую в тексте» [12, 357].

Следует отметить, что теория интертекстуальности прослеживается не только в лингвистике, она также находит свое отражение в таких областях, как политика, психология, философия, реклама. В связи с этим можно говорить об «интертекстуальном синдроме» [22, 35].

Таким образом, интертекстуальность способствует зарождению нового текста. Автор текстов, как справедливо отмечает Р. Барт, являясь «вечным переписчиком», «может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них» [1, 387]. Т.Е. Литвиненко признаёт «интертекстуальными все тексты», а также пишет о том, что межтекстовые связи являются непременным условием коммуникации» [11, 36].

Понятие интертекстуальности связано не только с текстом, отображающим действительность автора и предшествующий текст, также оно вовлекает непосредственно автора и восприятие читателя. В связи с этим целесообразно рассмотреть идею, выдвинутую Н.А. Фатеевой, которая разграничила авторскую и читательскую интертекстуальность [20, 16].

С позиции читателя интертекстуальность понимается как «установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами, связанными с данными референциальной, синтагматико - комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической памятью слова [20, 25].

С позиции автора интертекстуальность представляет собой «способ генезиса собственного текста и постулирования собствен-

ного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» [20, 20].

Как было указано выше, не существует единого определения интертекстуальности. Более того, различные исследователи используют различную терминологию: интертекст (Н.А. Кузьмина) – объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени [9, 23]; текстовая реминисценция (А.Е. Супрун, А.П. Клименко), которая подразумевает использование «осознанных vs. неосознанных, точных vs. преобразованных цитат или иного рода отсылок к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [19, 17]; прецедентные феномены (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаева), которые 1) хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [6, 44]; цитатное письмо (С.И. Сметанина), которое «участвует в организации нового смысла, опираясь на фоновые знания, но не обязывает по-особому компоновать авторскую концепцию, образ героя, событие в тексте» [17, 110].

В связи с этим многие лингвисты предприняли попытки систематизировать данный термин. Так, Н.А. Кузьмина выделяет пять основных типов трактовки термина «интертекстуальность»:

1) интертекстуальность как способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты (И. Смирнов);

2) интертекстуальность как взаимодействие внутритекстовых дискурсов: дискурса повествователя с дискурсом персонажей, одного персонажа с другим и т.д. (Л. Дэлленбах и П. Ван ден Хевель);

3) интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (Ж. Женетт, А. Жолковский и др.);

4) интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста (В.Е. Чернявская);

5) интертекстуальность как «механизм метаязыковой рефлексии», позволяющий автору определить способ генезиса собственного

текста, а читателю – углубить понимание за счет установления многомерных связей с другими текстами (Н. Фатеева) [9, 19].

Примечательной, на наш взгляд, является классификация, предложенная ученым С.Загер, который выделил три формы интертекстуальности:

1) абстрактную – потециально возможную интертекстуальность, при которой рассматриваются культурно-семиотические отношения;

2) когнитивную интертекстуальность, при которой рассматриваются отношения между текстом и реципиентом;

3) текстуально-выраженную интертекстуальность, которая подразумевает выраженность текстового диалога посредством различных сигналов [23, 111].

Несмотря на разнообразие терминологии в отношении интертекстуальности, как справедливо отмечает О.А. Ворожцова, в текстах присутствуют ссылки не только на явления собственно лингвистической природы (цитаты, аллюзии, крылатые выражения и т.д.), но и на экстралингвистические факторы (события из жизни автора, значимые даты, важные географические названия) [4, 25].

В работе Г.В. Денисовой развиваемый подход интертекстуальности представляет собой попытку «рассмотрения интертекстов как составляющих элементов семантической памяти носителей русского языка/культуры и их проявления в разных областях речевой деятельности» [5 261]. Г. В. Денисова особо подчёркивает, что интертексты воздействуют на языковую личность в рамках лингвокультурного пространства [5, 262].

С.Л. Кушнерук рассматривает прецедентность как одну из сторон в исследовании феномена интертекстуальности, связанную с выявлением национально-культурной специфики коммуникации, анализом тех элементов, которые составляют общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов [10, 27]. Н.В. Петрова соотносит понятие интертекст с понятием прецедентный феномен и рассматривает интертекстуальность как «формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного вида дискурсов (литературного, научного, публицистического, делового и др., а также социокультурных), вербальных и невербальных текстов» [11, 66].

Следует подчеркнуть, что термин «интертексутальность» коррелирует с термином «интердискурсивность». По мнению В.Е. Чер-

нявской, только изучая тексты, можно переходить к изучению дискурсов. Таким образом, «интердискурсивность как смена дискурсов становится видимой только в текстовой ткани, то есть через разного рода интертекстуальные сигналы» [21, 220].

Прецедентность в лингвистике определяется как «процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [13, 146]. Исследователь Н.А. Кузьмина, в свою очередь, предлагает разграничить понятия прецедентность и интертекстуальность. По мнению исследователя, интертекстуальность, являясь феноменом культуры, не имеет временных рамок и соотносится с эстетической ценностью, прецедентность соотносится с тем, что происходит сейчас, но не обязательно с тем, что произойдет в будущем, то есть прецедентные феномены имеют временные рамки, и для них характерна «техническая» поддержка, как правило, «обеспечиваемая средствами массовой коммуникации» [9, 102]. Разграничивая понятия прецедентные феномены и интертекст, следует отметить, что теория интертекстуальности преимущественно анализирует художественный текст, а теория прецедентности анализирует речевые спонтанные, импровизационные тексты [7, 227 – 228].

Таким образом, интертекстуальность и прецедентность являются смежными понятиями, так как оба термина соотносятся с культурной значимостью, тем не менее, интертекстуальность характеризуется вневременным фактором, тогда как для понятия прецедентность характерна «техническая поддержка», обеспечиваемая средствами массовой информации.

Литература

1.Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. − М., 1994. − С. 462- 518
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М, 1979. – 415 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. Антология. − М.: Academia. 1997. − С.227-244.
4. Ворожцова О.А., Зайцева А.Б. Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского Государственного Университета 2006. № 45. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Выпуск 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 222-229.
5. Денисова Г.В. В мире интертекста. Язык. Память. Перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.

6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: «Гнозис», 2003. – 374 с.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник Московского университета. Серия Филология. – 1995. – №1. – С. 97-124.
9. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург – Омск: Омский государственный университет, 1999. –268 с.
10. Кушнерук С.Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе. − Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 198-204.
11. Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста [Текст] / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 308 с.
12. Лотман Ю.М. Знаковый механизм культуры // Сборник статей по вторичным моделирующим системам /Под ред.Ю.Лотмана. – Тарту, 1973. – С. 195-199.
13. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н.В. Немирова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 11. – Екатеринбург, 2003. – С. 146−155.
15. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа: монография / Н.В. Петрова. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – 243 с.
16. Сандалова Т.А. Интертекстуальные включения как средство языковой игры в тексте советского газетного фельетона (на материале центральных газет с 1970 по 1991 гг.) Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. Наук. – Спб., 1998. – 20 с.
17. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
18. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2001. –Т.60,№1. – С.3-11.
19. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление //Вопросы языкознания. – М., 1995. – №6. – С.17-29.
20. Фатеева. Н.А. Интетекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2006. – 280с.
21. Чернявская В.Е. Лингвистика текста, поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. –М.: Либроком, 2009. – 258 с.
22. Heinemann W. Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus textlinguistischer Sicht // J. Klein, U. Fix (Hg). Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen, 1997.

23. Sager S. Intertextualität und die Interaktivität von Hipertexten // J. Klein, U. Fix (Hrsg.) Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftlische Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen, 1997.

© В.А. Саблукова, 2014

Л. Р. Сагидуллина
БашГУ, Уфа, Россия

К проблеме концептуального анализа художественного текста при подготовке филолога-билингва

Первоэлементами художественного мира, созданного тем или иным автором, являются текст, автор, читатель, язык и действительность. Именно текст можно рассматривать в качестве идеальной модели реализации принципа антропоцентричности языка.

В настоящее время изучение текста вышло далеко за пределы синтаксиса, стало самостоятельной областью филологической науки и входит в программу вузовской подготовки как курсы «Лингвистический анализ текста», «Филологический анализ текста» и т.д. Опыт работы со студентами татарско-русского отделения БГУ показывает, что, признавая право на существование и на развитие таких направлений анализа текста, как лингвоцентрический, текстоцентрический, мы на сегодняшний день отдаем предпочтение когнитивному (когнитивно-концептуальному) направлению в анализе художественного текста.

Та полилингвальная и поликультурная среда, в которой происходит обучение родному языку, предопределяет взаимосвязанное и взаимообусловленное обучение языкам, что является основой формирования истинно толерантной личности. Анализ концептов татарского языка, их сравнение с аналогичными концептами русского, башкирского и других языков позволяют выявить и безэквивалентную лексику, и своеобразие национального мира, и индивидуальный художественный мир того или иного автора, и универсальность общечеловечской картины мира. Методологической основой для организации собственной практики по концептуальному анализу художественых текстов писателей и поэтов, тем или иным способом связанных с республикой Башкортстан, и руководства студенческими работами стали труды

А.Ф.Лосева, Д.С.Лихачева, Ю.С. Степанова, В.А.Масловой, Л.Г.Бабенко, Л.Г.Саяховой, Р.Р. Замалетдинова и др.

Выбор этого направления объясняется не модой, не сиюминутными интересами, а тем, что концептуальный анализ позволяет осуществить интеграционный подход к анализу текста, включить в процесс анализа все первоэлементы текста, их взаимосвязи и взаимоотношения, в том числе более продуктивно решать проблемы и лингводидактики в полилингвальной и поликультурной среде. Кроме того, выбор продиктован неудовлетворенностью традиционными формами и путями анализа текста, невозможностью проникновения в самую суть художественного мира того или иного автора. Дело в том, что традиционный путь становился, с разной долей таланта и способностей исследователя, простой констатацией факта использования автором разных языковых средств. Кроме того, сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста, его соотнесенность как компонента литературно-эстетической коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковый характер также объективно послужили причиной поиска новых подходов к его изучению.

Когнитивно-концептуальный анализ естественно вырастает из ведущих философских направлений 20-го века, а именно из герменевтики, постмодернизма, феноменологии и др. Если в античном мире философов интересовал Космос (и человек), в средние века – Бог (и человек), в новое время – Человек (и общество), то в 20 веке – Язык (и человек). Как справедливо заметил М.Хайдеггер, философия начинается с учения не о познании, а о бытии человека в мире. А домом этого бытия является язык. В этом плане особенно важна герменевтика, так как она, по А. Ф. Лосеву, и есть философия о бытии человека в мире и понимании этого мира посредством языка и переживаний, и направлена она на постижение текста как бы «изнутри», исходя из него самого, что позволяет дешифровать, понять, истолковать, усвоить - интерпретировать его [4, 62].

Безусловно, на сегодняшний день общеупотребительным термином является термин «анализ». Но если исходить из того, что анализ это только «разложение целого на части», то это односторонний подход для толкованя текста, так как любое усвоение, создание пред-

полагает синтез – «познание явления как единого целого». Поэтому термины «толкование», «интерпретация», активно используемые в герменевтике, наиболее полно отражают тот процесс, который мы совершаем, работая с текстом.

Мощным средством интерпретации текста выступает слово как существенный, системообразующий элемент культуры. Но не любое слово, а концепт, который занимает центральное место в когнитивной лингвистике. По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это термин, «служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; … концепты – некие «кванты» знания»[3, 90].

Концептуальный анализ ведется по направлениям: анализ определенного концепта (например, «сабырлык - терпимость», «кош-птица», «йолдыз-звезда» и др.); характера его функционирования в тексте, в творчестве одного автора, нескольких авторов; выявление концептосферы текста, творчества автора; сравнительный анализ нескольких концептосфер и т. д. В качестве самостоятельной работы студенты собирают лингвистический и текстологический материал по таким концептам, как «намус-честь», «батырлык-героизм», «ялган-ложь», «матурлык-красота», «гомер-жизнь» и т.д. Эта работа предлагается в форме долгосрочного (месяц, семестр) проекта с последующей его защитой на практических занятиях; результаты исследования оформляются в виде научных тезисов докладов, статей, курсовых и дипломных работ. Как правило, анализ репрезентации концепта на материале татарском языка ведется в сопоставительном плане, изучаются пути репрезентации данного концепта на материале русского, башкирского языков. Анализу концепта в тексте предшествует анализ данного концепта в языке. Некоторые шаги алгоритма действий с концептом рассмотрим на примере работы с «кош – птица».

Жизнь, быт, а также и творчество наших предков были напрямую связаны с птицами. Как отмечается в исследованиях, птицы играют важную роль в мифологии тюркских народов. Они представлены в мифах о сотворении земли и получении огня. Древнетюркское божество Умай называли птицей-матерью, призывали во время тяжелых родов. Птицы (журавль, голубь, орел и т.д.) в мифах презентованы как тотемные предки, защитники и караульщики неба [6, 699-

701]. Хотя в татарском языке существуют работы по изучению названий птиц (например, кандидатская диссертация Сафиной Э.И.), они мало затрагивают когнитивно-лингвокультурологический аспект исследования орнитонимов, следовательно, проблема изучения концепта «птица-кош» для выяснения своеобразия национальной языковой картины мира татар актуальна.

Концептуальные признаки данного суперконцепта и входящих в него концептов выявляются путем раскрытия значения слов, фразеосочетаний, паремий. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта, отсюда потребность в текстах. Образ птиц является важной составляющей в художественной картине мира, созданной народом, писателями и поэтами, поэтому сбор и интерпретация поэтических образов с суперконцептом «кош» и его концептами также является нашей задачей.

Изучение этимологии слова «кош» позволило выяснить, что оно восходит к древнетюркским корням. Многие ученые едины во мнении, что вопрос мотивации номинации «кош» остается открытым. Мы можем предположить, что корень в словах «кош» (птица) и «кот» (душа, счастье) восходит к одной и той же пратюркской основе – ко/ку: кот (кош) куна – душа (птица) садится, кот (кош) оча – душа (птица) отлетает и т.д. В обоих словах есть общее смысловое «зерно»: «нечто, висящее над людьми», «нечто, спускающееся сверху» [6, 699-701].

Анализ татарских идиом с орнитокомпонентами, которые широко представлены в татарском языке, позволяет анализировать характер концептуализации внешнего и внутреннего мира человека. В 60 ФЕ с компонентом «кош» преобладает положительная коннотация; они реализуют такие концепты, как «счастье» (*кош тоткан кебек),* «свобода» (*кош кунмаган агач юк, ирекле кош*), «речь» (*авызында кош уйнату*) и т.д. В языке представлены ФЕ и с негативной коннотацией: *садака кошы, тутый кош, ала кош, алла кошы*. Концепт «кош» является частью фразеологической терминологии: *кош теле* (национальная выпечка), *(киек) кош юлы* (Млечный путь), *давыл кошы* (буревестник), *корыч канатлы кош* (самолет). Среди них встречаются эвфемизмы: *кош ите* (свинина), *идән асты кошы* (крыса), *кош сөте* (водка). ФЕ *кош очымы (җир)* - древнетюркская мера длины [2].

Менталитет народа, отраженный в его языке, находит отражение в поэтических текстах. Сопоставление разных образов, созданных разными авторами в разное время с использованием разных концептов, позволяет выделить модели или парадигмы поэтических образов. Например, для создания поэтических образов нами использовались как традиционные, так и окказиональные метафоры: *«кош җаны», «студентлар - оя ташлап китәр кошлар», “җан кошы”, “күңел кошы”, “кошлар – дөньяның иң зур оркестры”, “былбыл хоры – хәят Мендельсоны”, “төн кошының соло партиясе”, “кош та... сусауларын баса нур белән”, “язны, кышны кайтарам дип, кошлар һәр ел хаҗ кыла”, «торна - энҗе”, «песнәк – тәти”* и т.д. [5]. Как показывают примеры, концепт “кош” в языковом сознании современного носителя татарского языка активен и находится в развитии.

Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление концептосфер того или иного автора, того или иного произведения, что становится базой для моделирования художественной картины мира, созданной писателем или поэтом. Такой анализ позволяет вычленить узуальную и окказиональную части концепта, следовательно, и всего творчества. При умелом и профессиональном использовании концепты – это ключи в творческую лабораторию писателя, который позволяет интерпретировать не только то, что сказал автор, и не только то, что он хотел сказать, но даже и то, о чем он не хотел говорить, сказал непреднамеренно. С этих позиций нами было проанализировано творчество Г.Гиззатуллиной-Гайсаровай, М.Кабирова, Г.Гильманова, М.Вафина и др.

Картина мира, построенная каждым из этих авторов, своеобразна и уникальна. Такие универсальные концепты, как “җан” (душа), “язмыш”(судьба), “үлем”(смерть), “юл”(дорога), гомер (жизнь), күк (небо), “мәхәббәт”(любовь), “курку”(страх) и др. находят индивидуально-национальную реализацию в произведениях каждого писателя. К примеру, в национальной языковой картине мира концепту «җан» отводится важное место. Те 10 значений слова, которые зафиксированы в толковом словаре татарского языка, расширены в 796 фразеологизмах с фразеокомпонентом «җан». При этом необходимо отметить, что в татарском языке концепт “душа” представлена несколькими лексемами, часть которых является безэквивалентной: *кот, бәгырь, күңел, йөрәк [2]*. У Г.Гиззатуллиной,

Г.Гильманова, М.Кабирова ядро концепта “җан”, его узуальная часть совпадают со значениями, представленными в толковых словарях татарского и башкирского языков и в фразеологизмах. Коннотативная же часть – окказиональные значения данного концепта у Г.Гиззатуллиной вобрала в себя идеи дзэн-буддизма и суфизма, у Г.Гильманова – язычества, тенгрианства и ислама, а “душа” М.Кабирова более космополитична и более социальна.

Концепт «шагыйрь» (поэт) также, кроме универсального значения, в творчестве М.Закирова, М.Кабирова, М.Вафина, Ф.Габдрахима, Р.Идиятуллина имеет национально-специфический ряд: Г.Тукай, Х.Такташ, М.Джалиль, Х.Туфан. Общей частью этих авторов является и то, что, с одной стороны, поэт – избранник Бога, высших сил, с другой стороны – изгнанник, чуждый толпе и миру. У поэтов, живущих в РБ и пишущих на татарском языке, в слове-концепте «шагыйрь» присутствует тоска-ностальгия. Она рождается от невозможности полной самореализации в конкретных социолингвистических и социокультурных условиях.

Таким образом, когнитивно-концептуальный анализ текста, интерпретация художественного произведения актуальна и в методологическом, и в лингвистическом, и в литературоведческом, и в методическом смыслах. Решая проблему билингвального образования в подготовке филолога к профессиональной деятельности в полиэтнических, полилингвальных условиях республики Башкортостан, мы решаем вопросы воспитания билингвальной личности – личности, активно владеющей двумя языками. В нашем случае этот процесс предполагает усвоение как минимум двух национальных языковых картин мира – татарской и русской. Только у билингвальной личности, усвоившей языки в органической связи с культурой народов-носителей этих языков, могут сформироваться компетенции, востребованные в современном поликультурном мире.

Литература

1. Җамалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре. – Казан: Мәгариф, 2006. – 351 б.
2. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. 1 том. – 1989, 495 б.; 2 том. – Казан: Тат кит. нәшр., 1990. – 365 б.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.:Мысль, 2001. – 560 с.

5. Сәгыйдуллина Л.Р. Күңелем күкләре. – Уфа: Китап. 2011, - 240 б.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв.ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо]. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
© Л. Р. Сагидуллина, 2014

Р.А.Салахов
БашГУ, Уфа, Россия

О сценариях введения имен собственных-личных в художественный текст

Целью данной статьи является рассмотрение основных сценариев введения имен собственных-личных в текст художественных произведений в сравнении со стереотипами, функционирующими в обыденном речевом общении.

Как известно, наличие у человека личного имени является одним из главных признаков его социализации. Личное имя является одним из главных языковых персональных идентификаторов человека как члена общества, члена языкового коллектива. Первый общественный акт, происходящий в жизни каждого человека – это акт имянаречения, сопровождаемый и закрепляемый его общественным признанием. В отличие от употреблявшихся первоначально в качестве личных имен прозвищ (или прозваний), которые определенным образом характеризовали их носителя и могли заменяться на другие при переходе носителя из одного этапа своей жизни в другой (служа зачастую символами общественного признания и славы, которой их носитель удостоился за совершенные им подвиги) современные личные имена не являются более характеристикой их носителей, максимум – пожеланием, с которым родители отправляют свое дитя в долгий жизненный путь. Имя личное является своеобразной оправой, которая собирает воедино ожерелье человеческой личности, а также своего рода браслетом, с помощью которого общество эту личность контролирует.

Таким образом, наличие у человека личного имени предполагается априори. Несообщение в речевом дискурсе имени человека происходит обычно с целью обезличивания информации и сигнализирует о том, что нет необходимости в привязке данной информации к

конкретному человеку: «*Один мой приятель* купил Volkswagen и не очень доволен. А меня и Лада вполне устраивает».

Аналогичный прием применяется также в художественной литературе и народном творчестве, когда основное внимание уделяется передаче какой-нибудь информации общего плана (применимой зачастую к множеству людей) и нет необходимости соотнесения данной информации с конкретными лицами. См., например, авторскую ремарку в рассказе В. Солоухина «На дачу съезжались гости…»:

Надеюсь, не нужно описывать каждый раз участников разговора, их внешность, манеры, представлять по имени-отчеству и по профессии. *У нас тут в предмете не характеры, а канва разговора, да и то в общих чертах*.

Яркими примерами такого обобщающе-обезличенного подхода являются сказки:

- Жили-были в одной деревне *дед да баба* («Курочка Ряба»).
- Жил *старик со своею старухой* у самого синего моря (А.С.Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»).
- Es war einmal *ein Prinz*, der wollte eine Prinzessin heiraten; aber es sollte eine wirkliche Prinzessin sein (Hans Christian Andersen „Die Prinzessin auf der Erbse“).

В современных художественных текстах данный прием встречается реже, в рассказах – основном жанре малой повествовательной прозы, который исторически восходит к фольклорным жанрам (сказке, притче). Так, в рассказе Х. Бёлля „Anekdote zur Senkung der Arbeitsmoral“ на протяжении всего повествования фигурируют два действующих лица – рыбак (*der Fischer*) и турист (*der Tourist*). В рассказе Альфреда Андерша „Ein Vormittag am Meer“ главные герои именуются не иначе как местоимениями третьего лица *er и sie* (причем, если обычно местоимения используются для замещения имен существительных, то в этом рассказе они сами иногда замещаются именами существительными *der Mann, die Frau*): *Sie* hatten sich vorgenommen, im Urlaub früh aufzustehen, schon morgens am Strand zu sein, wenn noch niemand am Strand war, aber stattdessen schliefen *sie* lange und frühstückten spät (Alfred Andersch).

При первичном введении имени личного в речевой дискурс в обыденном общении принято всегда сопровождать имя собственное именем нарицательным, которое либо предшествует имени личному, вычленяя объект именования, либо следует в непосредственной бли-

зости от имени собственного, чтобы дать ему содержательную опору для перехода к выполнению свойственной именам собственным функции идентификации, например:

• У меня есть *приятель*. Зовут его *Петр*…

• *Иван Степанович, директор школы*….

Без сопровождения имени нарицательного имя личное вводится в речевой дискурс в обыденном общении лишь тогда, когда оно уже выполняет функцию идентификации, т.е. является своего рода прецедентным [1, 216; 2], пусть и для небольшого языкового коллектива (т.е. слушатель [реципиент] знает, о ком идет речь). Либо когда говорящий предполагает, что дело именно так и обстоит, напр.: «*Ирина Михайловна* сказала …» - «А кто такая Ирина Михайловна?» - « Как, ты до сих пор не знаешь, кто такая Ирина Михайловна? Это классный руководитель нашей дочери!»

В художественных текстах привычный для реального общения вариант первичного введения имени личного в сопровождении имени нарицательного также используется, например:

• Im Sommer 1834 verließ der *Maler George Catlin* zusammen mit einem Dragonerregiment unter *General Leavenworth* Fort Gibson am Oberlauf des Arkansas zu einer Strafexpedition ins Gebiet der Kumantschen, die einige Wochen zuvor den *Friedensrichter Martin* und seinen Negerdiener auf einem Jagdausflug ermordet und seinen Sohn, einen bildhübschen Knaben von zehn Jahren, entführt hatten. (Hans Christoph Buch „Westlich des Roten Flusses“)

• *Der Bauer Ole Bienkopp*, dieses große Kind, friert zuweilen. (Erwin Strittmatter, „Ole Bienkopp“)

• „Dort hinter unserm Nest liegt die Welt und wir hocken hier…“ Das Gefühl hat plötzlich *Detlef Kallinger*, genannt Detti, *Schlosser und Gründer der „Keksdisko“* in Wurzelstedt. (Rudi Benzien „Berlin, hier bin ich“)

Однако данный способ введения имени личного в текст художественного произведения не является самым употребительным, частотным.

Иногда авторы пространственно разделяют, отдаляют друг от друга имя нарицательное и имя собственное для создания определенного художественного эффекта, интриги, напряжения, используя метод двойного вычленения:

Ein Mann suchte Ananas in Dosen, er lief von Geschäft zu Geschäft, er konnte Ananasmarmelade und frische Ananasfrüchte kaufen, aber er wollte die Frucht in Dosen. (…) Er ließ den Wagen auf der Straße stehen und betrat die Klinik. Der Pförtner grüßte, zwei Pfleger fuhren einen Kranken in den Aufzug, die Lehrschwester Inge trug Geschirr über den Gang und errötete und der Zeiger der elektrischen Uhr ruckte um einen Teilstrich vor und es war genau fünf Minuten vor fünfzehn Uhr. *Der Dozent Oberarzt Dr. Robert Hartung* betrat sein Dienstzimmer. (Jurij Brězan „Eine Liebesgeschichte“)

В данном романе объект именования первоначально вычленяется при помощи имени нарицательного *ein Mann*, а затем повторно вычленяется и соотносится с именем собственным.

В романе Вилли Бределя „Die Prüfung“ объект именования (главный герой) вычленяется как бы дважды – одни раз при помощи имени нарицательного, а затем еще раз – при помощи имени собственного, в дальнейшем же происходит сведение этих образов воедино. В первых строках романа – In wenigen Minuten soll der Zug in Hamburg einlaufen. Damit beginnt ein neuer Abschnitt in der Arbeit *des Mannes, der im Durchgang des Schnellzuges Frankfurt am Main – Hamburg-Altona steht und aus dem Fenster blickt. Der Fremde* kommt aus Berlin. – происходит вычленение при помощи существительного *der Mann* конкретного лица – одного из главных действующих лиц романа Генриха Торстена (Heinrich Torsten). Далее мы узнаем, что он приехал из Берлина. В Гамбурге он чужак. Номинация по данному признаку – *der Fremde* – закрепляется за ним на протяжении всей первой главы романа, в конце которой сообщается об аресте героя. На 47-й странице романа происходит вычленение и отождествление данного персонажа с помощью личного имени: *Seit seiner Einlieferung ins Stadthaus* sitzt *Heinrich Torsten* in einer Box. (Willi Bredel „Die Prüfung“)

Сведение воедино образов, вычлененных при помощи имен нарицательных *der Mann* и *der Fremde* и далее посредством имени собственного *Heinrich Torsten*, облегчается совпадением определенных компонентов информации, прежде всего информации об его аресте.

Однако наиболее часто авторы литературных произведений вводят своих героев в текст сразу посредством называния их по имени, используя личное имя как своего рода псевдопрецедентное имя,

пытаясь создать у читателя иллюзию знакомства с героем, ср. начальные строки и абзацы разных литературных произведений:

• Endlich hatte *Henry Neff* das Fundbüro entdeckt. (Siegfried Lenz „Fundbüro“)

• *Ludwig* schaute aus dem Fenster und hörte unten die *Frau Köberl* zu einer Nachbarin sagen: „Er wird ein Lehrer.“ Sie meinte Ludwig und er dachte, hoffentlich habe Frau Köberl damit Recht. (Herman Lenz „Ludwigs Freundin“)

• Die Tür war nur angelehnt gewesen. *Haupt* saß an seinem Schreibtisch. Das Gesicht in die Hände gestützt, sah er in die Nacht hinaus.

Hannah betrachtete ihn. Sie merkte plötzlich, wie vertraut ihr dieses Gesicht bereits war… (Gerd Fuchs „Hannah kommt zurück“)

Как следует из проведенного анализа, при введении личных имен героев в художественный текст авторы произведений, опираясь на стереотипы, сложившиеся в повседневном общении, используют их более творчески в целях создания определенного художественного эффекта, эмоционального воздействия на читателя.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.

2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: Филология, 1997. Вып. 1. – с. 82-103

© Р.А.Салахов, 2014

Г.В. Салимьянова
БашГУ, Уфа, Россия

Исследование трансформации национально-культурной реализации ритуала гостеприимства англичан в сопоставлении с башкирами

Культурные ценности ритуала гостеприимства в разных культурах в некоторых аспектах совпадают, что можно объяснить наличием универсальных человеческих потребностей. Несовпадение конкретных моделей поведения в ритуале гостеприимства различных этносов обусловлено особенностями национального менталитета, религиозной этики и образа жизни.

Правила гостеприимного поведения у англичан – это сложное сочетание национальных традиций, обычаев и этикета. Такая строгость этикетного контроля над человеческими аффектами во многом объясняется господством в ту пору протестантской этики с ее идеями аскетизма, строгой дисциплины, ориентацией на индивидуальный успех и самоконтроль.

К коммуникативной ценности, оказывающей наибольшее влияние на английский стиль коммуникации, в первую очередь следует отнести дистантность, или автономию личности. Широко распространенное у англичан понятие «личное пространство» понимается не только в физическом смысле этого слова, но и в психологическом. В физическом отношении, по мнению Э.Холла, существуют четыре основных типа дистанции: интимная (до 0,5 м), персональная (от 0,5 до 1,2 м), социальная (от 1,2 до 3,5 м) и публичная (от 3,5 м и далее), и они оказывают огромное влияние на поведение человека [13, 35]. Давая характеристику английскому менталитету, В. Карасик и Е. Ярмахова отмечают, что «к числу культурных доминант, составляющих основу английского национального характера, относят любовь к свободе, уважение к личности, рациональный практицизм и здравый смысл, интуитивизм, неприятие саморекламы, приверженность традициям, уважение к закону, эмоциональный самоконтроль, привязанность к своему дому, право на эксцентричность» [7, 105]. Однако за внешней сдержанностью и чопорностью англичанина кроется эмоциональная, восприимчивая натура. Но в силу исторически и социально обусловленных обстоятельств правила поведения в Англии не допускают, чтобы человек выражал свои чувства прямо, вследствие чего у англичан на редкость развита чуткость к намекам и недомолвкам.

В Англии XVI века, в годы правления Генриха VIII, этикет требовал, чтобы «гость, пришедший на обед, поцеловал хозяина, хозяйку, их детей, а также домашних животных» [10, 92]. Думается, что признание уважения хозяев дома в такой форме не всегда могло понравиться гостям и возвысить их достоинство (особенно, если он не англичанин, и, возможно, не любит ни кошек, ни собак).

Вместе с тем в обыденном общении с англичанами часто трудно понять парадоксы английского национального характера, к которым относится странное сочетание конформизма и индивидуализма,

эксцентричности и приглаженности, приветливости и замкнутости, отчужденности и участливости, простоты и снобизма [12, 156].

Исходя из анализа литературных источников, прием гостей у англичан характеризуется как обязанность, «отбывание светской повинности»: “I reflected, while I chatted with the woman I had been asked to "take in," that civilised man practises a strange ingenuity in wasting on tedious exercises the brief span of his life. It was the kind of party which makes you wonder why the hostess has troubled to bid her guests, and why the guests have troubled to come. There were ten people. They met with indifference, and would part with relief. It was, of course, a purely social function. The Stricklands "owed" dinners to a number of persons, whom they took no interest in, and so had asked them; these persons had accepted. Why? To avoid the tedium of dining, to give their servants a rest, because there was no reason to refuse, because they were "owed" a dinner” [4, 37]. (Цивилизованные люди невероятно изобретательны в способах расходовать свою краткую жизнь на докучные церемонии. Это был один из тех обедов, когда невольно дивишься: зачем хозяйка утруждает себя приемом гостей и зачем гости взяли на себя труд прийти к ней. За столом было десять человек. Они встретились равнодушно, и разойтись им предстояло со вздохом облегчения. Такой обед был отбыванием светской повинности. Стрикленды «должны» были пригласить отобедать этих людей, ничуть им не интересных. Они выполняли свой долг, а гости — свой. Почему? Чтобы избегнуть скуки сидеть за столом tete-a-tete, чтобы дать отдохнуть прислуге, потому что не было резонов отказаться или потому что хозяева «задолжали» им обед? (Пер. Н.Ман.))

Использование словосочетания “жертвы гостеприимства” (the victims of hospitality) обусловлено тем, что гость является постоянным объектом воздействия хозяина в ритуале английского гостеприимства: “Ladies and Gentlemen, it is not the first time that we have gathered together under this hospitable roof, around this hospitable board. It is not the first time that we have been the recipients - or perhaps, I had better say, the victims - of the hospitality of certain good ladies” [3, 231]. (Леди и джентльмены, не в первый раз мы собираемся под этой гостеприимной кровлей, вокруг этого гостеприимного стола. Не в первый раз мы становимся объектами или, быть может, лучше сказать – жертвами гостеприимства неких известных нам особ…)

В последние десятилетия уходят в прошлое некоторые английские традиции повседневного и праздничного застолья. Изменения в английских ритуалах еды и застолья связаны с общими тенденциями развития культуры. Процесс этот поддерживается средствами массовой информации, мощным развитием сектора ресторанов и кафе. Благодаря последним, появилась возможность проявлять гостеприимство в специализированных заведениях, причем посещение подобных заведений стало формой престижного досуга. «There was the enormous advantage of the cafe over the private house; you weren't a guest, you paid for your seat and drink, and left when you wanted. Which was the true reason and excuse for the perpetual parties of the young—why on earth should they be the slaves of the family circle and the drawing-room hostess?" [1, 345] (И вот в чем громадное преимущество кафе перед частным домом – там вы не гость, вы платите за место и за то, что выпьете, и можете уйти, когда вздумается. Этим и объясняется страсть молодежи к ресторанам - на кой черт им быть рабами семейного круга и хозяйки гостиной?)

В английской лингвокультуре недопустимы импозитивные формы воздействия на партнера. Вследствие этого приглашение у англичан делается в максимально косвенной форме, чтобы не допустить «давления» на собеседника, предоставить ему право выбора. Кроме того, необходимо учитывать и классовый фактор [2, 42].

Но в английской коммуникации такие «неявные» приглашения, как Let's go down somewhere at the week-end / You should come to lunch one day, могут представлять собой и чисто этикетные формулы, выражающие расположенность к собеседнику, являющиеся демонстрацией вежливости, но никак не приглашением [12, 62].

Как указывают авторы [там же, с. 98], у англичан не принято садиться сразу за стол. Сначала гостю обычно предлагаются разнообразные напитки и легкая закуска к ним. Гости знакомятся, беседуют на известные всем темы (о погоде, последнем футбольном матче, общих знакомых). Важным компонентом английского коммуникативного поведения является так называемое фатическое общение, small talk, общение ради общения, направленное на установление и поддержание социальных отношений [5, 89].

Как видим, в сознании англичан гостеприимство претерпело серьезные изменения: оно ассоциируется уже не с «отбыванием светской повинности» для хозяина, «жертвенностью» для гостя и «взаим-

ностью гостеприимства», а с менее ритуализованной демократичной формой совместного времяпровождения. Хотя наблюдается и определенная приверженность традициям.

Правила гостеприимного поведения у англичан формировались 1) под влиянием протестантской этики; 2) традиционного образа жизни, который вырабатывался под влиянием островного положения страны, нашествий завоевателей и развития капиталистических отношений, что привело к формированию таких черт характера англичан, как 3) индивидуализм, прагматизм, рациональность, приверженность традициям. Импозиция в английской коммуникации, в том числе и в ритуале гостеприимства, недопустима. Она воспринимается как давление на собеседника, вторжение в зону его личной автономии. В целом, прием гостей отражает такие особенности национального характера англичан, как практицизм и рациональность.

С тем, чтобы лучше представить национально-культурную специфику ритуала гостеприимства у англичан, рассмотрим ее на фоне другой лингвокультуры, в частности, башкирской.

Башкирский менталитет, как и менталитет любой нации, сформировался под влиянием тех условий, в которых приходилось существовать. Зарождение гостеприимства как своеобразной формы социального сотрудничества было обусловлено тем, что башкиры вели полукочевой образ жизни: «... Дух кочевой жизни, бытие в самом центре природы, неразрывной частью которого осознавали себя башкиры, обусловили оформление своеобразного способа их мироотношения и миропознания» [9, 13]. Наряду с полукочевым образом жизни на становление башкирского ритуала гостеприимства оказала влияние и исламская этика, определившая духовные ориентиры башкирского этноса.

В отличие от англичан с их рационализмом и практицизмом в отношении гостеприимства, у башкир приём гостей и гостевание – непременный и очень важный атрибут всех праздников. Народные пословицы гласят: «Ҡунаҡ килһә, ҡапҡаңды ас, өйөңә инһә, ҡаҙан ас» («Если гость придет, открой ворота, если в дом войдет, открой казан»); «Ҡунаҡ төшһә, йортҡа йәм» («Приход гостя – дому украшение») [6, 237-238]. Зажиточные башкиры держали специальный дом для приема гостей – ҡунаҡ йорто, а у тех, у кого не было такой возможности, часть дома служила гостиной [15, 337]. К основным правилам поведения хозяина в ситуации гостеприимства относятся: про-

явление радости при виде гостя, ведение с ним приятной беседы и старание сразу же угостить его тем, что он имеет.

Подтверждением необходимости соблюдения законов гостеприимства могут служить многочисленные литературные источники: “Ауыл кешеләренең ҡунаҡ саҡырыу тәртибе бар. Былай ғына килгән-киткән арала теләһә нисегерәк һөйләшһәң дә ярай, ә бына ҡунаҡтың инде тейешле шарты була” [11, 187]. (Среди людей, живущих в ауле, имеется свой ритуал приема гостей. Одно дело, когда человек по какой-то нужде или просто так заглянул, и совсем другое — если он в гости пришел.)

Пребывание в гостях обычно не ограничивалось одним днем: - Ҡәйнәм, ҡунаҡтарҙы ҡара инде, - тип, ул эшкә ашыҡты. ... - Ҡунаҡҡа бит саҡырып килтерәләр. - Саҡырылмай килһәләр ҙә, бик ҡәҙерле кешеләр. Ғөрөф-ғәҙәт буйынса, әле улар беҙгә ике-өс көнгә ҡунаҡ. Малайҙар һыҙғырҙылар. Урамға сыҡтым [14]. (Иди, поухаживай за гостями, - сказала она, торопливо берясь за работу… – Они же не гости, гостей ведь приглашают. – Даже если они не приглашены специально, по обычаю они еще 2-3 дня для нас гости.)

Большое значение придавалось обстоятельности приглашения в гости: – Әйҙә, улым,— тине һәм шул уҡ хәрәкәтен дауам итеп миңә боролоп та ҡарамайынса,—сәй эсергә ултыр,— тип өҫтәне. Былай өҫтән генә саҡырыуға нисек барып ултыраһың инде? Оят бит [8, 57]. (Давай, сынок, чай пить садись – добавила она, не оборачиваясь на меня. Как принять такое поверхностное приглашение?)

Церемония приветствия предписывала хозяину расспрашивать о самочувствии, здоровье гостя. У башкир при встрече необходим длинный обмен вопросами о здоровье близких с перечислением всех родственников. Не упомянуть кого-то, значит, не призвать благорасположения божества к этому человеку. Что касается застольных бесед, то здесь, по крайней мере, на современном этапе, их тематика практически ничем не ограничивается.

Церемония расставания - последний этап радушия в этом ритуале. Собравшегося уходить гостя хозяин обычно просит остаться погостить еще, но не слишком настойчиво, уважая его желания и свободу действий. Гость же, в свою очередь, должен поблагодарить за радушие и гостеприимство хозяина. В дополнение, гость также приглашает хозяина к себе в гости.

Необходимо отметить, что своеобразие национального миропонимания проявляется только в сравнении с другим национальным образом мира. Так, башкиры относят гостеприимство к одной из величайших ценностей. На становление башкирского менталитета оказали влияние следующие факторы: 1) полукочевой образ жизни в тесном взаимодействии со средой обитания; 2) исламская этика. Следует также отметить, что обычаи гостеприимства башкир в большей степени проявлялись в сельской среде, нежели в городской, так как башкирское село объективно выступает главным хранителем и источником национальной культуры. У башкир гостеприимство связывается с кооперативным взаимодействием людей в условиях сурового полукочевого быта. В связи с этим выдвигались детализированные ритуальные требования к поведению хозяина и гостя.

На ситуацию гостеприимства оказывают влияние культурные факторы – изменение ценностных ориентиров, идеалов и норм духовной культуры. Старые ценности выполнили свою функцию, новые ценности только складываются. В этой сложной ситуации огромную роль играет ритуал гостеприимства как хранитель национально-культурного наследия.

Литература

1. Aldington R. All men are enemies. Leipzig, Paris, Bologna: The Albatross Modern Continental Library. – 1938. Vol. 216. – 466 p.
2. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. - Hodder&Stoughton, 2004. – 424 p.
3. Joyce J. Dubliners. London: Penguin books, 1996. – 256 p.
4. Maugham. S. The Moon and Sixpence. Moscow: Progress Publishers, 1972. – 238 p.
5. Азнабаева Л.А. Коммуникативно-прагматические функции фатических высказываний // Филологические науки. – М., 1992, № 5 6. – С. 88-95.
6. Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1980. – 470 б.
7. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
8. Мәргән. К. Һайланма әҫәрҙәр. Ике томда. 1 том. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1962. - 360 б.
9. Рахматуллина (1) З.Я. Башкирский национальный дух: социально-философский очерк. - Уфа: Башгосуниверситет, 2002. – 154 с.
10. Сафьянов В. И. Этика общения. – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 164 с.

11. Солтангәрәев Р. Оло юлдың туҙаны. Һайланма әҫәрҙәр. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1995. – 544 б.
12. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2003. – 186 с.
13. Фалькова Е. Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – 77 с.
14. Хамматов Я. Ят кешеләр. Режим доступа: http://www.bashqort.com/component/content/article/198-q-q?showall=1 (дата обращения 15.11.2011.)
15. Янгузин Р. З., Хисамитдинова Ф. Г. Коренные народы России. Башкиры. – Уфа: Китап, 2007. – 352 с.

© Г.В. Салимьянова, 2014

А.Ю. Салихов
ЧелГУ, Челябинск, Россия

Лингвостилистические особенности дискурса ток-шоу США

Ток-шоу – неотъемлемый феномен современного общества. Впервые появившись в 1967 г. благодаря случаю, сейчас количество ток-шоу только в Соединенных Штатах Америки переваливает за сотню. Удивительно, но дискурс ток - шоу до сих пор остается малоизученным, несмотря на то, что ток - шоу играют большую роль в формировании мировоззрения значительного количества людей, в том числе детей.

Результаты проводимого нами исследования расширяют представления о лингвостилистических особенностях речи англоговорящих жителей США в условиях дискурса одновременно как подготовленного, так и неподготовленного, углубляют знания о взаимообусловленности языка и культуры и могут быть использованы в прагматике и коммуникативной лингвистике.

Лингвистические признаки, необходимые для создания телевизионной модели жанра ток-шоу, выявляются на основе анализа особенностей функционирования устно-разговорных явлений на лексико-фразеологическом и синтаксическом языковых уровнях с позиций лингвостилистики. К лингвистическим универсальным признакам относятся языковые единицы, наиболее частотные в количественном отношении и, следовательно, используемые коммуникантами в об-

щении в каждом ток - шоу; к лингвистическим дифференциальным – наименее частотные.

Лексический уровень

Проанализировав ряд ток-шоу (*The Oprah Show, The Jerry Springer Show, Late Show Show with David Letterman*), мы обнаружили, что нейтральный пласт лексики и фразеологии в процентном соотношении составляет 91,39% от общего объема используемой коммуникантами лексики и фразеологии, разговорный – 7,97%, внелитературный – 0,64%. В рамках настоящей статьи мы хотели бы остановиться подробнее на лингвистически дифференциальных признаках дискурса ток - шоу США, т.е. на разговорном пласте лексики и обнаруженной нами широкой десемантизации нецензурных слов и выражений.

Наиболее частотными элементами разговорного пласта (его универсальными признаками) дискурса ток - шоу являются:

1. Наречия/наречные обороты (36%): *Our blood… I'm taking it back to Toronto so we can do a sibling DNA test on the off, off chance that we're related* (*The Jerry Springer Show* с Трентом Арсено); *If I never stepped into that classroom, I don't know where I would be right now* (*Oprah's Use Your Life Awards*, 2002); *You can also wind up shutting your family and friends; you have to make a heck a lot of money to ever make that worth it* (*The Jerry Springer Show* с Джулией Бонд).

2. Фразеологизмы (25,03%): *And in the days and weeks since the tragedy, Donna Angelini didn't know how she and her children were going to make it without the two most important men in their lives* (*The Oprah Show* с Донной Анджелини); *We bought every one we could get our hands on* (*The Oprah Show* с Джимом Пуром); *It's not moral, or legal, or safe of a feeling, but it does feed their stomachs and perhaps their habit that they've picked up along the way, so they do it* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве).

3. Междометия (16,08%): *If I can give it to you, I just give it to you. And… and that's just me. Oh, boy* (*The Jerry Springer Show* с Джулией Бонд); *Hi! I would like to say that I'm 53 years old and I'm gay* (*The Oprah Show* о гомосексуализме).

4. Существительные (14,33%): *The e-mail, or any of that stuff?* (*Late Show with David Letterman* со Скарлетт Йоханссон); *Take it, buddy!* (*Late Show with David Letterman* с Брюсом Уиллисом); *What are*

the New York Knicks chances in the NBA playoffs? (*Late Show with David Letterman* с Кармело Энтони).

К наименее частотным элементам пласта лексики и фразеологии (дифференциальным признакам жанра ток-шоу) относятся:

1. Прилагательные (4,87%): *This is your sassy salsa dress* (*The Oprah Show – Age-defying Makeovers*); *Let's get it low* (*Late Show with David Letterman* с Брюсом Уиллисом).

2. Фразовые глаголы (1,66%): *If they all showed up 18 years from now, that could be a lot of children* (*The Jerry Springer Show* с Трентом Арсено); *From the outside, this is obviously a horrible decision, but you can see why young girls fall for it* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве).

3. Союзы (0,86%): *And soon it developed that the princess was in a deep sleep like Sleeping Beauty or Snow White and needed to be brought back* (*The Oprah Show* с Лорен Мэннинг); *Now this is a nurse talking about Muammar Gaddafi to Newsweek Magazine* (*Late Show with David Letterman* о Муаммаре Каддафи).

4. Местоимения (0,6%): *That's incredible. Hi, y'all. Now isn't that incredible?* (*The Oprah Show* с Джимом Пуром).

5. Глаголы (0,57%): *Then I got… oh, it's that Oprah Winfrey thing going on, yeah* (*The Oprah Show* с Дженнифер Лопес); *I just want to say, Whitney, I think you are the greatest, I wanna ask you: was this movie more difficult or easier than "The Bodyguard" and how they compare to you?*(*The Oprah Show* с Уитни Хьюстон).

Помимо этого, на лексическом уровне особо выделяется десемантизация – утрата словом своего лексического значения – нецензурных слов и выражений. В основном это, безусловно, касается слова *fuck*, употребляемого как в качестве глагола и его форм, так и в качестве междометия, существительного (а также его производных, например, *fucker, motherfucker*) и фразового глагола (*fuck off, fuck about* и т.д.): *Oh, for God's sake, man! Don't be so fucking stupid* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве); *He's a fucking baby. That's what the fucking matter with him* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве); *Fuck knows* (*The Jerry Springer Show* с Джулией Бонд); *What the fuck is wrong with you?* (*Late Show with David Letterman* с Брюсом Уиллисом); *I'm sorry. I'm just so completely fucked off with myself* (*The Oprah Show – Age-Defying Makeovers*); *Motherfucker in a robe gonna sentence me to die in a metal chair* (*The Jerry Springer Show* с ДжиДжи

Эллин); *Fuck your ass out of here, bitch* (*The Jerry Springer Show* с Джулией Бонд).

Процесс десемантизации нецензурных слов английского языка продолжается с 1960-х гг. и открыто употребляется в телепередачах, т.к. они более не несут той вульгарной денотации, которую имели раньше. Несмотря на это, их коннотации остаются пейоративными, вследствие чего использование данных слов в ток-шоу высокого уровня (*Late Show with David Letterman, The Oprah Show*) практически исключено.

Синтаксический уровень

Анализ особенностей функционирования устно-разговорных явлений на синтаксическом уровне установил, что примерно половина высказываний партнеров в телевизионной коммуникации на ток - шоу построена с использованием разговорных конструкций. Разговорную речь телекоммуникантов в жанре ток - шоу характеризуют:

1. Избыточность синтаксического построения – 65,6% от общего числа используемых синтаксических конструкций. Избыточность синтаксического построения чаще всего проявляется в использовании следующих повторов:

1.1 Лексический повтор (21,47%): *It's sad to think that being in the… in the prime of our life, I'm sexually frustrated and this is when I should be enjoying it the most, and… and I'm not* (*The Oprah Show* с доктором Хильдой Хатчерсон); *Let's get it low… low…* (*Late Show with David Letterman* с Брюсом Уиллисом); *If I can give it to you, I just give it to you. And… and that's just me* (*The Oprah* Show с Джулией Бонд).

1.2 Синтаксическая конвергенция (18,94%): *Remember, keep your panties up and your dress down* (*The Oprah Show* с доктором Хильдой Хатчерсон); *He describes his consciousness as a war zone which also includes dragging young women on stage and physically abusing them* (*The Jerry Springer Show* с ДжиДжи Эллин); в т.ч. анаколуф (2,27%): *It's those little things that can make such a big difference* (*The Oprah Show* с Леди Гагой); силлепсис (1,09%): *It's amazing how easy it is as a woman to… to lose that sense of yourself as a sexual being and… and sexy once you have children* (*The Oprah Show – Age-defying Makeovers*).

1.3 Параллельные конструкции (10,22%): *She said the woman is the outlet and the man is the plug* (*The Jerry Springer Show* о

сутенерстве); *I just want to say, Whitney, I think you are the greatest, I wanna ask you* (*The Oprah Show* с Уитни Хьюстон); *I would like to say that I'm 53 years old and I'm gay* (*The Oprah Show* о гомосексуализме).

1.4 Повтор фраз (7,53%): *And you… and you strut like this. It's not a walk, it's a strut: "I am sexy. I am sexy"* (*The Oprah Show – Age-Defying Makeovers*); *Let me pick up my breasts. Okay. All right. I'm with you. I'm with you* (*The Oprah Show* с Джулией Бонд).

1.5 Анафорический повтор (7,34%): *What was it? What happened that time that made it so miserable?* (*Late Show with David Letterman* с Джонни Деппом); *You are part of the society that I despise. You are part of the people…* (*The Jerry Springer Show* с ДжиДжи Эллин); *We should listen to this, we should watch MTV* (*The Jerry Springer Show* с ДжиДжи Эллин).

Использование любых видов повторов усиливает выразительность высказывания, рассматривается как целенаправленное отклонение от нейтральной синтаксической нормы, для которой достаточно однократного употребления слова. Установлено также, что повтор фраз (своих или партнера) необходим для привлечения внимания коммуникантов к демонстрируемым ими смыслам, для выражения согласия с утверждением собеседника, для возвращения к теме обсуждения.

2. Компрессия – 16,4% от общего числа синтаксических построений. Наиболее частотными способами компрессии, необходимой для быстрого реагирования на слова партнера в условиях экономии эфирного времени и часто свидетельствующей о нестабильности эмоционального состояния говорящего, являются:

2.1 Эллипсис (10,59%): *Next, millions of women here* (отсутствует предикат *are*; *The Oprah Show – Age-Defying Makeovers*); *It's wrong, but they are not thinking right or wrong, they are thinking survival, and on a cold night alone on the streets they don't see a lot of other choices* (отсутствует предлог *about*; *The Jerry Springer Show* про сутенерство); *But even if desperation chases them down this road, why the pimp?* (опущена предикативная основа; *The Jerry Springer Show* о сутенерстве).

2.2 Умолчание (5,64%): *Yes, because it… it just… I can't concentrate on what I'm doing and enjoy what we're doing because I just wonder if she's being satisfied* (конструкция *because it… it just* не завершена, участник ток - шоу испытывает неловкость при

обсуждении на публике интимных моментов его супружеской жизни; волнуясь, он запинается в поиске подходящих слов и только после паузы, используя новое синтаксическое построение, формулирует свое высказывание; *The Oprah Show* с доктором Хильдой Хатчерсон); *It's amazing how easy it is as a woman to… to lose that sense of yourself as a sexual being and… and sexy once you have children* (*The Oprah Show – Age-defying Makeovers*); *Our blood… I'm taking it back to Toronto so we can do a sibling DNA test on the off, off chance that we're related* (*The Jerry Springer Show* с Трентом Арсено).

2.3 Значащее отсутствие артикля (0,57%): *You are part of the society that I despise. You are part of the people…* (опущен артикль *a*; *The Jerry Springer Show* с ДжиДжи Эллином); *Do you have sisters or mother?* (опущен артикль *a*; *The Jerry Springer Show* с ДжиДжи Эллином).

К числу наименее частотных разговорных синтаксических конструкций относятся:

1. Отрицательные конструкции – 2,81%. Эмоциональность и экспрессивность отрицательных конструкций проявляется в способности передавать острые переживания и впечатления. В примере *No husband, no children* (*The Oprah Show* с ДжиДжи Эллином) отрицание, осложненное эллипсисом, рассматривается как жесткое требование последовать полезному совету: позаботиться, наконец, о себе, забыть на время о муже и детях.

Особой экспрессивностью отличаются построения с двойным отрицанием, имеющие разные, даже противоречивые функции – передавать юмор и иронию или сильное волнение, подчеркивая, например, безнадежность ситуации, как в следующем примере: *And we learned from that last show that most of our moms didn't tell us hardly nothing at all* (ведущая сожалеет о том, что многие женщины ее поколения потерпели неудачу в сексуальной жизни, потому что их матери избегали обсуждать проблемы секса со своими дочерями; *The Oprah Show – Age-Defying Makeovers*).

2. Транспозиция (2,79%) – употребление синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях и с дополнительными коннотациями. Транспозиция повествовательного предложения в вопрос чаще всего насыщает его иронией и даже сарказмом: *You can wake them up yourself?* (об эрогенных зонах; *The Jerry Spring-*

er Show с Джулией Бонд); *She said the woman is the outlet and the man is the plug* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве).

3. Парцелляция (0,95%) – способ речевого представления единой синтаксической структуры предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами; необходима для упрощения понимания сложной и объемной по содержанию мысли, например: *I'm really happy to know that it exists. For other people* (*The Oprah Show – Age-Defying Makeovers*); *Of course. But, believe, all the tough talk is simply a cry for a family. Misdirected and foolish, but clearly sincere* (*The Jerry Springer Show* о сутенерстве).

Таким образом, к универсальным признакам жанра ток-шоу относятся наиболее частотные синтаксические разговорные конструкции, характеризующиеся избыточностью синтаксического построения и компрессией. К дифференциальным – наименее частотные построения: отрицание, транспозиция, парцелляция.

На основании всего вышесказанного мы можем с уверенностью заявить, что разговорность, разговорные и сленговые элементы речи в ток-шоу являются лингвистически дифференциальными как с точки зрения фразеологии, так и лексики (наречия и наречные обороты, междометия, существительные и т.д.), и синтаксиса (в основном, различные способы создания избыточности или компрессии) – от 9,5 до 50% общего объема текста. Случаев употребления книжного стиля не обнаружено.

© А.Ю. Салихов, 2014

З.М. Сафина
БашГУ, Уфа, Россия

Contrastive linguocultural study of concepts

The article describes some results of our research devoted to a contrastive analysis of language units representing the concept 'water' in the English and Russian languages. We consider contrastive research topical due to an ever-growing tendency to integration of cultures. At present no culture lives isolated, so the role of linguocultural research is increasing as it helps nations' intercultural communication. The object of linguoculturology is to investigate in what ways a language, a translator of cultural information, interacts with a person, who creates this culture with

the help of a language. The so-called cultural memory of language units is of a special interest in linguoculturology. Cultural memory is understood as a language unit's associations which date back to its past usage forming a modern meaning [2, 35]. Every nation has its own nationally conditioned symbols when reality vitally important for this ethnocultural community is considered as a model, a stereotype of the situation. The object of investigation in linguoculturology is such language units which acquired a symbolic, sample meaning in culture; they generalize the results of man's consciousness recorded in the language. It is known that a nationally cultural peculiarity of a nation's cognitive system may be expressed by all language levels. However, these peculiar features are most clearly revealed in particular language units, in idioms and in phraseology.

In the process of a concept semantization in a language peculiarities of a nation's way of life, i.e. ethnocultural factors, acquire great importance. The world is common for all nations but it is perceived differently by them. Depending on a nation's habitat similar frames are structured by concepts and conceptual spheres different in qualitative and quantitative content. These concepts and conceptual spheres reflect physical, economic and other conditions of a nation's existence as well as social, cultural and historic factors [3, 176]. In this aspect research on contrastive linguoculturology acquires a great interest. A contrastive description of speech behaviour, realities of culture, of a vocabulary with a nationally cultural component of meaning in two (or even more) languages and cultures makes it possible to 'penetrate' into a lingual worldview of another linguocultural community and adopt a nationally cultural specificity of language means serving man's communicative and cultural needs. Such a description contributes to the formation of a cognitive basis - knowledge of culture which is necessary for communication [4].

Our research confirmed a prediction that in the contrasted languages there are cases of similar interpretation or symbolization of the world's reality. It is explained by a formation of similar images which appear because fundamental conceptual models based on our human experience are equivalent [1, 284]. It can be argued that language units which represent the concept 'water' by equivalent lexical units in both languages make up mankind's universal cognitive space. Meanings which they express are clear to every person, no matter what language he thinks or speaks.

On the other hand, the role and meaning of particular phenomena in a nation's life leads to a more or less semantic differentiation of the con-

cept under analysis. Thus, it turned out that in English there are quite a number of lexical units corresponding to the Russian word "болото": bog, fen, fenland, low-moor bog, marsh, marshland, moor, morass, peat bog, quagmire, slough, swamp, swampland, wetland (in some dictionaries their number reaches 14). Their meanings coincide in general; however, there are some shades which differ them from each other, for example, 'swamp' denotes *low land that is seasonally flooded; has more woody plants than 'a marsh' and better drainage than 'a bog'*. Some of the words listed above - marsh, mire, bog, fen, swamp - are also used to denote the Russian "топь" and "трясина".

In the same way, several words in English correspond to the Russian "водопад" (waterfall, cataract, chute, falls, rapids, shoot, cascade); "приток" (tributary, affluent, branch, confluent, feeder, river branch, stream); "ил" (silt, clay, earth, mud, ooze, pulp, sludge, slush).

Another finding is that the Russian word "берег" may have different correspondences in English. So, "берег реки" can be translated as 'bank'; "берег моря, озера" as 'shore', "берег моря" as 'coast'. On the whole, in English we have come across 18 different words corresponding to the Russian word "берег".

Summing it up, the research connected with a national peculiarity of concepts allow to reveal general conceptual spheres in the contrasted languages. They also help to observe differences and even absence of some conceptual spheres in the concepts of contrasted cultures. Such contrasting reveals a national peculiarity in a set of conceptual spheres and concepts of equivalent frames in different languages. It is also one of the most important aspects of a culturally oriented languages learning.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/Вступ. ст. Е. В. Падучевой. -М.: Русские словари, 1997.- 416 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. -- М.: Издательский центр «Академия»,2001.- 208с./http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php
3. Мухтаруллина А.Р. Когнитивно-сопоставительное описание категории модальности в английских и башкирских текстах: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 304 с.
4. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Учебное пособие для магистрантов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 138 с.

© З.М. Сафина, 2014 г.

Л.Г. Саяхова
БашГУ, Уфа, Россия

Диалог культур в лингвокультурологическом пространстве учебников русского языка для башкирских школ

Диалог культур – один из основных принципов организации содержательной основы учебников русского языка, созданных в ситуации многоязычной и поликультурной среды. Это связано прежде всего с ориентацией учебников на формирование билингвальной языковой личности, способной к межкультурной коммуникации.

В чем же состоит диалог культур? Раскроем содержание этого понятия и способы его представления в учебниках. Диалог в лингвистическом словаре определяется как 1) разговор между двумя лицами; 2) (перен.) как переговоры, контакты между двумя странами, сторонами. Политический диалог (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). Диалог известен и как литературный жанр. Существует также более широкое, философское понимание диалога, исходящее из диалогизма как фундаментального закона человеческого бытия и культуры, естественной формы межличностных отношений, принципа человеческой жизни. Из сферы литературных жанров Михаил Бахтин, известный теоретик и историк культуры, перевел понятие «диалога» в «философскую категорию». Диалог на «высшем уровне» – это есть, как утверждает ученый, диалог личностный (по В.М. Переверзину).

В последнее время термин «диалог» широко применяется в педагогической теории и практике для обозначения гуманистического образовательного процесса. Лишь в условиях педагогического диалога возможно развитие ребенка как личности. Теоретико-методологической основой разработки форм общения по принципу диалогизма явилась концепция диалога культур В.С. Библера. Согласно его теории, любой феномен современной культуры (архитектура, живопись, музыка, театр, литература) отражают диалог культур различных эпох и разных культур в одном временном пространстве, например, очень актуальный диалог Запада и Востока как понятий культурологических, геополитических. Этот диалог может происходить на уровне культурных концепций моделей мира и на межличностном уровне (по Р.Р. Габдулхакову).

Концепция диалога культур может выступать в качестве основы для взаимосвязанного изучения русского, родных, иностранных

языков не просто как усвоение речевых знаний, умений и навыков, но и как диалога стоящих за ними культур. Особую значимость понятие «Диалог культур» приобрело в лингвокультурологической концепции обучения русскому языку. Согласно этой концепции диалог культур понимается как межкультурная коммуникация, осуществляемая прежде всего с помощью языка. Языковая коммуникация является необходимым условием существования и развития человеческой культуры, она обеспечивает единство культурных процессов в рамках данной общности, хранение и передачу культурных ценностей. Таким образом, коммуникативная деятельность оказывается тем звеном, в котором пересекаются и взаимодействуют язык как система знаковых единиц разных уровней и культура, в которой он существует и необходимым компонентом которой является.

Сопоставительное описание реалий культур, лексики с национально-культурным компонентом значения в русском и родном языках и культурах позволит «проникнуть» в языковую картину мира иной лингвокультурологической общности и усвоить национально-культурную специфику языковых средств, обслуживающих общение и культурные потребности человека, поможет создать когнитивную базу – необходимый для общения фонд знаний о культуре, что будет способствовать совершенствованию обучения как родному, так и русскому языку, предупреждая не только языковую, но и межкультурную интерференцию.

Межнациональное общение осуществляется в сфере межличностного общения, социально-бытового, в мире искусства, литературы и т.д. И каждый раз, чтобы это общение состоялось, помимо знаний языка, нужно знать культуру, обычаи, особенности речевого поведения, языковую картину мира носителей разных языков. Только в этом случае состоится межкультурная коммуникация, цель которой – взаимопонимание и взаимоуважение разных народов.

Проблема межкультурной коммуникации напрямую связана с проблемой формирования билингвальной (полилингвальной) языковой личности, способной к этой высшей форме человеческого общения.

В лингвокультурологической концепции обучения языку в РБ отмечаются тенденции ее формирования не в монологическом режиме (русский язык и русская культура), а в диалогическом (русский язык – родной язык, русская культура – родная культура). Сопоста-

вительно-типологический план (соотнесенность двух языков и культур), помогая выявить общечеловеческое в культурах, их типологические и национально-специфические черты, способствует более глубокому осознанию как чужой, так и родной культуры и языка: в прагматическом аспекте изучаемый язык может рассматриваться не только как средство вхождения в культуру народа – его носителя (в нашем случае русского), но и будет являться средством ознакомления представителей других народов с родной культурой; эта соотнесенность позволит более глубоко вникнуть в языковую «картину мира» двух народов, понять их психологию, характер, обычаи, обряды, историю, нашедшую в этой картине мира свое образное воплощение.

Для того чтобы состоялся диалог культур, необходимо сформировать культурное поле, или культурное пространство учебников. Возможные пути формирования такого пространства покажем на примере учебников «Слово»: Русский язык для 5 (6,7) классов/ Под ред. проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: Изд-во «Китап».

1. Содержательная основа учебников концентрируется вокруг концептов – ключевых слов, являющихся наименованиями наиболее значимых для культуры народов понятий. Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (по Ю. Степанову).

В учебниках представлены:

Общечеловеческие концепты: родина, дом, добро и зло, гостеприимство, лес, река, поле, дорога, конь, лебедь, луна, танец, музей, книга и др. При общности основного содержания эти концепты характеризуются вместе с тем национально-специфичными оттенками, что выражается в приведенных рядом с ними текстах, отражающих русскую культуру и культуру башкирскую. Приведем для примера тексты к концепту лебедь:

По истечении долгих лет
Загрустила Хумай по Уралу:
По пути, где прошел его след,
Она в великом смятенье летала;
Прилетев к горам, на скале,
Думая об Урале, грустила.
Стала лебедем белым она
И лебедят затем расплодила.
И об этом узнали все.
Говоря: «Это птица Хумай»,
Лебедей за родных принимали,
Охотиться на них запрещали;
Не ловить благородных птиц
Между собой договорились –
Оттого птицы те расплодились.
Поэтому мясо лебедей
Навеки запретно для людей.

(Урал-Батыр. Башкирский народный эпос).

1. Как называется лебедь по-башкирски? 2. Сравните внутреннюю форму башкирского слова с этимологией русского слова лебедь.

Лебедь. Общеславянское суффиксальное производное от той же основы, что и лебеда, лат. albus «белый», эльба и т.д. Исходное elbedь – лебеды, как эльби – лаба. Птица названа по белому цвету оперенья. Большая водоплавающая птица с длинной, красиво изогнутой шеей. Белый лебедь (Ср.у А.С. Пушкина «Лебедь белая плывет»). Лебедь, рак и щука (разг., ирон.) – о тех, кто действует несогласованно (по басне И.А. Крылова) / Лебединый. Лебединая стая. Лебединая походка (плавная). Лебединая песня (перенос.: последнее проявление таланта). Лебяжий. Лебяжий пух.

1. Прочитайте текст. Расскажите об образе девы-лебеди в русских сказках.

ДЕВА-ЛЕБЕДЬ

Имя «лебедь», употребляемое в народной речи большей частью в женском роде, означает, собственно: белая (светлая, блестящая); такое коренное его значение впоследствии подновлено постоянным эпитетом: белая лебедь. Царевна-лебедь – наиболее прекрасный образ русских сказок. Девы-птицы встречаются во многих сказках, и везде им равно придается вещее значение и необычайная мудрость; они исполняют трудные, свыше сил человеческих, задачи и заставляют себе подчиняться самую природу.

В одной сказке эти мифические девы прилетают белыми лебедушками, а в других героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная девица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что ни око не видело, ни ухо не слышало (из «Словаря славянской мифологии»).

В каких сказках вы встречали образ девы-лебеди? Вспомните образ девы-лебедя в сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане и семи богатырях». Почему Пушкин пишет: «Глядь, поверх зеркальных вод лебедь белая плывет»? Почему белая, ведь слово Лебедь в современном русском языке мужского рода?

2. Концепты-реалии, свойственные только той или иной культуре

Башкирские: кубаир, курай, кумыс, сэсэн, юрта, губадия, шежере и др.

Русские: свирель, горница, полати, икона, хутор и др.

3. Прецедентные имена – всем известные, широко воспроизводимые в данной культуре слова: Добрыня Никитич, Конек-Горбунок, Урал-Батыр, Салават.

4. Тексты о русских писателях в Башкирии: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н. Крашенинников.

5. Тексты о русских писателях, художниках, оставивших заметный след в культуре Башкортостана: С.Т. Аксаков, М.В. Нестеров, Ф. Шаляпин.

6. Тексты русских писателей и поэтов Башкортостана: Г. Молодцова, А. Филиппова, М. Чванова и др.

7. Тексты известных писателей Башкортостана: М. Карима, Н. Наджми, Х. Гиляжева, Р. Гарипова, А. Игебаева, Ш. Бабича, Р. Бикбая и др.

8. Русские и башкирские пословицы как иллюстрации к концептам.

9. Тексты об искусстве: музыка, танец.

10. Одна и та же ситуация в русском и башкирском текстах: например, дорога в Багрово С.Т. Аксакова и детские воспоминания о дороге М. Карима.

Эти концепты и тексты в совокупности создают многоцветное культурологическое поле учебников – основу диалога культур и в какой-то мере соотносятся с содержанием учебников по башкирскому языку, что усиливает принцип обучения языкам, родному и русскому, в режиме диалога культур. Далее представлено культурологическое пространство учебников русского языка «Слово» для 5-9 классов общеобразовательных школ Республики Башкортостан под редакцией Л.Г. Саяховой [1, 114-118].

Литература

1. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурна коммуникация. Учебное пособие для студентов-филологов и магистрантов. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 134 с.

©Л.Г. Саяхова, 2014

Н.А. Седова
ОГИС, Омск, Россия

Аксиологические и образно-эмоциональные коннотации партитивных номинаций человека в русских прецедентных высказываниях

В языке любого народа существуют высказывания, известные всем членам данного языкового коллектива, в которых объективируется все многообразие знаний и представлений исторического, социально-бытового, этического, эстетического, интеллектуального, психологического характера, являющихся результатом длительного наблюдения человека за окружающим миром и самим собой. Такими высказываниями являются пословицы.

Одним из центральных образов русских прецедентных высказываний является образ человека, пословицы отражают наивное представление о нём. В сознании наивного носителя языка образ человека имеет предельно широкое толкование, поскольку включает образы неисчислимого множества предметов, живых существ, нефизических сущностей, параметров и ипостасей, которые интерпретируются и субъективно представляются в качестве его частей [1, 73].

На текстово-репрезентативном уровне образы частичного (частей) человека обозначаются тематически разноаспектными субстантивными номинациями, которые мы будем называть партитивными номинациями человека. К последним отнесём лексемы, в значении которых непосредственно или опосредованно присутствует семантический признак ‘часть человека’, который может содержаться либо в ядерной зоне лексического значения, являясь узуальным и регулярным, либо в его периферии, являясь окказиональным и нерегулярным и актуализируясь не во всех контекстах употребления языковой единицы.

Объектом исследования являются русские прецедентные высказывания с партитивными номинациями человека. Предмет исследования – имплицитные аксиологические и образно-эмоциональные коннотации партитивных номинаций человека в русских пословицах.

Среди исследуемых высказываний преобладают сложные предложения, которые имеют двучастную структуру и представлены союзными конструкциями с союзами *а* и *да* в противительном значе-

нии, что позволяет им реализовать принцип антиномично-оценочной характеристики человека. В пословичных изречениях указанный принцип изображения человека поддерживается не только семантико-синтаксической структурой высказывания, но и предикативными лексемами, связанными антонимическими (как узуальными, так и окказиональными) отношениями. Например, *Велик телом, да мал делом; Речами тих, да сердцем лих; Со лба красив, а с затылка вшив; Платье черненько, да совесть беленька.* В высказываниях *Ус соминый, да разум псиный; Очи орлиные, а крылья комариные; Обличье соколье, а смельство воронье* оценочный модус эксплицируется зоонимами и отзоонимными прилагательными. В народно-поэтической речи выделенные лексемы имеют высокую эмоционально-экспрессивную (*соминый, орлиный, соколье*) или сниженную окраску (*псиный, комариный, воронье*).

Мы хотим обратить внимание на роль партитивных номинаций человека, как ещё одного средства создания аксиологических и образно-эмоциональных коннотаций в русских пословицах.

Двучастность пословичных изречений обусловливает употребление в них партитивных номинаций человека, входящих в состав противопоставленных лексико-семантических групп «физические части человека» и «нефизические части человека».

Для обозначения физических частей человека в пословицах используются следующие партитивные лексемы:

а) номинации органов и неорганов, частей тела человека (*глаза, нос, уши, голова, руки, ноги, пальцы, шея, затылок, лоб, лицо, усы, борода*). Например: *Глазами плачет, а сердцем смеется*; *Велик лоб, да в голове-то мох; Велик телом, да мал делом; Борода велика, а ума ни на лыко;*

б) обобщенно-абстрактные номинации внешнего облика человека (*вид, образ, обличье*): *По образу блажен муж, а по делам вскую шаташася; Вид блестящий, а сам смердящий; Обличье соколье, а сердце воронье;*

в) номинации неорганических неживых частей человека (конкретные и обобщенно-абстрактные номинации одежды и других объектов владения): *По платью встречают, а по уму провожают; Хоть изба елова, да сердце здорово; Хоть кафтан сер, а ум не черт съел.*

В рассмотренных пословицах физические части человека одновременно являются внешними, видимыми.

Для обозначения нефизических частей человека в сентенциях преобладают партитивы, входящие в следующие лексико-семантические группы:

а) условные органы психики: *Душа у него нараспашку, а ум глубоко сидит; Бородка Минина, а совесть глиняна*;

б) опредмеченные действия, состояния, чувства, признаки: *По бороде Авраам, а по делам Хам; В смирном платье, да не с такой думкой*;

в) ипостаси человека: *Дома чертком, а в люди цветком; В людях ангел, а дома черт; По бороде Авраам, а по делам дьявол*;

г) обобщенно-абстрактные номинации внутренних качеств человека: *Крепок шкурой, да слаб натурой*;

д) органы-фантомы, существование которых приписывают человеку, но которые в реальности отсутствуют у него: *Бархатный весь, а жальце есть; Очи орлиные, крылья соколиные*.

Перечисленные выше лексемы не только называют физические и нефизические части человека, но и эксплицируют характерные для национального менталитета аксиологические и образно-эмоциональные коннотации, которые соответствуют традиционной для русского народного менталитета иерархии ценностей. Какой бы сферы человеческой деятельности, отраженной в сентенциях, мы ни коснулись, везде внешним достоинствам придается меньший вес, чем внутренним. Между внешними и внутренними частями человека устанавливаются отношения предпочтительности в пользу внутреннего, морально-нравственного, интеллектуального содержания человека. В соответствии с этим в двучастных высказываниях, содержащих оппозицию внешнего и внутреннего, партитивы, именующие физические, внешние принадлежности человека, локализуются в первой части, а партитивы – номинации нефизических, внутренних частей человека – во второй части, которая оказывается наиболее весомой в ценностном аспекте. Например: *Борода велика, а ума ни на лыко; Лицом хорош, да душою непригож; Рожа кривая, да совесть прямая; Речами тих, да сердцем лих; С личика яичко, а внутри болтун; Хоть телом не видна, да на деле могущна.* Как правило, общая оценка оказывается тождественна той, которой обладает вторая часть высказывания: *Глаза – бирюза, а душа – сажа* или *Шуба овечья, да душа человечья*.

Значительная часть сентенций посвящена морально-этической и интеллектуальной сферам жизнедеятельности человека. Употребление партитивов, акцентирующих внимание на внешнем, оказывается свободным, недифференцированным, безотносительным к тому, в каком аспекте (этическом, интеллектуальном, психологическом) дается характеристика человека. Так, партитив *борода* используется в сентенциях и с морально-этическим содержанием, и в сентенциях, посвященных интеллектуальной сфер: *Бородка Минина, а совесть глиняна*; *Борода велика, а ума ни на лыко*. Во второй части пословиц партитивные номинации человека используются дифференцированно, указывают на сферу оценки: *Бородка Минина, а совесть глиняна* (морально-этическая сфера); *Борода велика, а ума ни на лыко* (интеллектуальная сфера). В сентенциях с морально-этическим содержанием не употребляется партитив *ум,* а в сентенциях об интеллектуальных способностях человека не встречаются партитивы *душа* и *сердце,* имеющие значение «черты характера, нравственного облика человека».

Итак, сентенции позволяют обобщить те установки жизненной философии русского народа, оценочно-характеризующие смыслы, которые можно считать типичными для представлений о человеке нравственном и безнравственном, умном и глупом, сильном и слабом, проявляющем себя в разных типах отношений: морально-этических, социальных, в отношении к труду и т. д.

Пословицы с партитивными номинациями человека реализуют принцип его характеристики как носителя противоречивого начала через соотношение видимого и внутреннего в нём и представляют собой область оценочных высказываний.

Физические характеристики человека обозначаются партитивами, называющими видимые органы, части тела, а также объекты владения (одежду, убранства, жилье): *лицо, нос, рука, голова, шея, платье, шуба, изба* и т. д. Внутренние принадлежности человека обозначаются партитивами, именующими умственные способности, морально-нравственные качества, психологические особенности: *ум, душа, совесть.* Это ещё раз свидетельствует о том, что человек в единстве со своими наивно представляемыми частями выходит далеко за пределы своего органического тела и называет ими неорганические предметы и нефизические субстанции.

С помощью оппозиции внешнего и внутреннего вырисовываются ценностные предпочтения русского народа. Особенности русской аксиологической нормы таковы, что нормативное положение дел освещается реже, чем отклонения от нормы и что сентенции с общей оценкой со знаком «минус», то есть обесценивающие высказывания, имеют в русском языке значительное количественное превосходство перед высказываниями с положительным оценочным знаком.

Народное сознание снисходительно к внешнему и нетерпимо к внутреннему несовершенству. Большинство пословичных изречений прямо соответствуют этим представлениям (ср.: *Плоха рожа, да душа гожа; Лицом хорош, да душою непригож*). Подобные высказывания строятся на контрасте внешней незаметности и внутренней содержательности или, наоборот, значительности внешнего облика и внутренней опустошённости.

Способом экспликации отмеченных нами смысловых отношений является целый комплекс языковых средств: лексико-семантические средства (партитивные номинации, предикатное окружение партитивов), словообразовательные дериваты партитивов, семантико-синтаксические типы конструкций.

Литература

1. Одинцова М.П. Человек как вселенная: образ «целого» и «части» в языковой картине мира // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная: Сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1994. – Вып. 2. – С. 73–80.

© Н.А. Седова, 2014

О.А. Сеничева
БГПУ, Бердянск, Украина

Колоратив «зеленый» как экспрессивное средство вербализации цветовой картины мира П.П. Бажова

Изучение состава колоративов и их семантики способствует раскрытию национальной и, как следствие, идиолектной цветовой картины мира, так как цветовое видение – важная особенность восприятия мира.

Проблема цвета, цветовосприятия и цветообозначений интересует исследователей самых разных областей знания. Лингвисты за-

нимаются в основном изучением состава и семантики этой группы слов (Э. Сепир, Б. Уорф, А.А. Брагина, А.П. Василевич, В.Г. Гак и др.), стилистических и других функций цветообозначений (А.П. Василевич, К.Н. Дубровина, Н.А. Прилуцкая и др.), этимологии цветообозначений (Н.Б. Бахилина, М.А. Бородина, В. В. Виноградов, В.Г. Гак, А.М. Шанский, С. Флорин и др.), системных отношений между лексическими единицами цвета (Н.Б. Бахилина, А.А. Брагина, В.А. Москович, Р.М. Фрумкина и др.).

Актуальным направлением в русистике выступает анализ цветообозначений в языке художественных произведений. Однако цветовая картина мира, вербализованная в языке произведений П.П. Бажова, является к настоящему моменту малоизученной.

Цель исследования – рассмотреть семантические особенности и структурное своеобразие цветообозначения «зеленый» как средства вербализации цветовой картины мира П.П. Бажова.

Колоративы, отражающие цветовую картину мира, являются средствами экспрессии в языке, поскольку цвет, закрепленный в сознании человека, несет в себе большую эмоциональную нагрузку. Изучая цветообозначающую лексику, мы проникаем в замысел писателя, познаем его идиостиль и мировосприятие.

Цветовая картина мира П.П. Бажова вербализуется с помощью разнообразных языковых средств. В первую очередь, это адъективные слова, выражающие значения цвета.

Обозначения зеленого цвета занимают широкое пространство в идиостиле П.П. Бажова. Это вызвано тем, что зеленый – основной цвет, который использует автор для описания колоративных свойств изделий из малахита: *А что **глазки зеленые** – тоже дивить не приходится. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил* [2, 33].

Средствами репрезентации цветообозначения «зеленый» выступают адъектив *зеленый* и его дериваты: 1) собственно прилагательное ***зеленый***: *Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника **ящерку зеленую** видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало* [2, 30]; 2) диминутив ***зелененький***: *А как покойника домой привезли да обмывать стали – глядят: у него одна рука накрепко зажата, и чуть видно из нее **зернышки зелененькие*** [2, 30]; 3) составное прилагательное ***зеленый-презеленый***: *Тут потемнее показывает, а середка **зеленая-презеленая**, ровно ее сейчас выкрасили* [2, 58].

Колоратив *зеленый* регулярно встречается в тексте, подчеркивая обыденность описываемого. Насыщенность текста лексическими дериватами от слова *зеленый* создает картину-образ ‘зеленый камень малахит’. При этом на морфологическом уровне автор использует: 1) собственно имя прилагательное ***зеленый***: *И сейчас же за горку, только* ***хвост зеленый*** *мелькнул* [2, 24]; 2) имя существительное ***зелень***: *Повела рукой, и приказчик по саму маковку* ***зеленью*** *зарос* [2, 125]; 3) наречие ***зелено*** и существительное ***зелень***: *В глазах* ***зелено****, и щеки будто* ***зеленью*** *подернулись* [2, 21].

Зеленый цвет, выраженный ЦО *зеленый*, может быть представлен как нечто неожиданное: *Слез с камня, сел на старое место, раздумывает, а перед ним ящерки бегают. Много их. Всякого цвету. А две на отличку. Обе* ***зеленые*** [2, 111]. Он также может использоваться для передачи чего-то повседневного, заурядного: *Только те* ***две зеленые****-то не угомонились, все друг за дружкой бегают и вовсе близко от Андрюхи* [2, 111].

ЦО *зеленый* может использоваться в одном ряду с другими колоративами: *Голову разломило. В глазах* ***черное*** *с* ***зеленым*** *да* ***красным****. Света не вижу* [2, 77]; *Вместо рук-ног* ***лапы*** *у нее* ***зеленые*** *стали, хвост высунулся, по хребтине до половины* ***черная полоска****, а голова человечья* [2, 24]. По сути, лексема *зеленый* употребляется в одном контексте с разными цветообозначениями. В их числе, кроме адъективов *красный, черный*, прилагательные *желтый, медный*, где *медный* – это ‘цвет красной меди’. Ср.: *Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все* ***зеленые****, то* ***желтые*** *с* ***золотыми*** *крапинками* [2, 26]; *И платье на ней – на Хозяйке-то – меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной россыпью засверкает, либо* ***скрасна медным*** *станет, потом опять шелком* ***зеленым*** *отливает* [2, 26].

Слово *зеленый* (*зелененький*) задействовано в перечислениях, характеризующих цвет, со словами *черный* (*черненький*), а также со сравнительными оборотами, передающими черный цвет: ***Платье зеленое, коса черная****, в одной руке каелка махонькая, в другой цветок* [2, 133]; *Сама* ***черненька*** *да басенька, а* ***глазки зелененьки*** [2, 33]; *Волосы,* ***как ночь****, а* ***глаза зеленые*** [2, 39]. В данных описаниях лексемы *зеленый, зелененький* и др. характеризуют элементы внешности героя, его одежду.

В рамках одного описания слова с основой *зелен-* используются также как субстантивированные образования, причем употребляются в одном ряду со сложными словами типа *белобрысый*: *В ряд* ***с зеленоглазой*** *какой-то* ***белобрысенький*** [2, 39]. В этом случае цветовой компонент переходит из внешнего описания в один из способов номинации героя, цветообозначение приобретает определенную оценочность.

Кроме слова *зеленый,* П.П. Бажов задействует лексему *малахитовый.* Данное прилагательное употребляется только в первичном значении ‘из малахита сделанный’. Ср.: ***Стены малахитовые*** *с алмазом, а потолок темно-красный под чернетью, а на ем* ***цветки медны*** [2, 26], где адъектив *малахитовый*, как и лексема *медный,* обозначают не цвет, а материал, из которого изготовлены натурфакты. – *Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему карнизу* ***малахитовый узор*** *пошел* [2, 39]. В этом предложении лексическое значение слова *малахитовый* также не вторичное цветовое, а основное ‘сделанный из малахита’. Есть случаи, когда в рамках одного контекста прилагательное *малахитовый* – это именно слово, обозначающее ‘из малахита сделанный’, хотя и используется для описания элементов одежды. Так, Хозяйка Медной горы всегда описывается в платье, сделанном из малахита, чтобы обозначить ее чужеродность, автор употребляет слово *малахитовый* не в значении цвета, а в значении материала: *Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала; сразу двух девиц* ***в малахитовых платьях*** *люди видали* [2, 56]. Слово *малахитовый* в этих и подобных случаях, указывая на материал изготовления, одновременно подчеркивает качество и нестандартность описываемой ситуации, выпадение из обыденности.

Цветовая картина мира П.П. Бажова своеобразна тем, что слово *малахитовый* задействовано в одном ряду со словом, обозначающим собственно зеленый цвет: *Только взял в руку, а в этой пуговке, как в большом зеркале,* ***зеленоглазая красавица в малахитовом платье,*** *вся дорогими каменьями изукрашенная...* [2, 55]. Здесь лексемы *зеленоглазый, малахитовый* являются средствами описания самой Хозяйки Медной горы, ее сказочного образа, согласуются с иномирностью, внеположенностью героини (в демонологии зеленые глаза – это ‘колдовские глаза’).

Таким образом, колоратив «зеленый» в цветовой картине мира П.П. Бажова вербализуется с помощью слова, передающего зеленый цвет, – прилагательного *зеленый* и его дериватов. Другие лексемы, которые могут выступать как ЦО с вторичной цветовой номинацией (например, *малахитовый*), используются автором только как прилагательные, задействованные для передачи смысла ‘сделанный из малахита’ (даже для передачи элементов одежды) с целью описать сказочного персонажа.

Вывод. В идиостиле П.П. Бажова цветовая картина мира как часть языковой картины мира представлена лингварными концептами *зеленый*, *желтый*, *черный*, *красный* и др. и их речевыми актуализаторами – колоративами, которые являются экспрессивными элементами художественного текста. З*еленый* и его дериваты вербализуют доминантный цвет в концептуальной картине мира П.П. Бажова, используются для описания камня малахит, употребляются для характеристики персонажей, их магических свойств.

Литература

1. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка: сказы. К.: Вэсэлка, 1987. 268 с.

© О.А.Сеничева, 2014

Л.А. Сергеева
БашГУ, Уфа, Россия

Ключевые слова и смысловая структура художественного текста

В современной науке проблема ключевых слов решается в психолингвистическом, литературоведческом и лингвистическом (лингвокультурологическом, лингвокогнитивном и стилистическом) аспектах.

Психолингвистический подход связан с рассмотрением ключевых слов как средств, служащих для понимания и закрепления общего смысла текста в сознании человека, воспринимающего устный или письменный текст, как «смысловые вехи», «опорные пункты» и т.п. [7, 307; 9, 154]. Набор ключевых слов выявляется в результате компрессии текста, под которой подразумевается не простое сокращение текста, а процесс выделения существенной информации и одновременно удаления подробностей и малозначимой информации.

В литературоведческих исследованиях ключевые слова связывают с лейтмотивом отдельного прозаического произведения или творчества писателя в целом. В первом случае их рассматривают как слова, выражающие главную идею художественного произведения, а во втором – как слова-символы в поэтическом творчестве автора, в контексте цикла стихотворений или целой книги стихов [см. об этом: 5; 6].

В лингвистике к решению проблемы ключевых слов существует два подхода. Прежде всего, они или включаются в общую проблематику идиостиля писателя как «константы идиостиля», «единицы индивидуального авторского лексикона» [2] или эксплицируются на уровне смысловой структуры текста [5]. В последнем случае они анализируются в плане автора, в плане текста или в плане персонажа.

В плане автора они понимаются как эстетически значимые номинативные единицы текста, дающие ключ к пониманию образной структуры произведения и направленные через нее к идее [1; 5; 6]. Они позволяют читателю осознать поэтическую мысль автора благодаря своей сложной эстетической природе, своей способности к смысловому обогащению и эмоциональной выразительности. Анализ ключевых слов с позиции автора (если они не выделены в тексте графически самим автором, что редко наблюдается в художественных текстах) возможен лишь после исследования семантической структуры данного текста в целом.

В плане текста они рассматриваются в качестве экспликаторов его семантической структуры, состоящей из трех уровней: «уровня содержания, уровня смысла и уровня замысла, соответствующих трем уровням понимания текста: поверхностному, глубинному и уровню понимания «концепта» текста [2, 10]. Существует также и формально-структурный подход, в соответствии с которым ключевое слово – это единица текста, предназначенная маркировать ситуацию общения с ориентирами на внешнего адресата [12, 32 и далее].

Наконец, в плане персонажа к понятию ключевого слова обращаются в связи с исследованием структуры идиотезауруса языковой личности персонажа и его дискурса [11]. Но подобный анализ ключевых слов также неизбежно ведет в конечном итоге к выявлению образа автора, его интенции, поскольку и в этом случае смысл ключевого слова воплощает личностное отношение автора к рассматривае-

мым явлениям и его философское осмысление абстрактных сущностей.

Наряду с ключевыми словами исследователи выделяют также ключевые знаки – более сложные по структуре единицы, выполняющие функции ключевого слова, например словосочетания и прецедентные тексты [6, 181-187].

В научной литературе также ставится вопрос о разграничении ключевых слов (знаков) и кодовых знаков, к которым относятся заголовок, цитации, анаграммы и др., основное различие между которыми сводится к тому, что кодовые знаки текста обладают лишь значением и неспособны к приращению смысла. В связи с этим встает вопрос о статусных признаках ключевых слов в художественном тексте.

Некоторые исследователи в качестве признаков ключевых слов отмечают их высокую степень повторяемости в тексте, частотность их употребления [4, 89]. Однако мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые полагают, что этим свойством ключевые слова художественного текста могут и не обладать. Их смыслы варьируются и «прирастают» в образующихся вокруг них смысловых и ассоциативных полях, и их ассоциативная «запредельность» открывает возможность, с одной стороны, для различных интерпретаций, а с другой – для домысливания, что обеспечивает смысловую цельность текста, его когерентность.

В качестве специфического свойства ключевых слов выделяют также их способность свертывать информацию, выраженную целым текстом, т.е. представлять собой мини-текст [13]. Однако, на наш взгляд, это положение в полной мере справедливо лишь для нехудожественных текстов, в которых основная функция ключевых слов – служить пониманию текста: они «направляют понимание в определенное русло, сужая диапазон семантических ожиданий» [13, 38]. Например, в научном тексте они предстают как элементы авторского тезауруса, по которым читатель сверяет свой тезаурус с авторским. В художественном тексте отношения между семантикой ключевых слов и семантикой текста принципиально иные. Например, заглавия, которые часто являются ключевыми словами текста, не менее часто употребляются в метафорическом смысле, и их семантика переосмысляется читателем после прочтения произведения, причем подчас вопрос о смысле названия остается открытым.

Более адекватным природе ключевых слов в художественном тексте представляется выделение такого их свойства, как семантическая подвижность. Они могут настолько изменить свое содержание, что заменяются в тексте другой лексической единицей. Так, в рассказе А.П. Чехова «Учитель словесности» (здесь и далее ключевые слова приводятся из текстов рассказов писателя) уютный *мирок* семейного *счастья* главного героя постепенно заменяется в его сознании понятием *другой мир*. Это мир, о котором он мечтал в юности и который где-то существует, – мир творчества, свободы и духовности. Он и сам не заметил, как его *счастье* разъела *пошлость*.

Подвижный характер их семантической структуры «отражает сам процесс развития авторской мысли, совмещающей в себе содержательную конкретность и аналитическое обобщение» [5, 13]. Вследствие этого ключевые слова выражают смыслы, не совпадающие с их языковыми значениями. Эти смыслы уникальны, поэтому ключевые знаки художественного текста являются таковыми только для данного текста, и в этом смысле они также уникальны.

Ключевые слова художественного текста специфичны и с функциональной точки зрения, причем их функции неодинаковы на разных уровнях семантической структуры текста.

На уровне структуры содержания ключевые слова обеспечивают связность (когезию) художественного текста, которая является предпосылкой его цельности. В связи с этим они не могут быть выявлены до предварительного анализа всего текста, так как «о содержании всего текста можно <…> судить только после выдвижения хотя бы какой-нибудь гипотезы о нем как целом» [6, 67; 1 и др.].

На уровне смысловой структуры текста (в аспекте его цельности) у ключевых слов наблюдается возникновение смысловых приращений и оценочных ассоциаций, что обеспечивает такое важное свойство художественного текста, как когерентность – глобальная (нелинейная) связность, о которой мы говорили выше.

Наконец, на уровне замысла текста ключевые слова представляют собой важнейшие «сигналы адресованности» автора читателям, «маркеры имплицитности», помогающие читателю понять смыслы, требующие для своего выявления дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. В результате интерпретации выявляется произведение – содержание, которое «производится» читателем при осмыслении текста и которое обусловлено не только послед-

ним, но и жизненным опытом, знаниями, ценностными установками читателя. В процессе этого произведения «читатель стремится через собственные субъективные оценки, через осознание включенной в текст информации найти объективную правду» [10, 38].

Ключевые слова только на первый взгляд представляют собой номинативные единицы, соотнесенные со своим референтом. Другой стороной они обращены к социальным и нравственно-этическим проблемам и поэтому всегда имеют образно-символическое значение и способствуют пониманию читателем авторской интенции. Для ее понимания нужно прежде всего опираться на семантику ключевого слова и те ассоциативные поля, которые создаются им в тексте. Рассмотрим это положение на примере рассказа «Попрыгунья». В «Толковом словаре русского языка» приводится следующее значение слова *попрыгунья*: «женск. к *попрыгун*. *Попрыгун*: Разг. Тот, кто все время прыгает, вертится, не сидит на месте, чересчур подвижен» [8, 563]. Таким образом, в значении слова *попрыгунья* особенно выделяется сема подвижности, а также отрицательная оценка этой подвижности – ‘чересчур’. Кроме того, название интертекстуально и относит читателя к басне И.А. Крылова. Важную роль в осмыслении названия играют ассоциативные поля текста, которые помогают выявить авторскую оценку «творческой активности» героини Ольги Ивановны. В результате с этим ключевым словом связано противопоставление истинных и ложных ценностей.

Наибольшей смысловой значимостью обладают ключевые слова, помещенные в сильные позиции текста. Так, рассказ «Брак по расчету» имеет подзаголовок (сильная позиция текста) «Роман в двух частях». Лексема *роман* является обозначением большой формы эпической прозы, характеризующейся сложным сюжетом, наличием многих героев, описанием практически целой жизни главного героя или ее очень значительного периода. Вторая, омонимичная лексема *роман* имеет значение «любовные отношения между мужчиной и женщиной» [8, 683]. В подзаголовке наблюдается явление одновременного «присутствия» данных омонимичных значений. Обе «части» изложены на четырех страницах, но предельная смысловая емкость каждого слова, смысловая структура текста в целом и его ключевые слова образуют своего рода «интеллигибельную матрицу» (термин П. Рикера), в рамках которой протекает интерпретация читателя. И в итоге эти страницы вмещают всю последующую жизнь (что соответ-

ствует произведению в жанре романа) несчастной героини «любовного романа» Дашеньки.

Ключевыми словами в художественном тексте могут стать имена собственные, что исключено для других типов текстов. Например, фамилии и имена названного выше рассказа значимы: по мере чтения рассказа читатель убеждается в том, что жених Апломбов – самоуверенный, претенциозный человек, который лишь претендует на звание честного человека, умеющего защитить свою честь. На самом деле он далеко не человек чести: его друзья «долго шепчутся», прежде чем отдать за него долг: видимо, отдавать долги он не умеет. И занял он у друга семьи невесты (!), с которым к тому же едва знаком (!!). Можно лишь догадываться о том, что ждет невесту Дашеньку (этимологический смысл имени которой – «дающая, дарящая»). В эту смысловую парадигму входят также коннотации имени и фамилии матери невесты: Татьяной она названа в честь одной из главных христианских великомучениц. Она вышла замуж в Пятисобачий переулок и стала Мымриной, что вполне закономерно: всю жизнь она боролась с нуждой, но не смогла победить ее и даже потратила до свадьбы часть обещанных жениху денег. Таким образом, имена собственные в рассказе образуют смысловую парадигму номинативов, имеющих коннотативные предикатные смыслы, отражающих авторскую интенцию, которая первоначально была представлена в подзаголовке «За человека страшно!», который А.П. Чехов в итоге работы над рассказом убрал.

Не менее важной, на наш взгляд, является воздействующая функция ключевых слов художественного текста. Важность ее определяется тем, что произведение должно убедить читателя в тех положениях, которые защищает автор, внушить ему определенные установки, заставить произвести «переоценку ценностей». Автор не простой субъект речи, образ автора художественного произведения – это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [3, 118]. Не случайно художественные произведения называют «духовным посланием» автора. Его нельзя прочитать без обращения к ключевым словам (знакам) текста.

Литература

1. *Бабенко Л.Г. Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта, 2005. – 496 с.
2. *Батурина Е.Н.* Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: на материале текста романа «Преступление и наказание» Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Владивосток , 2005. - 22 с.
3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М: Высшая школа, 1971.
4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997.
5. *Лелис Е.И.* Эстетические функции ключевых слов: На материале рассказов А. П. Чехова. Автореферат дисс. канд. филол. наук. – Казань, 2000. – 21 с.
6. *Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: «Ось -89», 2005. – 559 с.
7. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Просвещение, 1979. – 320 с.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997.
9. *Смирнов А.А.* «Психология запоминания». – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. – 327 с.
10. *Третьякова И.В.* Интерпретация как способ понимания художественного текста // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях. Сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / Редколл.: Ю. М. Трофимова (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 38-41.
11. *Трещалина И.В.* Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова конца 80-х - начала 90-х годов: Лексико-семантический аспект: дисс. … канд. фил. наук. – Тверь, 1998.
12. *Чурилина Л.Н.* Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). – Магнитогорск: МаГУ, 2000. – 102 с.
13. *Шехтман Н.А.* Понимание речевого произведения и гипертекст. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 168 с.

© Л.А. Сергеева, 2014

А.А. Сидоров
ВолГУ, Волгоград, Россия

Трудности восприятия языка французской молодежи

Существенная особенность французского молодежного сленга определяется сложностью его восприятия. Вникнем в суть данной проблемы.

Во-первых, французский молодежный сленг чрезвычайно эмоционален [4, 36]. Обращение молодежи к переосмысленным лексическим элементам позволяет достигнуть максимального воздействующего эффекта и выразительности. Переделанное слово очень часто может иметь совершенно противоположный смысл. Под понятием морфологического варьирования имеется в виду применение компонентов слов в необычном употреблении.

Во-вторых, современный молодежный лексикон приобрел и элементы арго. Арготизмы стали частью «модного языка» – верлана. И этот сленг теперь очень популярен в различных языковых группах, причем, владение арго становится весьма престижным в определенной среде.

Арготизмы значимы для словаря современного разговорного языка молодежи. Замечено, что в разговорной лексике французской молодежи 15-18 лет преобладает именно верлан, в котором слоги переставляются таким образом, что первый слог становится последним, например, *père – repe, métro – tromé, bizarre – zarbi, noir – renoir, va mal – malva, louche – chelou, salut – luss* и т. д [3, 29] .

Арготические модификации с первым слогом являются характерными и для ларгонжи. В этом случае первый согласный звук произносится последним, а вместо него подставляется согласный звук *l*. В результате получается следующее: *jargon* дает *largonj, en douce – en loucede, fou – louf* [3, 56].

Современные молодые люди очень часто употребляют в своей речи сокращения, которые отражают не только стремление к экономии языковых средств, а также их желание не становиться понятными для окружающих. В разговорной речи наиболее характерными становятся усечения (*troncation*). Как ранее, так и сейчас, наиболее популярным типом усечения является усечение конечных слогов: *Max – Maximilien; gfaff – gfaffiti; Net – Internet; d'acc – d'accord.*

Сегодня также афереза набирает силу. Это не является случайностью. Подростки желают изъясняться на том языке, который будет непонятным для окружающих. А так как основную часть информации несет в себе начало слова, то апокопы являются наиболее понятными, и они всё чаще и чаще стремятся к аферезам. Например: *blème – problème, dwich – sandwich; vail – travail; leur – controleur.*

В прошлом веке широкое распространение получили словосочетания. Инициальные сокращения принято делить на альфабетизмы и акронимы.

Альфабетизмы (буквенные аббревиатуры, где каждая буква читается как в алфавите) наблюдаются в разговоре не так часто, потому что это связано с трудностями в произношении. И все-таки, они применяются в речи [1, 44]:

M.J.C – Maison des Jeunes et de la Culture;

T.V.B. – tout va bien.

Акронимы - это инициальные сокращения, в их составе имеется гласная фонема, более характерная для молодежного лексикона: *La BU – La Bibliothèque Universitaire; La RU – la Restaurant Universitaire.*

Интересным способом словообразования также является метод словосложения (*telescopage*). То есть, для того чтобы составить новое слово, часть одного слова сливается с частью другого слова или с целым словом. Этих слов не встретишь ни в одном словаре, но их можно идентифицировать по присутствию двух изначальных элементов: *école + colle = ecolle (lieu ou les élèves restent englués dans leurs problèmes).*

Некоторые слова заимствованы из арабского языка в эпоху колониальных войн: *bled – petite village, kawa – café, clebs – chien, toubib – médecin, flouse – argent;* берберского языка: *arioul – quelqu'un d'idiot;* цыганского: *bedo – cigarette de haschisch*; креольского: *timal – gars;* африканских: *gorette – fille* [2, 51].

Самое большое число заимствований составляет 21% лексического состава в современном «*français branche*» из английского языка: *boom* – ежегодный студенческий праздник, *il est looke* – он модно выглядит, *speeder – se dépêcher, être cool – être calme* и их производных.

Английские слова не только стали интенсивно проникать во французский язык, но и составляют новый арго (*un nouvel argo «de luxe»),* владение которым становится очень престижным. Например*: driver – chauffeur de taxi, news – magazine, toons – dessins animés, kids – enfants.*

Особое внимание привлекают к себе амбивалентные слова, т.е. слова, формирующие новое противоположное значение. Так, слово *enfer* означает *ад*: *c'est enfer!*[1, 70] - *это плохо, это кошмар.* Позитивное значение это слово приобрело еще у Флобера (1857) в выра-

жении *jeu d'enfer*. Сейчас *d'enfer* обозначает *сильный, мощный, потрясающий, классный.* На этом примере мы видим процесс энантиосемии - развитие антонимичных значений, поляризации значений, а по-иному, - совершается замена знака оценки на прямо противоположный. Другое слово - *vachement – грубо, злобно, по-свински* приобрело противоположный смысл – *потрясающе, здорово*.

Чтобы усилить эмоциональность речи, молодежь применяет набор интенсификаторов, которые заменяют *bien, très, agréable, sympathique.* Это слова: *vachement, d'enfer, fun, drôlement.*

Весьма интересными являются слова, которые обозначают национальность, но с оттенком презрения. *Americain – Amerlo, Amerlock; Anglais – Angliche; Arab – Arbi, Arabi, Abricot; Belge – Belgico.*

Современные фильмы, радио и телепередачи, печать содействуют распространению молодежного вокубуляра. При общении со сверстниками - франкофонами, носителями языка, а также при чтении художественной, публицистической и научной литературы, прослушивании аутентичных песен, просмотре оригинальных видеофильмов старшеклассники встречаются с новыми малопонятными и труднопереводимыми словами. Таким образом, изучение сленга французской молодежи помогает им лучше показать особенности и оригинальность национальной картины мира, понять национально-специфические особенности менталитета французских молодых людей. С пониманием и знанием сленга учащиеся приобщаются к естественной языковой среде. Это способствует формированию лингвистической компетенции у молодежи, представляет собой редкую возможность для их включения в активный диалог культур.

Однако рассматривать французский молодежный язык не стоит только как «язык улиц». Нельзя забывать о прочих областях применения французского молодежного языка. Так, например, особым видом молодежного жаргона является язык студентов и учащейся молодежи во Франции, он является весьма трудным для понимания окружающими. В словаре Le Grand Robert de la langue française сленг учебных заведений в качестве примера занимает первое место. Отдельное место отводится арго Эколь Политекник.

Другой не менее авторитетный лексикографический источник - Grand Larousse de la langue française - на первые позиции поставил студенческий и школьный сленг. В специальном издании Dictionnaire

Général pour la maîtrise de la langue française, la culture classique et contemporaine имеется статья о сленге. Школьный сленг здесь приведен в качестве единственного образца.

Например, если во французском языке имеется в виду стипендия, то можно использовать лексему *pouchon* или *pochon*. Французское арго имеет большое число синонимов для одной и той же общеупотребительной номинации.

Особое внимание следует уделить проблеме восприятия французского Интернет-сленга. Имеется несколько систем классификаций Интернет-жанров: в зависимости от времени общения, типа субъектов, открытости или закрытости сообщества, уровня мультимедийности», от того может существовать жанр помимо Интернет-пространства или нет. К главным относятся электронная почта, форум, блог, чат, ICQ, IRC, социальная сеть.

Анализ франкоязычной версии facebook выявил различные способы словотворчества, которые граничат с тем, что едва можно было уловить смысл сообщения.

Например, цифра 1 может замещать неопределенный артикль единственного числа мужского и женского рода *un, une:*

C'est la preuve ***d' 1*** *affection assez particulière. (C'est la preuve d'une affection assez particulière).*

В другом примере нами было обнаружено, что цифра 8 заменяет сочетание букв *«ui»,* так как при произнесении она фонетически соответствует данному сочетанию:

Je ***s8*** *fière* ***pou*** *toi. (Je suis fière pour toi)*

Контактируя в чатах, молодые французы стремятся сокращать все до предела. Приветствия: *Bjr - bonjour* (*здравствуйте*), *slt tlm - salut tout le monde* (*всем привет*), *tjs - toujours* (*всегда*), *c - c'est* (*это есть…), g - j'ai* (*у меня есть*), *2 - de, 9 - neuf.*

Таким образом, была сделана попытка обозначить ряд направлений развития французского молодежного сленга. Приведенные примеры и проанализированные тенденции развития молодежного французского языка свидетельствуют об определенных трудностях его восприятия как взрослыми франкофонами, так и носителями других языков и культур. Облегчить данное восприятие призвано более близкое знакомство с речетворчеством молодых французов на основе уже имеющихся исследований в данной области (см. работы: В.П.

Свиридоновой и др.) и собственных контактов в рамках данной языковой среды.

Литература

1. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. - М.: Наука, 1976. – С. 88.
2. Попеску И.В. Теоретические аспекты языковой политики. «Твое Время» №1/2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ytime.com.ua/ru/19/28/5/. - дата обращения: 05.10.2014.
3. Revue de sociolinguistique LENGAS C. N. R. S. № 59. La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires et la territorialité linguistique. - Montpellier: Université Paul-Valéry, Montpellier III, 2006. - 218 p.
4. Sous la direction d'Alain Viaut. Variable territoriale et promotion des langues minoritaires. - Pessac: Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2007. - 492 p.

© А.А. Сидоров, 2014

Ю.П. Смирнова
БашГУ, Уфа, Россия

О соотношении понятий фрейм и концепт

Направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны, называют когнитивизмом. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей. [Маслова В.А. 2008: 86]

На базе когнитивизма возникает когнитивная лингвистика в рамках современной антропоцентрической парадигмы. «Мы знаем о структурных сознаниях только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [Кубрякова 1997а: 21]. Мы разделяем мнение Е.С. Кубряковой, что понять и исследовать способы концептуацизации мира можно, лишь овладев определенным набором знаний из новой научной парадигмы, в число объектов которой вошли такие категории, как концептуализация, категоризация, вербализация, ментальность, концепт, картина мира, концептосфера и проч. [Кубрякова Е.С. 1999]

Оперативные единицы памяти (фреймы, концепты, гештальты и другие) являются инструментами оперирования в когнитивной лин-

гвистике, цель которой – моделирование картины мира и устройства языкового сознания.

В данной статье нас интересует вопрос о соотношении понятий «фрейм» и «концепт». Оба эти понятия связаны с когнитивной деятельностью человека, в результате которой он приходит к определенному решению или знанию.

Итак, рассмотрим некоторые аспекты взаимодействий данных понятий. С одной стороны, фрейм и концепт находятся между собой в родовидовых отношениях, где концепт является родовым понятием по отношению к фрейму. Как отмечает Н.Н. Болдырев, фрейм используется для «обозначения структурированных концептов: он входит в состав концепта, который, в свою очередь, используется для представления любых единиц знания, в том числе не структурированных» [Болдырев Н.Н. 2004, 19]. Будучи видом родового понятия «концепт», сам фрейм может выступать родовым понятием для ряда явлений. Тогда в него входят собственно фрейм, схема, сценарий и когнитивная модель.

С другой стороны, мы рассматриваем фрейм и концепт в соотношении сложного и простого понятий. Тогда фрейм выступает как род сложного концепта, «как объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев Н.Н. 2001, 25-36].

Кроме того, возможно рассмотрение фрейма и концепта как два вида концептуальных структур со схожими и различными чертами. Сходство состоит в наличии обязательных, существенных признаков, а так же во взаимосвязи концептов и фреймов между собой и в гибкой природе этих понятий. Что касается отличительных свойств фрейма и концепта, можно выделить преимущественную связь фрейма с процессом категоризации, а концепта, в свою очередь, с концептуализацией, а также доминирование во фрейме стабильных признаков и включенность в концепт всех этих признаков, вплоть до единичных, актуальных только для конкретного носителя языка. Помимо этого, как отмечает Е.В. Лукашевич, «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням, а концепт изображается больше в виде полевой модели с ядром и периферией» [Лукашевич Е.В. 2002, 71].

Существует и другая точка зрения, предлагающая трактовать фрейм как когнитивную структуру более высокого порядка, чем концепт, как тип взаимодействия между концептом, способ или форму организации ментального пространства.

Изучив различные трактовки многих лингвистов, мы считаем, что все понятия, существующие в настоящее время в когнитивной лингвистике для описания структур представления знания можно объединить под одним родовым понятием – когнитивные структуры отражения и представления знаний в уме человека. Видовыми элементами мы считаем концепты, фреймы, скрипты, схемы, и другие.

Литература

1. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике.- Москва: Издательский центр «Академия», 2008.- 272 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики.- 2004.- №1. – С.18-36.
3. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М.-Барнаул: Издательство Алтай. Ун-та. 2002.- 234 с.
4. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН.- Серия – Литература и язык.- 1999.- № 5-6.

© Ю.П. Смирнова, 2014

А.К. Сулейманова
УГНТУ, Уфа, Россия
Лэн Ян
Пекин, Китай

Фонетические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект

Русский и китайский языки, на первый взгляд, совершенно не похожи, поскольку отличаются на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом. Тем интереснее рассмотреть их в сравнительно-сопоставительном аспекте. Это интересно как лингвистам, так и китайским студентам, изучающим русский язык. В данной статье мы рассмотрим основные отклонения в артикуляции и произношении китайцами русских звуков, выявим причину таких отклонений, а также проанализируем типичные ошибки китайских студентов, изучающих русский язык.

Специфику фонетической системы китайского языка определяет его слоговый характер. Можно выделить важнейшие особенности, отличающие китайский слог от русского: а) в русском языке слог может состоять из разного количества звуков, китайский слог содержит не более четырех звуков; б) в русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге, один звук в словах русского языка может стоять в начале, середине или в конце слога; в китайском языке звуки одного слога располагаются в строгом порядке.

Однако в китайском и русском языках можно выделить и общие типы слогов. Общими типами слогов являются V(у,啊(a55)), CV(на,把(ba214)), VC(из, 安(an55)), CVC(без, 三(san55)), CVVC(баян, 床(chuang35)). Структуру слога в китайском языке можно выражать формулой (C)(V)V(C), а структуру слога в русском языке можно выражать формулой (C)(C)(C)(C)V(C)(C)(C), «ВЗГЛЯд» «МурмАНСК».

В русском языке в одном слоге доминирующим является согласный, и могут иметься слоги со сложными согласными. Первый согласный перед гласным обычно связывается с тем же гласным теснее. Согласные далеко от гласного или после гласного обычно сохраняют свою характеристику, занимая в той или иной мере определённое место во времени и пространстве. Например, в слогах «спра» и «пред» слов «справа» и «предприятие» согласные «с» и «п» могут чётко слышаться.

Финалы в китайском языке могут состоять из одного, двух, трех гласных, но финалы, состоящие из более чем двух гласных, представляют собой единое целое, при этом составляющие финал гласные теряют «свою индивидуальность». В русском языке, как правило, слог состоит из согласных и одного гласного. Если два гласных в одном слове находятся рядом друг с другом, они произносятся относительно независимо, например: *яиц, наука, поэт, аудитория*. Такое нахождение рядом двух гласных для китайских студентов достаточно сложно для произнесения. В связи с этим возникает один из распространенных видов ошибки китайских студентов, изучающих русский язык – добавление звука. Довольно часто слоги в русском языке трансформируются в структуру CV, потому что слоги в китайском языке обычно имеют структуру «согласный + гласный».

Китайцы во время изучения русского языка часто добавляют какой-то гласный после согласного, не являющегося независимым слогом. В результате этого действия количество слогов увеличивает-

ся. Например, при произношении слова «книга» китайцы иногда добавляют [ъ] между «к» и «н», а [ы] между «с» и «п» при произнесении слова «спасибо». Мягкий знак «ь» указывает произносительное действие, не являясь слогом. Например, в слове «мобильник» «биль» является только одним слогом, а китайцы иногда произносят «мобилИник». Этот случай более очевиден при переводе русских имен и названий мест. Например: *Красноярск* – 克拉斯诺亚尔斯克, *Петропавловск* – 彼得罗巴甫洛夫斯克, *Владимир* – 弗拉基米尔.

При переводе текстов русского языка на китайский язык переводчики часто после этих согласных добавляют гласные, формируя иные слоги. Это является типичной негативной миграцией, вызванной слогами в китайском языке.

Значительную сложность при изучении русского языка китайскими учащимися вызывает несоответствие тонов в китайском языке и ударение в русском языке. Тоны в китайском языке имеют две характеристики. Во-первых, тон является относительной высотой звука, отличающейся от других тонов. Относительная высота звука – это форма и амплитуда изменения высоты звука какой-либо тональности, определённая методом сравнения. Это изменение является последовательным, постепенным, а не прыгающим. Во-вторых, тоны могут выступать различителями смысла, например: 昌(chang55) (*живой, процветающий*), 长(chang35) (*длинный*), 厂(chang214) (*фабрика, завод*), 唱(chang) (*петь*). Четыре тона являются основой фонетической системы китайского языка, важными компонентами слогов.

В китайском языке 10 гласных и 21 согласный, а в русском языке 6 гласных, 36 согласных, твердый и мягкий знаки. В китайском языке количество слогов удесятеряется с помощью четырех тонов, а в русском языке виды слогов увеличиваются при помощи согласных.

В современном русском языке ударение имеет двойную характеристику: по длине и по силе. Действие произношения ударения более интенсивное, продолжительное и ясное. Ударения в русском языке различаются по силе и длине звука.

Кроме того, известно, что в русском языке ударение разноместное и подвижное. Ударение может перемещаться с одного слога на другой, тем самым обозначая смену значение слова и грамматической формы. Например:

(1) рукИ (ед.ч., Р,п.), рУки (мн.ч., И.п.)

(2) гОрода (ед.ч., Р,п.), городА (мн.ч., И.п.)

(3) отрезАть (несов.в.), отрЕзать (сов.в.)

(4) Учите (заявление), учИте(императив)

(5) зАмок (строение), замОк (устройство).

По сравнению с тонами в китайском языке русское ударение не очень тесно связано со слогом.

Еще одна сложность при изучении фонетической системы русского языка – это деформация слогов. Объединение слогов в русском языке является очень распространенным явлением (под объединением мы понимаем набор согласного в конце слова и гласного в начале следующего слова, которые образуют единый слог, например: *об этом, из окна, в их комнате*). При объединении слогов в китайском языке, как правило, не происходит реструктуризации (исключение – слог + r (как суффикс *–ик* в русском языке).

Именно с тонами китайского языка и ударением в русском языке связаны типичные фонетические ошибки китайских студентов. Китайцы иногда подставляют характеристики слогов китайского языка в русскую речь, не замечая законов фонетики. Во-первых, китайцы иногда четко отсоединяют слоги, которые должны читаться совместно. Во-вторых, китайцы иногда добавляют слабоударения в слово. Эти ошибки появляются потому, что границы между слогами китайского языка очень четки. Если бы кто-нибудь не мог отличать слоги, то его не поняли бы, например,

(1) ku'ai(обожать), kuai(быстро)

(2) shang'e(верхняя челюсть), shange(деревенские песни)

(3) xi'an(г.Сиань), xian(прежде)

(4) dang'an(архив), dangan(работать в одиночку)

(5) УнивЕрсИтЕт

(6) бИзнЕсмЕн.

Главной особенностью слогов русского языка является множество их видов. Кроме того, то, что слоги в русском языке не имеет прямого отношения к значению, стратегически отличается от китайского языка. Слоги китайского языка тесно связаны со значением. Люди, для которых китайский язык является родным, часто ведут миграцию характеристик слогов китайского языка в русский язык, не понимая природу китайских тонов и русского ударения.

Таким образом, можно заметить, что обучение фонетике русского языка целесообразно проводить через сопоставление слогов, тонов и русской и китайской артикуляционной базы. Использование

сравнительно-сопоставительного метода в обучении русскому языку как иностранному будет способствовать более глубокому и точному освоению иностранного языка. Это будет эффективно как для изучения русского языка, так и для переводческой работы и квалифицированного применения иностранного языка. Китайские мудрецы говорят: «Жизнь похожа на прекрасный пейзаж. И хотя мы живём в его центре, описать его можно, только находясь в выгодной точке зрения». Такой точкой зрения при изучении иностранного зыка может служить сравнительно-сопоставительный метод.

© А.К. Сулейманова, Лэн Ян,2014

А.К. Сулейманова, Н.Г. Сабитова
УГНТУ, Уфа, Россия

Художественный текст как средство повышения мотивации изучения русского языка иностранными учащимися

Современные данные прагмалингвистики и исследования в области методики преподавания русского языка как иностранного свидетельствуют об усилении прагматических аспектов изучения русского языка иностранными студентами – учащимися вузов России. Одной из важных задач обучения становится достижение качественных результатов в овладении иноязычным общением через постижение иной культуры, мотивов ситуативного поведения его носителей, т. е. формирование у иностранного студента «прагматической межкультурной компетенции» [1, 101]. Успешная коммуникация иностранного студента определяется не только сформированной устойчивой профессиональной компетенцией, но и уровнем знаний коммуникативных норм и традиций русского народа – носителя изучаемого языка, коммуникативного поведения как части национальной культуры.

«Сгустком» национальной культуры народа по праву можно назвать художественный текст. Использование художественного текста в аудитории иностранных учащихся позволяет максимально реализовать языковую, воспитательную, культурологическую и страноведческую функции. Подобная полифункциональность текстов художественной литературы, безусловно, оказывает положительное

воздействие на познавательную активность студентов и на их мотивацию в изучении языка, поскольку изучение системы языка идет параллельно с постижением языковой личности русского человека, русской национальной картины мира. В контексте культурологии художественный текст рассматривается как ментально-психологический феномен, отражающий этническое сознание.

Чтение и изучение художественного поэтического текста в нефилологической иностранной аудитории призвано способствовать пониманию богатства и красоты русского языка российской многонациональной литературы, расширению представлений о России, ее культурном наследии. Выбор стихотворного текста определялся следующими фактами: небольшое стихотворение или вычлененная смысловая часть крупной стихотворной формы могут быть прочитаны за одно занятие, благодаря чему достигается необходимая целостность восприятия; стихотворный текст с обозримым набором словесных образов постоянно находится в поле зрения учащегося, способствуя эффективности художественного анализа и интерпретации содержательного аспекта; привлечение аутентичных текстов вводит инофона в реальное функционирование языка, требуя творческого использования приобретенных компетенций или формируя определенные компетенции; работа иностранных учащихся над текстом в определенной степени снимает проблемы межкультурной коммуникации. Анализируя текст, учащийся знакомится с идиостилем поэта. При этом значимыми видятся методически подготовленные пути достижения самостоятельного смыслового восприятия текста как основной цели работы с художественным текстом.

Так как поэтический текст представляет собой совокупность словесных образов, каждый из которых играет определенную роль в создании смысла произведения, то в учебных целях единицей поэтического текста можно взять словесный образ – национальный, интернациональный, индивидуально-авторский. На занятии работа над текстом строится как последовательное раскрытие смысла от понимания значения языковой единицы / языковых единиц, составляющих конкретный словесный образ, к восприятию его образной сути и постижению его роли в создании смысла текста в целом. Трудности восприятия иноязычного лирического текста концентрируются, как правило, на уровне поэтического «кода»: другие символы, другие элементы материального мира как предмет творческой рефлексии,

используемые как знаки, за которыми стоят знакомые и понятные человеку любой национальности чувства и мысли.

Таким образом, овладение русским языком как иностранным тесно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает усвоение культурологических знаний (фактов культуры), формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка через художественный текст – источник значимой культурологической информации. Чтение инокультурного художественного текста, понимание особенностей мировосприятия русского человека и освоение духовных ценностей русского народа обеспечивает повышение познавательной активности студентов, способствует повышению их положительной мотивации, стимулирует самостоятельную работу над языком.

Литература

1. Blickpunkt Fremdsprachenunterricht und Europa 1992 // Der Fremdsprachliche Unterricht. - Stuttgard, 1990. – S. 101.

© А.К. Сулейманова, Н.Г. Сабитова, 2014

А.К. Сулейманова
УГНТУ, Уфа, Россия
Чи Линьхуа
Китай

Типичные темы и сферы употребления эвфемизмов в русском и китайском языках

Эвфемизм – стилистически нейтральное слово или выражение, употребляемые вместо синонимичной языковой единицы, представляющейся говорящему неприличной, грубой или нетактичной. К эвфемизму говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть собеседника, принести ему боль или смущение. Такое языковое средство часто применяют во многих языках, в том числе в русском и китайском. По-китайски эвфемизм называется «Вэйваньюй» (委婉语).

Всем известно, что Принципы Кооперации и Вежливости являются двумя важными принципами в речевом общении. Иногда в коммуникации нам надо нарушить Принцип Кооперации для того,

чтобы не доставить собеседнику неприятность и не вызвать у него дискомфорт. К тому же, в социальном общении нам надо также учитывать отношение между эвфемизмами и социальными изменениями, например: возраст, гендерные особенности, социальное положение, уровень образования говорящих и т. п., потому что эти изменения оказывают значительные влияния на наши поступки и нашу речь.

Приведём пример. Люди всегда пытаются скрыть слово «смерть». Смерть окутана тайной, она враждебна человеку, её боятся. Во многих культурах понятие смерти издавна было табуированным и подвергалось эвфемизации. В русском языке имеется значительное количество эвфемистических выражений для тематической сферы «смерть»: *скончаться, уснуть, угаснуть, уйти в мир иной, упокоиться, отдать богу душу, отправиться к праотцам, предать земле, кто-то ушёл от нас, его не стало и т. д*. Когда речь идёт о мёртвом человеке, то для смягчения чаще всего употребляются слова «тело» или «прах». Во многих фольклорных и художественных произведениях описывается смерть и даются её характеристики. Древние люди считали, что слово «смерть» не надо произносить вслух, так как она может услышать и прийти. Традиционно в русском фольклоре смерть изображали костлявой старухой в черном балахоне и с косой. В русских народных сказках персонифицированная смерть получала наименования «курносая», «гундосая», эти эвфемизмы заменяли прямую номинацию.

А, например, в рассказе В.М. Шукшина присутствует обстоятельное описание этого персонажа и его действий:

– М-м, как можно красиво жить! Если я за одну ночь семь раз заигрывал с ***курносой*** *– так? – если* ***она меня гладила костлявой рукой и хотела поцеловать в лоб*** *– я устаю. Я потом отдыхаю.* (В. Шукшин. «Как помирал старик»).

Китайцы, как и русские, в повседневной жизни пытаются уйти от прямого называния смерти. В словаре эвфемизмов китайского языка существует много единиц, обозначающих понятия, связанные со смертью. Приведём некоторые из них. Так, значение ‘умереть’ может дифференцироваться в зависимости от разных признаков:

1) причина смерти: обычной смертью – 老了(‘постареть’), 没了(‘исчезнуть’), 不在了 (‘перестать здесь находиться’), 过世了 (‘прожить жизнь’), 归天了 (‘вернуться на небо’); умереть от болезни

– 没治好 (‘не вылечили’),没救过来 (‘не спасли’). 殇 или 夭折 (‘про смерть в раннем возрасте’);

2) название смерти для разных классов людей (только в древнекитайском языке): 崩 (смерть императора), 薨 (смерть князя), 卒 (смерть сановника), 不禄 (смерть чиновника), 香消玉殒(смерть молодых девушек), 捐躯 (смерть военнослужащих).

В китайском языке существует также много словосочетаний и для называния траурного обряда: вместо «похороны» (丧礼) могут использовать следующие эвфемизмы: «предать земле» и используют соответствующий иероглиф (埋葬), «погребение» – (安葬), «проводить в последний путь» – (送最后一程), «ритуальные услуги» – (丧仪服务).

Эвфемистические выражения имеют широкую сферу употребления и используются при различных ситуациях. Изучение научных работ ученых на материале эвфемизмов позволяет обобщить основные темы и сферы употребления данной группы лексики:

- болезнь – «У него душевная болезнь» – (精神疾病) вместо «Он с ума сошел» – (疯了), «недомогать или плохо себя чувствовать» – (身体不适) вместо «болеть/хворать» – (生病);

- внешность – «некрасивый/непривлекательный человек» (不漂亮的人) вместо «урод» (丑八怪), «полинявший» (毛发稀疏的) вместо «лысый/плешивый» (秃头);

- физический недостаток – «нездоровый человек» (不健康的人) вместо «инвалид» (残废), «он прихрамывает» (他走路有点跛)/ «у него проблема с ногами» (他脚有问题) вместо «хромой»(瘸子), «у него слабое зрение» (视力不好)/ «у него проблема со зрением» (眼睛有问题) вместо «слепой» (瞎子), «он недослышит» (听不清楚)/ «у него проблема со слухом» (听力有问题) вместо «глухой» (聋子);

- отношения между полами – «она разлучница» (她是介入者) вместо «связь на стороне» (外遇);

- личность – «нос кверху держит» (鼻孔撩天) вместо «надменный» (傲慢), «экономный/расчётливый» (节省的) вместо «скупой» (吝啬);

- профессия – «оператор очистных работ» (清扫工作者) вместо «ассенизатор» (清洁工);

- политика – «объявить кого-то персоной нон-грата» (宣布某人为不受欢迎者) вместо «изгнать кого-нибудь» (驱逐某人), «урегулирование цен» (价格调整)/ «освобождение цен» (价格释放) вместо «повышение цен» (涨价);

- преступление – «высшая мера» (极刑) вместо «смертная казнь» (死刑), «подкупить» (收买) вместо «давать взятку» (行贿);

- социальная принадлежность – «женщина свободной профессии» (自由职业女性) вместо «проститутка» (妓女), «в кармане ветер свистит» (口袋内风萧萧) вместо «жить бедно» (生活贫穷).

На наш взгляд, с помощью эвфемизмов говорящий косвенно выражает свое уважение к другим людям, производит впечатление вежливого и воспитанного человека, осуществляет соответствующую речевую стратегию, соблюдает этикет коммуникации.

Проблема эвфемизмов и их изучение заслуживает особого внимания не только при изучении иностранных языков, но и в переводческой работе, так как они являются новой системой кодированного знака, важным средством передачи оттенков смысла и его понимания, служат необходимым условием для международной коммуникации.

© А.К. Сулейманова, Чи Линьхуа,2014

Р. Р. Сыртланова
УГНТУ, Уфа, Россия

Изучение сочетаний слов при обучении лексике на занятиях по английскому языку

Как известно, мы делим мир и слова, которые мы используем для его описания, по-разному, в соответствии с культурой, нашим восприятием, нашим родным языком и нашим личным опытом и процессом мышления. В следующих видах деятельности предложены способы, с помощью которых студенты могут обучаться языку, используя свои собственные наблюдения.

Деятельность 1. Сбор сочетаний слов.

Уровень: от среднего до продвинутого

Время: 5 минут на первом занятии, 30-40 минут, на втором.

Цели: Расширить понимание и приобретение студентами лексики.
Материалы: достаточное количество англоязычных газет и журналов, так чтобы на каждого студента приходилась хотя бы половина номера.
Для этой деятельности недостаточно 1-2 страниц.
Порядок действий:
Занятие 1.

1. Дайте каждому студенту газету или полгазеты. Попросите их дома выбрать сочетание “прилагательное +существительное, в котором хотя бы одно слово является новым для них, или новым является непосредственное соседство этих слов. Предложите студентам найти 6 таких сочетаний и объяснить их значение другим студентам. Это может означать изучение контекста, в котором эти сочетания были найдены.

2. Подчеркните, что студентам необходимо преподать свои сочетания, ясно и кратко.

Занятие 2.

1. Разделите доску на 8 колонок и пригласите одного студента внести одно из их сочетаний в первые две колонки и обучите ему группу. Затем попросите группу вписать другие существительные, которые хорошо сочетаются с данными прилагательными. Предположим, студент приводит сочетание “forthcoming event“ – колонки могут выглядеть следующим образом:

adjective	noun	noun	noun	noun	noun	noun	noun
forthcoming	event	sale	marriage	issue	publication	strike?	debut.

Если кто-то предлагает сомнительное сочетание для “forthcoming”, такое как “strike“, пусть студенты подробно обсудят его между собой, не навязывайте им Вашу точку зрения.

2. Пригласите разных студентов обучить одному из 6 сочетаний, пока доска не заполнится.

Варианты:

1. Много других сочетаний могут быть переработаны, используя этот метод. Вот некоторые из них:

“существительное + существительное”.

Tax burden Dancing master

“Наречие + прилагательное”

Unfortunately misleading Vastly complicated

“Наречие+ глагол”:

Greatly to be regretted Inevitably flowed from
“Глагол + Наречие ”
Vary greatly Replied huffily

2. Прикрепите к доске список из 20 существительных и 10 глаголов, студенты должны переписать списки и дополнить каждое существительное типичным прилагательным, а каждый глагол типичным наречием, например:

An eccentric millionaire To kiss lovingly

Деятельность 2. Насколько сильно сочетание слов?

Уровень: от среднего до продвинутого

Время: 20-30 минут.

Приготовления:

Выберите ряд слов, тесно связанных значением и/или контекстом и постройте сетку, как показано ниже.

1. Запишите эту сетку сочетаний слов на доске и попросите студентов переписать ее в тетрадь. Напишите ее без знаков +/-/?, они являются ключом для преподавателя.

	unblemished	spotless	flowless	immaculate	Impeccable
performance	-	-	+	+	+
argument	-	-	+	-	?
complexion	?	?	+	-	-
behavior	-	-	-	-	+
kitchen	-	+	-	+	-
record	+	+	-	?	+
reputation	+	+	-	+	?
taste	-	-	?	?	+
order	-	-	?	+	+
credentials	-	-	-	-	+

2. Попросите студентов найти вышеуказанные прилагательные в словарях. Предложите им написать их определения/переводы на доске.

3. Разделите студентов на пары и объясните, что: spotless сильно сочетается с kitchen и record (+); spotless слабо сочетается с complexion (?); spotless не сочетается с order (-).

4. Разделите студентов и попросите их решить, какие прилагательные наверху сочетаются сильно, слабо, и не сочетаются вообще, с

существительными слева. Знаком (+) нужно отметить сильное сочетание слов, знаком (?) – слабое, и знаком (-) – нулевое сочетание.
5. Соедините пары в группы по 6 человек, чтобы сравнить их находки.
6. Отдайте вашу книгу одному из студентов, чтобы он написал ключ на доске.

© Р.Р. Сыртланова, 2014

А.С. Титлова
БашГУ, Уфа, Россия

Особенности микроблога как медиатекста

Говоря о медиатексте и его речевом жанре, можно выделить анализ теории речевых жанров в приложении к Интернету, который содержится в работе Л.Ю. Иванова. В своей классификации автор предлагает выделять следующие жанры:

1. Общеинформационные жанры или жанры новостей. СМИ в Интернете разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и на собственно сетевые СМИ, которые на бумаге вообще не издаются.
2. Научно-образовательный и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания, интерактивные учебные курсы, виртуальные факультеты и университеты и т.д.).
3. Художественно-литературные жанры присутствуют в Интернете во всем своем разнообразии. Пополнение происходит, в основном, за счет традиционных литературных произведений, которые были опубликованы на бумаге, а затем перенесены в Сеть, но существует ряд писателей, пишущих лишь в Интернете.
4. Развлекательные жанры интернета. Среди них – жанры, объединенные юмористической или эротической направленностью.
5. Жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Это, прежде всего, всевозможные дискуссионные группы, чаты или IRC в MUD. К жанрам, оформляющим неспециальное общение, относятся также гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки, социальные сайты и др.

6. Деловые и коммерческие жанры (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический познавательный характер, баннеры)[1,3].

Сегодня в Интернете зародился и стремительно развивается новый жанр Интернет-дискурса, который в классификации Л.Ю.Иванова можно отнести к исконно сетевым, оформляющим неспециальное, чаще всего непрофессиональное общение – это жанр блога. Блог (сокращение от weblog) чаще всего определяется следующим образом – Интернет-дневник, персональный хронологический журнал мыслей пользователя, публикуемый на веб-странице.

Внутри жанра блога можно выделить поджанр микроблога – это форма блогинга, которая позволяет пользователям писать короткие заметки, расположенные в обратном хронологическом порядке и публиковать их; каждое такое сообщение может быть просмотрено и прокомментировано зарегистрированным пользователем в режиме чата. Эти сообщения могут быть переданы различными способами, включая такие, как текстовые сообщения, мгновенные сообщения, электронная почта. Микроблогинг стремительно ворвался в блогосферу и начал не менее стремительно развиваться с появлением Твиттера. Несмотря на большое количество аналогов Твиттера, именно Твиттер уже более пяти лет удерживает первенство в сфере микроблогинга. Аккаунты на Твиттере есть у большинства «профессиональных» блоггеров, актеров, телевизионных ведущих.

При этом микроблоги не являются конкурентами или заменой блогов, как считают многие исследователи. Это, скорее всего, дополнение к блогам, созданное для того, чтобы не отягощать их короткими постами (100 – 200 символов).

Содержание микроблога, как и содержание традиционного блога, является его важной характеристикой. Микроблоги также можно классифицировать по темам содержания, медийности, по форме, по особенностям рефлексивных и коммуникативных процессов.

Основными характерными чертами микроблогов можно считать реализацию тенденции к разговорности, и вследствие этого употребление языковых элементов неформального общения (разговорных слов и выражений, обращений по нику, вопросительных и

восклицательных предложений, эллиптических конструкций, использования большого количества кратких форм и т.д.). Сейчас можно говорить о том, что основной чертой микроблога является самый высокий среди всех жанров Интернет-дискурса уровень разговорности, главными признаками которой являются спонтанность, неофициальность, диалогичность, ситуативная закрепленность, тенденция к краткости и экспрессивности. Именно своеобразная диалогичность позволяет автору поста заранее быть уверенным в незамедлительном получении нужного ему ответа от адресата. Этот диалогический характер электронных сообщений обуславливает их неформальную организацию, имитирующую разговорную спонтанную речь. Для компенсации отсутствия вербальных средств выражения эмоций используются смайлики и различные анимационные эффекты, предложенные разработчиками интерфейса.

Микроблог также может рассматриваться как жанр Интернет-дискурса, который характеризуется многими технологическими факторами: синхронность, постоянство записей, размер буфера сообщений, канал коммуникации, возможность анонимного общения, обмена личными сообщениями, фильтрация и цитирование сообщений.

Основная функция микроблога коммуникативная, функция самопрезентации, развлечения, сплочения и удержания социальных связей, а также немаловажная для современного общества психотерапевтическая функция [2, 14].

Сегодня наиболее значимыми факторами, влияющими на электронный жанр в Интернете, стали гипертекстуальность и интерактивность среды. Также на жанр, бесспорно, влияют технические возможности Интернета в передаче и обновлении информации и возможности в создании креолизованных текстов (аудивизуальных текстовых элементов, которые «предоставляет» также только эта среда; мультимедийное оформление; временной параметр передачи информации (синхронность/асинхронность коммуникации); жанр может быть связан с фактором читателя текста или способом его прочтения (линейное (различия между бумажным и электронным жанром сводятся к минимому) и нелинейное прочтение гипертекста; навигационный и обычный (линейный)).

Нелинейное и линейное представление информации являются двумя сторонами мыслительных способностей человека, т.к. следы мысли, представленные в письме, обретают способность к самостоя-

тельной жизни. Разница в том, что линейный текст имеет чёткую последовательность, а нелинейный (гипертекст) – мозаичную структуру. Интерпретация уравнивает в правах и текст, и гипертекст, т.е. оба эти явления нечто интерпретированное, и в процессе интерпретации рождается новое содержание и новый смысл, отличные от первоначального авторского замысла. Структурированные авторские мысли в линейном тексте понимаются читателем в процессе мыслительного диалога и интерпретируются с опорой на фоновые знания и интеллектуальный опыт. Гипертекст, помимо текстовой интерпретации (что сближает его с текстом), линеаризируется и структурируется согласно читательскому прочтению и авторскому замыслу одновременно. Таким образом, «при чтении гипертекста происходит процесс двойной интерпретации – авторского замысла структуры и авторского замысла смысла» [2, 20].

Несмотря на то, что идея гипертекстуальности не нова, современный (компьютерный) гипертекст принципиально отличается от гипертекстов досетевой эпохи тем, что указанная совокупность референтных текстов, т.е. текстов, связанных с основными (воспринимаемыми) текстами ссылочным аппаратом, находится в зоне непосредственной досягаемости реципиента (очевидно, что соединение текстов и мгновенный доступ к различным произведениям технически осуществимы только на компьютере).

Если говорить о гипертексте с лингвистической позиции, то более уместным будет назвать способ организации субтекстов (сегментов) в гипертексте не нелинейным, а мультилинейным. Дело в том, что, с одной стороны, любой гипертекст состоит из линейных субтекстов; с другой стороны, в действительности последовательность прочтения отдельных субтекстов зачастую оказывается заданной автором с помощью встроенных ссылок.

Другой важной особенностью гипертекста является его интерактивность. Пользователь имеет возможность вступать во взаимодействие со средством коммуникации. Зачастую на Веб-странице можно найти предложение отправить автору электронное послание или написать комментарий на статью, опубликованную в электронном издании.

Гиперссылка является основополагающим структурным элементом гипертекста, средством связи между его фрагментами. Понятие гиперссылки становится существенным для понимания связности

и цельности гипертекста в среде Интернет. В пределах гипертекстовой ссылки различают: а) источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран; б) объект ссылки – новый текст или изображение, появляющиеся в результате активизации ссылки.

Способы организации, реализации и количество гиперссылок не ограничены. Гиперссылкой может стать любой элемент текста. Но, как правило, в качестве связки двух информационных единиц между собой выступают ключевые значимые номинативные слова (существительные, глаголы), словосочетания, предложения. Реже используются указательные местоимения.

В лингвистике выделяют два основных типа гиперссылок: синтагматические и парадигматические. Синтагматические гиперссылки устанавливают связи между семантически близкими текстонами. Парадигматические гиперссылки лишь намечают общее семантическое поле текстонов гипертекста, им может быть совершенно несвойственна семантическая близость [3, 47].

О смысловой целостности всего гипертекста говорить невозможно, т. к. она заключается в единстве темы, а отдельные связные сегменты гипертекста могут иметь различные темы. Информативность гипертекста, как было показано выше, также связана с использованием ссылок. С одной стороны, она зависит от использования ссылок получателем гипертекста при его прочтении, с другой стороны – от того, насколько быстро можно найти необходимую информацию с помощью предлагаемых автором ссылок. Было замечено, что информативность гипертекста повышается благодаря выделению цветом узлов, которые уже были прочитаны.

Литература

1. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. www.faq-www.ru – 2000.

1. Ильина И.А. Особенности проявления текстовых категорий в гипертексте / И.А. Ильина // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. – 2004. – № 4.

2. Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации / И.Р. Купер // Социологический журнал. – 2005. – №1-2.

© А.С. Титлова, 2014

Н.Н. Трошина
ИНИОН РАН, Москва, Россия

Востребованность немецкого языка в академической сфере

Сегодня немецкий язык занимает одиннадцатое место в мире по числу носителей (после китайского, английского, испанского, русского, арабского, португальского и японского). В Европе же немецкий язык занимает по этому критерию второе место (после русского). Как изучаемый первый иностранный язык немецкий значительно отстает от английского; в Западной Европе он к тому же уступает французскому и конкурирует с испанским за третье место. В Восточной Европе в целом немецкий язык также уступает английскому, однако в зависимости от культурно-исторической ситуации в конкретной стране немецкий язык как иностранный может занимать места от первого (Чехия, Словакия, Венгрия) до четвертого (Румыния, Молдавия).

Дискуссия о востребованности немецкого языка в научной и образовательной сфере современной Германии нередко начинается с упоминания о том, что в Основном Законе ФРГ (в Конституции ФРГ) ничего не говорится о статусе немецкого языка. Большинство юристов исходят из того, что немецкий язык де-факто уже обладает конституционным статусом. Однако все больше голосов раздается в пользу того, чтобы статус немецкого языка как национального был зафиксирован в Основном законе страны. Эта точка зрения опирается на следующие аргументы, которые приводит Дж. Люди в своей статье «Угрожает ли английский язык как lingua franca немецкому и другим национальным языкам?» (Lüdi 2013:276): 1) язык – базис культурной идентичности; 2) язык – элемент, объединяющий все слои немецкого общества; 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной утрате его значимости» (schleichende Bedeutungsverlust der deutschen Sprache) (там же); 4) упоминание немецкого языка в Основном Законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском Союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языкам» (там же).

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Дж. Люди: 1) на

формальном, способствуя сохранению его чистоты и препятствуя его порче (Verfall der Qualität) (там же); 2) на национальном, используя его как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства; 3) на международном, т.е. противодействуя уменьшению привлекательности немецкого языка как иностранного.

Нетрудно заметить, что все три названные уровня защиты немецкого языка как национального имеют большое значение для сферы науки и образования, т.к. в этой сфере международное сотрудничество развивается очень интенсивно.

Языковая ситуация в современных немецких университетах и научных центрах тесно обусловлена процессами глобализации, оказывающими серьезное воздействие на выбор языков научного общения (см. об этом подробнее в публикации Н.Н. Трошиной и М.Б. Раренко «немецкий язык в эпоху глобализации» (Трошина, Раренко: 2005)

Прежде, чем охарактеризовать положение немецкого языка в академической сфере, представляется целесообразным показать хотя бы в общих чертах, как менялось соотношение трех основных европейских языков (английского, немецкого и французского) на протяжении XIX-XX вв., чтобы одновременно проследить и постепенное выдвижение на первый план английского языка. Такой исторический обзор дается в работах У. Аммона "Английский язык как язык обучения в немецких университетах будущего" (Ammon 2001) и «Английский язык как язык академического общения в Европе" (Ammon 2002).

В XIX в. распределение языков по сферам коммуникации выглядело следующим образом: английский язык – в международной торговле, французский язык – в дипломатии, немецкий язык – в науке. Без знания немецкого языка или хотя бы без возможности читать на немецком в первые 40 лет XX века не мог обойтись ни один биолог или медик. Таким образом, к концу XIX – началу XX века три языка – английский, французский и немецкий – были основными языками международного общения.

В начале XX века, как показывают исследования, английский язык не занимал главенствующей позиции как язык науки, однако потенциально мог претендовать на эту роль. Этому способствовало несколько причин, и прежде всего экономическое превосходство всех

англоговорящих стран, хотя Германия экономически превосходила Великобританию, а Франция занимала почетное третье место в мире по уровню экономического развития в начале XX века. Все принципиальным образом изменилось к началу первой мировой войны. По уровню экономического развития США заняли первое место в мире. Необходимо отметить, что суммарно англоязычные страны и до первой мировой войны превосходили в экономическом плане немецкоязычные и франкоязычные страны. Однако все три языка по-прежнему играли важную роль в мире. Это косвенно подтверждается тем, что исследователи из Германии, Великобритании, США, Франции по-прежнему публиковали научные исследования на родном языке. При этом международный статус английского языка возрастал, поскольку именно на английском языке публиковалось большинство научных трудов.

На протяжении всего XX века англоязычные страны стабилизировали свое экономическое положение, а следовательно, и в языковом плане доминировали в мире. Что касается первой мировой войны, то она косвенным образом ослабила позиции немецкого и французского языков в мире. Германия потеряла большинство своих колоний, соответственно, изменился и статус немецкого языка в мире, а Франция утратила гегемонию французского языка как языка международной дипломатии: Версальский договор был подписан и на французском, и на английском языках. Более того, английский язык наряду с французским языком становится официальным языком Лиги Наций. К тому же последствия первой мировой войны для Франции и Германии были тяжелыми, а США вновь подтвердили свое доминирующее экономическое положение в мире. Еще одним печальным последствием первой мировой войны для развития немецкого языка как языка науки стало то, что нарушилось привычное в немецкоязычном мире общение между учеными. Немецкоязычные научные издания стали менее доступны, в частности, для американских исследователей. В 1936 году приблизительно 1160 университетских профессоров уехали из Германии, что, конечно же, повлияло на изменение статуса немецкого языка как языка науки в мире. Уезжая из Германии, немецкие исследователи в большинстве своем направлялись в США, где публиковали свои труды на английском языке, способствуя тем самым росту научного статуса последнего.

Исследователи из других стран, которые ранее публиковали свои работы на немецком, французском и, реже, английском языках, постепенно отказались от немецкого и французского языков и стали все чаще публиковать свои труды на английском языке.

К 1980 году подавляющее количество публикаций появляется на английском языке, в связи с чем можно констатировать, что английский язык утвердил свои позиции как язык науки в мире. Французские и немецкие исследователи вынуждены сейчас публиковать свои научные труды на английском языке, если они хотят ознакомить с ними их американских коллег. Подавляющее большинство американских ученых не владеют французским или немецким языками, поэтому большинство научных журналов также издается на английском языке. Как правило, американские университеты не подписываются на научные издания на иностранных языках.

Все перечисленное выше позволяет У.Аммону сделать вывод, что английский язык в современном научном мире прочно занял лидирующее положение. На ведущую роль английского языка в научной сфере указывают и другие исследователи (Crystal 1997; Graddol 1997; Tsunoda 1983). Отметим в этой связи также точку зрения американского исследователя Р.Каплана, выраженную им в статье "Английский язык – случайный язык науки?" (Kaplan 2001): Продвижение английского языка – процесс постепенный, но он не был спланирован, т.е. при определенных условиях языком науки и вообще языком глобального использования мог стать фактически любой язык.

Утрата немецким языком своих позиций в сфере науки и образования вызывает особую тревогу и у специалистов, и у широкой немецкой общественности. В конце 90-х гг. У. Аммон провел специальное исследование на эту тему, подчеркнув, что сфера науки охватывает множество различных институтов, организаций и органов, статус и функции языка в которых могут различаться. Функция какого-либо языка как международного языка науки определяется тем, на скольких территориях и в каких институтах он используется как lingua franca (Ammon 1998: 810).

Как международный язык науки немецкий занимает различные позиции в зависимости от отрасли знания. Часто повторяемое утверждение, что в целом ряде научных дисциплин немецкий язык все еще сохраняет лидирующие позиции, должно отойти к сфере преданий и мифов, пишет У.Аммон (там же: 814). На немецком языке публику-

ется больше работ по социальным наукам, чем по естественным; ср. долю в процентах: социология – 5,7; экономика – 9,6; политология – 12,4: антропология – 10,1; химия – 5,5; биология – 2,5; физика – 3,9; медицина – 5,5; математика – 3,6). Что же касается разделения научных дисциплин на теоретические и прикладные, то немецкий язык используется чаще во вторых, чем в первых: 1) биология: 12% нем яз. – 88% англ. яз; 2) общая медицина: 34,2% нем.яз. – 74, 2% англ. яз.; 3) геология: 72,5% нем яз. – 26 % англ. яз.; 4) клиническая медицина: 78,6% нем. яз. – 20% англ. яз. (там же: 815). Первые два направления (биология и общая медицина) ориентированы преимущественно теоретически, в то время как два последних направления (геология и клиническая медицина) – практически. При этом разделение научных исследований на теоретические и практические легче провести в естественных науках, чем в гуманитарных и социальных. Последние, так же, как и прикладные науки, предполагают более свободное владение иностранным языком, чем это необходимо для теоретических естественных наук с их развернутым аппаратом формул. Этим и объясняется нежелание многих ученых-гуманитариев и прикладников перейти с хорошо освоенного ими немецкого языка на английский.

Английский язык в Германии в последнее время стал преподаваться в большинстве университетов. Это связано с тем, что многие студенты обучаются по международным программам. Соответственно, повышаются и требования к знанию английского языка. У.Аммон (Ammon 2002: 142-143) перечисляет цели, которые преследуют немецкие университеты, предлагая своим студентам участвовать в международных программах: 1) расширить международные контакты Германии; 2) помочь развивающимся странам завершить программы развития, предоставляя их специалистам высококачественное образование, которое те смогут использовать во благо своих стран, вернувшись на родину и поддерживая культурные и профессиональные контакты со специалистами из Германии; 3) повысить престиж немецкого образования, привлечь большее количество студентов, поскольку, чем больше студентов обучается в университете, тем большую материальную помощь получает университет от государства; 4)восстановить экономическое и политическое равновесие в мире (благодаря международным программам в Германии и других неанглоязычных странах).

У. Аммон приводит следующую статистику: в 43 из 356 имеющихся в Германии высших учебных заведений на летний семестр 2000 года имелись образовательные программы на английском языке (Ammon 2001: 79).

Мюнхенский исследователь Ральф Моцикат считает возмутительным поведение научных мероприятий в Германии на английском языке: «На многих семинарах и конференциях можно наблюдать, как снижается у присутствующих готовность участвовать в дискуссии даже в том случае, если они прекрасно владеют английским языком. Это связано с тем, что язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и когнитивную. Наши модели мышления, формирования гипотез, цепочек приводимых аргументов, в том числе и в естественных науках, неотделимы от нашего сознания, которое основано на родном языке (beruht auf der Muttersprache). Научные теории всегда используют слова, образы, метафоры, заимствованные из разговорного языка» (Mocikat 2006 – цит. по: Lüdi 2013:279).

Возможные последствия отступления немецкого языка в сфере образования и науки называет К. Фибах: «…многим людям был бы закрыт доступ к научному знанию … Немецкий язык остановился бы в своем развитии, если бы отпала необходимость формулировать на нем результаты исследований. Разговорный немецкий язык и язык науки тесно связаны, так что отказ от немецкого языка в научной сфере ограничил бы и возможности разговорного языка» (Fiebach 2010 – цит. по: Lüdi 2013:278).

Немецкий язык как международный язык науки играет бóльшую роль в Европе (включая Россию), чем на других континентах. В самой же Европе немецкий язык имеет более сильные позиции на востоке, чем на западе. У.Аммон приводит следующие данные по использованию немецкого языка на международных конференциях: в англоязычных странах – 5%, в Скандинавии – 6%, во Франции/ Италии/Испании/Португалии – 7%, в восточно-европейских странах – 16 %. (Ammon 2002). Приверженность ученых стран Восточной Европы немецкому языку имеет, по предположению У.Аммона, идеологические корни как к языку классиков марксизма. К тому же более отсталые в технологическом и научном плане страны Восточной Европы надеялись получить большую пользу от научных контактов с немецкоязычными странами, а не с другими западноевропейскими странами или, тем более, с США и Японией.

Давая общую оценку позициям немецкого языка в современном мире, У.Аммон констатирует, что за годы, прошедшие после воссоединения Германии в 1989 г., стало ясно: не всем оптимистическим ожиданиям в плане значительного упрочения позиций немецкого языка на международной арене суждено сбыться. Реальное развитие событий и языковых ситуаций в различных странах Европы и мира не всегда способствовало воплощению этих ожиданий.

У.Аммон называет следующие аспекты, обусловливающие позиции немецкого языка сегодня (Ammon, 1997): 1) пользу знания немецкого языка в сравнении с другими языками; 2) потребность общества в знании немецкого языка; 3) спрос на немецкий язык; 4) мотивацию к изучению немецкого языка. Указывается, что общая потребность в знании немецкого языка определяется не только его пользой, но и объемом уже имеющихся в обществе знаний. Спрос же определяется количеством лиц, действительно желающих изучать немецкий язык. Спрос может быть выше или ниже потребности. Мотивация - это интенсивность желания овладеть немецким языком.

В течение долгого времени немецкие германисты были озабочены уменьшением количества желающих записаться на курсы немецкого языка как иностранного, проводимые за рубежом, т.е. проблемой снижения спроса на немецкий язык. М.Шрёдер цитирует письмо преподавателя немецкого языка в Словении, в котором сообщается: "Среди потенциальных учащихся распространено мнение, что современные немецкие тексты так или иначе приходится читать с англо-немецким словарем. Лучше уж сразу заняться английским языком. Зачем нам Denglisch?" (Schroeder 2004: 82). В результате возникает проблема трудовой занятости для выпускников университетов по специальности "германистика". Однако сегодня наблюдается некоторое изменение ситуации: в связи с экономическим кризисом в десятые годы XXI века в Германию в поисках работы из южноевропейских стран переехали тысячи людей. Для получения работы требуется знание немецкого языка, что привело к увеличению числа желающих учиться на курсах немецкого языка. Наплыв настолько велик, что, как пишет Марион Шмидт в статье «Аншлаг на курсах немецкого языка» (Schmidt 2012), не хватает преподавателей. Эту ситуацию иллюстрирует график под названием «Южане становятся германистами: Запись на курсы немецкого языка, организуемых Институтом им. Гете в отдельных странах »:

Südländer werden Germanisten: Einschreibungen für Deutschkurse an Goetheinstituten in ausgewählten Ländern

В России немецкий язык как иностранный пользуется стабильно высоким спросом, занимая второе место после английского. Это объясняется тем, что Германия является самым крупным деловым партнером России в Европе. Институт им. Гете в Москве констатирует стабильно высокий спрос прежде всего на базовый курс немецкого языка: желающих так много, что приходится вести список ожидания на год вперед (Troshina 2010).

Прочные позиции немецкого языка в России как языка науки и культуры отмечают учредители Центра немецкоязычной культуры и философии при Санкт-Петербургском университете (Zentrum für deutschsprachige Kultur und Philosophie an der Universität St.Petersburg). Решение о создании этого центра было принято на симпозиуме "Гражданское общество: Немецкий опыт и российские перспективы (9-12 мая 2005 г., Гейдельберг)".

Сегодня немецкий язык преподается в 653 лингвистических и других университетах России, сообщают С.С. Соловьев и Н.В. Минакова в исследовании «Основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ» (Соловьев, Минакова 2012). Почти треть из них являются партнерами немецких университетов, с которыми осуществляется обмен преподавателями, аспирантами и студентами. Наиболее активно в этом обмене участвуют университеты Поволжья и Сибири, так как в этих регионах охотно принимают на работу людей со знанием немецкого языка. «Это объясняется тем, что деловые партнеры местных фирм крупного и среднего масштаба из Германии, Австрии и Швейцарии смогли

реализовать себя не на московском или петербургском рынке, а на региональном, где во многом проще отношения, легче найти инвесторов, выше обязательность партнеров и менее конкурентный рынок» (Соловьев, Минакова 2010: 20).

Согласно результатам проведенного названными авторами социологического исследования, «немецким языков в 2011 г. владели 48,9% выпускников вузов России, получивших диплом переводчика или специалиста со знанием иностранных языков, что почти в два раза меньше по сравнению с тем же показателем для английского языка (96,8%)» (Там же). При этом свободно (на уровне устного синхронного перевода) владеют английским языком 57,1%, немецким – 21, 7%; уверенно (на уровне устного последовательного перевода) английским языком владеют 36%, немецким – 23,4%; только читают и переводят тексты с английского языка 6,6%, с немецкого – 54,5%. Приведенные результаты показывают, что почти все выпускники лингвистических вузов владеют английским языком, немецкий при этом занимает прочное второе место.

Литература

1. Соловьев С.С., Минакова Н.В. Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ.– М., 2012. – 144 с.
2. Трошина Н.Н., Раренко М.Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник. Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М., 2005. – С. 131-164.
3. Ammon U. English as a future language of teaching at German universities? A question of difficult consequences, posed by the decline of German as a language of science // The dominance of English as a language of science; effects on other languages and language communities. – Berlin; N. Y., 2001. – p. 343 – 361.
4. Ammon U. English as an academic language in Europe: A survey of its use in teaching. – Frankfurt a.M. etc., 2002. – 204 p.
5. Ammon U. Heutige Fachsprachen im interkulturellen Austausch I: Die Stellung der deutschen Wissenschaftssprachen außerhalb des deutschen Sprachgebiets // Fachsprachen: Languages for special purposes. - B., New.York., 1998. – Hb 1. – S. 809 – 819.
6. Ammon U. Schwierigkeiten bei der Verbreitung der deutschen Sprache heute // Muttersprache. - Wiesbaden, 1997. - № 1. - S. 17-34.
7. Crystal D. English as a global language. – Cambridge, 1997. - 304 p.
8. Fiebach C. Deutsch als Wissenschaftssprache – deutsche Sprache, guo vadis? // Internetdossier „Deutsch als Wissenschaftssprache“. www.goethe.de/Ihr/prj/diw/dos/deindex.htm
9. Graddol D. The future of English? – L., 1997. – 308 p.

10. Kaplan R.B. English – the accidental language of science? // The dominance of English as a language of science; effects on other languages and language communities. – Berlin; N. Y., 2001. – p.3 – 26.
11. Lüdi, G. Ist Englisch als *lingua franca* eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin, Boston, 2013. – S. 275-292.
12. Mocikat R. Die Anglisierung der Wissenschaftssprache am Beispiel der Biomedizin – eine kritische Stellungnahme. – Moode of access: http://www.adawis.de/admin/upload/navigation/data/Spr-M2.pdf
13. Troshina N. Deutsch in Russland // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache: Ein internationales Handbuch. – Berlin, 2010. – S. 1775 –1781.
14. Tsunoda M. Les langues internationales dans le publications scientifiques et techniques. // Sophia Linguistica. – Sofia, 1983. - № 13. – p. 144 – 155.
15. Schmidt M. Ausverkaufte Sprachkurse: Deutsch als Fremdsprache wieder populär. - Moode of access: http://www.ftd.de/karriere/karriere/:ausverkaufte-sprachkursdeutsch-als-fremdsprache-wieder-populaer/70115992.html
16. Schroeder M. Die deutsche Sprache angesichts der Globalisierung // Germanistische Studien. – Tbilissi, 2004. – S. 82– 84.

© Н.Н. Трошина, 2014

В.И. Убийко, И.В. Захарчук
БашГУ, Уфа, Россия

Когнитивно-дискурсивный словарь в аспекте межкультурной коммуникации (на примере репрезентации концепта «*красота*»)

> Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа.
> 1 послание Петра 3:4

В современных лингвистических исследованиях намечаются основы интегрально-синергетического метода лингвистического анализа, совмещающего структурно-семантический, функциональный и когнитивный аспекты.

Когнитивно-дискурсивный словарь представляет собой систематизацию способов языковой репрезентации концептов. Основная задача словаря – показать последовательное развертывание концепта

в языковых структурах и определить основные линии развития семантики языковых средств, использованных для его выражения. Впервые такой подход был осуществлен в [2]. Когнитивно-дискурсивный словарь базируется на интегральном описании языковых средств репрезентации языковых концептов в их синергетическом взаимодействии и в проекции на дискурсы разного типа. Лексическая сочетаемость при этом оказывается теснейшем образом связанной с когнитивно-дискурсивным анализом, так как отражает проявление глубинных смысловых контуров. Конечная же, стратегическая цель связывается с описанием структуры языкового знания, скрытого в имени и раскрывающегося в его сочетаемости. Сочетаемость при таком подходе является единственным инструментом обнаружения и способом выявления динамики смыслового взаимодействия «образов содержания знака». Словарь может и должен стать эмпирической основой новых лингвистических теорий.

Репрезентация концепта осуществляется в семантическом пространстве языка в рамках функционально-смысловой сферы. В основе функционально-смысловой сферы, репрезентирующей концепт «*красота*» в русском языке, лежит словообразовательное гнездо ключевой лексемы *красивый,* вбирающей в себя основные параметры характеризации эстетической оценки. Главными среди них являются:

– противопоставления положительного и отрицательного оценочного признака (*красивый-некрасивый*);

– степень воспринимаемого положительного признака (*красивый, прекрасный*);

– степень воспринимаемого отрицательно оцениваемого признака (*некрасивый, страшный, ужасный, отвратительный, гадкий*) ;

– каузация признака (*красивый, красить, украсить, украшение*);

– субъектная ориентация признака (*красивый, красавец*);

– гендерная характеризация положительно оцениваемого признака (*красавец, красавица*);

– склонность, черта характера (*прекрасный, прекраснодушный)*;

– словообразовательная интерпретация (*прекраснодушный, прекраснодушие, прекраснодушно).*

Дальнейшее развертывание функционально-смысловой сферы наблюдается в синонимических образованиях, присоединяемых на разных ступенях деривации к исходным лексемам: *красивый, прекрасный, хорошенький, миленький, прелестный, миловидный, приго-*

жий, смазливый, хорош собой. Следует отметить, что синонимические образования в разных языках могут развивать разные линии концептуализации. Так, общим признаком для синонимов в английском языке beautiful, lovely, handsome, pretty, bonny, comely, fair, beauteous, pulchritudinous, good-looking выступает качество «доставлять удовольствие при созерцании». В русском же языке преобладает когнитивный признак «выделяться».

Многочисленные эпитеты к лексеме *красота* значительно усиливают этот признак и добавляют к нему признак воздействия, притягательности: *восхитительная, чарующая, пленительная.*

В русской фразеологии и паремиях отражаются:

– негативные аспекты понимания красоты (*лицом красив, да сердцем спесив; молодец красив, да на душу крив; личиком гладок, да делами гадок)*;

– временность, быстротечность (*красота приглядится, а ум вперед пригодится; краса до венца, а ум до конца*);

– противопоставление красоты счастью (*не родись красивой, а родись счастливой*), добру (*не ищи красоты, а ищи доброты*);

– недостаточности одной внешней красоты (*снаружи красота, внутри пустота*).

Рассмотренные паремии призваны как бы «насторожить» поклонников красоты. В английском языке другая картина. Например, Джон Мильтон подчеркивает то, что только слабые умы поддаются очарованию красоты.Beauty stands in the admiration only of weak minds led captive (красота чарует лишь слабые умы) [1].

Дискурс синтезирует все возможности языковой репрезентации концепта и наращивает его новые слои, обусловленные культурой. Обращение к философским и публицистическим текстам дает основание для понимания жизненной необходимости рассматриваемого концепта в русской культуре, где он встраивается в единый ряд с концептами *«истина», «добро*» и переходит из эстетического дискурса в этический.

«Истина», «Добро» и «Красота» – это метафизическая триада; есть не три разных начала, а одно. Это - одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая. Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я свое сосредоточие имеющая – есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого – она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьим, как вовне луча-

щаяся – Красота. Речь идет о трех рассмотрениях по разным модусам: по модусу Я, по модусу Ты и по модусу Он» [3, 85].

Таким образом, комплексное описание функционально-смысловой сферы как способа репрезентации концепта может способствовать разработке адекватного представления лексикона в его взаимодействии с динамикой дискурса. Когнитивно-дискурсивный словарь одновременно направлен в две стороны: в сторону концептосферы и в сторону семантического пространства языка. Он имеет практическую направленность, может быть использован в практике преподавания русского языка. Кроме того, предлагаемая модель словаря может быть использована как инструмент интегрального анализа текста.

Литература

1. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английском и русском языковом сознании // Антология концептов/ под ред. Карасик В.И.,Стернин И.А.-Волгоград: Парадигма, 2011, с. 235-242.
2. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. - Уфа:РИЦ БашГУ,1998.
3. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины.-М.:АСТ,2003-635 с.

© В.И Убийко, И.В. Захарчук 2014 г.

Ф.Г. Фаткуллина
БашГУ, Уфа, Россия

Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов)

В современных условиях развития общества необходимым элементом социальной, политической и экономической жизни социума становятся информационные потоки, определяющие существование таких форм массовой коммуникации, как журналистика, реклама, PR. Оказывая значительное влияние на мировоззрение, установки, настроения аудитории, они формируют культуру современной массовой коммуникации, используя в качестве эффективного средства для порождения, закрепления и трансляции различных смыслов медиатексты.

Значимо, что развитие сетевых и мультимедийных технологий обусловило трансформацию современной системы массовой комму-

никации. Создается новый облик рынка электронных коммуникаций, в качестве особых характеристик которого выделяются следующие:

− появление новых субъектов рынка;

− изменение характера поведения зрителей (пользователей), все большее число которых получает возможность участвовать в создании, формировании и распространении контента;

− зарождение новых форматов контента;

− развитие возможности самоорганизации пользователей в сетях и под.

Следствием данной трансформации является многократное увеличение скорости создания, распространения и наращивания объемов информации, в том числе и в интернет-СМИ. Интернет – это не просто канал передачи информации, а принципиально новый тип взаимодействия и создания текстов. Скорость распространения информации в интернете метафорически сравнивают со скоростью распространения вирусов инфекционных заболеваний.

Как отмечает А.А. Сычев, интернет-общение как своеобразная форма массовой коммуникации имеет ряд общих черт с «всенародной карнавальной жизнью средневековья» в трактовке М.М. Бахтина [1, 17]. Виртуальное общение, как и карнавал, характеризуется выходом за пределы обыденности и официальных регламентаций и оформляется особым — игровым — образом [10].

Реализация игрового компонента в общении связана с использованием языка как средства достижения субъектом определенных целей (в первую очередь — эстетических). Постановка говорящим эстетических или творческих задач предполагает экспериментирование над языком, выведение его за пределы нормы, сознательное нарушение существующих прагматических канонов. В большинстве случаев указанные цели (связанные с нестандартным использованием языка) реализуются в виде установки на достижение комического эффекта.

В интернет-общении: «Виртуальная языковая личность крайне креативна в выборе и использовании лингвистических средств общения» [2, 389].

Специфическим для интернет-дискурса средством достижения комического эффекта, активность использования которого возрастает в последние годы, можно считать так называемые интернет-мемы. Этим термином обозначают возникшее в первом десятилетии XXI

века явление спонтанного распространения в интернет-среде некоторой информации или фразы посредством «тиражирования» всеми возможными способами (по электронной почте, в чатах, на форумах, в блогах и др.), а также саму эту информацию или фразу [4].

Термин мем (англ. meme) ввёл в 1976 году английский биолог и популяризатор науки Ричард Докинз в книге «The Selfish Gene» (русский перевод опубликован в 1993 году под названием «Эгоистичный ген»). Интересно, что в русском переводе термин фигурировал как мим, что соответствует правилам транскрипции слов английского языка. Но в таком виде термин не прижился, а закрепился как мем. Так же как и ген, мем — единица хранения и передачи информации, но только в сфере культуры. И мем и ген — репликаторы (англ. replicators), объекты, которые копируют и воспроизводят сами себя, или, говоря простым языком, умеют размножаться. Докинз утверждал, что для мемов при воспроизведении важны плодовитость и относительная точность (в отличие от абсолютной точности для генов). Среди примеров мемов он называл мелодии, идеи, модные словечки и выражения, о Боге и теорию Дарвина. Последние примеры, впрочем, представляют целые комплексы мемов, или мемокомплексы. Мемы распространяются в пространстве — от человека к человеку (горизонтально) и во времени — от поколения к поколению (вертикально) [3, 189].

У термина «мем» есть и конкуренты, по мнению М. Кронгауза, к примеру, термин «медиавирус» (англ. media virus), введённый специалистом в области медиа Дугласом Рашкоффом. Медиавирусами Рашкофф называет такие медиасобытия, которые вызывают настоящие социальные перемены. Понятно, что медиавирус отличается от интернет-мема и масштабностью (социальные перемены!), и каналом распространения (медиа!), но уж больно привлекательна идея заражения. М. Кронгауз называет их " культурной заразой" [5]

Вообще мем — это идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества. В широком смысле мем рассматривается как механизм передачи и хранения культурной информации.

Итак, интернет-мем (или интернет-феномен) — единица информации, объект, который получил популярность — как правило, спонтанно — в среде, обслуживаемой информационными

технологиями. Спонтанному бесконтрольному распространению среди интернет-пользователей подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей неравнодушными к ней, вызывает интерес или порождает какие-либо ассоциации.

Места «зарождения» мемов — это различные интернет-сообщества (блоги, форумы, чаты, группы в социальных сетях и т. п.). Интернет-мемы отличаются разной степенью локальности в зависимости от того, какую часть интернет-пространства они покрывают. Для остальных носителей языка они, скорее всего, при первом знакомстве останутся непонятными, если не сопроводить их необходимыми пояснениями, и, соответственно, не вызовут смеховой реакции.

Являясь разновидностью прецедентных феноменов, интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, предоставляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена. Эффективность коммуникации в этом случае прямо зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект, ср.: [10, 81—82]. Интернет-мем стремится не к точному воспроизведению, а, скорее, к искажению или по крайней мере к новым контекстам в широком смысле этого слова. Появление их часто неожиданно, а порой бессмысленно и абсурдно

Важным оказывается намеренное сужение фокус-группы, на которую ориентирован интернет-мем и которая может его понять, оценить: это может быть группа пользователей определенного ресурса, группа людей, объединенных рамками профессии или социальными рамками и т. п.

Таким образом, это юмор «не для всех», а лишь для тех, «кто понимает»: комический эффект рассчитан на определенную аудиторию. Однако благодаря открытости интернет-пространства мем нередко становится известен широкой аудитории, преодолевая заданные ограничения, что представляет особый интерес для изучения.

В современном интернет-пространстве функционируют следующие типы интернет-мемов:

• текстовый мем: слово или фраза;

• мем-картинка;

• видеомем;

• креолизованный мем, состоящий из текстовой и визуальной части.

Далее охарактеризуем каждый из них.

Текстовые мемы представляют собой слово, словосочетание или фразу: *Превед, Аффтар жжот, Баян, Британские ученые, Горизонт завален, Донки-Хот, Ктулху, Йа кри-ветко!* и др. Сайт bash.org.ru (ныне bash.im), так называемый цитатник рунета, публикует забавные цитаты, встретившиеся в интернете и в жизни, а также короткие истории. После первого появления *йа криветко* прошло менее получаса до первого поста в блогосфере, и в тот же день в «Живом журнале» было создано сообщество **ya_krivetko**. Всплеск популярности мема приходится на 2007–2008 годы, а со второй половины 2009 года начинается спад. И всё равно его известности можно только поражаться. Своего рода гимном мема йа криветко стала переделка песни группы Кипелов, точнее — её припева. На олбанском (именно в таком орфографическом оформлении) это «звучало» так:

Йа криветко, словно птицо в нибисах
Йа криветко, йа забыл што
значед страх
Йа криветко, с дикем ветрам наравне
Йа криветко! Наиву, а нивасне!

Мемы-картинки существуют в двух основных разновидностях: во-первых, узнаваемое изображение — например, «омской птицы», «Ктулху», или других персонажей; во-вторых, выполненная в графическом редакторе «Photoshop» («Фотошоп») картинка, обработанная фотография, которая получила сленговое название фотожаба. Во втором случае имеет значение не только визуальная составляющая, но и сюжет. Так, известны «фотожабы», сделанные на основе мема «свидетель из Фрязино». Первоначально внимание пользователей сети Интернет привлекла свадебная фотография (съемка велась на свадьбе в г. Фрязино), на которой рядом с новобрачными стоит свидетельница и, по-видимому, свидетель,

суровое выражение лица и одежда которого (спортивные штаны Адидас с тремя полосками, кожаная куртка и кроссовки) не соответствуют ситуации и потому вызывают смех. Изображение этого мужчины стало помещаться посредством фотошопа на самые разные фотографии с намерением создать сюжеты с семантикой контраста между этим персонажем и его окружением. При этом эксплуатируется семантический и коннотативный фонд слова свидетель применительно к образу персонажа: «мужчина в белых брюках, черной куртке, с суровым выражением лица незримо присутствует везде и видит всё, за всем следит, ему все известно о каждом».

Видеомемы — комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей социальных сетей, передаются друг другу по электронной почте и проч. Специфика их использования заключается в возможности неоднократного воспроизведения, повторного просмотра, в том числе коллективного..

Креолизованный мем — разновидность креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [8, 180]. Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись / подпись) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица). В разных типах текстов они встречаются в различных комбинациях [7].

К креолизованным интернет-мемам можно отнести мем «Филологическая дева», который имеет популярность среди филологов. Мем представляет собой изображение Вирджинии Вулф на заданном фоне (всегда одинаковом), сопровождаемое надписями. Верхняя фраза является завязкой, нижняя — неожиданной развязкой. Контраст, возникающий при последовательном прочтении двух фраз, рассчитан на эффект неоправданного ожидания, который обусловливает возникновение комического эффекта. Содержательная часть данных мемов, как правило, связана с филологической или лингвистической тематикой (обыгрываются распространенные языковые или речевые ошибки, стихотворные строки, имена известных писателей, значения слов и т п.). Например: В России две беды: ТСЯ и ТЬСЯ

Обыгрывается частотная орфографическая ошибка в написании глаголов в форме 3-го лица единственного числа либо в неопределенной форме. Вторая фраза актуализирует омонимию, ср. омофоны *спится* (форма безличного глагола спаться, несовершенный вид) и *спиться* (неопределенная форма глагола, совершенный вид глагола *спиваться)*.

Для достижения комизма необходимо соблюдение условия узнаваемости соответствующих прецедентных феноменов, например:

Источником появления интернет-мемов креолизованного типа часто становится специфический комический интернет-жанр — демотиватор — составленное по определенному формату изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его неожиданной надписи-слогана. Для продуцирования и восприятия демотиваторов необходимо не только наличие чувства юмора, но и способность увидеть явления в ином ракурсе.

В демотиваторах обыгрываются уже существующие интернет-мемы: «Анатолий Вассерман», «суровые челябинские комары», «Геннадий Малахов», «Фантомас», «Юрий Никулин» и т. п. Ср., например, демотиватор, основанный на сопоставлении изображений Фантомаса и Геннадия Малахова.

Для адекватной интерпретации Интернет-мемов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих пресуппозиций. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных текстов, фразеологизмов, паремий; отсутствие необходимого, хотя бы предварительного, знакомства с литературными источниками, кинофильмами; незнание исторических или актуальных событий, лозунгов и т. п.) может привести к коммуникативному сбою — отсутствию комического эффекта.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
2. Горошко Е. И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета / Е. И. Горошко // Educational Technology & Society. — 11(2). — 2008. — С. 388—411.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва : Мир, 1993. — 318 с.
4. Интернет-мем [Электронный ресурс] // Режим доступа: http:// ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-мем.

5. Кронгауз М. Мемы в интернете: опыт деконструкции [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.nkj.ru/archive/articles/21327/
6. Литневская Е. И. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра / Е. И. Литневская, А. П. Бакланова // Вестник Московского университета. — Серия 9. Филология. — 2005. — № 6. — С. 46—61.
7. Михайлов В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества [Электронный ресурс] /
8. В. А. Михайлов, С. В. Михайлов. — Режим доступа : http://russcomm.ru/rca_biblio/m/mihaylov-mihaylov.shtml.
9. Мишина О. В. Средства создания комического в видеовербаль-ном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus») : автореферат диссертации... кандидата филологических наук / О. В. Мишина. — Самара, 2007. — 25 с.
10. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Наука, 1990. — С. 180—181.
11. Сычев А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект [Электронный ресурс] / А. А. Сычев. — Режим доступа : URL: www. abc-globe.com/sichev.htm.
12. Щурина Ю. В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического / Ю. В. Щурина // Российский лингвистический ежегодник. — 2006. — Вып. 1(8) : научное издание. — Красноярск, 2006. — С. 77-84.

© Ф.Г. Фаткуллина, 2014

Ф.Г. Фаткуллина, А.А. Гайназарова
БашГУ, Уфа, Россия

Лексико-семантический аспект изучения терминологии молодежной субкультуры

Предлагаемая статья посвящена описанию музыкальных терминов молодежной рок-культуры, ее основных тематических групп и сфер их употребления. Термином рок-культура (от англ. rock — раскачиваться, и cultura — культура) принято называть культуру молодежного течения, появившегося в США и Великобритании в конце 50-ых и начале 60-ых годов, которая пропагандировала пересмотр ценностей западной цивилизации, и была обусловлена возникновением и распространением жанра «рок-н-ролл». Рок-н-ролл получил

дальнейшее развитие, стал видоизменяться и постепенно стали появляться поджанры рока: *панк-рок, готик-рок, хеви-метал*. Несмотря на то, что рок-культура существует уже достаточно долго, интерес к ней, особенно среди молодежи, не ослабевает. За полвека благодаря рок-культуре значительно обогатился словарный запас музыкальной терминологии. В связи с тем, что рок-культура характеризуется экспрессивностью и агрессивностью, в исследуемой среде широкое распространение получили сленговые слова и выражения. Практически у каждой отдельной субкультуры (*готы, эмо, хиппи*) имеется свой неповторимый сленг.

По определению А. А. Васильевой, рок-культура включает, помимо собственно музыкальной терминологии, также следующие компоненты рок-музыки: вербальную (поэтические песенные тексты, где широко представлена молодежная сленговая лексика), поведенческую (комплекс используемых рок-музыкантами исполнительских приёмов — от темброво-артикуляционной манеры пения до стиля сценического поведения), предметную (костюмы и атрибутика как часть исполнительского имиджа рок-музыкантов), социокультурную (особые социальные формы существования рок-музыки — «*тусовка*», «*сейшен*») составляющие как особые формы музыкального *хэппенинга* и пр.

Попытаемся подразделить термины рок-культуры на несколько групп, учитывая сферу их употребления:

Основную часть составляют музыкальные термины, которые, в свою очередь, состоят из следующих подгрупп:

I.Термины, обозначающие стилевые направления рок-музыки:

1) *Альтернатива* – поджанр рок-музыки с элементами тяжелого мелодичного металла, характеризующимися своим прерывистым звучанием. Употребляются при исполнении нетрадиционных текстов песен.

2) *Блюз-рок* — гибридный музыкальный жанр, разновидность рок-музыки, объединяющий элементы стилей *блюз и рок-н-ролл*. Основу блюз-рокового звучания составляют электрогитара, бас-гитара и ударная установка, причём звук электрогитары подвергается искажению «*овердрайв*», обычно с помощью лампового гитарного усилителя [3].

3) *Рок-н-ролл* (от англ. *rock and roll* или *rock'n'roll* — «качайся и катись») — жанр зажигательной музыки с элементами блюза, тради-

ционными инструментами являются электрогитара, барабаны, саксофон, пианино [1].

4) *Метал* – жанр рок-музыки, появившийся из хард-рока в начале 70-ых годов, характеризующийся тяжелым звучанием гитар с эффектом «дисторшн».

5) *Панк* – рок-жанр рок-музыки, появившийся в 70-ые годы, отличающийся своим небрежным исполнением, тексты песен направлены на тематику анархии.

6) *Ска* — фольклорная музыка из Ямайки, отличающаяся неповторимым звучанием благодаря трубе и тромбону в созвучии с гитарой.

II. Термины, обозначающие манеру вокального исполнения рок-песен:

1) *Экстремальный вокал* – вид вокальной техники, чаще всего употребляемый у рок-исполнителей, характеризующийся необычным звучанием, вселяющим страх слушателю посредством горлового пения, рычания и протяжного воя.

2) *Скри́минг* или *скрим* (от англ. *scream* — кричать) — вокальный приём, основанный на технике расщепления связок, крик с элементами хрипотцы в голосе вокалиста.

3) *Гроулинг* – вокальный прием, при котором вокалист при помощи диафрагмы выдает низкий звук с расщеплением голосовых связок (похож на рычание).

III. Термины, обозначающие субкультуры:

1) *Готы* – молодежная субкультура, появившаяся в начале 80-ых годов, вдохновленная готической рок-музыкой, имеет много разновидностей. Ее представители предпочитают носить черную одежду, красить ногти в черный лак. Вдохновляют эстетика смерти и Средневековье.

2) *Металлисты* – субкультура, вдохновленная музыкой в стиле метал. Характерными чертами являются предпочтения к кожаной одежде и металлическим украшениям.

3) *Эмо* – субкультура, вдохновленная рок-музыкой соответственного музыкального стиля, характерными чертами которой являются – выражение эмоций, предпочтения в одежде черно-розового цвета. Часто отличаются депрессивностью и ярко выраженной агрессивностью.

Как видим, большинство терминов заимствовано из английского языка. Ввиду того, что термины появлялись и употреблялись в молодежной среде, можно предположить, что они имеют сленговую природу.

Интерес к данной культуре не затихает, появляются новые жанры, стили, и, соответственно, новые термины.

Литература

1. http://www.lugapunk.ru/lugapunk/content/slovar-terminov-rok-muzyki
2. Словарь музыкальных терминов /сост. Е.А.Яных. – М.: АСТ; Донецк: Агата, 2009.– 320 с.
3. http://npo-pok-cccp.ru/slovar.php

© Ф.Г. Фаткуллина, А.А. Гайназарова, 2014

Ф.Г. Фаткуллина, Д.К. Саяхова
БашГУ, Уфа, Россия

Проблемы экологичности языка СМИ

В последние десятилетия всю большую популярность обретает новая отрасль лингвистической теории и практики – лингвоэкология, или эколингвистика**,** которая определяется как "наука, изучающая "среду обитания" языка, оптимальные условия для его существования и развития [1:3]. Это направление, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с поиском путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения.

С усилением влияния западных образцов на текстовую деятельность и внедрением рыночной экономики и в средствах массовой информации, и в массовой коммуникации резко увеличилось загрязнение языковой среды.

Прежде всего, наблюдается обеднение лексикона и фразеологических ресурсов, особенно у молодого поколения. На занятиях по современному русскому языку и практической стилистике русского языка студенты не могут составить осмысленные высказывания, например, с такими фразеологизмами, как «*альфа и омега*», «*райские кущи*», «*валаамова ослица*», «*врач, исцелися сам*», «*взыскующие града*» и т.п. (т.е. с фразеологизмами, широко используемыми в художественной литературе).

В текстах СМИ часто можно обнаружить незнание значений некоторых ключевых слов эпохи, их произвольное осмысление, а также спекулятивное использование в качестве политических ярлыков в политической борьбе: *патриот, националист, национал-патриот, либерал, консерватор, красно-коричневый, левый, правый, экстремист* и др. Неоднозначность понятийного содержания при сильной отрицательной оценочности делает эти слова опасными в употреблении, т.к. их легко приспособить для манипулирования сознанием аудитории. Эти факты являются одним из проявлений речевой агрессии, которая очень характерна для современных публичных дискуссий.

По-прежнему высока не мотивированная какой-либо целесообразностью замена русских слов иноязычными (в основном англоязычными) заимствованиями: *электорат* (избиратели), *модератор* (ведущий), *джус* (сок), *контент*: «Это не детский контент» (о содержании сайта в Интернете), *фол*: «*Предвыборный марафон завершился бесславным фолом»* (ср.: провалом, поражением, неудачей).

В телевизионной и газетной речи постоянно наблюдается жаргонизация речи, нарушающая стилистическую норму: *холуи Обамы, выкормыши Запада, срубить бабок; бухают на свадьбе; газетный отморозок; оторвись по полной; тебя просто разводят; полный расколбас; впаривать любую дрянь; он клинился; ни хрена не работает; гнать хрень, Скоро масленица, блин! (заголовок); Кутунью запал на Волочкову* (заголовок)*; Клинтон приехал в Сидней оттянуться* (заголовок) и т.п.

Авторы подобных обращений эксплуатируют открытость и общительность российских адресатов, рассчитывая на душевный отклик и высокие рейтинги изданий, а также собственную выгоду. И часто они открещиваются хорошо известным выражением: "Кто платит, тот и заказывает музыку". К сожалению, медиакультура диктует свои правила речевой коммуникации.

Но думается, что на смену времени слов ненужных и грязных придет время одухотворенных слов красоты, любви и истины. А ученым лингвистам и самим журналистам необходимо объединить усилия, которые будут направлены на то, чтобы сформировать представление о хорошей речи, на развитие умений противостоять деструктивным речевым явлениям в языке.

Литература
1. Экология русского языка//Материалы V международной научной конференции. – Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012. – С.3
© Ф.Г. Фаткуллина, Д.К. Саяхова, 2014

Е.А. Филотенкова
БашГУ, Уфа, Россия

Трактовка мужских образов в романе Д.Апдайка «Гертруда и Клавдий»

«Гертруда и Клавдий» (2000) – постмодернистский роман Джона Апдайка, в котором писатель трансформирует легенду о Гамлете, уже обрабатывавшуюся много ранее Саксоном Грамматиком, Франсуа Бельфоре и другими, но свой роман Апдайк дает как предысторию одноименной трагедии У.Шекспира.

В романе «Гертруда и Клавдий» фигурируют четыре главных персонажа-мужчины: Рерик (отец Геруты), Горвендил (отец Амлета), Фенг (брат Горвендила), Гамлет (Амлет). Это три последовательно сменяющих друг друга короля Дании и один принц – будущий датский король. Каждому из героев по наследству переходит корона Дании, живым олицетворением, символом которой является королева: для Рерика – Герута, для Горвендила – Геруте, для Фенга – Гертруда. Принц Гамлет перед читателем не достигает статуса короля, но символично, что и Гертруда, как мать, не принадлежала ему: «Ее сердце ощущало себя отброшенным. Что-то сдерживало ее любовь к этому болезненному, впечатлительному, бойкому на язык ребенку» [1].

Горвендил (Гамлет-старший) и Фенг (Клавдий) – словно 2 ипостаси Рерика, раздвоенное продолжение отца Гертруды в ее мужьях. Первый король Дании, каким его описывает Апдайк, силен, мужествен, суров, но при этом – добр и щедр по отношению к своей дочери, он страстно любил ее мать, и такой любовью была одарена Гертруда.

Таким образом, по нашему мнению, разделяются Горвендил и Фенг: насколько первый король Дании – суров, жесток, скуп на проявление нежности и любви, настолько щедро его брат (впоследствии – Клавдий) отдает всего себя и свою любовь Гертруде.

Горвендил, кажется, не скрывает своей тяги к правлению Данией, зато Фенг не таков. Он влюблен в женщину, в Гертруду, не в ко-

рону. Изначально это любовь двух предназначенных друг другу людей, но позднее, наблюдая за тем, как амбиции берут верх над Фенгом, или уже Клавддием, как его зовут в 3 части романа, мы как читатели задумываемся: так ли бескорыстно было влечение Фенга к Герутe.

Если обратиться к Фрейду, то страсть Фенга к Гертруде всегда была делом его сублимированных амбиций, реализация которых всего лишь ждала подходящего момента и подготовленной почвы. Дело в том, что Апдайк сообщает на страницах своего романа об определенной конкуренции между братьями Горвендилом и Фенгом: «Горвендил до кончиков ногтей современный человек – достойный сын моего боевого товарища Горвендила. И показал себя отличнейшим соправителем Ютландии, власть над которой делит со своим братом Фенгом, далеко не таким достойным. <…> Народ любит его, Горвендила. И не любит Фенга» [1].

Напрашивается вывод: желание завладеть всем, чем владеет Горвендил, вполне естественное желание Фенга, ведь, как думала Герута: «Младшие братья похожи на дочерей в том, что никто не относится к ним так серьезно, как им хотелось бы» [1]. И кстати будет добавить, что ни Рерик, ни Горвендил – мужественные воины – не считались с мнением Гертруды, Фенг же обратился к миру ее чувств и мыслей, и благодарная любовь Гертруды не знала границ.

Но рассуждения о корыстных намерениях Фенга не могут быть столь категоричными, поскольку любовь к Гертруде лишь с годами могли потеснить жажда короны и власти над Данией. Братоубийца-Клавдий – изменившийся со временем Фенг, который не претендовал на что-то большее, чем сердце Гертруды.

Но принц Гамлет – иной. Кажется, будто он не схож ни с дедом, ни с отцом, ни с дядей, ни тем более с матерью. Хотя Гертруда и Гамлет – два чада, выросших в стенах Эльсинора, их натуры поразительно различны и чужды друг другу: «<…> ее любовь, казалось ей, разбрызгивалась по Амлету и оставалась на его поверхности, не всасываясь, будто бусины ртути. Он был крови своего отца – сдержанный, отчужденный, ютская угрюмость, укрытая под аффектированными манерами и изысканными занятиями знатного юноши. И не просто знатного – он же был принцем, как Герута в свое время была принцессой» [1].

Так таит ли в себе Гамлет частичку своего отца и своего деда? Не от того ли он так угрюм и враждебен, что страдает от отсутствия сходства с отцом-воином, отцом-королем? По нашему мнению, роман Апдайка необходимо исследовать, не упуская из виду трагедию Шекспира, поскольку сам Апдайк признается, что написал нечто вроде предыстории шекспировской трагедии «Гамлет». И следуя этой установке, необходимо напомнить, что принц питал большую любовь к своей матери и страдал из-за ее связи с Клавдием, который для него был олицетворением собственного отца.

Итак, выдвинем гипотезу о том, что Гамлет страдал от отсутствия схожести со своим отцом, что не мешало принцу ревновать свою мать Гертруду к ее мужу – собственному отцу. Так, мы будем вынуждены снова вспомнить Зигмунда Фрейда и на этот раз – его Эдипов комплекс, сделав попытку объяснить ненависть Гамлета к Клавдию не только местью за погубленного отца, но и за отнятую королеву.

Литература

1. Апдайк Д. Гертруда и Клавдий [Электронный ресурс]. М., 2001. – Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/APDAJK/updike_gertruda.txt.

© Е.А. Филотенкова, 2014

Э.А. Хабибулина
Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Особенности формирования микросистемы цветообозначения «braun» в немецкоязычных каталогах моды

Наименования для обозначения коричневого цвета во всех языках возникают только после того, как в них уже появились названия для белого, черного, красного, синего, зеленого и желтого цветов, т.е. только на шестой стадии развития цветовой терминологии [5]. Древневерхненемецкое прилагательное brûn (prûn) со значениями «темный, бурый, рудо-желтый», а также «блестящий» и «лиловый» зафиксировано в памятниках письменности уже в VIII веке [2, 97]. В XII веке оно приобрело современную форму braun.

Коричневый цвет, особенно в раннем средневековье, имел у большинства народов сугубо негативный символический смысл. Это был цвет простолюдинов, ассоциировался с нищетой, безнадежно-

стью, убогостью. Но у древних египтян коричневый цвет символизировал жизнь, так как связывался с почвой [1].

Со временем отрицательный смысл коричневого цвета несколько нивелировался, он уже не считался символически негативным, а означал умеренность, практичность, трезвый расчет. Но в немецкоязычной культуре коричневый цвет имеет особый смысл: определенные исторические события, когда коричневый цвет стал символом фашизма в Германии, наложили отпечаток на сознание немецкого народа. О роли коричневого цвета как символа национал-социалистической партии писал в своем документальном очерке Ф. Андерс [4].

Согласно эксперименту Е. Хеллер, и на сегодняшний день коричневый является самым непопулярным цветом у немцев [7]. Изучая специфику восприятия коричневого цвета носителями немецкого языка, Н.В. Гнездилова установила, что самой распространенной ассоциацией с коричневым является «цвет земли и фашизма» [3, 20], что практически полностью совпадает с дефиницией толкового словаря под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница: braun – 1) von der Farbe feuchter Erde, der Kastanie; 2) (abwertend) die Zeit des Nazionalsozialismus in Deutschland betreffend, nationalsozialistisch [8, 426]. Так как коричневый цвет в Германии долгое время был цветом нищих, то ассоциации с цветом рясы монахов и форменной одежды студентов также не являются случайными. Но были и другие, более позитивные ответы: braun – это цвет загара, а значит, ассоциируется также с солнцем, отдыхом, экзотическими странами, песком. Это цвет древесины, а значит, связан с теплом и уютом, цвет шоколада и кофе, поэтому может подарить наслаждение [7, 20].

Несмотря на преимущественно отрицательные коннотации этого цветообозначения в немецкоязычной картине мира, коричневая гамма очень популярна в современной одежде, особенно повседневной. Коричневый актуален, когда девизом моды становится естественность и минимализм. К тому же, являясь естественным, природным цветом, он дает ощущение спокойствия, уюта, домашнего тепла.

Это подтверждает ассортимент, представленный в немецкоязычных каталогах моды. Микросистема цветообозначения braun достаточно развита и представлена 44 периферийными наименованиями цвета, в числе которых 2 простых прилагательных, 28 производных (25 безаффиксных, 3 суффиксальных), 14 сложных. Наиболее близки

к ядерному цветообозначению braun абстрактные наименования, вызывающие только, или в первую очередь, цветовые представления. К ним относятся сложные прилагательные с первым компонентом-модификатором dunkelbraun и hellbraun, композиты, в которых оба компонента – детерминатив и детерминант – являются цветонаименованиями и служат для обозначения смешанных цветов – graubraun, rotbraun, beigebraun и заимствованные прилагательные khaki и terracotta.

Цветообозначение khaki первоначально появилось в английском языке как заимствование от персидского слова hāk (земля, пыль), а затем распространилось и в других языках в качестве очень популярного цветонаименования. Цвет хаки (защитный) предполагает широкий спектр оттенков от серых до зеленых, но руководствуясь дефинициями толковых словарей немецкого языка, мы относим его к коричневым тонам: khaki (engl. khaki<persisch-Hindi khākī=staubfarben, erdfarben, zupers. hāk=Erde, Staub): gelbbraun, ins Gelbliche übergehendes Erdbraun [6, 917].

Наименование terracotta в переводе с итальянского языка обозначает «обожженная земля (глина)». В настоящее время – это интернациональный термин, используемый в гончарном производстве и архитектуре. Но люди, не специализирующиеся в этих областях, воспринимают слово terracotta как наименование цвета, указывающее на красно-коричневый цвет, т.е. предметная соотнесенность этого цветообозначения отошла на второй план, и мы относим его к абстрактным.

Разнообразие предметов коричневой гаммы в окружающем мире не осталось без внимания в сфере рекламы и моды. Наиболее приятные ассоциации с коричневым цветом вызывают кофе, шоколад и другие предметы, относящиеся к категории «Продукты питания». В микросистеме коричневого цвета она представлена наибольшим количеством цветообозначений (13 единиц). В отдельную подгруппу выделяются напитки, в первую очередь, кофе и его сорта: kaffeebraun, mocca, espresso, capuccino. Цвет в данном случае неоднозначен, но чаще это указание на темные оттенки. Со светлым, золотисто-коричневым ассоциируется цвет коньяка, цветообозначения с этим элементом функционируют в трех словообразовательных видах: cognac, cognakbraun, cognacfarben. Впечатление приятного цвета вызывают у потребителя наименования цвета, образованные от названий

сладостей: schoko (усеченное от schokolade), schokobraun, toffee, nougat – обозначают цвет темного шоколада, caramel – указывает на более светлый оттенок коричневого. Цвет пряной приправы корицы zimt представляет собой слегка красноватый оттенок.

В категории «Плоды» для номинации темных оттенков коричневого цвета используются названия орехов: haselnuss (лесной орех), steinnuss (каменный орех, плод пальмы фителефас), marone (каштан), kastanie (каштан).

В природе довольно много объектов коричневого цвета, в первую очередь это цвет земли. Но цветообозначения erde (земля), erdbraun, которые мы причислили к категории «Природные объекты», встречаются в немецких каталогах в очень редких случаях. Наличие наименования moor (болото, трясина) кажется противоречащим прагматике рекламного сообщения, так как вряд ли ассоциируется у потребителя с чем-то приятным, но иногда употребляется для обозначения темно-коричневого торфяного цвета.

Предметы категории «Металлы, камни, минералы» дали названия оттенкам lava – серо-коричневый цвет застывшей лавы, bronze – золотисто-коричневый цвет бронзы, rost, rostbraun – цвет ржавчины, красновато-коричневый, steinbraun – цвет камня, гальки, неоднозначный, но в каталогах – светло-коричневый.

В категории «Человек, цивилизация» названия оттенкам коричневого цвета дали предметы, произведенные человеком: terracotta– терракотовый, цвета обожженной глины, красно-коричневый, ziegel – кирпичный, красно-коричневый. Цвет berber – бежево-коричневый, обозначал первоначально только типичный для производимых берберами – представителями африканской народности – ковров, затем стал употребляться и для характеристики цвета одежды.

Мир растений в основном ассоциируется с зеленым цветом, но несколько наименований этой категории имеется и в микросистеме коричневого цвета: taback, tabackbraun – желтовато-коричневый цвет высушенных листьев табака, rinde – темно-коричневый цвет коры некоторых деревьев, schlamm – зеленовато-коричневый или серо-коричневый цвет тины.

Представители животного мира с коричневой окраской шерсти der Kamel (верблюд), der Nerz (норка), das Reh (косуля) дали названия цветообозначениям kamel (camel), camelbraun, camelfarben – цвета

верблюжьей шерсти, светло-коричневый, nerz – темно-коричневый, rehbraun – рыжевато-коричневый.

По семантическому признаку цветообозначения микросистемы braun можно классифицировать на несколько групп:

– Имеющие сему темного цвета образуют синонимический ряд с доминантой dunkelbraun: kaffeebraun, mocca, espresso, cappuccino, schoko, schokobraun, toffee, nougat, haselnuss, steinnuss, marone, kastanie, rinde, nerz.

– Светлые оттенки, близкие к желтой или бежевой гамме, образуют группу hellbraun: cognac, cognakbraun, cognacfarben, caramel, berber, steinbraun, taback, camel, camelbraun, camelfarben.

– О наличии в коричневом красных или рыжих оттенков сообщает группа цветообозначений rotbraun: terrakotta, ziegel, rostbraun, bronze, zimt, rehbraun.

– Цветообозначения землистого, защитного цвета принадлежат к группе graubraun: khaki, lava, erde, erdbraun, moor, schlamm.

Самые употребительные цветообозначения микросистемы braun – khaki, dunkelbrau, hellbraun, terracotta, ziegel, camelfarben.

Литература

1. Базыма, Б.А. Психология цвета. Теория и практика / Б.А. Базыма. – М.: Речь, 2005. – 208 с.

2. Ганина, Н.А. Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках / Отв. ред. А.П. Василевич // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. – М.: Ком Книга, 2007. – с. 83-100.

3. Гнездилова, Н.В. Эволюция словопроизводства лексико-семантического поля цвета «braun» :на материале немецкого языка : дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Гнездилова. – Тула, 2007 – 228 с.

4. Anders, F. Die Farbe Braun: Dokumentar Essay Text. / F.Anders.-H.: Halle, 1994.- 58 S.

5. Berlin, B. Basic color terms, their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1969. – 234 p.

6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, 2006. – 2016 S.

7. Heller, E. Wie Farben auf Gefühl und Verstand wirken: Farbpsychologie, Farbsymbolik, Lieblingsfarben, Farbgestaltung / E. Heller. – München, 2000. – 290 S.

8. Klappenbach R., Steinitz. W.W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in 6 Bänden / R. Klappenbach, W.W. Steinitz. – Berlin, 1971-1978. – 4579 S.

© Э.А. Хабибулина, 2014

Р.Р. Хабиров
БашГУ, Уфа, Россия

Военные метафоры в спортивных текстах Республики Башкортостан

В последние годы средства массовой информации Республики Башкортостан (газеты, телеканалы и радиостанции) уделяют спортивным новостям особое внимание, поскольку в республике имеется ряд профессиональных спортивных клубов, благодаря чьим достижениям и развивается спортивная журналистика: ХК «Салават Юлаев», ФК «Уфа», ВК «Урал», БК «Уфимец». Традиционно спорт в Башкортостане освещают главные республиканские газеты («Республика Башкортостан», «Молодежная газета», «Вечерняя Уфа», «Уфимские ведомости»), телеканалы («БСТ», «UTV», «Вести-Башкортостан»), а также интернет-издания («Горобзор», ИА «Башинформ», ИА «Стерлеград»).

Для того чтобы сделать материал интересным для читателя и зрителя, многие спортивные журналисты используют в своей работе различные средства речевой выразительности, такие как эпитеты, сравнения, окказионализмы, метонимию. Цель в данном случае одна – эмоциональное воздействие на адресата. Особой популярностью в данном случае пользуются метафоры - переносное значение слова, основанное на сходстве. Иначе говоря, в основе любой метафоры лежит принцип сравнения. Не будет преувеличением, если сказать, что использование метафор является одним из критериев мастерства спортивного журналиста, поскольку метафора - неотъемлемый компонент спортивного текста. Кроме того, в жанре спортивной журналистики крайне сложно добиться читательского признания без употребления средств речевой выразительности.

Отметим, что наиболее актуальным сегодня для спортивной прессы является использование военной лексики. Она выступает не только в качестве убеждения и эмоционального воздействия на читателя и зрителя, но и формирует мнение общества. К примеру, даже при отрицательном результате игры, благодаря умело подобранным метафорам, можно словесно оправдать проигравшую команду, в результате чего, читатели воспримут поражение родной команды менее трагично, и возможно, даже с пониманием отнесутся к команде.

Процесс метафоризации военной лексики происходит как в телевизионной спортивной журналистике (БСТ), так и в печатной («Республика Башкортостан», «Молодежная газета», «Вечерняя Уфа»). Столь частое обращение к военной лексике в спортивных публикациях объясняется, прежде всего, исторической взаимосвязанностью войны и спорта, а также похожими правилами спортивных состязаний и боевых действий. К примеру, в начале 20 века спортивные мероприятия являлись в СССР подготовкой молодых людей к военным действиям - спортивный норматив «Готов к труду и обороне» (ГТО), сдача нормативов на значки «Ворошиловский стрелок», «Альпинист СССР», «Парашютист СССР».

В результате процесса метафоризации военной лексики, спортивная журналистика пополнилась новыми понятиями, такими, как *триумф, победа, поражение, атака, противостояние, схватка*. Они дублируют основные понятия спорта. Что касается отдельных спортивных понятий, они обозначаются с помощью специальной спортивной лексики: четверть, баранка, стритбаскет, дабл-дабл.

Действительно, описание любого спортивного матча или события немыслимо без употребления таких понятий, как:

схватка – в значении игра, соревнование *«И были схватки боевые…» (Молодежная газета 27.02.14);*

блокада – в значении заполнить стадион *«В былые времена афиша этого матча заставила бы народные массы взять «Уфа-Арену» в блокаду за пару часов до события» («Республика Башкортостан» №220 14.11.14);*

поединок – в значении матч, игра *«Они и начали поединок с позиции силы, действуя первым номером» («Республика Башкортостан» №220 14.11.14);*

бригада – в значении звено, состав *«Как всегда, приговором звучит удаление в матче с «Барысом» - численное преимущество эта ударная бригада реализовала трижды» (Республика Башкортостан №223 20.11.14);*

оборона – в значении защита, защитники *«Макаров - опять же по-своему, сокрушив оборону на «пятаке» (Республика Башкортостан №223 20.11.14);*

атака – в значении стремительного действия с целью занять первое место, или забить мяч *«А значит, зачиналась очередная опасная атака… («Республика Башкортостан» №195 09.10.14);*

гвардия – в значении команда *«Назаров немедленно бросил в бой свою заморскую гвардию, заменив вратаря полевым игроком» (Республика Башкортостан №223 20.11.14);*

противостояние – в значении игра, матч *«Еврокубковое противостояние с греческим АЕКом - командой очень неприятной» («Республика Башкортостан» №195 09.10.14);*

битва – в значении игра, матч *«Однако славных битв было выиграно немало» («Республика Башкортостан» №195 09.10.14);*

лазарет – в значении больница *«Кто-то покинул команду, кто-то завершил карьеру из-за травмы, кто-то попал в лазарет по ходу сезона» «Республика Башкортостан» №199 16.10.14;*

баталии – в значении игра, матч *«Времени для целенаправленной подготовки к предстоящим баталиям предостаточно - более шести лет» (Вечерняя Уфа №223 20.11.14).*

И.М. Юрковский классифицирует военные метафоры на 3 группы [3]:

1. Окказиональные, метафорически переосмысленные лексические единицы, использование которых в спортивной прессе носит случайный характер. Журналисты используют их в качестве усиления экспрессивности:

схватка - «И были схватки боевые…» («Молодежная газета» 27.02.14). В данном примере речь идет о соревнованиях, посвященных Дню защитника Отечества;

заложник – «Заложники «Звезды»» («Республика Башкортостан» №218 13.11.14). В этом примере речь идет о том, что футбольный клуб «Уфа» проводит выездные матчи в Перми на стадионе «Звезда», где условия для проведения игр соответствуют необходимым требованиям;

*ликвидировать – «*Поле стадиона *«Звезда» обрело сугробы, ликвидировать которые к официальной игре «Амкара» против московского «Динамо» физически не успели»* («Республика Башкортостан» №204 23.10.14). Слово «ликвидировать» в данном случае употреблено в контексте очистки стадиона от снега;

знамёна – «*Помимо Форбса под знамёна своей национальной сборной был призван еще один защитник «Уфы» - Дмитрий Верховцов» («Республика Башкортостан» №199 16.10.14);*

поход – «Неоднозначные чувства вызвало начало большого ледового похода Континентальной лиги» («Республика Башкорто-

стан» №199 16.10.14). Слово «поход» употреблено в контексте начала нового сезона;

сформировать – «Руководитель клуба Ильдар Хасанов подчеркнул, что одно из достоинств новой команды заключается в том, что она сформирована из воспитанников уфимского баскетбола и в дальнейшем будет ориентироваться именно на местных ребят» («Вечерняя Уфа» №223 20.11.14).

2. Широкоупотребительные метафоры, дублирующие спортивные понятия: *армия, боец, бомбардир, маневр, наступление, оборона, разгром, снайпер, штурм*. Метафоры этой группы используются для усиления экспрессивности речи, заменяя основные спортивные понятия:

бой – «Дважды ему забивали в неравном ближнем бою после серии добиваний, а Вишневский от синей линии бросил так, что и сам не сразу понял: это гол» («Республика Башкортостан» №199 16.10.14);

биться – «И вся команда билась так, словно не было за плечами октябрьского провала, словно стихли всякие околохоккейные слухи вокруг ее будущего» («Республика Башкортостан» №199 16.10.14);

потеря – «Еще до матча основных команд были известны две потери в стане уфимцев – Степанец и Семакин» («Республика Башкортостан» №213 06.11.14).

3. Понятия военной лексики, ставшие в результате специализации спортивными терминами:

атака – «Но в современном хоккее обороняется, как и атакует, вся пятерка» («Республика Башкортостан» №217 11.11.14);

поражение – «*А у нас пять поражений подряд, проваленная домашняя серия с командами, которые нужно побеждать» («Республика Башкортостан» №217 11.11.14).*

Литература

1. Толковый словарь спортивных терминов. Москва, 1993.
2. Харченко В. К. Функции метафоры [Электронный ресурс]. Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 88с. Режим доступа: *http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=19.*
3. Юрковский И. М. Активные процессы в русской спортивно-игровой лексике. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1988. – 119с.

© Р.Р.Хабиров, 2014

Г.Н. Хайбулина
БашГУ, г. Уфа

Нелинейные способы словообразования в английской лексикологии

Лексика языка находится в состоянии непрерывного изменения в соответствии с языковыми законами. В английском языке выделяются разные способы словообразования. Существуют разные мнения относительно количества способов словообразования. Эти расхождения объясняются тем, что различные способы меняют свою активность и на долгое время могут оказываться более или менее продуктивными или вообще замирать. Согласно своему структурному составу, словообразовательные модели подразделяются на две группы: линейные и нелинейные модели словообразования. Линейные модели, модели первого типа, с развертыванием исходной единицы, где новые слова создаются с помощью определенных словообразовательных средств (префиксов, суффиксов, корневых основ): actor, active, activity, activate, action, friend – friendly, sunrise [8,144]. Нелинейные модели – это модели второго типа со свертыванием исходной единицы, в которых производность не выражена, слова создаются без каких-либо словообразовательных средств. К нелинейным моделям относятся все случаи конверсии, а также обратное словообразование или реверсия (back formation): arm - to arm; bank - to bank, book - to book

Общепризнано, что наиболее продуктивными являются следующие способы словообразования: аффиксация (модель «основа + аффикс»), словосложение (модель «основа + основа»), конверсия (модель V>N или N> V), реверсия (модель» основа- квази-аффикс»), словослияние (можно говорить как о соединении фрагментов слов) и сокращение. Традиционно выделяют три группы способов словообразования в зависимости от результата - словопроизводство, куда входят аффиксация, реверсия и конверсия (результат - производное слово), словосложение (результат - сложное слово) и сокращение группу включают обычно и словослияние, поскольку оба способа объединены общим характером основной операционной единицы [9,24], включающего определенные языковые процессы, в том числе и создание новых лексических единиц.

Т.И. Арбекова рассмотрела конверсию, при которой новое слово образуется без количественного изменения основной формы исходного слова и без применения каких-либо линейных словообразовательных средств. Например, английские глаголы to arm, to bank, to book образованы по конверсии от соответствующих имен существительных. В то же время такие имена существительные, как catch, fall, help, spy образованы от глаголов [1, 44].

Конверсия как языковое явление всегда являлась предметом научных исследований. Конверсия в английском языке была рассмотрена в трудах А. Кеннеди «Current English», Г.Свита «A New English Grammar», О. Есперсена «Growth and Structure of the English Language», а также В.Н. Ярцевой «О внутренних законах развития языка», А.И. Смирницкого «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке», П.М. Каращука «Словообразование английского языка».

При конверсионном словообразовании происходит не только грамматическая, но и семантическая перестройка. Производное слово заимствует семантику производящей основы, прибавляя к ней свою, обусловленную новым частеречным статусом (a hand -to hand, handy, handful, handicraft, etc.) [4,14].

Одним из этапов конверсии является субстантивация, т. е. приобретение грамматического статуса имени существительного (субстантива) другой частью речи, чаще всего - прилагательным или наречием, в результате распада словосочетания. Например, при распаде словосочетания poor people прилагательное poor не только оформляется артиклем, но и семантически «впитывает» значение всего прежнего сочетания; the poor - poor people. Позднее слово приобретает всю парадигму новой части речи, и процесс конверсии завершается. Конверсия возможна не только при распаде сочетания Adj + N (a lunatic asylum - a lunatic) или Adv + N (a weekly paper - a weekly), но и при употреблении различных частей речи в несвойственной им функции. Например, существительное telephone конвертируется в глагол в предложении I'll telephone soon, местоимение other субстантивируется в I'll ask the others, etc. Распад словосочетания часть лексикологов относит к другой группе словообразовательных моделей - сокращениям, описывая процесс, называемый эллипсисом. Стоит учитывать, однако, что в качестве примеров эллипсиса по большей части приво-

дятся окказионализмы - слова, в систему вокабуляра не вошедшие (a go-getting (man), a go-no-go (person), etc.).

Согласно исследованиям Е.В. Широковой, основанным на словаре Мюллера, частота встречаемости реверсии составляет 9%. Реверсия, или, как её называют, обратное словообразование - образование новых слов путем отсечения словообразовательного элемента исходного слова. Например: to burgle (незаконно проникать в помещение) образовано от burglar (человек, незаконно проникший в помещение). В данном примере от основы burglar отсекается элемент, ошибочно осознаваемый как суффикс, в результате чего образуется глагол to burgle.

В.В. Елисеева установила, что нелинейность реверсии выражается в относительной регулярности модели. Реверсия укорачивает основу, отсекая то, что представляется суффиксом. Очень большую роль в этом словообразовательном способе играет аналогия - восполнение недостающего члена некой пары. Так, в ряду аналогичных суффиксальных образований типа write - writer; work - worker; pain - painter появляется новая пара burgle - burglar. Процесс словообразования в этой паре идет, однако, в обратном направлении: от основы burglar отсекается элемент, осознаваемый как суффикс, и появляется глагол burgle, по аналогии с другими парами ряда (то, что в данном случае мы имеем дело с процессом именно реверсии, подтверждает и наличие в языке выражения с тем же значением: commit burglary). Иногда аффикс отсекается от второй основы сложного слова, как в flight-test из flight-testing или baby-sit из baby-sitting. Действие ложной аналогии особенно ясно видно на примере образования глагола lase, где отсекаемый «аффикс» на самом деле представляет собой часть аббревиатуры laser (light amplification of stimulated emission of radiation). В результате реверсии, как и в результате аффиксации, появляется производное слово, поскольку в данном процессе словообразования используется одна основа, а общая модель этого способа может быть представлена как основа - «квази - аффикс» [4, 37]. Слова, появляющиеся в результате словослияния, принято называть словами-слитками, или блендами (английский термин для данного способа blending; новые слова, полученные в результате, носят название blends или portmanteau words). Процесс словослияния хорошо виден на примере слова smog, образованного из фрагментов двух основ -- smoke и fog -- путем наложения их друг на друга. Несмотря на то, что

остатки морфем могут легко опознаваться в слитке, он морфологически нечленим и представляет собой простое слово (motel < motorist+hotel; Euroshima < Europe + Hiroshima; etc.). Как уже говорилось выше, один из фрагментов основ может совпадать по форме с полной основой (docudrama < documentary + drama; vidkid < video+ kid; etc.). Подчеркнутая часть значения оказалась добавлена в результате семантической конденсации исходных фрагментов. Некоторые слитки могут развить второе значение, причем оно не обязательно будет производным от первого. Так, слово illiterature (illiterate + literature) в зависимости от контекста понимается либо как literature for the illiterate, либо как poorly written fiction. Иногда фрагмент основы, уже использованный для создания нового слова, продолжает действовать при образовании подобных слов. Например, фрагмент -teria в caveteria < cave + cafeteria встречается в слове washeteria также со значением «небольшое заведение». Здесь, вероятно, можно уже предположить последующий переход фрагмента в статус аффикса, как это произошло с фрагментом -holic, получившим значение «addict» в словах bookaholic, workaholic, computerholic, etc. Особо характерен способ словослияния для таких стилистических пластов, как сленг и терминология. Сленгизмы positron (positive + electron), advertistics (advertising + statistics), femi-nalls (feminine overalls) и др. появились именно в результате слово-слияния. Несмотря на то, что данный способ отмечается в языке только с конца XIX в., в настоящее время он набирает продуктивность очень большими темпами, причем первое место по использованию слитков занимает реклама, для которой принцип «максимум смысла при минимуме пространства» в сочетании с необычностью формы является главным [4, 39].

Сокращения могут состоять из одного (Co - Company), двух ЕС (Европейское сообщество) = EC (European community), трех (DIC - Defence Industrial Complex), четырех (CWCD - Chemical Weapons & Civil Defence), пяти (MGCIR - master ground-controlled interception radar) и более компонентов. Более чем пятикомпонентные сокращения встречаются редко.

Исследователь Э.М. Дубенец отметил пестроту и многочисленность типов аббревиатур, среди которых выделяются различного типа сокращения (NATO - North Atlantic Treaty Organization «Североатлантический союз, НАТО», ABC - American Broadcasting Corporation «Американская радиовещательная корпорация, Эй-би-си»), усечения

(lab - laboratory «лаборатория», plane - airplane «самолет»), сращения (navicert - navigation certificate «морское охранное свидетельство», smoke + fog-smog «туман с дымом, смог», breakfast + lunch - brunch «поздний завтрак»), специфика их семантики, а именно, эквивалентность семантике исходных, производящих наименований - все это явилось причиной различных подходов к явлению аббревиации, различных определений ее границ и различных классификаций. [12,64].

Четыре подтипа выделила З.А. Харитончик в зависимости от того, какая часть слова усекается. Это конечные (crock от crocodile «крокодил»), начальные (phone от telephone «телефон»), краевые (tec от detective «детектив, сыщик») и срединные (specs от spectacles «очки») усечения исходного слова аббревиатурой. Изредка слоговые сокращения подвергаются эллипсу (public house > public > pub «пивная, бар»). Сложнослоговых сокращений: (Interpol -International police «Международная организация уголовной полиции, Интерпол»); сращения: (Oxbridge от Oxford + Cambridge) и накладки: (bisalo от bison 'бизон' + buffalo «буйвол, бизон»).

Подводя итоги, можно сказать, что аббревиация, или, как ее ещё называют, сокращение - это способ словообразования, при котором образуются аббревиатуры и усекаются слова. Этот способ играет важную роль в формировании новых слов и облегчает написание сложных определений и названий в разных стилях, особенно в научно - техническом. По В.К. Мюллеру, частота встречаемости сокращений равна 13%.

Конверсия помогает пополнить словарный запас - это способ словообразования, при котором новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова. На основе сплошной выборки из англо-русского словаря В.К. Мюллера выяснено, что конверсия встречается в 41%.

Чем больше слов мы знаем, тем богаче наш словарный запас и, как следствие, тем интереснее и разнообразнее наше общение. В английском языке во многих случаях слова совпадают в произношении и написании, но являются разными частями речи. А происходит это по причине такого явления как конверсия (англ. conversion от лат. conversio “обращение”, “превращение”).

Изучение и выявление наиболее существенных сторон словообразовательного процесса важно не только в теоретическом плане, для определения характера процессов развития языка, науки и пуб-

лицистики, но и в плане практическом. Изучение же продуктивных способов создания новых слов будет в большей степени способствовать выявлению внешних и внутренних законов словообразовательного процесса, что даст возможность свободно владеть конструкциями морфологического уровня и более верно и глубоко понимать семантику производных слов.

С развитием общества появляются новые предметы, явления, они запечатлеваются в новых словах и новых значениях.

Литература

1. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (практический курс). Учеб. пособие для II -- III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1977. - 240 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. - М.: Наука, 1990. - 342 с.
3. Гальперин И.Р. Опыты стилистического анализа / И.Р. Гальперин - М.: Высшая школа, 1968. - 62 с.
4.Загоруйка А.Я. Конверсия - морфологический способ словообразования / А.Я. Загоруйка. - М.: Наука, 1961. - 219 с.
5. Елисеева В.В. Лексикология английского языка / В.В. Елисеева. - СПб.: Home English, 2003. - 44 с.
6. Ильина, С.Г. Кибасова. Словообразование в современном английском / А.Н. Ильина, С.Г. Кибасова. - СПб. : Изд-во СПбГУФ, 2012. -90с.
7. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. - М.: Русский язык, 1998. - 2106 с.
8. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование что происходит функциональный сдвиг слова из одной частеречной звуков в английском языке. // Иностранный язык в школе. - 1959. - №5. - C.Ginzburg, Khidekel, Knyazeva, Sankin. A course in modern English lexicology. - M., 1979. - 271 с.144)
9.Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М., 1956. - 260с.)
10. Харитончик З.А. Лексикология английского языка / З.А. Харитончик. - Мн.: Высшая школа, 1992. - 197 с.
11. Царев П.В. О некоторых активных словообразовательных моделях современного английского языка // Иностранные языки в школе. - 1976. - №5. - С. 23 - 34.
12. Царев П.В. Производные слова в английском языке. Учеб. пособ. / П.В. Царев. - М.: МГУ, 1977. - 235 с.
13. Циммерман М. Русско-английский научно-технический словарь. - М.: Наука, 2003. - 996 с.

© Г.Н. Хайбулина, 2014

Л.Х. Хайбулина
БашГУ, Уфа, Россия

Из истории названий г. Учалы

Ученый-топонимист подобно геологу или археологу при изучении географических названий вскрывает под молодыми слоями более древние имена, формировавшиеся в далеком прошлом. Лингвисты же видят в географических именах тот языковый слой, который дошел до нас от древних языков, сильно изменившихся в своем историческом развитии. В этом плане топонимический материал имеет большое научное значение. Собственно географическое имя — категория историческая. В то же время топоним — элемент географической карты. При этом он указывает на природные условия края, историю его заселения, конкретную географическую обстановку.

Лингвисты и ученые до сих пор спорят о происхождении топонима Учалы. Одно из мнений, что в его основе – названия деревни Учалы и озер Большие и Малые Учалы. “Ачалы” по-татарски обозначает «гневный». Однако башкирские геологи считают, что данный топоним произошёл от слова “Юшалы”. Озеро Юшалы расположено в непосредственной близости от месторождения. “Юша” на башкирском языке – обобщенное название цветной гаммы слоёв земли, горно-песчанных отложений. Существует также теория происхождения названия “Учалы” от слова “юша” – в переводе “яшма, яшмовая”. Данная теория, безусловно, имеет под собой почву, так как район славится месторождениями самых разнообразных яшм. 44 стоянки первобытных людей были обнаружены исследователями на берегах учалинских озер.

Город Учалы располагается на месте известного еще в 80-е годы девятнадцатого столетия железно-рудного месторождения. Месторождение в те времена называлось Юшалинским. В 1930 году был основан Учалинский район, а месторождение с 1939 года стало носить название Учалинского Медноколчеданного месторождения. В 1963 году Президиум Верховного Совета РСФСР принял решение о создании на базе поселков Малые и Новые Учалы города Учалы. Таким образом, город Учалы ведет свою историю с февраля 1963 года. [1, 12].

Часто можно услышать вопросы о происхождении топонима Учалы. В научной литературе приводится ряд возможных его толкований. По мнению некоторых лингвистов, в основе – название деревни Учалы и озер Большие и Малые Учалы. По-башкирски слово «асыузы» можно рассматривать как диалектный вариант башкирского «асыулы» (гневный), то допустимо перевести название как «Гневное». Часто можно услышать вопросы о происхождении топонима Учалы [5, 8].

П.С. Паллас называет деревню Ачулы, а И.И. Лепехин озеро – Ашулы, сопровождая переводом «Сердитое». Но откуда же форма «Учалы»? Очевидно, русские учение освоили не башкирскую, а татарскую форму названия Ачулы, переработав её в соответствующие нормы русского языка – Учалы [3, 73].

Другие считают, что название Учалы возникло от гидронима Асыузы, или «асы һыузы» («горькое, солоноватое»).

Но, возможно, что название «Юшалы» - это видоизмененное звучание «юша» (яшма, яшмовая). Вполне исторически обоснованно: через Учалинский район проходит яшмовый пояс Урала. Башкирские геологи полагают, что название «Учалы» тоже произошло от вышеприведенного слова «Юшалы». В XVIII веке один предприимчивый делец организовал на базе разноцветных охр зоны окисления Учалинского медно-колчеданного месторождения производство и продажу красок разных цветов. Тут надо помнить, что в башкирском языке звука «ч» вообще нет. Поэтому название местной горы не могло быть «Ючалы», а «Юшалы», как она и значится в ряде документов. Со временем горка эта вошла в состав крупного месторождения, а Юшалы стали Учалами.

Существует еще одна версия названия города. Учалы произошло от озера Юшалы, которое находилось в старой части нашего города. Геологи называют термином «юша» верхушку горы, где добывали золото – «юша» - это верхушка карьера. Которая была в виде шляпы, поэтому так и назвалась – «Шляпа» [5, 7].

Однажды на башкирскую землю пришел хан по имени Аксан Тимур, он и попросил башкир выдать за него их девушку. Они выполнили его просьбу. Хан щедро одарил их и уехал. Оставив на время невесту. Но башкиры неожиданно воспротивились его желанию. Не отдали девушку. Сильно разгневался хан. Мстя за свою честь, хан разорил и сжёг все кочевье и юрты здешних башкирских родов.

Сильно пострадал народ от этого. Долго не забывали люди жестокого хана, проклятьями поминали его. Позднее озеро, на берегу которого жили эти башкиры, и места получили название Юшалы. Топонимические названия входят в словарный состав башкирского языка и языков других народов, переселившихся на территорию Южного Урала. Эти наименования очень устойчивы и живучи, в силу чего они являются историческими памятниками, позволяющими проникать в глубину человеческой истории и культуры. Вот почему никак нельзя мириться с их многочисленными искажениями и заменами, которые чаще всего бывают необоснованными или случайными.[5,3].

В Башкортостане встречаются также населенные пункты, носящие помимо официального еще одно или даже несколько названий, бытующих в лексиконе старшего поколения. Нам надо бережно относиться к этим названиям, так как они являются неотъемлемой частью истории родного края, нашей национальной и социальной самобытности.

Литература

1. С.Ф.Миржанова. Из истории башкир-носителей кубалякского говора/ С.Ф. Миржанова. - «Бельские просторы». 1990. - 342 с.
2. С.Ф.Миржанова. Кубалякский говор // Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. – Уфа: Полиграфкомбинат, 1963. – 210 с. – С.128.
3. Муравьёв В. Б. Дорогами российских провинций: путешествия Петра-Симона Палласа. — М.: Мысль, 1977. — 94 с.
4. Лепёхин И. И. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Часть 1.» - СПб., 1771.
5. А. Яманов. Name of the town Uchaly. Acquaintance with the town. - mojgorod.ru/r_bashkortst/uchaly

© Л.Х. Хайбулина, 2014

Р.Х. Хайруллина
БГПУ им. М.Акмуллы, Уфа, Россия

Новые аспекты межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве

Несмотря на то, что сегодня русский язык является одним из шести мировых языков, что Россия занимает лидирующие позиции в

геополитическом пространстве мира, что на русском языке в мире сегодня говорят, по заявлению президента МАПРЯЛ Л. Вербицкой, полмиллиарда человек, проблемы распространения и технологии обучения русскому языку как иностранному и как неродному остаются актуальными и сегодня.

Еще в 1881 году великий русский писатель Ф.М.Достоевский писал в своем дневнике: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии, потому что русский человек не только европеец, но и азиат. Мало того, в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. В грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! Азия, азиатская наша Россия, - ведь это тоже наш корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо!» Эти пророческие по сути слова, сказанные писателем почти 150 лет назад, сегодня стали воплощением идей евразийства, идей укрепления русского языка и культуры как в национальных регионах Российской Федерации, так и в странах, в которых русский язык был в советскую эпоху и сегодня остается языком межнационального общения, средством сотрудничества и взаимопонимания.

Межкультурная коммуникация существует с момента формирования народов и их национальных языков, но сегодня она осложняется современными социально-экономическими условиями развития общества, различными объективными и субъективными факторами межличностного общения. Одним из таких условий является необходимость образовательной инклюзии. Общество становится все более и более мультикультурным, включая и образовательное пространство. Преподавание и изучение русского языка по традиционным методикам уже не дает существенных результатов.

По итогам переписи 2010 г. этнокультурная ситуация в России выглядит следующим образом. Население России – более 142 млн. чел. Из них: русские – 80,9%, татары – 3,9 %, украинцы – 1,4 %, башкиры – 1,2 %, чуваши – 1,0 %, чеченцы – 1,0 %, остальные народы – 10%. 3,7 % - не идентифицировали себя по национальности. 6,2 % - назвали родным языком язык другого народа. В общей численности населения России увеличивается доля представителей чеченского, аварского, армянского народов. Такой полиэтнический состав многих городов и сел России, особенно мегаполисов, предъявляет особые требования к учителям русского языка в общеобразовательных учре-

ждениях и к выбору инновационных методик преподавания русского языка.

По итогам переписи 2010 г. В Республике Башкортостан проживают представители около 130 народов – башкиры, русские, татары, чуваши, марийцы, удмурты, немцы, поляки, евреи и т.д. 87% населения РБ – русские, башкиры, татары, 13 % - представители других народов. Башкиры – 28 %. Русские – 35 %. Татары – 24 %. В Уфе идет активное взаимодействие русского, башкирского и татарского языков, носители которых представляют самые большие этнические группы населения (96,4 % населения РБ владеют русским, 25,75 % - башкирским, 34 % - татарским языками). Большие диаспоры в РБ образуют украинцы, удмурты, узбеки, армяне, туркмены, поляки, греки, корейцы.

В последние годы этническая картина дополнилась представителями бывших советских республик (узбеками, таджиками, казахами и т.д.), а также выходцами из восточноазиатских стран – Китая, Вьетнама, Турции. Это обусловлено социально-экономическими причинами – расширением рынка труда, миграционными процессами, активизацией культурного обмена, международного туризма. Эти социально-экономические процессы не могли не сказаться и на системе образования. В школах наблюдаются смешанные по этническому составу классы, в которых учатся дети с разным уровнем владения русским языком. И даже в процессе преподавания русского языка как родного учителю приходится учитывать эти условия и строить свою профессиональную деятельность по-новому для обеспечения нужных результатов обучения. Отсюда возникают особые условия преподавания русского языка в современной школе, к которым можно отнести:

- многонациональный состав обучаемых в рамках одного образовательного процесса;
- разный уровень владения русским языком учащихся разных национальностей;
- снижение интереса к изучению языков с использованием структурно-семантического (традиционного) подхода;
- интеграция гуманитарных наук и формирование комплексных подходов и новых научных парадигм в лингвистике;
- снижение общего культурного уровня и лингвистического кругозора обучаемых.

В связи с этим необходимо, на наш взгляд, внедрять в процесс преподавания русского языка, во-первых, принципы инклюзивного образования, а во-вторых, использовать новые подходы в обучении русскому языку.

Образовательная инклюзия ранее понималась как обучение детей с ограниченными возможностями здоровья, сегодня же она может и должна использоваться для получения равных возможностей обучения русскому языку в нашей многонациональной стране. Ведь даже небольшое количество детей-мигрантов в русскоязычном классе ставит перед учителем задачу дифференциации подхода к обучению данных учащихся. Однако существующие методики обучения русскому языку не предполагают такой дифференциации в рамках общеобразовательной школы. Осложняет задачу и разный уровень владения языком детьми-мигрантами. Если одни дети в состоянии воспринимать русскую речь, полноценно пользоваться средствами массовой информации, строить связное высказывание в процессе коммуникации, при этом основная проблема для них – недостаточно высокая грамотность, заметный акцент, то другие практически не в состоянии ни понимать, ни продуцировать русскую речь, что ставит их в тяжелейшее положение в условиях однородной русской языковой среды. В случае если аудитория неоднородная (в одной группе учатся дети, разные по уровню владения языком), появляется проблема, в основном касающаяся момента информативности, т.е. информация, данная на занятиях, должна быть понятна всем.

Все обучаемые, для которых русский язык является неродным или иностранным, составляют значительный по своему объему контингент населения, в той или иной мере нуждающийся в социальной инклюзии и инклюзивном образовании. Овладение русским языком – как основной показатель способности мигрантов адаптироваться в России – является наиболее эффективным механизмом такой социальной инклюзии. Для того чтобы научить их русскому языку, необходима система подготовки кадров преподавателей для сферы инклюзивного образования, владеющих методикой обучения русскому языку как неродному и русскому языку как иностранному.

В связи с этим большое значение имеет организация повышения квалификации учителей русского языка, поскольку они должны научиться работать по новым методикам в условиях поликультурного образовательного пространства. Созданный в БГПУ им.

М.Акмуллы Институт этнокультурного образования является внедренческой региональной площадкой по реализации программ повышения квалификации учителей русского языка, разработанных факультетом повышения квалификации Российского университета дружбы народов. За 2013-2014 годы на базе педагогического университета были проведены обучающие семинары с приглашением ведущих методистов в области преподавания русского языка вузов республики – д.п.н. проф. Саяховой Л.Г., д.п.н. проф. Закирьянова К.З, к.п.н. проф. Линецкой Л.М., д.ф.н. проф. Фаткуллиной Ф.Г.и др.

Лингвокультурологические подходы к изучению русского языка как неродного сегодня используются в образовательном процессе либо как альтернатива традиционным методикам, либо фрагментарно по желанию учителя. Но в современных условиях обучения русскому языку они должны стать, по нашему убеждению, ведущими.

Наиболее актуальные формы использования лингвокультурологических подходов в процессе изучения русского языка как неродного языка представляются нам такими:

- лингвокультурологическое комментирование при изучении русской лексики и фразеологии, в том числе и на материале художественных текстов.

- опора на лингвокультурологические словари и энциклопедические издания.

- обучение русскому языку с опорой на родной язык с учетом его национально-культурного своеобразия;

- уместный сопоставительный анализ русских языковых единиц с единицами из других языков с целью воспитания толерантности и уважения к чужим языкам и культурам и демонстрации общечеловеческих культурных истоков формирования национальных языков.

Конечно, использование лингвокультурологических подходов требует от учителя русского языка знаний особенностей разных культур для их корректного сравнения, специальных знаний в области методики преподавания русского языка как неродного и иностранного.

Сегодня активно разрабатываются новые программы изучения языков на лингвокультурологической основе, создаются учебники, учебные пособия и словари. Эти проблемы представлены в трудах ученых Республики Башкортостан – Л.Г. Саяховой, Р.В. Альмухаметова, З.М. Дударевой, М.В. Зайнуллина, К.З. Закирьянова, Л.М. Зай-

нуллиной, автора данных строк и многих других. В рамках лингвокультурологической школы Башкортостана ведется активное исследование различных процессов межкультурной коммуникации, проводятся научные конференции, выполняются гранты. Однако перспективными направлениями пока являются разработка концепции инклюзивного образования в области преподавания русского языка в поликультурном образовательном пространстве, подготовка многоязычных лингвокультурологических словарей с учетом языковой ситуации в конкретных регионах, учебников и учебных пособий, дидактических материалов, отражающих нашу поликультурную действительность.

Поскольку знания по русскому языку являются базой для получения всех уровней образования по всем направлениям подготовки, разработка инновационных методик и программ по русскому языку как неродному в условиях поликультурного общества является, несомненно, задачей государственной важности.

© Р.Х. Хайруллина, 2014

Р.Х. Хайруллина, Ю.В. Русланова
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Семантические особенности фразеологизмов с местоименными компонентами

Фразеологический фонд русского языка представляет собой особый интерес с точки зрения компонентного состава в диахроническом аспекте. Семантические транспозиции исходных словосочетаний, мотивирующих фразеологическую единицу, связаны со словами различных частей речи. В нашей статье мы рассмотрим обороты с компонентами-определительными местоимениями.

Фразеологизм является особой, семантически двуплановой единицей языка, т.к. переносное значение оборота накладывается на первичную семантику его компонентов. Именно поэтому важным становится компонентный анализ фразеологизмов.

Компонент фразеологической единицы – это его составная часть, представляющая собой переосмысленное слово, которое может принадлежать к любому лексико-грамматическому классу. Изучение роли слов различных лексико-грамматических классов в образовании

фразеологических оборотов позволяет выявить особенности их семантической и грамматической организации, а также проследить, каким образом в ФЕ отражается специфика национального мировоззрения.

Местоимение – часть речи, категориальным значением которой является указание на предмет (признак); значение местоимений контекстуальное, ситуативно обусловленное, а кроме того обобщенное и абстрактное. Все это обусловило семантическую неполнозначность местоимения и, как следствие, его особое место в системе частей речи в русском языке. Парадоксально, но именно его семантическая неполнозначность дает возможность для развития богатых пресуппозиций, ассоциативных представлений, «домысливания» ситуации, благодаря чему фразеологизмы, включающие в свой состав местоимения, отличаются исключительной выразительностью [4].

В формировании семантики фразеологизмов, содержащих, наряду с местоимениями, и другие компоненты (имена существительные, глаголы, наречия и слова категории состояния), местоимения могут выполнять двоякую роль. В одних случаях от употребления того или иного местоимения зависит общее значение фразеологической единицы, т.к. в этих случаях они обладают особой смысловой нагрузкой в составе единицы (ср.: *жить своим умом – жить чужим умом; на том свете – на этом свете*). В других случаях участие местоимения привносит в общее значение фразеологизма дополнительные смысловые оттенки, например, местоимение весь (вся, все, всё) может передавать интенсивность признака, действия: *во все горло; во всю; на всех парусах* и т.д.

Для проведения нашего исследования мы отобрали материал из Фразеологического словаря русского литературного языка под ред. А.И. Федорова [3], используя метод сплошной выборки. Словарь включает свыше 12 тыс. фразеологизмов. Количество прономинативных ФЕ в словаре – 510 (4,25 % от общего числа).

Не все местоимения входят в состав русских фразеологизмов. Это связано с различной степенью значимости отдельных местоимений в русском национальном сознании. Наиболее частотными являются местоимения *себя* (92 ФЕ) и *свой* (72 ФЕ). Чуть менее употребительны местоимения *что* (46 ФЕ), *все* (36 ФЕ), *сам* (30 ФЕ), *ты* и *весь*(24 ФЕ), *так* (20 ФЕ), *какой* (18 ФЕ), *наш* (15 ФЕ), *он* (14 ФЕ), *они* (14 ФЕ), *вы* и *то* (по 12 ФЕ), *я, она, мой, всё, тот* (по 11 ФЕ).

Наименее частотны местоимения *ваш, другой* (по 8 ФЕ), *как, куда, кто, сей* (по 7 ФЕ), *мы, всякий, самый* (по 6 ФЕ), *где, такой, там, никакой, нечего, некуда* (по 5 ФЕ), *оно, каждый, иной, тут, это, ничего, сяк, кой, сё* (по 4 ФЕ), *столько, откуда, твой, его, ее, их, этот, негде* (по 3 ФЕ), *любой, туда, здесь, никуда, никак, оный, таковой, сям* (по 2 ФЕ).

Что касается частотности употребления в ФЕ местоимений конкретных лексико-грамматических разрядов, то здесь статистика выглядит следующим образом: 1) определительные местоимения – 132 ФЕ (*ставить* ***всякое / каждое*** *лыко в строку,* ***другой / иной*** *коленкор,* ***сам*** *большой / маленький* и др.); 2) притяжательные – 119 ФЕ (*гнуть / вести* ***свою*** *линию,* ***наш*** *брат, и* ***вашим*** *и* ***нашим*** и др.);3) вопросительно-относительные – 97 ФЕ (*не ахти* ***какой****, черт знает* ***что****, показать,* ***где*** *раки зимуют* и др.); 4) личные – 96 ФЕ (*будь* ***я*** *трижды проклят, типун* ***тебе*** **(*ему, ей, вам, им*)** *на язык, знаем* ***мы вас*** и др.); 5) возвратное – 92 ФЕ (*брать / взять* ***себя*** *в руки, вбить* ***себе*** *в башку / голову, бороться с самим* ***собой*** и др.);6)указательные – 89 ФЕ (***тот*** *свет, одна нога* ***здесь*** *другая* ***там****, да минует чаша* ***сия*** и др.); 7) отрицательные – 27 ФЕ (*шагу* ***негде*** *ступить, плюнуть* ***некуда, ничего*** *не попишешь* и др.); 8) неопределенные – 1 ФЕ (*в* ***некотором*** *роде*).

По данным проведенной выборки, определительные местоимения включают в свой состав 132 фразеологических оборота, что составляет 26% от общего числа прономинативных фразеологизмов. Это такие фразеологизмы, как *весь наружу, каждый / всякий встречный, во всю глотку, дрожать / трястись над каждой копейкой, другой / иной коленкор, мастер на все руки, со всеми онерами, из другой оперы, в самую пору, в самый раз, во всю прыть, сам большой / маленький, другой / иной раз*[3]и др.

Наиболее высокой фразеологической активностью в этой группе характеризуется местоимение *весь* (*все*, *вся*, *всё*). Это объясняется его наибольшей семантической емкостью по сравнению с другими местоимениями данного разряда. «Общее понятие интенсивности, передаваемое в составе фразеологизмов с помощью этого местоимения, разнопланово по отношению к различного рода явлениям и предметам, с наименованиями которых оно употребляется» [4, 65].

Местоимение *весь* может указывать на степень и меру проявления признака и действия за счет определения широты охвата пред-

метов, участвующих в действии. Например: *выплакать все глаза* – ‘очень много и часто плакать’; *прожужжать все уши* – ‘надоесть постоянными разговорами об одном и том же’; *бросаться со всех ног* – ‘очень быстро, стремительно убегать, прибегать и т.п.’; *изо всех сил* – 1. ‘С предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо); 2. Очень быстро бежать, мчаться и т.п.’.

Тот же оттенок значения привносит местоимение *весь* во фразеологизмы *на всю катушку*; *всеми фибрами души*; *все шишки валятся*; *на все корки* (ругать, бранить); *во все лопатки* и т.д. В субстантивированной форме местоимения *все* и *всё* могут обозначать субъект или объект действия, причем в исчерпывающем их количестве: *у всех на слуху*; *перевернуть всё вверх дном*; *всё и вся*; *ставить всё на свое место*; *всё наружу*; *всё про всё*; *не все дома; всех и каждого*.

Особой выразительностью обладают фразеологизмы, в которых местоимение *все* употребляется с названиями предметов, существующих в конкретном исчислении: *во все глаза*; *во все лопатки*; *со всех ног*; *все уши прожужжать*.

Кроме широты охвата предметов, местоимение *весь* может характеризовать интенсивность в пространственной протяженности во фразеологизмах *во всю ивановскую*; *во всю ширь*. На интенсивность звучания оно указывает во фразеологизмах *во весь голос*; *во всю глотку*, а на интенсивность проявления качества – *во всю прыть*; *во всю силу*.

Рассмотрим конкретные фразеологизмы с определительными местоимениями. Оборот *на всю железку* (жать, работать и т.п.) – ‘изо всех сил; на (в) полную мощность’ – представляет собой профессиональное устойчивое сочетание, возникшее в речи шоферов в годы Великой Отечественной войны. Для наибольшей скорости движения машины необходимо регулятор скорости (акселератор), сделанный из металла («железки»), поставить в предельное положение, т.е. на «всю железку». Моделью создания оборота служили сочетания *на всех парусах, на всех парах* и *нажать на все кнопки / педали / рычаги*, где налицо сходная синтаксическая структура и некоторая общность в значении – «использовать все возможности для достижения чего-либо» [1, 229]. Местоимение в данном обороте способствует усилению семантики интенсивного действия.

Довольно распространенным является оборот *мастер на все руки* – ‘человек искусный в любом деле, умеющий делать многое’.

Интересные наблюдения делают А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, которые пишут в своей работе «Фразеологизмы в русской речи»: «В обороте, вероятно, отразилось особое значение слова рука, восходящее к ее «метрической» функции (ср. *рукой подать, локоть, пядь* и т.п.). Служа мерой длины, оно постепенно развивает отвлеченное значение – ‘размер’ и становится также характеристикой качества предметов. Предметы разных размеров назывались большой, средней, малой и мелкой руки. Качественной значение возникло в торговой сфере: перекупщики скупали товар и продавали его по более дорогой цене. Из первых рук покупать было дешевле и надежнее, поэтому выражение *первой руки* характеризует высшую степень качества. Товары, отличающиеся друг от друга, назывались товарами всяких или разных рук. Эти значения отразились и в формировании семантики выражения *мастер на все руки*. Умельцы, способные изготовлять изделия разного типа и качества, стали называться мастерами на все руки» [1, 397] .

Иное объяснение дает выдающийся российский лингвист Д.Э. Розенталь, отмечая, что данный оборот происходит из профессионального языка ремесленников. «При коллективном производстве изделий весь процесс разделялся на несколько операций. *Руки*, т.е. мастера, распределялись по номерам. *Первой рукой*, начинавшей процесс изготовления, был самый квалифицированный мастер, отсюда и выражение мастер первой руки. Далее руки нумеровались. Умевший хорошо выполнять операцию был *мастером на все руки*» [2, 171]. В обоих случаях местоимение напрямую формирует семантику оборота, указывая на широту охвата процесса.

Таким образом, местоимения выступают частотными компонентами русских фразеологизмов, при этом наиболее активны в русском фразообразовании определительные местоимения. Наиболее высокой фразеологической активностью характеризуется определительное местоимение весь, которое может указывать на степень и меру проявления признака и действия за счет определения широты охвата предметов, а также указывать на интенсивность действия.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари: Астрель, 2005. – 853 с.

2. Розенталь Д.Э., Краснянский В.В. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Оникс: Мир и образование, 2008. – 416 с.

3. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т. – М.: Цитадель, 1997. – Т.1. – 391 с.; Т.2. – 396 с.
4. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 285 с.
© Р.Х. Хайруллина, Ю.В. Русланова, 2014

Г.Г. Хисамова, С.Р. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Антропоцентрическая лингвистика: проблемы изучения речевого поведения

Одной из основных проблем современного языкознания является проблема человеческого фактора в языке. Интерес к говорящей личности не теряет своей актуальности и считается приоритетным направлением лингвистики. Этот аспект исследовался в научных трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, Е.Д. Поливанова, Б.А. Ларина; в отечественном языкознании накоплен значительный материал, отражающий речь человека говорящего (М.М. Бахтин, Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Г.Г. Полищук, К.Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, И.А. Стернин, Н. И Формановская и др.).

Характеризуясь высокой сложностью организации, речевое общение включает в себя и язык, и общество со всеми его правилами, и отдельного человека. Как показывает анализ научно-исследовательских интересов лингвистов, достижение определённых результатов в изучении языка возможно при использовании данных антропологии, психологии, социологии, философии, культурологии и других наук. Широкомасштабное изучение речевого общения привело к возрождению старых дисциплин, например, риторики, и к возникновению новых – психолингвистики, этнопсихолингвистики, прагмалингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, лингвостилистики, генристики и других смежных дисциплин. В конкретных ситуациях межличностного общения реализуются такие функции языка, как коммуникативная, когнитивная, эмотивная, номинативная, фатическая и др.

Основное внимание в статье уделяется описанию специфики речевого поведения, исследующей поведение человека, а следова-

тельно, имеющей яркую антропоцентрическую направленность. С целью раскрытия понятия «речевое поведение» считается целесообразным рассмотрение природы общения и особенностей речевой деятельности.

Несмотря на интерес исследователей к общению как явлению или процессу, сам термин «общение» часто употребляется как синоним термина «коммуникация». Нужно отметить, что в толковых и энциклопедических словарях значения этих терминов не различаются и один термин толкуется через другой. Общение может не носить информативного характера, но является всесторонней связью и предполагает социальное содержание. Коммуникация же представляет собой однонаправленный процесс передачи информации. Вопрос дифференциации терминов вызывает научный интерес. В рассуждениях специалистов подчёркивается единство биологического, психологического и социального – человек, который осуществляет информационный обмен в процессе деятельности и имеет мотивы и цели.

Стало традиционным понимание общения как особого вида деятельности, имеющей мотивы, цели, стратегии и способы реализации. Условием осуществления речевой деятельности является наличие говорящего и слушающего, вступающих между собой в определённые отношения, результатом которых становится речевое произведение, зависящее от субъектов, их психологических особенностей и от ситуации. Этим и отличается речевая деятельность от других видов деятельности.

Структура речевого взаимодействия (по Р.О. Якобсону) развивается в соответствии с прохождением информации по коммуникативной цепи: адресант (отправитель) – кодирование сообщения – движение по каналам – расшифровка (декодирование) – адресат (получатель).

Личность говорящего играет важную роль в процессе речевого взаимодействия. Особая роль в создании образа принадлежит речевому поведению. Речевое поведение личности, складывающееся из различных речевых поступков, речевых действий, позволяет увидеть её с разных сторон и на этой основе сформировать представление о ней. Если речевая деятельность – это разновидность целенаправленного поведения человека, представляющая собой процесс реализации мысли в слове, то речевое поведение связано с использованием языка

общающимися (коммуникантами) в предлагаемых обстоятельствах, в многообразии реальных жизненных ситуаций.

Термин «речевое поведение» характеризуется частотностью употребления, однако всё ещё не имеет единой и общепринятой формулировки. Впервые речевое поведение упоминается в работе Л.В. Щербы «Очередные проблемы языковедения», где автор обосновывает необходимость изучения грамматики языка с позиции «объективной языковой действительности, управляющей нашей речью» [10; 48]. Однако возникновение самого понятия «речевое поведение» принято связывать с американской бихевиористской психологией, трактующей речевое поведение как разновидность социального поведения, определяемую изменением состава участников акта коммуникации, темы общения и условий речевой ситуации (Л. Блумфилд, Э. Торндайк, Б. Скиннер).

Следующее упоминание о речевом поведении можно встретить в работе А.А. Холодовича («О типологии речи»), в которой автор отмечает: «Если всю совокупность жизнедеятельности человека назвать поведением, то ту область этого поведения, в которой доминирующую роль играет язык, можно назвать языковым поведением» [9; 269]. Однако он не касается содержательного аспекта данного понятия.

Лишь в монографическом исследовании «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» Т.Г. Винокур создаёт структуру понятия, где речевое поведение представлено, прежде всего, как пересечение двух центральных понятий – владение языком и употребление языка. Вслед за Т.Г. Винокур, мы считаем, что речевое поведение – это «не столько часть поведения вообще, сколько образ человека, составляющийся из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни» [1; 16].

Подробно описав феномен речевого поведения, Т.Г. Винокур выделяет пять его составляющих: а) узуальная характеристика лексико-грамматических отношений внутри законченного смыслового целого как языковой единицы (предложения или текста);

б) коммуникативная характеристика предложения или текста, которая переводит его в статус высказывания или дискурса, вводя невербальные компоненты в характеристику вербальных значений на данном речевом участке;

в) прагматическая характеристика, которая конкретизирует коммуникативную характеристику высказывания как результата словесного отбора, сформированного его взаимоотношением с субъектом речи;

г) психолингвистическая характеристика, трактующая высказывание как процесс порождения речи и развития текста, в центре которого находится субъект речи;

д) социолингвистическая характеристика, которая, соотнеся субъект речи и его высказывание с реальными обстоятельствами языковой жизни социума, переводит его тем самым в ранг признаков говорящего человека [1; 30].

В качестве составляющих компонентов речевого поведения А.Н. Сперанская выделяет: 1) «наивную картину мира» собеседника (куда входит и знание социальных характеристик собеседника); 2) сферу общения; 3) речевой жанр; 4) правила речевого поведения [7; 21]. «Наивная картина мира» собеседников определяется наличием у говорящего и слушающего общего фонда знаний, не являющихся обширными и специальными, но позволяющих вступить в общение, избегая «коммуникативных провалов». В случае межкультурного общения говорящий должен учитывать и национальную специфику слушающего. Второй компонент включает в себя такие сферы общения, как бытовая, деловая, научная, идеологическая, художественная. Речевой жанр может пониматься как установленный в данном социуме тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями или взаимными ожиданиями партнёров по общению [2; 39-40]. Следовательно, в представлении и говорящего, и слушающего существует стандарт языкового оформления жанра (просьбы, вопроса, поздравления и пр.), и индивидуальность говорящего будет заключаться в интонации, тоне, в выборе слов. Правила речевого поведения регулируют речевое общение. При соблюдении правил между участниками общения происходит информативный обмен, а при их нарушении говорящим или слушающим между ними начинается обмен знаниями и мнениями о нормах в виде суждений по поводу произведённых высказываний.

В лингвистической литературе принято разграничивать понятия «речевое поведение» и «коммуникативное поведение». Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин определяют коммуникативное поведение как вербальное и невербальное поведение личности или группы лиц в

процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [5; 42]. Следовательно, термин «речевое поведение» акцентирует внимание на речевом аспекте общения, а «коммуникативное поведение» включает более широкий набор коммуникативных факторов, то есть нормы и правила общения. Однако мы считаем возможным использовать термины «коммуникативное поведение» и «речевое поведение» в качестве синонимов, так как полагаем, что речевое поведение – это, прежде всего, осознанная и неосознанная система коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека.

При анализе речевого поведения необходимо различать его вербальное и невербальное выражение. Вербализованная часть речевого поведения предусматривает разграничение прагматического (формирование интенции) и стилистического (оформление языкового выражения) аспектов. К невербальным средствам коммуникативного процесса относят кинетическую систему знаков (жесты, мимика), паралингвистические средства (интонация, фонация, паузы). Взаимодействие языковых средств с речежестовыми действиями и обеспечивают общение. Эффективная организация речевого взаимодействия осуществляется с помощью стратегий и тактик речевого общения. Стратегия речевого поведения – комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, тактика речевого поведения – совокупность практических ходов, линии речевого поведения собеседников в реальном процессе речевого взаимодействия [3; 54].

Речевое поведение человека подчиняется принятым в обществе нормам и правилам, поэтому оно обладает национально-культурной спецификой. Национально-культурная специфика речевого поведения представляет собой своеобразие речевого поведения конкретной лингвокультурной общности, обусловленное её традициями, обычаями, культурой. В речевом поведении реализуется языковое сознание, которое выступает воплощением народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах. Оно отражает те манеры общения индивида, которые определяются языковой, коммуникативной компетенцией, национальной принадлежностью, социально-культурным статусом и психологическими параметрами.

При изучении речевого поведения особую важность приобретает проблема «речевого поведения и типов языковой личности». Со-

временная лингвистика, встраиваясь в антропоцентрическую научную парадигму, своё внимание сосредоточивает на человеке, изучая его как языковую личность, т.е. человека в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке и текстах.

Под языковой личностью, вслед за Ю.Н. Карауловым, мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [4; 7].

К.Ф. Седовым предпринята попытка создания типологии языковых личностей на основе способности к кооперации в речевом поведении [6]. Выделяются три типа речевого поведения языковой личности: кооперативный, центрированный и конфликтный. Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей в общении установкой на партнёра коммуникации; центрированный тип речевого поведения характеризуется наличием у одного из участников установки на себя при игнорировании партнёра коммуникации; конфликтный тип речевого поведения демонстрирует установку на конфликт и провоцирует собеседника к столкновению.

Данная типология речевого поведения может использоваться не только в социо-и психолингвистических исследованиях, но и в практике лингвистического анализа художественного текста при описании персонажа как языковой личности [8; 78-79]. Объектом описания при этом являются языковые средства, предпочитаемые персонажем как языковой личностью, используемые им стратегические и тактические речевые ходы, а также национально-культурные сценарии и модели речевого пользования.

Таким образом, речевое поведение – это использование языка человеком в предлагаемых обстоятельствах, в многообразии реальных жизненных ситуаций, формирующее представление о нём как о языковой личности. К составляющим компонентам речевого поведения можно отнести: говорящего, слушающего, цель общения, речевые действия, вербальные и невербальные средства, ситуацию общения, тональность, способ (устный и письменный), типы общения (монолог, диалог, полилог) и правила общения. Своеобразие речевого поведения личности детерминируется её социально-ситуативными,

национально-культурными и индивидуально-психологическими характеристиками.

Литература

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: «Наука», 1993. – 172 с.
2. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи М.М. Бахтина// Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб: Изд-во РГПУ, 1998. – С. 35-46.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 284 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: «Наука», 1987. – 267 с.
5. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: «Флинта», «Наука», 2006. – 326 с.
6. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298-318.
7. Сперанская А. Н. Правила речевого поведения в русских паремиях: Дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. – Красноярск, 1999. – 216 с.
8. Хисамова Г.Г. Социально-психологические типы языковых личностей и их речевое поведение в художественном дискурсе // Л.А. Сергеева, Г.Г. Хисамова и др. Антропосфера дискурса. – Уфа: «Гилем», 2007. – С. 65-112.
9. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979. – 304 с.
10. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: «Наука», 1974. – 428 с.

© Г.Г. Хисамова, С.Р. Ишмуратова, 2014

Г.Г. Хисамова, Л.М. Латыпова
БашГУ, Уфа, Россия

Этикетный речевой жанр «Прощание» в русском и башкирском языках

Речевой этикет вербально обслуживает этикет поведения и составляет широкую область стереотипов общения в различных ситуациях. Формулы речевого этикета активно изучаются в аспекте межкультурной коммуникации, что обусловлено возрастающим интересом лингвистов к проблеме соотношения языка и культуры, своеобразия речевого поведения, национально-культурной специфики речевого общения. Речевой этикет изучается с точки зрения быта, ритуалов, обрядов, обычаев, поведенческих традиций, как правило, нацио-

нально специфичных (см. исследования В.И. Карасика, Т.В. Лариной, И.А. Стернина, Н.И. Формановской и др.).

Данная статья посвящена описанию этикетного речевого жанра «Прощание» в русском и башкирском языках.

Анализ этикетных высказываний осуществляется с учетом понятий «речевой жанр», под которым понимаются речевые действия, сопровождающие типичные ситуации специального взаимодействия людей. Прощание – элемент речевого этикета, которым завершается речевое общение. Из собеседников первым прощается тот, кто уходит первым. Наиболее частотной в русском языке является нейтральная формула *«До свидания!».* Предлог *«до»* означает расставание до нового свидания. Этот же оттенок временного предела содержат выражения *«До встречи!», «До скорой встречи!»*. Формула *«Прощай (те)»* используется в значении «до свидания» и с оттенком прощания надолго, навсегда. При прощании часто используются пожелания *«Всего хорошего!», «Всего доброго!», «Счастливо!»* (с особым ударением).

В речи старшего поколения употребляются выражения *«Разрешите попрощаться! Позвольте попрощаться! Разрешите откланяться! Честь имею откланяться! Счастливо оставаться!»*

В речи молодого и среднего поколения используются непринужденные формы: *Всего! Пока! Привет! Будь здоров! Чао! Гудбай! Бай-бай!*

Прощание вечером, на ночь, скорее всего, непосредственно перед сном, осуществляется в пожеланиях *Спокойной ночи! Доброй ночи! Приятного сна!* При прощании с отъезжающим чаще всего употребляются пожелания: *Счастливого пути! Доброго пути! Всего доброго!* Морякам желают: *«Попутного ветра!».* Таким же специальным является пожелание *«Мягкой посадки!».*

Эмоциональное высказывание *«Скатертью дорога!»* выражает неприязненное отношение к адресату. История данного прощания такова. В представлении русских, чище, глаже, ровнее хорошей холщовой или тем более шелковой скатерти на свете ничего не могло быть. Дороги в старой Руси не отличались ни чистотой, ни гладкостью. Ездить по ним было истинным мучением, и лучшего пожелания, чем дороги ровной, как скатерть, хозяин не мог сделать уезжающим гостям. Следовательно, первоначально восклицание *Скатертью дорога!* понималось, как доброе пожелание, но потом оно

приобрело противоположный иронический смысл. Теперь так говорят, желая показать, что уход или отъезд человека не причинит остающимся ни малейшего огорчения: *Скатертью дорога!* равносильно словам: *Проваливай! Без тебя обойдемся!*

В башкирском этикете наиболее частотны фразы: *Хуш!Хуш булығыҙ! Һау бул (-ығыҙ!)* являющие фразами - пожеланиями (ср. с русскими *Всего хорошего! Всего доброго!*). Выражение *Һау бул (–ығыҙ)!* дословно переводится *"Будь здоров!"*,то есть говорящий желает здоровья. В русском этикете подобное пожелание *Здравствуй(те)* используется в ситуации приветствия.

Выражения, знаменующие временный предел разлуки (*киләһе осрашҡанға тиклем* досл. "*до следующей встречи", күрешкәнгә тиклем – до встречи до свидания*) используются реже. Временной предел может конкретизироваться: *Иртәгә осрашҡанға тиклем. Бөгөн кис осрашҡанға хәтле!* Среди близких людей, особенно среди молодежи часто употребляются дружеские формулы прощания носящие оттенок фамильярности. Весьма распространена форма *Пока!* заимствованная из русского языка.

Формы прощания на ночь в башкирском языке соотносятся с формами русского речевого этикета *Спокойной ночи – Тыныс йоҡо!* Досл. *Спокойного сна! Доброй ночи! Хәйерле төн!*

Так же, как и в русском этикете, башкирские этикетные формулы прощания с отъезжающими содержат пожелания *Хәйерле юл! Доброго* (*счастливого) пути! Иҫән-һау барып (ҡайтып) ет!* (досл.- *доезжай живым- здоровым!), Юлың уң булһын!* (досл. – *Пусть удачной будет дорога!), изге юл! (досл. – доброй дороги!), Аҡ юл*!(досл. – *белой дороги*), *Эт-кошҡа эләкмә! (не попадись хищникам,* то есть плохим людям!).

Уходя из гостей и прощаясь, башкиры многократно высказывают хозяевам слова искренней благодарности за угощение и щедрость: *Һыйығыҙ өсөн рәхмәт! (Спасибо за угощение!), Өҫтәлегеҙгә һый-хөрмәт өҫтәлеп торһон, беҙгә лә килегеҙ! (И к нам приходите), Сәләм әйтегеҙ! (Передайте привет!).*

В башкирском языке в значении прощания навсегда часто используется формула *Бәхил бул(- ығыҙ).* При этом адресант осознает факт последней встречи в этой жизни, а адресату это может быть неизвестно.

В качестве невербальных средств прощания в русском и башкирском языках используются рукопожатия, объятия, а также полупоклон, кивок головы, поцелуй, махания рукой, похлопывания по плечу.

Жесты при прощании в целом соотносительны с теми, которые применяются при приветствии. Жест, свойственный прощанию, – это специфическое помахивание рукой (чаще правой) вслед уходящему или уезжающему. При отъезде помахать рукой может и уезжающий, и провожающий. Как и в ситуации приветсвия, в русском языке прощальный жест может оказаться невербальным знаком прощания. Так, расходящиеся собеседники в знак прощания могут лишь обменяться рукопожатием, что допустимо, однако, лишь при непринужденных отношениях. В башкирском этикете прощание всегда вербализовано.

© Г.Г. Хисамова, Л.М. Латыпова, 2014.

И.В. Чванова
БашГУ, Уфа, Россия

Работа над концептом в процессе преподавания лингвистических дисциплин

Идея формирования языковой, культурно ориентированной личности, способной к полноценной межкультурной коммуникации, выдвигается как цель и стратегия современного гуманитарного и филологического образования. Она диктует новые подходы к изучению культуры, литературы и языков в едином контексте формирования духовного мира молодого поколения.

В Башкирском государственном университете под руководством профессора Л.Г. Саяховой успешно разрабатывается и активно используется в процессе преподавания лингвистических дисциплин инновационное направление, объединяющее в единое целое язык и культуру. Представители лингвокультурологической школы видят свою задачу в разработке лингвокультурологической концепции школьного и вузовского образования, рассматривающей язык как органическую часть национальной культуры народа, в которой сохраняются его духовные богатства. Вместе с тем в языке закрепляются знания об окружающей действительности и система воззрений на

мир, обладающая чертами неповторимости и своеобразия. Чтобы образование было лингвокультурологически ориентированным, преподаватель должен относиться к языку как к феномену культуры, в которой отражается история народа, его менталитет, как к культурно-исторической среде, формирующей языковую личность. Он должен говорить о таких понятиях, как языковая картина мира, языковая личность, национально-культурный компонент лексики, фразеологии, афористики (безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика, национальные образы, символы, ключевые слова), текст как явление культуры (прецедентные тексты).

В связи с осознанием языка как феномена культуры, способствующего познанию мира, хранению и передаче информации от поколения к поколению, большое значение в системе вузовского лингвистического образования имеет изучение и комплексное описание национального своеобразия когнитивных признаков различных концептов на специальных предметах лингвистического профиля. Например, в рамках практикума по специализации студентам 4 курса было предложено рассмотреть концепт «Песня» в русской языковой картине мира с точки зрения его лингвокультурологического содержания. Данный концепт представляется нам очень значимым, так как особенно ярко менталитет народа, его образ жизни выражается в песне, которая является частью культуры общества и выполняет социальные функции: участвует в воспитании людей и преобразовании общества, формирует интеллектуальные и нравственные качества человека, пробуждает творческие силы и способности, организует людей на борьбу за высокие общественные идеалы и, в конечном счете, способствует более тесному общению и сближению людей, формирует ценностные ориентации общества. Знакомясь с такими песнями, человек приобщается к русской культуре, истории, начинает понимать красоту русского языка.

Перед студентами были поставлены следующие задачи:

1) выявить содержание понятий «языковая картина мира» и «концепт»;

2) установить базовые лексические единицы, репрезентирующие концепт «Песня» в русской языковой картине мира, и рассмотреть их значения, представленные в лингвистических словарях;

3) установить концептуальные признаки концепта «Песня» в пословично-поговорочном фонде русского языка и во фразеологии;

4) выявить национально-культурную специфику концепта в художественных текстах;

5) определить ядро и периферию концепта «Песня».

Анализ лингвистической научной литературы позволил определить основные признаки понятий «языковая картина мира» и «концепт». ЯКМ формируется системой ключевых концептов и идей, она ограничена национально-культурной спецификой языка, условиями познания, опытом и т.п. ЯКМ отличается универсальностью от научной, религиозной и других картин мира, так как в ней отражается информация о всех сферах человеческой деятельности.

Вопрос о содержании термина концепт является дискуссионным относительно структуры и типологии концептов. Можно выделить два основных взгляда – лингвокультурологический (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик и др.) и лингвокогнитивный (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин и др.).

Для выявления ядра концепта используются лексикографические данные. Анализ дефиниций и иллюстративного материала позволил выявить базисные признаки концепта.

Концептуальный анализ паремиологического фонда русского языка (*бедному Кузеньке бедная и песенка; из песни слова не выкинешь; первую песенку зардевшись поют; не вспоя (не поя), не вскормя (не кормя), ворога не наживешь (не увидишь); нужда скачет, нужда кляшет (плачет), нужда песенки поет; долгая песня; лебединая песня; петь дифирамбы; петь в унисон; лазаря петь; петь с чужого голоса, сказка складка, а песня быль* и др.) позволил выявить образные и ценностные компоненты структуры концепта, находящиеся на периферии и наслаивающиеся на когнитивные признаки ядра.

Анализ прозаических и поэтических текстов, в которых речь идет о ситуациях, связанных с русской песней (рассказ И.С. Тургенева «Певцы», отрывок из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (гл. «Тамань»), отрывок из романа Ч. Айтматова «Плаха», стихотворения К.В. Скворцова «В глубинке русской посреди разрухи», «Матушка пела» и др.), также позволяет выявить концептуальные признаки, образующие периферийный слой концепта.

Особенно интересный для студентов этап работы – выявление точек пересечения ядерных и периферийных концептуальных признаков.

Таким образом, исследование, проведенное на различном лингвистическом материале, позволяет выявить разнообразную палитру концептуальных смыслов, отражающих национально-культурное понимание песни, а также оказать большое влияние на формирование языковой культуры современной личности

Продолжением работы в рамках другого курса может быть анализ текстов песен разных периодов, в которых прочитывается особая система ценностей, определяющих некоторые стороны духовного мира человека, с целью выявления основных тем-концептов и способов их репрезентации.

Материалы исследования и выводы, полученные в процессе изучения концепта, могут найти применение в качестве практического материала для школьных факультативов, в практике преподавания русского языка как иностранного, в качестве материала для составления словаря концептов русской культуры.

Литература

1. Саяхова Л.Г. Методика преподавания русского языка. Лингвокультороло-гия. Лексикография: Сборник избранных статей. Уфа: БашГУ, 2006.
2. Саяхова Л.Г. Языковая личность. Уфа, 2001.

© И.В. Чванова, 2014

Чжан Мянь
Наньчанский университет, г. Наньчан, Китай

Национально-культурное своеобразие концепта "гостеприимство / 好客" в русском и китайском языках

Язык – это сложный объект, который можно определить как средство общения, как знаковую систему, как способность к коммуникации особого рода, как продукт и основное условие когнитивной деятельности человека.

Анализ синонимичных рядов слова «гостеприимство» в русском и китайском языках позволяет выявить общность семантической структуры данного слова. Словарь синонимов русского языка выстраивает следующую парадигму: *гостеприимство - гостеприимность, радушие, хлебосольство***.** Синонимами слова 好客 в китайском языке выступают лексемы: 热情好客，殷勤，慷慨。

Таким образом, сопоставление синонимичных рядов показывает, что в сознании русских и китайцев понятие «гостеприимство» вызывает схожие ассоциации, т.е. гостеприимство ассоциируется с радушием, щедростью, дружелюбным отношением к гостям.

Для более полного смыслового объема концепта «гостеприимство» нам необходимо проанализировать ассоциативные связи и семантическое пространство ключевой лексемы «гость». Рассмотрим семантическое поле слова «гость» в лексической системе сопоставляемых языков.

В современном русском языке употребительными остались слова: *гостинец, гостевой, гостиная, гостиница, гостить:*

- *гостиная* - комната для приема гостей, а также комплект мебели для такой комнаты;
- *гостинец* - подарок (преимущ, о сладостях), уменьш. гостинчик;
- *гостиница* - дом с меблированными комнатами для приезжающих;
- *гостиный двор* - в некоторых городах: построенные в старину торговые ряды, обычно каменные;
- *гостить* - жить у кого-либо в качестве гостя.

В словообразовательное гнездо слова гость в русском языке входят следующие производные: *гостёк, гостенёк, гостья, гостюшка, гостинка, гостевой, гостевать, загостеваться, погостевать, гоститься, выгоститься, гащивать, загоститься, нагоститься, отгостить, отгащивать, перегостить, погостить, прогостить.*

Производными слова 客 выступают следующие производные: 宾客，贵客，稀客，常客，远客，娇客，食客，门客，乘客，黑客，客人，客厅，客房，客居，客栈，客商，客车，客机，客户，客场，客观，做客，作客，会客，客人的，座上客，门下客，逐客令，客套话，待客之道，文人骚客，不速之客，四方来客，绿林豪客，客随主便，反客为主，杜门谢客，宾客如云。

Анализ антонимов позволяет отметить, что *"гостеприимству"* противостоят признаки "негостеприимного человека": в русском языке - *скупой, жадный, злой человек;* в китайском - 小气的，吝啬的，刻薄的人。

Следует отметить сходство в представлении русских и китайцев "негостеприимного человека" - это жадный, неприветливый, скупой на угощение, злой человек.

Действия, направленные на оказание внимания и проявление радушия в русском языке, выражены следующими глаголами: *«добро пожаловать», «угощать», «пировать», «кланяться (устар.)», «накормить», «напоить», «хлопотать», «расцеловать», «привечать», «потчевать», «усаживать», «подносить», «угодить», «уважить».*

В китайском: 接待, 迎宾, 招待, 请客, 宴请, 鞠躬, 拥抱, 亲吻, 赠礼, 礼遇, 迎合, 满足, 献殷勤, 热烈欢迎, 待作上宾, 盛情款待, 宾至如归.

Значение «гостить» в русском языке передают следующие глаголы и сочетания: *гостевать, гащивать, быть в гостях, ходить по гостям.* В китайском языке: 做客, 作客, 客居, 拜访, 串门子, 串亲戚, 走亲访友。

Как известно, язык отражает мир, культуру и формирует сознание носителей языка.

Мы рассматриваем концепт «гостеприимство» в русле фразеологии, как составляющую часть языковой картины мира вообще и как отражение в языке важнейшего аспекта бытия человека, его культуры. При этом пересекающимся с ним понятием является *этикет*. Этикет является одним из ярко выраженных феноменов культуры, который затрагивает всю гамму чувств и эмоций человека, обогащает само человеческое общение. Роль этикета в обществе всегда была очень велика, что подтверждается его длительной исторической и социальной эволюцией, функциями в обществе, многоплановой структурой, многообразными видами и формами. Само понятие «этикет» французского происхождения и связано с правлением Людовика XIV (1638-1715), который ввел порядок поведения приглашенных гостей, изложенный на специальных карточках (франц. etiquette - этикетка). Отсюда и слово *этикет.*

Если первоначально этикет в буквальном смысле слова означал порядок поведения и правила учтивости, необходимые при дворцовых церемониях, то позже он стал означать порядок поведения и соблюдение норм и правил учтивости, принятых в обществе. Синонимами этикета являются «хорошие манеры», «хороший тон».

Обычай гостеприимства пришел из Древнего Рима, скандинавы ввели правило предоставлять почетные места за столом женщинам и наиболее уважаемым гостям. Из Древнего Египта пришел обычай красиво и бесшумно есть. Ряд известных этикетных норм являются исключительным национальным достоянием тех или иных

народов. В Японии известным правилом является ритуальное извинение перед гостями за скудное угощение, хотя стол полон всяческих блюд. В Китае гостеприимством являются обильный стол, постоянные (крепкие) напитки, оживленная (даже шумная) атмосфера.

Слово *гостеприимство* и выражаемое им понятие, пользуясь терминологией А. Вежбицкой, национально специфично для русского языкового сознания и является базовым концептом русской культуры. Гостеприимство связано со многими другими качествами, приписываемыми русскими самим себе. Согласно исследованиям Н.В. Уфимцевой, главным качеством русского человека является доброта и ее проявление по отношению к другим — доброжелательность, радушие, душевность, все эти качества русского человека, так или иначе, отражаются в ситуации гостеприимства. Интересной представляется идея, выделенная А.Д. Шмелевым в понятии гостеприимства: «плохо, когда человек стремится к выгоде по каждому поводу; хорошо, когда он бескорыстен и даже нерасчетлив». Из вышесказанного мы делаем вывод: гостеприимство — постоянное качество, свойство человека (семьи, людей, целого народа), проявляющееся в том, что он любит и постоянно готов принимать гостей, посторонних людей у себя дома, его дом открыт для других людей, и он старается, чтобы им было хорошо; предполагается угощение гостя или предоставление крова, ночлега на длительное время. (Шмелев)

Таким образом, ситуация гостеприимства вполне может считаться, по терминологии А. Вежбицкой, «культурно-обусловленным сценарием», так как выражает негласные нормы культуры и специфические аспекты концептуализации мира.

Интересно рассмотреть такой традиционный обычай у двух народов как чаепитие или чайная церемония. Чаепитие, душевная беседа за чашкой чая, имеет давние традиции в России, в Англии, в Китае. Уже в летописях встречаются первые упоминания о чайных традиционных посиделках. Пить чай нужно было медленно. В старой Москве пили чай четыре раза в день, в Пскове – шесть и больше. Русские хозяйки всегда были очень гостеприимны. Для гостей дома обязательно ставили самовар. Пили с гостями чай, беседовали. Хозяйка наливала чай, угощала гостей и домашних.

Китайское чаепитие (饮茶) – одна из самых знаменитых национальных традиций Востока, которая появилась в историческом Периоде Весны и Осени (770 г. до н.э.). Классическая китайская чайная

церемония - это идеальное время для встречи с друзьями, причем каждое время года приносит с собой собственные темы для бесед. Хозяйка должна готовить высококачественную воду (воду из горных источников, чистую дождевую воду, снежную воду и т. д.), из которого готовится кипяток. К тому же листы чая (по вкусу друзей, по времени года, или по теме беседы), красивая скатерть и салфетки, изысканный чайный набор, и традиционное угощение, которое принято подавать в специальной посуде.

Описание ритуалов приема гостей в анализируемых языках представлено широким спектром концептуальных сцен, метафоричных фразеологизмов. В русском языке для описания ритуала приема гостей используются фразы: *радушно принять гостей, оказать теплый прием, встречать хлебом-солью*. Фразеологизм *«хлеб-соль»* в русском языке имеет большое символико-обрядовое значение. В соли, помимо ее большой ценности в Древней Руси и трудоемкости в добычи, ценили ее свойства предохранять продукты от гниения и консервировать их. Отсюда ее основная символика - символика постоянства, вечности, верности, дружбы, уважения. С этим связано много ритуалов и обрядов. Один из них заключается в том, что рассыпанная соль приводит к ссоре и дошел до наших дней с глубокой древности: у греков, римлян и арабов перевернутая солонка знаменовала разрыв дружеских отношений. И, наоборот - в знак дружбы гостям подносилась именно соль. На востоке до сих пор сохраняются «клятвы солью», «союзы соли», «право соли», являющиеся проявлением гостеприимства. У славян отношение к соли было столь же благоговейным, как и отношение к хлебу. Не случайно, поэтому ритуально-обрядовая символика хлеба-соли соединилась у русских, украинцев, белорусов в устойчивый элемент народного этикета. Оборот «Хлеб да соль!» в России долго являлся приветствием. Эту форму гость обычно произносил, входя в избу, где за столом сидела обедающая семья. Такое пожелание приятного аппетита - лишь одно из целого ряда добрых пожеланий, составляющих строго регламентированный народный этикет [Мокиенко 1999: 343].

В китайской лингвокультуре обряд приема гостей тесно связан со словом «чай»（茶）. Как известно, чай появился именно в Китае, примерно пять тысяч лет назад. Русское слово «чай» происходит от китайского 茶 (ча); растение Camellia sinensis китайцы называют茶树 (ча шу). Примерно до VIII в. до н. э. для чая не было особого слова;

вместе с другими горькими травами его называли 茶 (ту). В Китае его относят к «семи вещам, потребным ежедневно» вместе с дровами, рисом, маслом, солью, соевым соусом и уксусом (柴,米,油,盐,酱,醋,茶). Китайская чайная культура отличается от европейской как способами приготовления и питья, так и поводами для чаепития. Чай в Китае пьют как в повседневных ситуациях, так и во время официальных мероприятий и ритуалов. Чай здесь — не только напиток; он играет важную роль в традиционной китайской медицине, китайской кухне и буддизме. Существует также поговорка — «茶禅一味» — «Чай и чань одного вкуса» [（唐）陆羽，《茶经》，中国工人出版社，2003 年版]. На протяжении тысячелетий, чай, в качестве магической травы, занимает незаменимое место в жизни китайского народа, а также в ритуале приёма гостей. Когда приходят гости, хозяйка готовит горячий чай по вкусу, который предпочитают гости, в красивой специальной посуде, и вместе с гостями неторопливо пьют, соблюдая определенные обрядовые процедуры. В китайском языке для описания ритуала приёма гостей используются следующие сочетания с 茶: 茶道，茶艺，茶具，上茶，敬茶，以茶代酒，三茶六饭，三茶六礼. Китайская чайная культура оказала большое влияние на Японию, Корею, Южную Корею и другие восточные страны.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов./ Пер. с англ. А. Д. Шмелева/ –М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Мокиенко В.М, Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии.- СПб.: Фолио-Пресс, 1999.–464с.
3. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. - С. 139 - 162.
4. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: «Языки славянской культуры», 2002. –342 с.
5. 郭瑞民，《古往今来话中国 — 中国的礼仪文化》，安徽师范大学出版社，2012年版。
6. （唐）陆羽，《茶经》，中国工人出版社，2003年版。
7. 关剑平，《茶与中国文化》，人民出版社，2001年版。

© Чжан Мянь, 2014

Т.Д. Шабанова, Г.С. Садриева
БГПУ им М.Акмуллы, Уфа, Россия

Значение английских глаголов зрения и проблема их перевода на русский язык

Поскольку не существует двух идентичных языков ни по значениям, которые выражают те или иные языковые знаки, ни по правилам организации этих знаков в предложениях, естественно, что между языками отсутствуют точные соответствия. Из этого следует, что совершенно точный перевод практически невозможен. Общее воздействие перевода может оказаться очень близким к воздействию оригинала, но добиться идентичности образа текста языка-источника и создаваемого при переводе образа труднодостижимо. Отсюда можно говорить о проблеме сохранения значения языковой единицы текста-источника в переведенном тексте.

Проблема адекватной передачи значения языковых единиц текста-источника в переводном тексте остается актуальной и сегодня, хотя на саму проблему обратили внимание еще в XIX веке. Так, например, Констанс Б. Уэст образно обрисовывает проблему: «Тот, кто берется за перевод, берет на себя долг; чтобы расплатиться, он должен заплатить ту же сумму, но другой монетой». Процесс перевода невозможно представить себе без какой-то степени переводческой интерпретации. И, как заметил в 1874 г. Д.Г. Розетти, «перевод остается, может быть, наиболее прямой формой комментария»[1, 4].

В основном, актуальность данной проблемы обусловлена современным состоянием лексикографии. В одноязычных словарных статьях значения слов интерпретируются путем называния других слов, семантика которых столь же непонятна, как и интерпретируемое слово. Так, например, в словаре Collins Dictionary глагол see трактуется через перечисление его синонимов: perceive, note, spot, notice, observe, discern, watch, look at, observe и др.; глагол look толкуется в перечислениях таких синонимов как see, view, watch, examine, observe, stare, glance, gaze, scan, peep, scrutinize, ogle, gawp, search, seek и др.; глагол notice трактуется через перечисление следующих синонимов: observe, see, note, spot, remark, perceive, detect и др. [2] Согласно двуязычному словарю Oxford Dictionary глаголу stare характерно следующее толкование: смотреть пристально или бесчувственно на кого-то или что-то с широко открытыми глазами; глагол

gaze трактуется как смотреть пристально и сосредоточенно, главным образом с удивлением или восторгом. Глагол watch интерпретируется следующим образом: смотреть внимательно на что-то или внимательно наблюдать за чем-либо в течение определенного времени; в то время как глагол observe представлен следующей характеристикой: заметить или усмотреть что-то и зафиксировать в коре мозга как что-то важное [3].

Приведенные лексикографические статьи показывают, что интерпретация слов, таким образом, ставит в один ряд глаголы, принадлежащие к разным группам («видения» и «смотрения»), хотя их семантика заключается в различных фазах зрительного восприятия [5]. Если глагол see сообщает о возникновении образа в коре головного мозга, то глагол look – о процессе направленности взгляда. Подобное перечисление слов-синонимов не позволяет увидеть полную картину и получить информацию об особенностях ситуации, которые требуют употребления того или иного глагола.

Объектом исследования в нашей работе являются английские предложения с глаголами зрения и их переводы на русский язык. Выбор глаголов данной лексико-семантической группы обусловлен тем, что эти глаголы являются наиболее частотными и наглядно отражают системность семантических отношений глагольной лексики. **Предметом** исследования являются переводческие решения для передачи исходного значения английских глаголов зрения.

Материал исследования: исследование выполнено на материале, взятом из оригинальных текстов художественной литературы английских и американских авторов XX-XXI веков, переводов произведений на русский язык из параллельного корпуса национального корпуса русского языка и лексикографических источников последнего поколения [4].

Гипотеза исследования заключается в том, что семантическая структура английских глаголов зрения при переводе на русский язык передается лишь частично в связи с несовпадением семантических структур английских и русских глаголов зрения. Результатом перевода английских глаголов зрения на русский язык может быть либо потеря первоначального смысла оригинального текста, либо изменение образа денотативной ситуации, либо достижение сохранения значения за счет языковых единиц другого уровня.

Информация о семантической структуре английских глаголов зрения взята нами из экспериментального исследования Шабановой Т.Д. [5]. Ею разработан метаязык описания семантической структуры глаголов зрения, включающий в себя разные уровни семантической структуры глагола: семантические компоненты, или семантические признаки в виде сем и классем, лексико-грамматические признаки в виде семантических осей.

Семантические оси связаны с такими понятийными категориями, как ролевые отношения, видовая семантика, соотнесенность с осью времени, семантика пространства, времени, причины, следствия, качества, и являются источником дифференциации смысла. Классемы (интегральные компоненты) входят в состав семантических осей, между которыми существуют отношения взаимопредположения. В семантической структуре глаголов зрения доминирующей (ассентивной) информацией будет такая, которая определяет принадлежность глагола к основным семантическим группировкам, характеризующим этапы зрения, и которая является дифференциальной информацией по отношению к остальным глаголам исследуемой группы. Семантические оси являются источником дифференциации значения глагола в рамках соответствующей группы глаголов зрения. Так, например, в глаголе *ogle* доминирующей семантикой является информация о направленности взгляда на объект, которая объединяет этот глагол с другими глаголами группы «*look*», но противопоставляет его глаголам групп «*watch», «see», «wink».* Дифференциальной семантикой для глагола *ogle* в рамках группы «*look»* будет качественная характеристика взгляда, которая содержит классемы интенсивности и эмоциональности. Классема Эмоциональности уточняется дифференциальным признаком «завороженного, полного восторга взгляда».

Дифференциальную семантическую структуру глагола ogle можно представить следующим образом:

Ql + “Интенсивный взгляд”
+ “Эмоциональный взгляд”
+“завороженный, полный восторга взгляд”
+“сексуально окрашенный взгляд”
Y + “Каузатор взгляда”
+”привлекательность Y-a”

Проанализируем ряд примеров, используя приведенный выше метаязык описания семантической структуры глаголов зрения.

*He could **detect** Dua's approach, finally, at an unusual distance—for him—and he hastened out to meet her. [Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)] - Во всяком случае, он **ощутил** приближение Дуа на довольно большом (по крайней мере для него) расстоянии и поспешил ей навстречу. [Айзек Азимов. Сами боги (Р. Рыбакова, 1975)*[4]

Семантическая структура глагола *detect* содержит информацию о создании образа и его идентификации с дифференциальным признаком приложения силы на предшествующей возникновению образа фазе предиката. При переводе автор не смог найти подходящий эквивалент для адекватной передачи этого значения, на которое указывает слово *finally*. В переводе эта информация отсутствует, что приводит к потере первоначального смысла оригинального текста.

*The two **have been observed** to meet daily during the past week in Richmond Park. [John Galsworthy. In Chancery (1920)]-Мы **проследили**, что в течение последней недели они встречаются ежедневно в Ричмонд-парке. [Джон Голсуорси. В петле (М. Богословская, 1946)]* [4]

Семантическая структура глагола *observe* содержит информацию о создании образа и его идентификации с качественной характеристикой интенсивного наблюдения с профессиональной точки зрения. В переводе дифференциальная информация глагола *observe* не эксплицируется. Предикат *проследили* не создает тот образ, который возникает при восприятии глагола *observe* в тексте-источнике.

*Only those with a keen eye **would notice** his 14-karat gold bishop's ring with purple amethyst, large diamonds, and hand-tooled mitre-crozier appliqui. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] - Лишь очень наметанный взгляд **смог бы оценить** его четырнадцатикаратное золотое кольцо епископа, украшенное пурпурным аметистом в окружении крупных бриллиантов, и митру с аппликацией ручной работы. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]* [4]

Семантическая структура глагола *notice* содержит информацию о создании образа и его идентификации (группа глаголов «видения») с дифференциальным признаком наличия чего-то яркого, привлекающего внимание (характеристика объекта, на который направлен взгляд). В переводе дифференциальная семантика глагола *notice* пе-

редается лишь частично. В данном случае семантика, передающая непроизвольно направленное внимание на объект за счет особенности воспринимаемого объекта, передается частично глаголом суждения *оценить.*

Yet still she had to tolerate male ***ogling*** *and constant come-ons. [Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)] - Но, несмотря на это, она по-прежнему* ***ловила на себе влюбленные взгляды мужчин*** *и терпела их бесконечные ухаживания. [Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)]* [4]

Семантическая структура глагола *ogle* содержит информацию о направленности взгляда (относится к группе глаголов «*look*»), передающую качественную характеристику взгляда, которая уточняется дифференциальным признаком «завороженного, полного восторга взгляда мужчины на женщину». При переводе на русский язык автор не смог найти подходящего эквивалента на уровне глагола. Поэтому для сохранения исходного значения переводчик добился адекватности за счет выхода на уровень развернутого словосочетания.

Together we ***scrutinized*** *the twelve lemon cakes from the delicatessen shop. [F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby (1925)]- Потом мы вдвоем* ***придирчиво осмотрели*** *десяток лимонных пирожных, купленных мною в кондитерской. [Ф. Скотт Фицджеральд. Великий Гэтсби (Е. Калашникова, 1965)]* [4]

Глагол scrutinize относится к глаголам группы "*look"*. Семантическая структура глагола *scrutinize* содержит информацию о сборе и получении информации в результате зрительного отображения. При переводе на русский язык автор не смог найти подходящий эквивалент на уровне глагола. Поэтому для сохранения значения глагола scrutinize переводчик добился адекватности за счет выхода на уровень словосочетания ***придирчиво осмотрели***.

Tom and the preacher looked up the road. And randy Al, seeing he ***was being noticed****, threw back his shoulders, and he came into the yard with a swaying strut like that of a rooster about to crow. [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)] - Том и проповедник посмотрели в ту сторону, и шкодливый Эл, заметив,* ***что за ним наблюдают****, расправил плечи и горделивой походкой зашагал по двору, точно петух, собирающийся закукарекать. [Джон Стейнбек. Гроздья гнева (Н. Волжина, 1940)]* [4]

Семантику, передающую обращение внимания на объект (*was being noticed*), переводчик перенес на деепричастие *заметив*. С точки зрения грамматического аспекта, страдательную форму глагола notice переводчик перенес на глагол *наблюдают*. Возможность употребления в продолженной форме глагола *notice* указывает на то, что концептуализируется продолженность не самого возникновения образа, а отрезка времени, в течение которого происходил этот процесс. В данном примере, мы можем констатировать удачное переводческое решение для сохранения значения глагола *notice*.

Таким образом, значения английских глаголов зрения при переводе на русский язык могут передаваться: частично (с потерей значения) ввиду несовпадения семантических структур английских и русских глаголов зрения, с изменением образа денотативной ситуации и с сохранением значения за счет употребления в языке перевода языковых единиц другого уровня.

Литература

1. Лингвистические аспекты теории перевода (хрестоматия). – Ер.: Лингва, 2007. – 307 с./сост. д.ф.н., проф. С.Т.Золян, к.ф.н., доц. К.Ш.Абрамян
2. Режим доступа: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english. Дата обращения: 20.10.2014 г.
3. Режим доступа: http://www.oxforddictionaries.com/ Дата обращения: 30.10.2014 г.
4. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html. Дата обращения: 20.10.2014 г.
5. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование [Текст] / Т.Д. Шабанова. – М: ИЯ РАН, 1998. — 198 с.

© Т.Д. Шабанова, Г.С. Садриева, 2014

А.А.Шадрина
ОмГУ им.Ф.М.Достоевского, Омск, Россия

Значение слова «любовь» в языковом сознании русских и чехов в ситуации учебного билингвизма

Учебное или искусственное двуязычие, по мнению многих исследователей данной проблемы, превращается в «социально обусловленную реальность нашего времени» [5, 97]. Безусловно, усвоение второго или третьего языка не сводится к простому прибавлению од-

ной языковой системы к другой: это сложный многосторонний социокультурный и психолингвистический феномен, который требует переосмысления всей языковой системы и ассоциативной сети, соединяющей значения. Тем большую актуальность приобретают психолингвистические исследования, связанные с изучением языковой личности билингва, его ментального лексикона и того, как, собственно, формируется значение слова в сознании индивида при учебном дву- и триязычии. Как замечает Шаховский, «при общей упаковке одни и те же соотносительные слова у межкультурных коммуникантов всегда означают не одно и то же» [6, 53], следовательно, слово на родном языке не будет равно своему корреляту в изучаемом языке, структура значения каждого из них будет отличаться.

В своей работе «Двойная жизнь значения слова» А.А. Залевская сравнивает слово с лазерным лучом, считывающим голограмму. Подобно лучу, оно ««высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект» [1, 91], являясь, таким образом, средством доступа к «*единой информационной базе человека»* [цит. раб., 91]. Под данным термином ученым понимается совокупность всего, что было познано, переработано индивидом, А.А. Залевская также акцентирует внимание на том, что эта информация должна быть не просто узнаваемой, а постигаемой и личностно переживаемой при постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных процессов [цит. раб., 89-90]. Из этого мы можем сделать вывод, что значение каждого слова является личностно переживаемым и тесно связанным с эмоционально-оценочными процессами. Как пишет Е.Ю. Мягкова, «каждое слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы» [2]. Вслед за ученым, эмоционально-оценочный компонент слова понимается нами как комплекс связанных со словом переживаний, который является неотъемлемой частью значения каждого слова [3].

Материалом для настоящего исследования послужили результаты проведённой нами серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие чехи - студенты отделения русистики Остравского университета в возрасте от 20 до 36 лет (экспериментальная группа – 50 человек), а также русские – члены интернет-сообщества «Čeština pro pokročilé» в возрасте от 16 до 44 лет (экспериментальная группа 50 человек). Эксперимент проходил с примене-

нием процедуры свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ). Испытуемым были предъявлены 14 слов-стимулов, обозначающих базовые концепты культуры повседневности в чешском и русском.

Опираясь на интегративную модель значения слова, предложенную В.А. Пищальниковой [4], мы выделили реакции, составляющие «эмоционально-оценочный компонент» значения слова, и сравнили количественное и качественное наполнение этого компонента для каждого из слов-коррелятов. В предлагаемой статье представлен фрагмент работы со словом-стимулом любовь и его коррелятом в чешском языке.

Результаты САЭ, проведенного с носителями чешского языка, изучающими русский, были представлены нами в виде ассоциативного поля (далее АП):

ЛЮБОВЬ *парень (7), друг (5), красивая (4), сердце (3), мой друг (2), партнер(2), семья (2), бойфренд, большая, верность, взаимопонимание, девочка, дети, жених, жизнь, красная, лебедь, любимый, Михаел, мой муж, мужчина, небо, подруга, приятель, сердечный, счасте, тепло, цветы, чувство, штастие, Ян.49+1*

LÁSKA *přítel (14), srdce (11), cit (4), můj přítel (2), kluk, manzelstvi, Michael, milenec, muž, nádhera, nenávist, partner, pěkný pocit, Pepa,přátelství, snoubenec, spokojenost, srdíčko, štěstí, velká, věrnost, vztah.49+1*

Описывая состав представленных выше АП, мы отнесли к эмоционально-оценочным следующие реакции:

ЛЮБОВЬ *красивая (4), большая, счасте, тепло, штастие.* (8 из 50, 16%)

LÁSKA *nádhera, nenávist, pěkný pocit, spokojenost, srdíčko, štěstí, velká (7 из 50, 14%)*

Интересным представляется то, что количественный состав данного компонента примерно равен для слова на родном языке и для его коррелята на иностранном (16 и 14%), разницу в одну реакцию можно считать несущественной. А при анализе качественного наполнения эмоционально-оценочного компонента выявляются различия. Есть общее «эмоциональное ядро», те чувства и оценки, которые в сознании индивида, находящегося в ситуации двуязычия, неразрывно связаны с данным понятием: ощущение счастья (*счасте/штастие/ štěstí)*; оценка с точки зрения красоты (*красивая, nádhera*), оценка с

точки зрения масштабов (*большая, velká*). Остальные реакции различны: у слова-стимула на русском есть оценка с точки зрения комфорта (*тепло*), а для слова-стимула на чешском характерно большее разнообразие реакций (что, безусловно, связано с тем, что это родной язык): чувство удовлетворения (*spokojenost*), отрицательное чувство, прямо противоположное любви (*nenávist*), положительная оценка всего чувства в целом (*pěkný pocit*), а также эмоциональная оценка, выраженная через деминутив (*srdíčko*).

Результаты САЭ, который был проведен с носителями русского языка, изучающими чешский, также были представлены в виде АП:

ЛЮБОВЬ *сердце (5), счастье (4), семья (4), тепло (3), доверие(2), чувство (2), безответная, близость, брак, взаимная, взаимность, девушка, духовность, желание, жертва,забота, иллюзия, легкость, мама, мужчина, на века, на всю жизнь, Настя, нежность, новизна, ответственность, отдача, пряности, радость, родина, терпение, улыбка, цветы, чувства (49+1)*

LÁSKA *srdce(6), rodina(4), maminka(2), matka (2), první (2), štěstí (2), běz odpovědi, bláznivá, dojemnost, dva, hezký, kočka, koření, iluze, lasice, let, manzel, manželka, manželstvi, milované člověk, milovaný, naděje, Nasťa, něha, pár, pevnost, pocity, přítel, skutečná, sex, slunce, smysl, sňatek, společně, starost, teplo, život. (49+1)*

Среди реакций, полученных от носителей русского языка, были отмечены как эмоционально-оценочные следующие:

ЛЮБОВЬ *счастье (4), тепло (3), безответная, взаимная, забота, нежность, радость, улыбка (13 из 50, 26%)*

LÁSKA *štěstí(2), běz odpovědi, bláznivá, hezký, milovaný, naděje, něha, skutečná, společně, starost,teplo (12 из 50, 24%)*

Количественно показатели компоненты почти равны между собой, что совпадает с результатами предыдущего эксперимента. Также повторяется то, что качественный состав эмоционально-оценочного компонента имеет общее «эмоциональное ядро» и «периферию», где реакции для стимула на разных языках расходятся. Общие реакции: ощущение счастья (*счастье/ štěstí)*; оценка с точки зрения комфорта (*тепло, teplo*), оценка чувства с точки зрения взаимности (*безответная, взаимная, běz odpovědi,skutečná, společně*), забота (*забота, starost*).

Специфические реакции для стимула на русском (родном) языке показывают такие эмоции и оценки как *нежность, улыбка.* Для

эмоционально-оценочного компонента характерны оценка с точки зрения интенсивности чувства (*bláznivá*), оценка с точки зрения красоты (*hezký),* проявление любви (*milovaný*), ласки (*něha*), а также такое чувство как надежда (*naděje*).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что эмоционально-чувственный компонент значения для слов-коррелятов в сознании индивида, находящегося в ситуации учебного билингвизма, неодинаков. Мы наблюдаем совпадение количественного и несовпадение качественного состава исследуемого компонента значения у слов на родном и изучаемом языках. При этом отчетливо выделяется «эмоциональное ядро», выражающее наиболее устойчивые чувства и оценки, связанные в сознании индивида с тем фрагментом реальности, к которому нас отсылает исследуемое слово. Но всегда есть реакции, индивидуальные для каждого слова, выражающие специфику данного языка. Безусловно, изучение этого феномена требует дальнейшего исследования и дополнительных экспериментов, которые, возможно, помогут лучше представить процессы формирования значения слова в сознании индивида, находящегося в ситуации учебного двуязычия.

Литература

1. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование Saarbrücken: PalmariumAcademicPublishing, 2012. 278 p
2. Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона [Электронный ресурс] http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf (дата обращения: 18.07.2014)
3. Мягкова Е.Ю. Эмоционально- чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск : Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.
4. Пищальникова В.А. Общее языкознание: учеб. пособие – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – 240 с.
5. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дис. … докт. филол. наук: на правах рукописи / Е.К. Черничкина. – Волгоград, 2007. – 29 с
6. ШаховскийВ.И. Эмоции в национальном характере//Вопросы психолингвистики № 12, 2010. – с. 52-56

© А.А.Шадрина, 2014

В.М. Шаклеин
РУДН, Москва, Россия

Языковая и речевая сторона личности китайского мигранта

Среди мигрантов, представляющих разные лингвокультуры, трудно вписываются в русскую языковую среду мигранты из Китая. В своей речи они допускают примерно одни и те же типологические ошибки, что вызвано, в основном, системным различием русского и китайского языков данной группы народов.

Так, при воспроизведении русских высказываний китайскими мигрантами существуют серьезные проблемы, особенно при понимании того, как слово делится на слоги и при постановке в словах ударения. При фонетическом оформлении высказываний на русском языке они обычно используют их прошлый речевой опыт на родном языке. В китайском и русском языках просодия имеет разную природу, поэтому в речи данной группы мигрантов наблюдаются типичные акцентологические ошибки. Например, слова в китайском и русском языках имеют разную ритмическую структуру, разные просодические системы. В русском языке существует ударение, в китайском – тон, совмещенный с ударением. Поэтому между ними существует больше различного, чем общего. Именно поэтому в речи китайских мигрантов наблюдается показательное проявление межъязыковой просодической интерференции, под которой понимается «психофизический механизм взаимодействия в сознании индивида двух, а иногда и более языковых систем, действие которого проявляется в индивидуальной речевой практике в условиях становления двуязычия и может давать как отрицательный, так и положительный результат при овладении вторичной языковой системой» [Любимова, 2001: 6].

Русские слоги отличаются от звуков речи и от слов еще и функционально. Слова являются значимыми единицами речи. Слоги участвуют лишь в произносительной организации речи.

Таким образом, слог в русском языке является произносительной единицей, поскольку участвует в речи.

В русском языке типы слогов многочисленны и разнообразны. Имеют они и свою структуру [Моисеев, 1980]. Для нас важно, что слоги в русском языке различаются по акустическому строению. В соответствии с этим и в зависимости от характера и порядка распо-

ложения звуков в слоге различается несколько разновидностей слогов [Матусевич, 1976].

В русской, как и в китайской грамматике обычно выделяют слова с открытыми слогами, например, «пи/шу», «ко/мна/та», и с закрытыми слогами, например, «де/лать», «ро/ман».

Сказанное можно отнести к основам фонетики русского языка. Вместе с тем это представляет несомненный интерес, поскольку китайский язык принадлежит к китайско-тибетским языкам. Он является одним из типичных слоговых языков. Основным просодическим средством в китайском языке является тон. В свою очередь, тон определяет характеристику китайского слога.

В китайском языке минимальной фонетической величиной, имеющей то или иное значение, функционирующей в качестве слова или части слова (морфемы), является тонированный слог, силлабема [Задоенко, Хуан Шуин, 1993].

В отличие от русского языка, в китайском, как и в других слоговых языках, граница слога всегда совпадает с границей морфемы, т.е. слог изначально связан со смыслом слова [Спешнев, 2003].

Слово как основная единица языка обладает совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфических для каждого национального языка. Китайский язык относится к группе изолирующих языков. Для него, в отличие от русского, не характерно словоизменение. В китайском грамматически значим порядок слов, слабо противопоставлены служебные и знаменательные слова, а словообразование осуществляется в основном за счет сложения слогов. При этом в китайском морфологические и синтаксические явления разграничиваются с трудом - во многих случаях отличить сложное слово от словосочетания невозможно [Иванова, 1994].

В китайском языке существует четыре контурных тона, реализующихся через изменение движения мелодики [Иванова,1994]. Кроме того, существует еще один тон, который называется нулевым тоном. Он обычно падает на последний слог слова, состоящего из двух или нескольких слогов. Например, слово «`ma `ma» (`мать`) обычно читается как «`ma ma».

Говорить о том, что в русском языке категория тона отсутствует как таковая, было бы не совсем верно. Так, нередко одно и то же слово или предложение, высказанное разным тоном, может вызвать прямо противоположные реакции. Поэтому, в определенной степени,

тон в русском слове и предложении также несет смыслообразовательную функцию. Тон в русском языке взаимодействует с ударением в процессе смыслообразования.

Конечно, тон в русском языке, в отличие от китайского, не несет грамматических функций. Грамматические же функции русского ударения, хотя и существуют [Бондарко, 1998], но не являются универсальными (неправильно поставленное ударение, как правило, меняет стилистику сказанного, но не меняет грамматической сути слова). Примеры типа «з`амок» / «зам`ок» являются, скорее, исключениями, нежели подтверждением универсального правила о грамматической значимости русского ударения.

Таким образом, фонетичекий уровень в китайском языке является системообразующим для всего языка. В русском же языке в основе грамматики и смыслообразования лежит морфология; все другие уровни языка тоже важны, но в сравнении с морфологией они вторичны.

Именно означенная разносистемность и служит одним из препятствий в освоении мигрантами из Китая русского языка.

Чаще всего китайские мигранты относительно легко осваивают необходимую для общения в определенной сфере деятельности лексику русского языка, элементарные правила синтаксиса и начинают вступать в коммуникацию. Таковы почти все китайские торговцы на рынках Москвы. Известно, что если китайский мигрант начинает беседовать с русским на темы, выходящие за рамки конкретной торговой операции или элементарного быта, и русский его понимает, то нужно признать, что этот китаец потратил немало усилий на изучение русского языка.

Если выйти за пределы китайской аудитории, изучающей русский язык, и обратиться к языковой практике китайских мигрантов, относительно свободно общающихся на русском языке, то можно выявить типичные для них ошибки.

Межъязыковая интерференция в речи таких мигрантов появляется прежде всего в калькировании с китайского языка на русский, в результате которого возникают плеоназмы, традиционно понимаемые как обороты речи, где без необходимости повторяются слова, частично или полностью совпадающие по значению. К плеоназмам в данном случае можно отнести слова, несущие дополнительную информацию, нерелевантную для носителя русского языка. Такой ин-

формацией часто является указание на определенность / неопределенность, либо указание на количество.

Нередким проявлением избыточности в речи китайских мигрантов является употребление слов-квантификаторов. Например, *Они купили один дом и одну машину; Давайте узнаем несколько информаций об этом человеке*. В данном случае слова «один», «одна», «несколько» являются избыточными в русских высказываниях, но обязательными для высказываний у китайцев.

В речи китайских мигрантов плеоназмы наблюдаются и при калькировании устойчивых оборотов. При прямом переводе оборота могут возникать различные ошибки, происходящие из несоответствия в китайском и русском языках.

Нередко калькирование дает неадекватную замену глагола: *Я сказал ему мой совет; Его отец дал ему глубокое влияние.*

Возникают неадекватные обороты со значением времени: *Не долго они купили один дом и одну машину. При адекватном переводе – Вскоре они купили дом и машину*. В конструкции «вскоре (после этого) + гл. сов. вида» мигранты употребляют следующие обороты времени: *через немного времени, через несколько времени, в ближайшем будущем*.

Нарушением семантических и грамматических принципов с лексической сочетаемостью обусловлен оборот: *Он не может вернуться вечно*. При адекватном переводе – *Он не может вернуться навсегда*.

Частой ошибкой китайских мигрантов является смешение слов «старый» и «старший», что для китайской ментальности в целом приемлемо: *Он уже старший человек*. При адекватном переводе – *Он уже старый человек*. Или: *Старое поколение приверженo принципам коммунизма*. При адекватном переводе – *Старшее поколение приверженo принципам коммунизма*.

Нередко слово «старший» в русском языке обозначает старшего по должности. В китайском языке это значение слова переводится как «высокий». Отсюда возникает калька с неадекватным значением: *Высокий рабочий*. При адекватном переводе – *Старший рабочий*.

Встречается также смешение в русских полногласиях / неполногласиях. Например: *Деревянная Греция*. При адекватном переводе – *Древняя Греция*. Или в случаях, похожих на полногласие / неполногласие: *Громкий дом*. При адекватном переводе – *Огромный дом*.

Таким образом, одной из причин ошибок в речи китайских мигрантов является межъязыковая и внутриязыковая интерференция. Ее необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка данному контингенту учащихся.

Литература

1. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. Учебное пособие. СПБ.: СПбГУ, 1998.
2. Задоенко Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Основной курс / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. М.: Вост. лит., 1993.
3. Иванова М.А. Акцентуационно- ритмическая структура русского слова и словосочетания в речи китайцев / Автореф. дис. канд. филол. наук. СПБ.: СПбГУ, 1994.
4. Любимова Н.А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков: постановка и коррекция. М.: Русский язык, 2001.
5. Матусевич М.И Современный русский язык. Фонетика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «русск.яз. и лит.». М.: Просвещение, 1976.
6. Моисеев А.И. Русский язык: Фонетика, морфология, орфография. М.: Просвещение, 1980.
7. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык. СПБ.: СПбГУ, 2003.

© В.М. Шаклеин, 2014

А.О. Шалангов
БашГУ, Уфа, Россия

О коммуникативной технологии в обучении иностранному языку

Люди в современном мире тесно взаимосвязаны, идет массовое интенсивное общение между народами. Век компьютеров, Интернета требует знаний иностранных языков. Использование коммуникативной технологии позволяет успешно изучать иностранный язык. Когда мы говорим о знании языка, мы имеем в виду умение использовать его в реальном общении, т. е. мы говорим о практическом владении языком и, следовательно, о развитии коммуникативной компетенции. При этом языковая компетенция и ее составляющие части — грамматические и лексические навыки и умения, занимают ведущее место в процессе достижения этой цели. Усвоение грамматической системы языка происходит только на основе знакомой лексики. Таким обра-

зом, как грамматические, так и лексические навыки и умения представляют собой центр языковой компетенции, на который опираются речевые навыки и умения. Ведь именно с момента осознания грамматической формы фразы и ее лексического значения простой набор звуков, который человек слышит, читает, произносит и говорит, приобретает смысл. Но знания лексики и грамматики недостаточно для того, чтобы общение на данном языке было успешным: надо знать еще условия употребления тех или иных языковых единиц и их сочетаний. Носитель языка должен уметь использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, знание которых в совокупности с собственно языковыми знаниями составляет коммуникативную компетенцию носителя языка.

Коммуникативная методика дает носителю языка возможность ощутить работу языка как средства живого общения. Она обеспечивает разнообразие языковых тем, что обусловлено самой ситуацией общения, предполагающей вступление в контакт, поддержание беседы, реакцию на собеседника, выражение своей точки зрения и т. д. на фоне одной доминирующей темы разговора. При этом качество языковой практики повышается, так как носитель языка использует языковую форму не механически, а осмысленно. Бесспорно, что к такой языковой деятельности он должен быть готов, т. е. владеть соответствующим лингвистическим материалом, уметь ориентироваться в нем, иметь представления о ситуации, в которой возможна ее актуализация, и о способах, приемах и средствах этой актуализации, владеть навыками чтения, аудирования, говорения и письма, а также быть способным проявить умственную самостоятельность и самоорганизацию при решении коммуникативно-познавательных задач, что является показателем интеллектуальной готовности.

Обучение языку с применением коммуникативной технологии может использоваться с самого раннего этапа. Коммуникативно-ориентированное обучение языку позволяет повысить мотивацию, расширяет экспрессивные возможности речи и придает естественность высказываниям носителя языка в учебных условиях.

© А.О. Шалангов, 2014

В. А. Шарипова
БашГУ, Уфа, Россия

Исследование глагольных единиц ФКС «речевая деятельность» с точки зрения функционально-когнитивного подхода

Исследование функционального назначения и когнитивного содержания языковых единиц способствует выявлению глубинных семантических процессов, в которых обнаруживаются существенные «скрытые» закономерности, обусловленные сложной природой языка как средства общения.

Исследование проблем, связанных с темой «человек в языке», стало особенно интенсивным в последнее время. «Налицо углубление таких глобалистических ситуаций, которые свидетельствуют о цивилизованном сдвиге, находящем свое отражение в бытии каждого человека. Человек – это некое звено, соединяющее реально существующий мир и язык, отражающий этот мир. Человек познаёт мир, подвергая типы знаний о нём определённой когнитивной обработке в соответствии со сложившейся в языке системой концептов» [1, 304].

Функционально-когнитивный подход позволяет представить в новом ракурсе лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека, и исследовать словарный состав с точки зрения антропоцентричности языка и мышления, что позволяет систематизировать лексику с опорой на речевую деятельность. Когнитивная научная парадигма исследует лингвистические процессы всех типов знаний, заложенных в языковой семантике и используемых в речевой коммуникации. Семантика языковых единиц рассматривается как аналог концептуальных структур, за которыми стоят определенные пласты знаний.

Когнитивная лингвистика связывает изучение ментальных процессов в языке с привлечением новых эмпирических данных из других наук – логики, психологии, общей семиотики, философии языка и т.д., изучающих важную часть общей концептуальной системы, «картины мира», опосредованной языковыми категориями, и шире – знанием языка, его структуры и правил функционирования. При когнитивном подходе базисной является концепция знаний, в которых проявляется концептуализация и категоризация внеязыковой действительности в процессе познавательной деятельности человека, направленной на изучение не только предметного мира, статического

«положения дел», но и динамического аспекта картины мира – мира, изменяющегося во времени.

Когнитивность (cognition – знание, познание, способность к познанию) лежит в основе формирования познавательной картины мира и отражает восприятие и осмысление действительности в процессе, который осуществляется в типичных для определенного языка концептах. Именно через концепты осуществляется связь языка с мыслительной деятельностью человека, поскольку он «выступает как основная единица обработки, хранения и передачи знаний» [2, 3].

М а к р о к о н ц е п т выражает наиболее абстрактное, глобальное значение, составляет вершину концептуальной иерархии. В *макроконцепте* представлена полная совокупность знаний об объектах и ситуациях во всем многообразии связей и отношений. *Функционально-когнитивные сферы (ФКС)* представляют собой многоаспектные системообразующие объединения лексики, которые базируются на *макроконцептах* и включают языковые элементы, конкретизирующие общее понятие в разных аспектах. В частности, в качестве базы ФКС «Речевая деятельность» выступает макроконцепт «говорить», который конкретизируется входящими в состав данной сферы семантическими полями: «общаться», «информировать», «советовать», «критиковать», «благодарить» и т.д.

Исследование глагольных единиц как ядерных компонентов ФКС «Речевая деятельность» с когнитивной точки зрения представляется особенно важным. Такое описание предполагает рассмотрение глагола как части речи, которая отражает вполне определенный пласт человеческого опыта. Е.С. Кубрякова полагает, что глагол – это та часть речи, которая дает возможность установить его ментальное содержание во внутреннем лексиконе человека и объяснить, какое именно представление о мире он фиксирует, к наречению каких «сущностей» приспособлен, какие «структуры знания» стоят за ним, как информация вербализуется при подведении её «под тело такого знака, как глагол» [3, 84-90].

В лингвистике исследование глаголов говорения (глаголов речи, коммуникативных глаголов) шло по разным направлениям, так как многие учёные неоднократно обращались к анализу данной группы слов и изучали их в диахронии, в сравнительно-историческом аспекте на материале старославянского, древнерусского и родственных языков [4; 5, 215-231 и др.]. В ряде работ проведены исследования

сопоставительного характера [6; 7; 8], на материале русского языка [9; 10; 11], а также на материале иностранных языков: английского [12; 13], немецкого [14] и других. В некоторых исследованиях рассматриваются особенности глаголов речи, функционирующих в диалектах [15]. Отдельные работы посвящены синтаксическим свойствам глаголов со значением речи [16]. Кроме того, ряд работ посвящён отдельным лексическим объединениям, синонимическим рядам и подгруппам, входящим в этот семантический класс [17], а также фразеологическим единицам со значением речи [18]. Некоторые лингвисты анализировали сочетаемостные свойства глаголов речи [19; 20]. Начиная с 50-60-х годов, с утверждением в лексикологии системного подхода применительно к исследованию и описанию лексических единиц, появились работы, посвященные системным связям и отношениям между единицами группы глаголов речи [21; 22; 20; 23], среди которых особо следует выделить исследование Л.М. Васильева, который осуществил наиболее многоаспектное и богатое по материалу описание семантики единиц данной группы. Оно стало основой для последующего анализа глаголов речи (см. работы З.В. Ничман, И.М. Кобозевой и др.).

Тем не менее, интерес научного мира к данной многоаспектной, ёмкой, столь важной для homo loquens сфере деятельности не ослабевает. Последующие обращения учёных к этой многогранной теме не просто закономерны, это доказывает необходимость новых её исследований и представления глаголов говорения в их неисчерпаемости, делая их снова объектом и предметом системно-функционально-коммуникативного описания.

Совершенно иной тип классификации вокабуляра, который производится с учётом коммуникативной деятельности человека, т.е. живого употребления слов, был предложен в словаре активного типа – *функционально-когнитивном словаре*, в котором впервые для упорядоченной презентации лексики используется многоаспектное системообразующее образование языка – *функционально-когнитивная сфера*.

ФКС – это многомерное образование, позволяющее выделить из словарного состава языка достаточно объёмный фрагмент, так или иначе связанный с человеком: *слышать, видеть, двигаться, говорить* и т.п.

Анализ глаголов речи внутри иерархической структуры ФКС «Речевая деятельность» в сопоставительном описании на материале русского и английского языков с опорой на когнитивность, представленный в нашем исследовании, позволяет рассмотреть глаголы говорения в связи с речевой коммуникацией – специфической областью человеческой деятельности, связанной с различными сферами жизни людей (их психикой, физиологией, анатомией и т.п.), в разных ракурсах видения функционирования (динамического состояния) этих языковых единиц на одном из участков языковых систем двух отличных друг от друга культур. При сопоставлении языков использование функциональных, ситуативно ориентированных языковых параллелей видится весьма целесообразным, поскольку именно в них передаются универсальные категоризированные знания, возникающие в процессе приобретения опыта и получающие реализацию во время общения. Межъязыковые эквиваленты в таксономических классах выступают как дополнения к функциональным, событийным эквивалентам, поскольку содержат статические языковые элементы, определяющие способы развертывания макроконцепта.

Подача параллельных, строго однонаправленных номинаций русского и английского языков блоками лексем разного объёма способствует активному и ускоренному усвоению языкового материала. Концепты выступают в качестве «организаторов» речевой деятельности, которые объединяют комплексные знания человека о реальной действительности.

Речевая деятельность, как важнейший вид человеческого бытия, выполняет определенные функции, где ведущее место принадлежит коммуникативной функции, которая непосредственно представлена в минимальной единице ситуации общения – в речевом акте. Порождение речевых актов осуществляется в процессе речевой деятельности. Основными функциями речевой коммуникации являются: передача информации, которая в процессе речемыслительной деятельности подвергается концептуализации, категоризации и вербализации, а также передача намерений говорящего, т.е. интенциональность, когда речевые действия рассматриваются как основа коммуникативных интенций и интенциональных полей.

Глаголы речи как основные языковые категории, вербализующие макроконцепт «говорить», тесно связаны с базовыми функциями языка, которые при когнитивном подходе рассматриваются в дина-

мике речевого общения. Когнитивный подход позволяет по-новому интерпретировать их содержание, иерархическое строение, поскольку предусматривает систематизацию всех типов знаний с опорой на познавательную деятельность человека.

Общелингвистический интерес к данной проблеме обусловлен отсутствием в настоящее время специальных работ, где было бы представлено функционально-когнитивное описание глаголов речи, их дериватов и распространителей, вербализующих макроконцепт «говорить» внутри многоаспектного образования – функционально-когнитивной сферы в контрастивном исследовании на материале русского и английского языков.

Литература

1. Кильдибекова, Т.А., Гафарова, Г.В., Абдюкова, Л.А. Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 1., г. Уфа / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2012. – 348 с.
2. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общей редакцией Т.А.Кильдибековой. – Санкт-Петербург, «Политехника-сервис», 2011. – 664с.
3. Кубрякова, Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. – М.: Наука, 1992. - С. 84 - 90.
4. Бондарь, И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках (в историко-сопоставительном плане). Саратов: АКД, 1960. – 30с.
5. Кодухов, В.И. Из истории глаголов говорения в русском лит. языке 17-18 в.в. // Уч. зап. Казань, 1959. – Т. 119. – кн. 5, с. 215-231.
6. Ганиева, Н.Р. Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Душанбе, 2004. – 22с.
7. Горегляд, Е. Н. Глаголы речи в белорусском и русском языках. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1994. – 28с.
8. Имамутдинова, Ф.Р. Функционально-когнитивный потенциал глаголов речи в русском и английском языках (на материале ядерных компонентов сферы): Автореф. дис. … канд. филол. наук – Уфа, 1999. – 20с.
9. Возиянова, Н.В. Семантическая структура и текстовые функции глаголов речи: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Москва, 1991. – 25с.
10. Крылова, И.А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Москва, 1996. – 21с.
11. Соколовская, Е.М. Функционально-семантическая сфера глаголов речи в русском языке (проблема вербализации суперконцепта «говорить»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 22с.

12. Дворник, О.М. Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Белгород, 2003. – 157с.
13. Михайлова, Л.М. Глагольные способы репрезентации концепта «говорение» в современном английском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук – Ростов - на - Дону, 2009. – 23с.
14. Потапова, О.Ю. Лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологического поля «речевая деятельность» (на материале современного нем. языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. - Москва, 2008. - 25с.
15. Антонова, С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография, – Гродно: ГрГУ, 2003, – 519с.
16. Бахтина, В.П. К семантической характеристике глаголов речи в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкозна-нию. – Воронеж, 1963. – с. 143-161.
17. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367с.
18. Дубова, М.Е. Структурно-семантический анализ фразеосемантического поля «речевая деятельность» в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Кострома, 2001. – 20с.
19. Фоменко, В.В. Глаголы русского языка, объединенные семой передачи // Проблемы русской лексикологии. тгр. Новосибирского ГПИ, 1977. – вып. 137. – с. 3-30.
20. Ничман, З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке. – Томск: АКД, 1980. – 21 с.
21. Степанова, Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке. – М.: АКД, 1970. – 18 с.
22. Васильев, Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола – Уфа, 1971. – С. 213 - 266.
23. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. – (Studia philologica).
© В.А.Шарипова, 2014

Е.В. Шпар
БашГУ, Уфа, Россия

The Learning Outcomes of the Use of Dynamic Syllabus in Teaching a Content-based Language Course

Computers and Internet may partner the learner in developing language skills and help to elaborate his/her cognitive system for the second

language in many different ways. At the same time, computer assisted language learning is a complicated sphere and only the teacher's experience and training, creative activity and, last but not least, reasonable prudence are the keys to success in integrating technologies into the classroom. The teacher is to choose the right instruments and techniques for achieving certain goals, and the teacher's wise guidance is required to keep students on the right track.

The analysis of the international experience, distribution and development of the models based on use of computer technologies, lies in the basis of creating unique *dynamic syllabi* of various courses. ***Dynamic (****or* ***Web) syllabi*** are created by means of Web-editors, special programs. The majority of training courses at foreign universities and colleges are taught on the basis of web syllabi which become more and more popular in our country as well since they possess doubtless advantages in comparison with their printed analogues [2; 4; 5; 8]. According to S.V. Titova the Web syllabus is not a simple description of a course, requirements and the list of the literature, it is the *multimedia hypertext*, with references to a large amount of necessary information in which sound, images and the schedule can be included [3]. One more indisputable advantage of the dynamic syllabus is its interactivity and the opportunity it offers of a constant dialogue or even polylogue between the teacher and the students by synchronous/ asynchronous ICT means. The use of dynamic syllabus opens up a variety of opportunities to introduce new type of assignments, for example, Web-projects, not only developing various skills, but enabling students to focus on and investigate independently certain subject matters. Many scholars and teachers describe special tools for creating dynamic syllabi and offer certain suggestions and warnings to other teachers who wish to create dynamic syllabi and, more generally, use the Web to teach a foreign language [1; 5; 6; 7].

The given research project included developing a dynamic syllabus of a content-based language course and testing it in a teaching experiment. The university level content materials of "Country Studies" are used in order to improve students' *academic study skills*, *learning strategies* and *language abilities in all four skill areas (reading, writing, listening and speaking)*. In order to gain knowledge of the content area, students are exposed to a rich variety of sources and activities: readings (speeches, letters, articles), college lectures, feature films and streaming audio/video specials, online hypertext materials (encyclopedias, special websites) and

more. Interaction with these varied resources does not only make the country come alive, but also provides an environment in which students can develop many of the academic language and study skills necessary to succeed in the university or professional setting.

The basic Internet resources for the course can be found on the *Course Web Page* (usually password-protected) created by the teacher at https://www.blogger.com/. This page serves as an Internet "meeting place" for the group subscribed to it. Here, students find Internet resources, which have been pre-selected by the instructor as well as assignments based on these resources. In addition, the page serves as a publication medium so that student writing can be published on the Internet in the course of studies. The Page grows as the group progresses, and student writing is added.

With view to confirming the effectiveness of the developed dynamic syllabus an experiment was carried out, it was aimed at testing the created dynamic syllabus and studying the learning outcomes of its application in the process of teaching language to an actual group of students.

A language group of upper intermediate level (learning the language for the purposes of studying abroad) was divided into 2 subgroups of students demonstrating equal proficiency in the English language and similar skills development: the *control group* and the *experimental group.* It is worth mentioning that only students who volunteered were considered as candidates to be included into the *experimental group*. The first group (the *control group*) was provided with books and other printed material traditionally offered during a language course, the second one (the *experimental group*) was not only provided with books but was also offered to work with the tested dynamic syllabus, i.e. with assignments and materials on-line.

The following **tasks** of the experiment were set and achieved: 1) to determine the level of readiness to computer assisted language learning and content-based language proficiency of students of upper-intermediate/advanced level; 2) to define the efficiency of the created dynamic syllabus in formation and development of self-educational skills of students in the sphere of language learning and motivating them to study on their own via Internet; 3) to trace and register the development of all the four basic communicative skills (reading, writing, listening, speaking) as a result of using the dynamic syllabus content-based course in the classroom; 4) to determine and correct the possible inaccuracies, difficulties arousing in the process of application of the created dynamic syllabus.

The following methods were used for monitoring and evaluation in the course of the experiment carried: testing (placement tests), questioning (questionnaires), oral testing, observation, self-observation, self-appraisal (self-rating), measurement preprocessing of the received data and reflection on the results.

The results of the experiment in relation to the tasks set for the experiment are as follows:

1. With relation to ***determining the level of readiness*** of upper-intermediate/advanced students to computer assisted language learning observation, questioning and self-appraisal (rating) were used.

A survey of the class was carried out to ascertain the initial level and to find out what kind of experience they had with: 1) computers and software, 2) e-mail, 3) the Internet on the whole.

The survey revealed that the majority of students in the group have access to the Internet from their homes, mobile phones and/or public computer labs in the University. Many have surfed the Web, at least occasionally, and some have developed their own Web pages (usually devoted to their hobby). Some of them have become involved in "distance learning" strategies aimed at delivering courses electronically (*speed reading, Spanish, Chinese, etc*).

The majority of students have grown up with computers in the home and in the classroom, but in order to level their skills completely two tactics were employed: a) a computer with a projector and a large screen was used to "walk" the class through the syllabus for the first time; b) constant help via e-mail and after-class counseling were provided to those who needed it (in fact many students used the so-called "help line" via e-mail).

With relation to *defining content-based language proficiency ('Country Studies')* of upper-intermediate/advanced students placement tests were used.

The general level of language proficiency proved to be high but students found it difficult to describe certain phenomena due to lack of vocabulary specific to the topic.

2. With relation to ***defining the efficiency*** of the created dynamic syllabus ***in formation and development of self-educational skills*** of students in the sphere of language learning and ***motivating them to study on their own using Internet resources*** observation, self-observation, testing and self-appraisal were used.

A couple of actual students' comments are highly illustrative in this respect. The majority of them agreed that extra information provided *"helped to support the reading and other textbook assignments"* and *"was helpful to remind* them *regularly of what* they *had to achieve and master"*. They generally liked *"having the option of going online to find assignments rather than calling groupmates"* as well as *"surfing the net under someone else's guidance"*. They realized that *"a lot of work has been done for them in this respect".*

It was also proved in the course of the experiment that the developed dynamic syllabus is *beneficial to students of different learning styles*. Information of the course is presented both ways: audibly in class through listening and discussion, and visually on the website through hypertext and links. Both *audio and visual learners* have a chance to receive information via the channel they prefer, since numerous links to a variety of sources to help the student find out more about a text or topic. If something interests them, they can explore it on their own, clicking on and on to their hearts content.

Different psychological types of students also benefit from the use of dynamic syllabus. *Shy and introverted students*, who feel uncomfortable about raising hand or calling out during traditional classes, get their chance to participate as well. The dynamic syllabus makes introverted students more involved, surfing the net provides them with information necessary to participate at a level they find more sufficient and thus enabling them to discuss the topic offered.

Another fact which influenced student's *motivation* positively is as follows: *prospective students of the course in question* had a chance to peruse the material of the created syllabus before the first day of class to see if it interests them. This helped them to make a more *informed decision*. As a result, there was no dropping in the course of work, strong motivation continued throughout it. The availability of the course helped students to catch up more quickly, when they happened to be late or absent.

Students learned more about the use of their upper-intermediate level of language, *new opportunities* and new hands-on experience strengthened their *motivation*.

3. ***The development of all the four basic communicative skills (reading, writing, listening, speaking)*** as a result of their work with the created dynamic syllabus was evaluated by mean of testing with the help of measurement processing of the received data.

The results of the oral and written tests have shown that the computer assisted language learning was much more successful in aims and tasks achievement. The results of measurement processing of the received data are presented in the following table.

Table 1: Improvement (%)

Skills tested⇨ ⇩ Group	Reading	Writing	Listening	Speaking
Experimental Group	25%	24%	19%	25%
Control Group	13%	21%	9%	12%

4. With relation to ***determining and correcting the possible inaccuracies, difficulties in implementation and use*** of the created dynamic syllabus observation, and students-evaluation (students' comments) were used.

In the course of the experiment a number of students' comments were collected. These included comments on their opinion and impressions about the dynamic syllabus on the whole and particular assignments. The students were also asked to answer the following questions:

In which way can you account for your decision to participate in the experiment? Did you use the dynamic syllabus regularly? How did you use it? What did you like about it? How could it be better?

As a result certain *corrections* were introduced into the course: 1) a couple of changes were introduced to make sure that students visit certain websites first. That was based on students' comments of what seemed more informative and instructive to them; 2) Several links to certain basic information were introduced (definitions, even a basic encyclopedia/dictionary article, etc) proved helpful to students lacking general knowledge in the areas discussed.

The experiment proved that the main *advantages* of using the dynamic syllabus are as follows: 1) The dynamic syllabus allows students to get quick access to the authentic and up-to-date material under the wise guidance of the teacher; 2) The dynamic syllabus increases their motivation, stimulates activity and develops individual creative abilities of the students; 3) The content of the dynamic syllabus can be easily updated to include recent developments in the sphere, as well as modified teaching and learning aims; 4) Interaction with the dynamic syllabus develops self-educational skills of students and motivates them to study on their own via Internet. The experiment also proved that the main *disadvantage* of applying the dynamic syllabus is that its realization is time- and labour-

consuming. A lot of preparatory work is to be done on the part of the teacher. At the same time, the positive outcomes of applying a dynamic syllabus in the process of teaching a foreign language by all means outweigh the few disadvantages. The use of it promotes motivation and interest of trained students, increase the time of learning, i.e. studying of a subject is not limited only to the framework of a traditional lesson.

Sources used:

1. Бовтенко М.А. Создаем компьютерные учебные материалы самостоятельно // Информационные технологии в обучении языку. Мастер-класс. Ноябрь, 2004. – http://www.itlt.edu.nstu.ru/article11.php
2. Бовтенко М.А. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранного языка: создание электронных учебных материалов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. – 112 с.
3. Титова С.В. Динамическая программа как пример использования Интернет-технологий в учебном процессе // Научный сервис в сети Интернет: Всероссийская научная конференция. – Новороссийск: Изд. дом «Открытые системы», 2002. – http://ict.edu.ru/vconf/files/382.doc
4. Титова С.В. Ресурсы и службы Интернета в преподавании иностранных языков. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 267с.
5. Kornblith G.J. 'Dynamic Syllabi for Dummies': Posting Class Assignments on the World Wide Web // Journal of American History 84, 4 (March 1998): 1447-53.
6. Krauss M.D. Integrating the Internet into the Classroom: An Online Course ©1998-2014. – http://www.lclark.edu/~krauss/usia/home.html
7. Krauss M.D. Let's Create Web-based Learning Activities // ORTESOL Conference Portland, Oregon, October 27, 2000. – http://www.lclark.edu/~krauss/ORTESOL2000web/home.html
8. Wiliarty K. Water for Chocolate: H2O, del.icio.us, and dynamic syllabi / A presentation at Wesleyan University, August 2006. – http://www.kevinwiliarty.com/presentation/WforCshell.php

© Е.В. Шпар, 2014

Т.В. Шпар
БашГАУ, Уфа, Россия

К вопросу о дифференциации понятий прозвища и никнейма

В новейших исследованиях социолингвистической направленности большое внимание уделяется прозвищам. При этом нет единого мнения о том, что считать прозвищем. Мы исходим из того, что

прозвище – это дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его определенными характеристиками, затрагивающими его внешность, характер, привычки, жизненные события, поведение и т.д., а также модифицированные имена личные и фамилии, ласкательные и насмешливые именования, отличающиеся от паспортных онимов, большей частью эмоционально-экспрессивно окрашенные и функционирующие главным образом в неофициальной сфере общения [6, 9-10]. Прозвищные именования функционируют во всех сферах общества и являются неотъемлемой частью антропонимикона.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать никнейм прозвищем, или он представляет собой отдельный разряд онимов. В данной статье мы попытаемся разобраться в этой проблеме.

Развитие компьютерных технологий и внедрение Интернета в жизнь человека привело к необходимости идентификации пользователя ПК в Сети, что зародило понятие виртуального имени собственного. Виртуальное имя собственное – условное или вымышленное компьютерное имя, которое пользователь создает для личного общения в сети Интернет (raskolnikov, Мария_Шарапова, РОМА, ТаТьЯнА). Ник (англ. nickname «прозвище») – сетевое имя, по мнению Т.В. Аникиной – псевдопрозвище, используемое в Интернете, обычно в чате [1, 14]; псевдоним, который пользователь Интернета выбирает для виртуального общения [2, 43]. По нашему мнению, термин «псевдоним» более правомерен для дефиниции сетевого имени, т.к. псевдоним, по определению Н.В. Подольской, – выдуманное имя, которое существует в общественной жизни человека наряду с настоящим (подлинным) именем или вместо него [4, 113], вымышленное имя или фамилия, используемые для замены собственных политическими деятелями, писателями, актерами и др. [5, 408], а также подпись или имя, которыми автор или артист заменяет свое настоящее имя [3, 163].

Сетевой ник представляет собой аналог личного имени, по которому человека знают в реальной действительности. Главная его функция – идентифицирующая, т.к. человек, общающийся посредством компьютера с себе подобными, видит не лицо собеседника, а ник, выраженный каким-то словом или просто набором символов. С другой стороны, он выполняет защитную функцию, скрывая за собой своего настоящего обладателя и позволяя тем самым совершенно

свободно выбрать обозначение для своего виртуального Я. Как правило, пользователь Интернета придумывает ник для регистрации на каком-либо сайте сам, при этом он вкладывает в него конкретный смысл, пытаясь отразить какие-либо свои особенности, представить себя определенным образом, хотя есть именования, при создании которых руководствовались принципом «просто слово понравилось».

Проанализировав около 3000 ников из популярных англо- и русскоязычных чатов, Т.В. Аникина делит их на две группы [1, 15]:

1. Ники, представляющие собой набор ничего не значащих символов, букв и цифр (1009855370, Zzz_).

2. Значимые ники (^Иришка^, Napoleon), которые в свою очередь разделены на следующие подгруппы:

- существующие антропонимы (Омар Хайям, BrianCarter);

- названия известных торговых марок (Schwarzkopf, Кока-Кола);

- выдуманные антропонимы (нарицательные существительные-антропонимы), указывающие на черты характера, свойства личности, внешние данные, настроение, способности и т.д. Автор выделяет ряд основ, служащих для образования выдуманных ников, которые, по нашему мнению, основаны на классификации прозвищ А.М. Селищева: 1) внешний вид, физические недостатки (Красивая, Beauty); 2) свойства (Crazy, Скромняшка); 3) социальное и экономическое положение (Холостяк, P-R-I-N-S); 4) профессия, занятие, должность (LaPoet, Мэр); 5) пришельцы, место происхождения (Made in USSR, ARMENIYA); 6) животные (Одинокий волк, Wilddog*); 7) птицы (ВЛЮБЛЕННЫЙ ПИНГВИН); 8) насекомые, пресмыкающиеся (SCORPION, Муха ЦЭ-ЦЭ); 9) рыба (Goldfish); 10) растения (Клубничка, **редиска**); 11) семейные отношения (браточка); 12) насмешливые клички (Упырь-одиночка, Stupidboy); 13) имена и прозвища по разным предметам (Унитаз, Изумрудчик).

Сравнив прозвища и ники, мы обнаружили следующие общие черты:

1. И прозвища, и ники – безусловно, имена неофициальные, отличные от паспортных онимов.

2. Оба класса антропонимов служат для идентификации индивидов, выделения определенного лица из массы других.

3. Частично схожи классификации прозвищ и ников, будучи основаны на семантических признаках образующих их основ.

Несмотря на некоторые элементы схожести, прозвища и сетевые имена различаются по следующим признакам:

1) по тому, кто дает имя: прозвища даются, как правило, окружающими, а никнеймы придумывает сам пользователь;

2) по сфере бытования: прозвища принадлежат большей частью к устной коммуникации, за исключением прозвищ в литературе и СМИ, ники – специфические именования из сферы общения в Интернете;

3) по форме фиксирования: прозвища как элемент речевого общения очень трудно зафиксировать, для этого проводятся специальные опросы, анкетирования; сетевое имя, наоборот, представляет собой строго фиксированную, неповторимую последовательность символов (цифр, букв латинского алфавита и специальных символов), всегда только визуально воспринимаемую собеседником;

4) по тезоименности: одно и то же прозвище может использоваться по отношению к разным людям (хотя, возможно, по разным мотивам). Абсолютных тезок или однофамильцев в пределах одной виртуальной среды общения не бывает, поскольку, как отмечает Е.Г. Брунова, при регистрации сетевого имени пользователю отказывается в доступе, если в данной системе уже зарегистрирован пользователь с таким же сетевым именем [2, 44].

5) по анонимности: ник скрывает личность (старик может представиться молодой девушкой), в то время как прозвище, напротив, предельно конкретизирует именуемого.

Таким образом, мы приходим к выводу, что ник, или сетевое имя, не может быть включено в понятие прозвища в широком смысле слова. Следовательно, виртуальные имена являются отдельным классом антропонимической лексики и могут быть предметом отдельного исследования.

Литература

1. Аникина, Т.В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.В. Аникина. – Екатеринбург, 2011. – 24 с.

2. Брунова, Е. Г. Этимология онлайн: о происхождении сетевых имен / Е.Г. Брунова // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты: материалы межд. научн. конф., Тюмень, 16–17 окт. 2009г. / ТГУ. – Тюмень, 2009. – С. 43–47.

3. Буркова, Т.А. Функционально-стилистическое варьирование онимов в немецком антропонимиконе [Текст] / Т.А. Буркова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 224 с.
4. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – М.: «Наука», 1988. – 192 с.
5. Словарь иностранных слов [Текст] / 15-е изд., испр. – М: Рус. яз., 1988. – 608 с.
6. Шпар, Т.В. Прозвищные антропонимические номинации [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.В. Шпар. – Уфа, 2012. – 24 с.
© Т.В. Шпар, 2014

М.А. Шушпанова
БашГУ, Уфа, Россия

Мифологические темы и образы в романе А.С. Байетт «Обладать»

Обращение писателей-постмодернистов к мифам – явление распространенное и вполне объяснимое. Вслед за модернизмом, который пытался создать свой собственный миф и через него – новую картину мира, постмодернизм возвращается к этим старинным преданиям для того, чтобы разрушить или пересмотреть представления о существующей реальности. Многозначная природа мифа, анонимность и коллективность в его создании (что является своеобразной иллюстрацией к концепции «смерти автора» Р. Барта), неявная поэтическая оформленность, дающая свободу для изобразительной техники, – все это отвечает требованиям постмодернистской литературы.

Роман «Обладать» английской писательницы А.С. Байетт, удостоенный в 1990 году Букеровской премии, является примером постмодернистского произведения с мифологической поэтикой. В нем мы встречаем темы и образы из германо-скандинавской («эддической»), античной и бретонской мифологий. У А. Байетт каждый образ выступает как носитель множества смыслов и значений, поэтому один и тот же мифологический персонаж может быть соотнесен с несколькими героями и идеями романа.

Как отметила одна из исследователей творчества писательницы Я.Ю. Муратова, «мифологизирование в современном английском романе проявляется в виде циклического сюжета или ретроспективы»

[4]. В романе А. Байетт есть намек на подобную цикличность. В начале повествования один из главных героев изучает труд Джамбаттиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций», написанный в 1725 году. (Отметим, что с именем Дж. Вико также связывают новый поворот в изучении мифа). В своей работе он взял за основу мировоззрение древних египтян, которые считали, что история человечества проходит в своем развитии три периода: «Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением <…>; Век Героев, когда последние повсюду царствовали <…> на основе <…> превосходства своей природы <…> и наконец, – Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе» [2]. В романе «Обладать» мы имеем дело с тремя временными пластами: мифологическим, викторианским и современным. Они находятся в параллельных связях с эпохами, описанными и Дж. Вико: многочисленные мифологические образы переносят читателя в «век Богов», а вымышленные А.С. Байетт писатели девятнадцатого столетия становятся «героями» научных изысканий литературоведов XX века, времени «людей».

С итальянским философом связана и завязка романа: исследователь творчества Рандольфа Генри Падуба Роланд Митчелл находит в книге Дж. Вико черновики писем писателя к неизвестной женщине. Литературовед обращается к этому труду во время работы над поэмой «Сад Прозерпины». Прозерпина в римской мифологии – богиня царства мертвых и покровительница плодородия. Для Дж. Вико век Богов – эра, в которой было посеяно первое зерно, «мировое золото». Это связано как с именем Прозерпины («Прозерпина <…> олицетворяла зерно хлебных злаков – источник торговли и общественного начала» [1]), так и с легендой о краже Геркулесом золотых яблок, описанной Падубом в поэме. Тема похищения определенного предмета возникает уже в самом начале романа: Роланд тайно выносит письма поэта из библиотеки. В дальнейшем этот мотив будет появляться в связи с образом Мортимера Собрайла, чья тяга к вещам Падуба неоднократно выводила его на путь воровства.

В поэме викторианского писателя есть и еще один мифологический образ – сад. Это место для размышлений, здесь человек находится в непосредственном контакте с природой, и в то же время упоминание о нем вызывает ассоциации с библейским раем и запретным плодом. Продолжением мифологической темы запретного в романе

становится скрытое от коллег исследование Рандольфом и Мод переписки Падуба с возлюбленной Кристабель ла Мотт. Сад как место закрытое и недоступное для людей встречается в описании дома, где живет Митчелл и его подруга Вэл, и становится связанным с темой соблазна, только на этот раз библейское яблоко заменено другим плодом: «миссис Ирвинг заманила их на эту квартиру, как старая ведьма из сказки: повела в сад, расписала, какая тут тишина, угостила каждого золотым пушистым абрикосиком с деревьев, что росли на шпалерах вдоль изгибающейся кирпичной стены. <…> Но при первом посещении о запрете не было сказано ни слова» [1]. В романе есть и викторианский сад, о котором пишет в дневнике Сабина де Керкоз: «за домом <…> располагается сад, где я играла ребёнком; в те годы сад мнился мне бесконечно просторным, а нынче стал тесен» [1]. В конце произведения сад выступает как место рождения творчества: Роланд, перечитав еще раз «Сад Прозерпины», заходит в эту ранее закрытую для него зону, и здесь начинает осознавать, что «время – неслиянно, есть “до” и есть “после”. Какой-нибудь час назад стихов не было в помине, а теперь они шли не унимаясь, живые и настоящие» [1].

У М. Элиаде находим такое определение мифа: «это всегда рассказ о некоем “творении”, нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого “чего-то”» [5, 16]. Упомянутый выше образ сада ассоциируется с местом рождения чего-то нового, но он немыслим без первых людей на земле (по классификации Дж. Вико живших в эру Богов). Истории об Адаме и Еве, известной из Библии, А. Байетт в своем романе практически не упоминает. Однако встречается другой, скандинавский миф о первых жителях – об этом Падуб написал поэму «Рагнарек, или Гибель богов» и стихотворный цикл «Аск – Эмбле». По этой легенде люди были созданы богами из деревьев, найденных ими на берегу: показательно, что «Ask» переводится как «ясень», «Embla» – как «ива» [3, 95]. Параллель с Рандольфом Падубом (в оригинале его фамилия звучит как Ash, что в переводе означает «пепел» и «ясень») и Кристабель очевидна. Это прослеживается и в описании Рандольфа: «человек опирался на прочный ясеневый посох, от которого его отделить трудно и который <…> был неотъемлемой частью его личного мифа, крепким метафорическим продолжением его Личности» [1]; и в сценах совместного путешествия поэтов: «они шли берегом моря.

Он оглянулся: вдоль воды легла цепочка их следов» [1]. Почти теми же словами описывает Аска и Эмбле Падуб в «Гибели богов»: «Бессловесны / Пошли они вдоль голоса морского <…> / За ними, первая на ровном на песке, / Легла следов темнеющих цепочка» [1]. Примечательно и название, которое Рандольф дал своему произведению: в нем прослеживается мысль о том, что рождение первых людей стало концом века Богов.

Тема творчества, одна из самых главных в романе «Обладать», раскрывается за счет введения в основное повествование мифологических сюжетов и образа Мелюзины, олицетворения водной стихии. Роман о ней создал по народным легендам в XIV веке Жан из Арраса. Мелюзина заточила в горе своего отца и была наказана за это: теперь каждую субботу она обращалась в змею. Выйдя замуж за Раймондина и родив ему детей, каждый их которых был с каким-нибудь физическим изъяном, она помогла мужу стать королем и обрести земли и славу. Однако Раймондин, вопреки запретам Мелюзины, однажды подглядел за ней в субботу и увидел, как она купается в облике змеи. После этого Мелюзина улетает и теперь вынуждена до Страшного суда скитаться по свету в одиночестве. По ночам она посещает своих детей, а в дальнейшем покровительствует потомкам и появляется перед тем, кого в скором будущем ждет смерть.

В романе черты образа Мелюзины есть и в Кристабель, авторе поэмы о ней, и в Мод Бейли, исследователе творчества ла Мотт, а также ее родственнице, что раскрывается в конце повествования. Водная стихия окружает Кристабель: «вода поднялась, Темза вздымает валы всё выше и выше, обрушивает их на береговую полосу, бьётся о стены набережной» [1] – пишет она Падубу. А зеленый цвет и остальные характеристики воды превалируют в описании всего, что связано с обеими женщинами: Мод ездит на машине зеленого цвета, стены ее университета облицованы «ядовито-зелёной» [1] плиткой, занавеска в ванной Бейли «как остекленевший водопад» [1], волосы Кристабель, как и у Мод, бледные, «в них был лёгкий оттенок зелёного» [1]. Об их схожести говорит и Роланд: «вы частично унаследовали внешность Кристабель» [1].

В романе есть сцены, пародирующие миф о Мелюзине. Так, Роланд хочет подсмотреть за Мод, когда та находится в ванной, но в этот момент дверь резко открывается, и они наталкиваются друг на друга. Мелюзина улетает из замка в образе змеи (дракона), Бейли

уходит в свою комнату в халате, а «позади, извиваясь над зыбкой ковровой дорожкой, удалялся бледнеющий на аквамариновой глади длинный китайский дракон» [1]. (Имеется в виду змей-лун, ассоциирующийся со стихией воды).

Мелюзина для Кристабель – это образ мятущейся, неприкаянной души. Она одинока и поэтому несчастна, как и сама писательница. Рожденная ла Мотт девочка не знает о том, что поэтесса – ее мать. Однако Кристабель вынуждена жить с ней в одном доме, видеть, как она растет: «феей Мелюзиной все эти тридцать лет была я. Это я, фигурально выражаясь, летала по ночам “вкруг укреплений замковых”, это мой голос “взвивался на волнах ветра”, мой вопль о том, что мне нужно видеть и вскармливать и лелеять моё дитя, мою дочь, которая меня не знает» [1].

Образ Мелюзины неоднозначен. С одной стороны, с подобными созданиями (например, ундинами, русалками) всегда была связана смерть. В этом ключе Кристабель косвенно причастна к самоубийству по примеру Офелии своей подруги Бланш Перстчетт. С другой стороны, Мелюзина известна как создательница замков, а также она, как пишет ла Мотт, «даже фасоль в Пуату завезла» [1]. Этот мифологический образ, как и упомянутую выше Прозерпину, можно причислить к разряду созидающих, творящих божеств. Для А. Байетт важно, что именно женские персонажи связаны с темой творчества. «Мелюзина» – главное и последнее произведение ла Мотт, которая была музой для Рандольфа, признанного поэта-викторианца. Мод Бейли стала таким же источником вдохновения для Роланда: они обрели друг в друге любовь, и это чувство явилось катализатором поэтического дара Митчелла.

Тема запрета, встречающаяся в связи с рассмотренным образом сада, начинает звучать сильнее с появлением Мелюзины: ее муж нарушает запрет и подглядывает за ней. Также нарушают порядки викторианской эпохи и Кристабель с Рандольфом: в XIX веке союз свободной девушки с женатым мужчиной был невозможен и обречен.

В поэме Падуба «Рагнарек, или Гибель богов» возникает еще один змееподобный образ: «В подземной мгле, / Где Нидхегг, аспидночешуйный гад, / У Древа-Миродержца средь корней / Склубившись, гложет их густую вязь» [1]. В романе дан комментарий: «Нидхегг – в скандинавской мифологии дракон, обитающий под землей и подгрызающий корни Мирового Древа, ясеня Иггдрасиля» [1]. Тема

мирового дерева, основы всего сущего, соединяющей небеса, землю и преисподнюю, в данном случае оказывается связана с Рандольфом (в обоих случаях речь идет о ясене). В современных главах Нидхеггом становится Аспидс, дотошно занимающийся творчеством поэта («Падубоведник, притаившийся в недрах здания, был Адом» [1]); в викторианских – одержимость Падуба тайнами мироздания и, конечно же, Кристабель.

Башня – это еще один повторяющийся в романе мифологический образ. С ним косвенно связан мотив запрета, в частности, тема заточенной в крепости девушки. Действительно, описанные в романе женщины возводят вокруг себя высокие стены. «Кабинет Мод Бейли располагался на последнем этаже Башни Теннисона» [1] – поэта и автора поэмы «Владычица Шалотта», героиня которой заточена в башне и под страхом смерти не может выглянуть из окна, единственное ее занятие – ткать изображения внешнего мира, отражающиеся в зеркале. Увидев однажды в окно рыцаря Ланселота, она влюбляется в него и умирает. Не зря Кристабель сравнивает себя с ней: от любви к Падубу она погибает как поэт. Не случайно А. Байетт приводит и написанное ла Мотт стихотворение по мотивам сказки братьев Гримм «Рапунцель»: «И струи златые / С тревожною дрожью / Сбегают, сверкая, / По башне к подножью» [1]. Образ длинноволосой девы, находящейся в заточении, в равной мере перекликается и с образом Кристабель, и с образом Мод (если вспомнить ее шикарные волосы, которые она в силу своих взглядов скрывала под головными уборами).

Мифологическая тема заточения в четырех стенах вводится не только для усиления параллели с образом Мелюзины, она раскрывает душевные переживания героинь. Кристабель изначально показана А. Байетт домоседкой: с Бланш они пытались создать свой мир, где «дни сплетаются из нехитрых житейских утех <…> и утех более высокого порядка, в сфере Искусства и Мысли» [1]. Но такая жизнь не для метущейся души Кристабель, выбравшей запретную любовь к Рандольфу. Однако, освободившись из одного заточения, она попадает в другое, добровольно закрываясь от окружающего мира. После «Мелюзины» ла Мотт не создала больше ничего значительного и характеризовала себя так: «я сижу почти безвылазно в своей башне, как есть старая ведьма, сочиняю вирши с разрешения моего неотёсанного зятя сэра Джорджа, завишу от других» [1]. О связи Мод Бейли с те-

мой заточения пишут переводчики романа, указывая на ее имя: «motte, bailey и донжон разделяют территорию крепости на три пространства, три концентрических кольца» [1] (это объяснение вызывает и аллюзию на философию Дж. Вико о трех стадиях развития мира). Помимо башен реальных у литературоведа есть и психологическая крепость. Бейли закрывается от всех своими феминистскими идеями, испытывая влияние окружения (начинает прятать волосы, чтобы остальным не казалось, что она хочет понравиться мужчинам).

Роланду, благодаря которому жизнь Мод кардинально меняется, А. Байетт не зря дает такое имя. Оно отсылает нас и к произведению Р. Браунинга, и к строчке из Шекспира, где мы также встречаем упоминание о крепости: «вот к мрачной башне Роланд подходит…» [1]. У Шекспира мы не находим продолжения этой истории, у А. Байетт же все решается в оптимистическом ключе: Роланд, как рыцарь из романа, освобождает Бейли в данном случае от психологических оков, и вместе они через любовь находят себя.

Таким образом, роман «Обладать» пронизан мифологическими сюжетами и образами. Само повествование строится здесь по принципу легенд о трех началах, показаны три эпохи: божественная, героическая и человеческая. С образом Прозерпины связана тема похищения, на которой основана завязка произведения. Образ сада вводит мотивы запрета и соблазна, отсылая к библейским преданиям. Тема первозданности передана через образы Аска и Эмблы, а в викторианских главах – Кристабель и Падуба. Архетип Мирового Дерева (в романе Древо-Миродержец) связан с Рандольфом. А образ башни вводит в повествование важную тему заточения одинокой девушки (в «Обладать» имеются в виду душевные оковы героинь). Образ Мелюзины объединяет все три эпохи, а тема творчества, как сильнейшей силы, способной изменить ход истории, становится главной в романе. Ведь именно благодаря внезапно раскрывшемуся поэтическому дару Роланд по-настоящему начинает понимать Рандольфа Падуба, становится ближе к нему, а значит, происходит смена человеческой эпохи эрой Героев.

Литература

1. Байетт, А. Обладать [Электронный ресурс] / А. Байетт. – Режим доступа: http://www.libok.net/writer/8787/kniga/32178/bayett_antoniya/obladat.
2. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций [Электронный ресурс] / Дж. Вико. – Режим доступа: http://bookre.org/reader?file=407342&pg=53.

3. Мифы народов мира: энциклопедия [Электронное издание] / гл. ред. С.А. Токарев. – М. : Изд–во Сов. энцикл., 1980. – 1147 с.
4. Муратова, Я.С. Мифопоэтика в современном английском романе: Д. Барнс, А. Байетт, Д. Фаулз: автореф. дисс. … канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Я.С. Муратова. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/mifopoetika-v-sovremennom-angliyskom-romane.
5. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – 1-е изд. – М.: Изд–во Инвест – ППП, 1996. – 240 с.

© М.А.Шушпанова, 2014

И.В.Эделева
БГАУ, Уфа, Россия

Семантическая модель причинно-следственного союза *because*

Объектом нашего исследования являются английские причинно-следственные союзы *because, as, since, for* в структуре сложного предложения. Исследуемые нами союзы широко используются в современном английском языке как специальные маркеры каузальной семантики, т.е. все они указывают на причинно-следственные отношения, устанавливаемые между предикативными единицами в сложном предложении. Однако так называемые “истинные” причинно-следственные отношения со всеми присущими им признаками эксплицируются, как правило, в сложных предложениях с союзом *because*. В своем исследовании мы придерживались следующего определения причинно-следственной связи. Причина – это “явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет или влечет за собой другое явление”, называемое следствием. При этом “связь причины и следствия является необходимой: если есть причина, то неизбежно возникает следствие, причем оно всегда порождается данной причиной при тех же условиях и во всех других случаях” [4, 511].

Изучение и анализ многочисленных примеров с союзом *because* позволили сделать предположение об определяющем, непосредственном характере воздействия причины на следствие. Было замечено, что данная причина в большинстве случаев порождает, или вызывает, единственно возможное при сложившихся обстоятельствах следствие, которое наступает с необходимостью.

Иногда значение вынужденности, надобности и необходимости в совершении действия, выраженное в ситуации следствия, может быть эксплицитно выражено в ситуации причины с помощью лексем *have to, force, need* и т.п.:

1. Sometimes it would be too cold for the children to go to school, and they would have to play in the kitchen, where Jurgis was, ***because*** *it was the only room that was half warm (U. Sinclair).*

2. He is forced to read these despatches carefully, ***because*** *the fate of his own boys is involved… (E. Porter).*

3. There's no need to give you my address, ***because*** *Marija knows it (U. Sinclair).*

В соответствии со сделанными выводами был составлен тест на "посылку и заключение", в котором гипотеза об определяющем характере воздействия причины на появление неизбежного следствия была выражена эксплицитно в виде целого предложения. (Подробнее о методике экспериментального исследования семантики причинно-следственных союзов и применяемых семантических тестах см. [2, 97-134].) Кроме самого союза *because*, в данном контексте мы употребили и другие союзы, чтобы проверить, действительно ли информация, заложенная в этом предложении, свойственна только союзу *because*:

1. The only possible thing she could do in that situation was to walk the rest of the way, ***because*** *she had no more money to go by bus.*

2. The only possible thing she could do in that situation was to walk the rest of the way, ***as*** *she had no more money to go by bus.*

3. The only possible thing she could do in that situation was to walk the rest of the way, ***since*** *she had no more money to go by bus.*

4. The only possible thing she could do in that situation was to walk the rest of the way, ***for*** *she had no more money to go by bus.*

Большинство информантов (12 человек) отдали предпочтение первому варианту, т.е. употреблению союзу *because;* 9 человек самым оптимальным сочли второй вариант, в котором употребляется союз *as*, пятеро из них оценили его наравне с первым вариантом. Предложения с союзами *since* и *for* получили достаточно низкие баллы.

Полученные результаты не были достаточно репрезентативными и надежными, поскольку преимущество употребления союза *because* перед союзом *as* не являлось столь

очевидным. Проанализировав предложения с союзом *as*, мы составили другой тест для верификации гипотезы, согласно которой для описания семантики союзов релевантным является понятие непосредственной и опосредованной причины.

Так, в предложении *He stumbled blindly into the living room, knocking his head against the door jamb* ***because*** *he forgot to stoop (W. Cather)* отношения между ситуациями причины и следствия схематично могут быть представлены следующим образом:

X → Y, где X – *прямая причина*, непосредственно порождающая следствие Y: забыл пригнуться → ударился головой и споткнулся. Таким образом, в предложениях с союзом *because* реализуется ситуация *прямой причины*, непосредственно порождающей следствие.

Разработанный нами тест "вопрос-ответ" предполагает два варианта вопроса *What is the reason of the fact that…?* и *What is the explanation of the fact that…?* и несколько вариантов ответов на каждый в виде одних и тех же предложений, в которых поочередно употребляются исследуемые нами союзы. Суть данного теста заключается в следующем. В вопросе *What is the reason of the fact that…?* заложена информация именно о непосредственной причинно-следственной зависимости, поскольку слово *reason* предполагает, что в ответе будет указана истинная, *прямая причина* какого-либо события. В вопросе *What is the explanation of the fact that…?* не содержится информация о непосредственной причинно-следственной зависимости, поскольку слово *explanation* не предполагает указания на *прямую причину*, и поэтому при ответе на вопрос актуализируется опосредованная, *косвенная причина* какого-либо события. Приведем пример данного теста:

1. What is the reason of the fact that she hastily concealed that thing?

a) She hastily concealed that thing, because she was afraid that somebody would see it and know her secret.

b) She hastily concealed that thing, as she was afraid that somebody would see it and know her secret.

c) She hastily concealed that thing, since she was afraid that somebody would see it and know her secret.

d) She hastily concealed that thing, for she was afraid that somebody would see it and know her secret.

2. What is the explanation of the fact that she hastily concealed that thing?

a) She hastily concealed that thing, because somebody entered the room.

b) She hastily concealed that thing, as somebody entered the room.

c) She hastily concealed that thing, since somebody entered the room.

d) She hastily concealed that thing, for somebody entered the room.

Предложение с союзом *because* наиболее точно, по мнению большинства (13 человек), отвечает на вопрос *What is the reason of the fact that…? (What is the the reason of the fact that she hastily concealed that thing? – She hastily concealed that thing, because she was afraid that somebody would see it and know her secret.),* тогда как предложение с союзом *as* является самым оптимальным ответом на вопрос *What is the explanation of the fact that…? (What is the explanation of the fact that she hastily concealed that thing? – She hastily concealed that thing, as somebody entered the room.)* – так считают 12 опрошенных.

Таким образом, подтвердилось наше предположение о том, что в ситуации с союзом *because* причина непосредственно и неизбежно порождает следствие, т.е. имеет место ситуация *прямой причины*.

Так как *прямая причина*, вводимая союзом *because*, неизбежно порождает следствие, которое наступает с необходимостью, то ситуация следствия представляет собой совершенно новое "положение дел", не существовавшее ранее, а появившееся только с момента действия причины. Например:

1. She had not intended to say it. It slipped out ***because*** *she was confused enough to say just the wrong thing (W. Cather).*

2. On a Saturday night he drifted into a town with his fellows; and ***because*** *it was raining, and there was no other place provided for him, he went to a saloon (U. Sinclair).*

3. I felt sad, ***because*** *my instinct told me that she deceived me; and it is very hard to be deceived, even in trifles, by those we love (F. O'Brien).*

В первом примере следствие является результатом непосредственного воздействия причины: состояние волнения и замешательства заставляет участника ситуации проговориться, т.е. *прямая причина* неизбежно и непосредственно порождает качественно новую, не существовавшую ранее ситуацию. Во втором примере в силу опреде-

ленного набора причин (*it was raining, and there was no other place provided for him*) изменяются пространственные характеристики субъекта (*he went to a saloon*). В третьем примере причина вызывает изменение эмоционального состояния субъекта (*I felt sad*).

Таким образом, сложные предложения с союзом *because* в своей семантической структуре объединяют две или более событийные пропозиции, связанные со сферой бытия, движения, деятельности (физической или социальной) или с работой органов чувств человека, поэтому ситуации причины и следствия представляют собой непосредственно наблюдаемые и чувственно воспринимаемые явления. При этом союз *because* выражает такие отношения между двумя пропозициями, когда *прямая причина* непосредственно воздействует на следствие и порождает в нем определенное изменение "положения дел". Следствие, выраженное в главном предложении, характеризуется в данном случае семантикой *Эффекта,* для которой характерна результативная качественная изменяемость внутренней функциональной структуры [1, 52-53].

Однако, можно встретить примеры, когда союз *as* вводит свойственную союзу *because прямую причину*, которая порождает неизбежное следствие при непосредственной причинно-следственной зависимости. Тогда употребление союза *as* объясняется тем, что в смысловом отношении акцентируется следствие, и причина становится нерелевантной для общего смысла предложения. В случае с союзом *because* происходит перестановка смысловых акцентов, и следствие отодвигается на второй план. Если для решения коммуникативной задачи требуется, чтобы именно следствие оказалось в фокусе сообщения, то употребляется союз *as*, а не *because*.

Таким образом, если одно и то же причинно-следственное значение передается сложными предложениями с разными союзами, то проблема их дифференциации решается с позиции теории актуального членения. Так, по своей способности выступать в теме или в реме предложения причинно-следственные союзы делятся на *тематические* (T), способные выступать только в теме (например, союз *since* в значении, когда он вводит *кондициональную причину*), *рематические* (R), способные выступать только в реме (например, союзы *because* и *for*), и *амбивалентные* (TR), способные выступать и

в теме, и в реме (например, союз *as* во всех значениях и союз *since* в значении, когда он вводит *логическую причину*) [2, 78-96].

Таким образом, каждый из исследуемых нами союзов характеризует отношения между пропозициями, в которых выражаются ситуации причины и следствия. Пропозициональное содержание сложного предложения с причинно-следственной связью представляет собой пропозициональную функцию от переменных X и Y, которые принимают конкретные значения в высказывании в зависимости от употребления того или иного союза.

Итак, значения исследуемых союзов можно представить в виде следующей общей семантической модели:

Conjunction $_{cause}$ [X; Y], где

Conjunction $_{cause}$ – причинно-следственный союз *because, as, since* или *for,*

X – ситуация причины,

Y – ситуация следствия.

Таким образом, описание семантической модели союза *because* может быть представлено следующим образом: ***Because*** **[X_C (R); Y_E],** где **X_C (R)** – это ситуация *прямой причины*, занимающая позицию ремы сложного предложения, а **Y_E** – это ситуация следствия, характеризующаяся семантикой *Эффекта*.

Разработанные нами семантические модели исследуемых союзов являются основанием для формулировки их значения по стратегии естественного описания ситуации на языке доступном пользователю. Так, союз *because* выражает непосредственную причинно-следственную зависимость, когда причина, эксплицитно выраженная в предложении, порождает неизбежное следствие. Следствие представляет качественно новую, не существовавшую ранее ситуацию. В смысловом отношении акцентируется ситуация причины.

Литература

1. Амирова О.Г. Семантическая модель английских глаголов управления. Дис. …канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 190 с.

2. Кузнецова И.В. Семантика причинно-следственных союзов в современном английском языке (на материале союзов *because, as, since, for).* Дис. … канд. филол. наук. – Уфа., 2003. – 162 с.

3. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 815 с.

© И.В.Эделева, 2014

Д.Ш. Юзликбаева
БашГУ, Уфа, Россия

О необходимости лексических трансформаций при переводе слов, имеющих различный объем значений в английском и русском языках

Причины, вызывающие лексические трансформации при переводе, связаны с семантическими особенностями обоих языков, т.е. с разницей в смысловой структуре слова, его сочетаемости, характере фразеологии и образности. Все это вызывает определенные сложности при переводе с английского языка на русский.

В категорию слов с различным объемом значения в двух языках входит множество самых разнообразных слов. Во-первых, это так называемые интернациональные слова, которые в более или менее одинаковой звуковой форме, грамматическом оформлении и смысловом содержании встречаются в ряде языков. Однако большинство интернациональных слов в английском и русском языках не совпадает по объему логического значения. Поскольку в английском языке много слов латинского происхождения, интернациональные слова легко ассимилировались и стали широко употребляемыми. Многие из них превратились в слова обиходные и приобрели дополнительные значения, а также образовали ряд производных форм. В русском языке интернациональные слова обычно имеют более узкое значение, например, английское слово «meeting» и русское «митинг». Ошибки при переводе интернациональных слов обычно связаны с тем, что, вместо того чтобы обратиться к словарю, обычно используют соответствующее интернациональное слово в русском языке, не принимая во внимание несовпадение значений, стилистическую окраску и сферу употребления слова в двух языках.

Следует отметить также некоторые глаголы восприятия, ощущения, а также умственной деятельности, такие как «to see, to believe, to feel, to understand», которые не являются однозначными и которые не следует всегда переводить глаголами «видеть, верить, чувствовать, понимать». Очень часто они употребляются в значении «понимать, считать, полагать, думать» и т.д. Глагол «to understand» в конструкциях «Сложное дополнение» и «Сложное подлежащее» обычно переводится русской формулой «насколько известно, как известно».

Еще одну группу слов с различным объемом значения в английском и русском языках составляют так называемые адвербиаль-

ные глаголы, в которых одновременно присутствуют два значения, одно из них выражает действие, а другое характеризует его. Например, «They roared their way along the street» – «Они шли по улице с громкими криками».

Как правило, адвербиальные глаголы употребляются в сочетании с предложными дополнениями, предлогом-наречием и дополнением или с обстоятельством. Правильный перевод адвербиальных глаголов требует обычно грамматической трансформации, т.е. введения дополнительных слов, замены членов предложения и частей речи. Многие адвербиальные глаголы превратились в привычные сочетания, например, «to bow smb out of the room» – «с поклоном проводить из комнаты». Но наибольшую трудность для перевода представляют новые образования таких сочетаний. Обычно они выражают характер действия, переход из одного места в другое. В современном английском языке такие глаголы встречаются часто вследствие их большой выразительности, яркости и красочности, а также сжатости выражения. При переводе необходимо найти способы адекватной передачи значения адвербиальных глаголов. Очень часто сжатость и лаконизм выражения утрачиваются, т.к. при переводе приходится вводить дополнительные слова. Но полнота значения может быть сохранена и передана иными способами, например, описательным путем.

«They shuddered home» – «Дрожа от холода, они шли домой».

Адвербиальные глаголы могут переводиться на русский язык глаголом с какими-либо обстоятельственными словами, двумя глаголами, придаточным предложением, инфинитивом, деепричастием. Имеются некоторые закономерности перевода адвербиальных глаголов, но четких правил в таких случаях нет.

© Д.Ш. Юзликбаева, 2014

Р.А. Юсупова
БГАУ, Уфа, Россия

Социокультурный фактор в обучении иностранному языку

Основной целью современной концепции образования является социально-культурная адаптация человека в мире. В настоящее время необходимо учить «живому» языку, а это значит языку в его не про-

сто лингвистической, но и экстралингвистической оболочке, языку с его поведенческими характеристиками, когда учитывается разница в ситуациях, в партнерах и лингвокультурологические особенности соответствующей национальной общности.

В современный период, в связи с политическими и идеологическими изменениями в жизни страны, в изучении иностранных языков особенно возрастает роль коммуникативного аспекта. Студенты и выпускники вузов получили возможность выезжать за рубеж для учебы и прохождения стажировки. В этих условиях для преподавателей иностранных языков огромное значение приобретает работа, направленная на развитие навыков говорения на иностранном языке. Однако подобная работа должна быть неразрывно связана с преподаванием культуры страны изучаемого языка.

Интерес к проблемам межкультурной коммуникации и межкультурному обучению во многом определил методический подход к преподаванию иностранных языков в последнее десятилетие. Новые исторические условия потребовали от преподавателей иностранных языков, в особенности в условиях неспециального вуза, пересмотреть требования к формированию компетенций будущего специалиста, который должен уметь, среди прочего, общаться с представителями различных культур – от этого во многом зависит деловой успех. Сегодня стало очевидным, что эффективное общение между представителями различных культур возможно только при учете социокультурного фактора, т.е. понимании и знании социокультурных структур, лежащих в основе языковых структур [3, 488].

Положение о необходимости иностранного языка в неразрывной связи с культурой народа – носителя данного языка уже давно воспринимается в методике как аксиома.

Как уже было отмечено, использование страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности студентов, рассматривает их коммуникативные возможности, благоприятствует их коммуникативным умениям и навыкам, а также положительной мотивации, дает стимул к самостоятельной работе над языком и способствует решению воспитательных задач.

Возможность поездки на учебу и трудовую практику за рубеж: в Голландию, Англию, США, Германию дает мощнейшую мотивацию в необходимости изучения иностранного языка в нашем аграр-

ном вузе. Поэтому интерес к обучению возрос значительно, что обуславливается не только желанием получить положительную оценку на экзамене, но и возможностью поездки за границу.

В практику обучения, особенно при межкультурном тренинге, у нас на кафедре вводятся дополнительные гуманитарные формы: факультативные занятия, курсы, экскурсии, встречи с представителями другой страны, фильмы и др. Подобные формы тренингов, хотя и сопряжены со значительными временными затратами, развивают межкультурную компетенцию будущих специалистов, которые способны к налаживанию деловых контактов с представителями другой культуры, к ведению уважительного диалога со своими зарубежными партнерами, учету собственных интересов и задач, а также разумному представлению своей страны и своего региона [4, 185].

С точки зрения Е.М.Верещагина «выясняя соотношение личности и культуры, невозможно понять генезис становления личности в отрыве от культуры социальной общности (малой социальной группы и в конечном итоге нации). Желание понять внутренний мир русского или немца, поляка или француза, следует изучить русскую или соответственно немецкую, польскую, французскую культуру» [1, 8].

Аспект методики преподавания иностранных языков, в котором исследуются проблемы ознакомления изучающих язык с новой для них культурой, называется лингвострановедением.

Между тем лингвострановедение не отражает весь комплекс знаний, умений и навыков, связанных с иноязычной культурой. Этот аспект слишком узок, поскольку не заключает в себе то, что подразумевается под термином «национальная культура».

Изучающие иностранный язык должны знакомиться с языковыми единицами, наиболее ярко отражающими национальные особенности культуры народа – носителя языка и среды его существования.

Основным объектом лингвострановедения традиционно считают фоновые знания носителей языка, их вербальное поведение в актах коммуникации.

Социокультурный компонент обучения иностранному языку, на базе которого формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка, знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации, навыки и умения вер-

бального и невербального поведения, входит в содержание национальной культуры.

В какой-то степени фоновой лексике соответствуют и реалии – названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и тому подобное [2,17].

В реалиях наиболее наглядно прослеживается близость или связь между языком и культурой: при появлении новых реалий в духовной или материальной жизни, то есть в культуре, возникают реалии и в языке.

Характер предметного содержания реалий является отличительной чертой по сравнению с другими словами языка, так как им присущ соответствующий национальный и исторический колорит.

В качестве реалий на материале английского языка можно привести следующие слова, обозначающие различные социальные, политические, бытовые аспекты жизни. Например, этнографические реалии, реалии быта: kilt – плиссированная юбка; пища и напитки: Cocacola – сладкий безалкогольный напиток американского происхождения; Fast-food – пища, быстро приготовленная и продающаяся в ресторанчиках, такая как гамбургеры, рыба и чипсы, пицца и курица.

Говоря о национальной культуре, о коммуникативном поведении носителей языка различают вербальное и невербальное поведение.

Любое общение сопровождается различными паралингвистическими элементами, т.е. мимикой, позами, жестами – все это называется невербальным коммуникативным поведением или невербальным языком [3, 184].

Речевой этикет является одним из составляющих компонентов национальной культуры. Сюда относятся сами принципы этикетного обращения: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях.

Например, при прощании в русском речевом этикете принято поблагодарить хозяев за проведенное время: в немецком же речевом этикете прямое выражение благодарности не принято, и немцы нередко удивляются, когда русские, уходя из гостей, говорят «спасибо», «за что?» - спрашивает немец.

Таким образом, знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель другой культуры – это настоятельная необходимость, важное условие эффективной деятельности и залог успеха в общении и деловом взаимодействии с местными жителями, в обратном случае это может привести к серьезным недоразумениям и даже к конфликтам.

Фоновые знания служат ориентировочной основой для формирования навыков и умений для использования в целях общения национально-культурного компонента лексики, невербальных средств общения, речевого этикета, социальной символики. Таким образом, социокультурный компонент способствует более осознанному овладению иностранным языком как средством общения.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство». – М. Русский язык, 1983

2. Томахин Г.Д. «Реалии в языке и культуре» // ИЯШ –1997 -№ 5

3. Юсупова Р.А. Роль и место межкультурных стереотипов в межкультурном речевом общении// Теория и практика языковой коммуникации: Материалы III Международной научно-методической конференции. – Уфа, УГАТУ, 2011. – с.488-491.

4. Юсупова Р.А. Социокультурный компонент как средство повышения мотивации изучения иностранных языков в вузе//Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания языков в вузе: Материалы международной научно-методической конференции памяти М.П.Петрова. – Уфа, БГАУ, 2008.- с.184-186.

© Р.А. Юсупова, 2014

Яковлева А.Н.
СВФУ, Якутск, Россия

Современные направления и подходы к обучению иностранным языкам

В современных условиях интенсивно развиваются новые технологии, подходы к обучению иностранным языкам, в целом к языковому образованию. Поиск путей совершенствования языковых образовательных систем ведется многими исследователями и с разных позиций. В рамках новых парадигм широко используются как известные методы и приемы обучения иностранным языкам, так и соз-

даются новые модели. «Прямой метод», проблемное, проблемно-ситуативное, интенсивное и коммуникативное обучение, кейс-технологии и многие другие усилили направленность на личность обучаемого. На смену традиционных представлений о языке приходят другие парадигмы, которые в процессе изучения языка учитывают саму личность. Процесс иноязычного образования как педагогическая система определяет развитие личности.

В иноязычном образовании особенно выражены тенденции интеграции образования и воспитания, когда происходит приобщение личности к иноязычной культуре, ее социализация и воспитание. Лингвопедагогическое направление ориентирует на анализ и развитие связей отраслей наук, строящихся на взаимодополняющих методологических подходах. Она наиболее тесно связана с лингвистикой, предметом которой является система языковых средств, используемых в речевом общении [4]. Лингвопедагогика в объекте своего исследования соединяет лингвистические и педагогические компетенции. Наблюдается влияние концепций языка на аспекты лингвопедагогики. Например, в основе метода обучения может лежать определенная концепция языка (аудиолингвальный метод и структурализм, и т.д.) [5].

Лингвопедагогика развивается во взаимодействии с лингвопсихологией. В лингвопсихологии отражены психолингвистические и психологические аспекты интерпретации речевой деятельности [1]. Общность лингвопедагогики, педагогической психологии и психологии развития связана с тем, что лингвопедагогика имеет с ними фактически единый объект, хотя каждая из них реализует свой собственный подход к нему. Проблемы развития личности – это задачи, которые должны найти отражение в современных лингвопедагогических концепциях.

Актуальным является изучение и измерение таких характеристик лингвопедагогической системы, как процессы самообучения, саморазвития и самоорганизации личности в условиях иноязычного образования. В связи с этим в теоретическом обосновании лингвопедагогики прослеживаются связи с акмеологией и лингвоакмеологией (в концепциях Н.В.Кузьминой и ее последователей) [3]. Исследования межкультурной социализации личности в юношеском и зрелом возрасте могут быть выполнены в рамках акмеологии, во взаимодействии с которой развивается лингвопедагогика. Акмеология призвана

создать научный аппарат, который позволит адекватно отразить проблему эффективного развития и становления человека во всей совокупности его качеств.

Явления иноязычного образования можно представить как лингвопедагогическую систему, включающую в себя следующие элементы: цель, субъект, объект, содержание и средства воздействия [2]. Обучаемые в лингвопедагогической системе рассматриваются чаще как объект педагогического процесса. Но, учитывая, что лингвопедагогический процесс – это организуемый и самоорганизующийся процесс, целесообразнее рассматривать обучаемых как субъект и объект лингвопедагогической системы [6]. Функционируя, лингвопедагогическая система постоянно решает основные педагогические задачи: создание обучающей языковой среды, обеспечение саморазвития обучаемых, приобщение к миру изучаемого языка и культурным ценностям, к нормам и правилам поведения в иноязычной культуре, согласование в лингвопедагогическом процессе различных картин мира и развитие поликультурности. Задача создания обучающей языковой среды решается путем включения в содержание обучения наряду с лингвистическими знаниями знаний ценностных и рефлексивных. Воспитание в процессе изучения языка, лингвопедагогические ситуации иноязычной коммуникации способствуют самовоспитанию, самосовершенствованию личности. Поддержка и поощрение творчества в данном процессе содействуют саморазвитию, самореализации. Микромодели иноязычной социокультурной ситуации, включенные в процесс обучения, формируют межкультурный опыт обучаемых.

В содержание обучения иностранному языку студентов как элемент линвопедагогической системы входит языковой материал, который должен быть усвоен. Широкий круг проблем воспитания как составной части социализации решается всей системой аудиторной и внеаудиторной работы. Немаловажную роль играют здесь практические занятия по иностранным языкам и зарубежной литературе, реальные возможности которых все еще недостаточно изучены. Социализации студентов способствуют содержание текстового материала и выбор форм работы. Эффективным считается создание учебноречевых ситуаций, близких к естественным, воссоздающих реальные ситуации общения с носителями языка. Анализ бесед с преподавателями и результаты наблюдения показывают, что преподаватели в построении учебного процесса уделяют большее внимание конструиро-

ванию учебной информации, меньшее внимание - построению системы воспитательных воздействий как системы межкультурного опыта.

Спецификой дисциплины «Иностранный язык» является то, что общение - это и цель, и средство обучения. Общение на занятиях, организованное на основе изучаемого материала, является своеобразной формой воспроизведения студентами тех отношений, которые существуют в иноязычной культуре.

В лингвопедагогике осуществляется анализ факторов и условий обучения иностранным языкам с целью выявления эффективных путей и способов воспитания на опыте иноязычной культуры, воспроизводства этого опыта и лингвистической среды. Таким образом, лингвопедагогика в объекте своего исследования интегрирует лингвистические и педагогические компетенции для оптимизации процесса социализации и воспитания при обучении языкам. Главным критерием оценки деятельности этой системы, являются показатели включенности обучаемых в лингвопедагогический процесс, в межкультурные отношения.

Лингвопедагогическая система имеет сложную структуру и полифункциональна. Элементы структуры лингвопедагогической системы осуществляют педагогическое воздействие, направленное на освоение иноязычной культуры. Полифункциональность лингвопедагогической системы проявляется во взаимосвязи функций организованного целостного педагогического воздействия, функций самообучения, функций процессов межкультурной социализации. Предметной областью исследований лингвопедагогики являются процессы межкультурной социализации и воспитания и их влияние на самоорганизацию, самообразование личности. Системный подход к линвопедагогическому процессу, направленному не только на формирование лингвистических компетенций, а на социализацию и воспитание личности, позволяет развивать теоретические представления в области лингвопедагогики.

Межкультурная социализация включает в себя социализацию в процессе обучения иностранному языку, в иноязычной общности, саморазвитие в иной культуре. Межкультурная социализация – это развитие личности в процессе приобщения ее к иноязычной культуре на основе родной культуры. Одной из главных задач межкультурной социализации и воспитания является формирование готовности человека к успешной самореализации в иной социокультурной среде, в

системе отношений, в которую он реально включается. Межкультурная социализация как педагогическое явление связана с поисками в области содержания межкультурного образования. Другой педагогический аспект межкультурной социализации связан с поиском способов освоения личностью иноязычной культуры.

Среди основных характерных черт российского общества выделяются лингвистический и этнокультурный плюрализм как результат исторического формирования национальных республик в России. Практической задачей социализации и воспитания молодежи в современных условиях является формирование готовности молодых людей к функционированию на различных уровнях межкультурной коммуникации: общемировом, межэтническом и межличностном, сохраняя и развивая лучшие черты национального характера народа. Самобытные, многовековые традиции народов нашей страны должны сохраниться и стать достоянием мира. Одна из главных характеристик объекта межкультурной социализации - он носитель определенного этнического опыта. Так как коренное население национальных республик нашей страны является двуязычным, проблемы билингвизма и трилингвизма являются очень актуальными в лингвопедагогике. Взаимодействие различных языков и культур охватывает целый комплекс вопросов, связанных со сферой межкультурной социализации и воспитания. Особенности социализации и воспитания личности в двух культурах, в условиях двуязычия являются очень важной педагогической проблемой. Условия двуязычия обладают развивающим потенциалом, способствующим совершенствованию социализации молодежи. В связи с этим вопросы социализации личности в условиях двуязычия и многоязычия представляются чрезвычайно актуальными проблемами лингвопедагогики.

Исследование проблем национально-русского двуязычия связано с обучением студентов-билингвов иностранным языкам. Проблема переноса навыков употребления родного и русского языков являются актуальными при изучении студентами-билингвами иностранных языков. Здесь важен подход к обучению иностранному языку как к процессу, в котором учитываются разнообразные данные об обучаемом и его языке (языках) (языковая биография). Учет лингвистического опыта обучаемых и других особенностей языковой личности в лингвопедагогической системе будет способствовать переводу обучаемого из объекта в субъект.

В обучении билингвов иностранным языкам необходимо учитывать внедрение результатов лингвистических, психофизиологических, психологических, педагогических и других теорий в практику обучения языкам и, по возможности, использовать позитивный опыт. Как известно, в обучении иностранным языкам практика обучения зачастую доминирует над теорией. Язык - система, но недостаточно замыкаться только в рамках системы, ограничиваться речевой деятельностью, что декларируется в программах по иностранным языкам. В процессе воспитания при обучении иностранному языку необходимо много сравнивать, анализировать, дифференцировать явления. В проблематике «обучение иностранному языку как развитие личности» необходимо рассматривать концепции, возможности и проблемы межкультурной педагогики. Проблемы обучения студентов-билингвов иностранным языкам, взаимодействия различных языков и культур, охватывающих целый комплекс вопросов, связанных со сферой межкультурной социализации и воспитания, требуют новых подходов и разработки концепций обучения в условиях билингвальной среды.

Одним из главных объектов при исследовании содержания межкультурной социализации является межкультурная коммуникация. Формирование языковой компетенции осуществляется в ходе целенаправленного процесса, специально организованного в соответствии с целями обучения. Овладеть лингвистическим опытом – это не просто усвоить сумму знаний, умений, навыков, а овладеть средством общения, результатом которого он является.

Межкультурная социализация процесс сложный и многофакторный, происходящий как в условиях естественного, «стихийного» влияния разнообразных факторов, так и в условиях организованного влияния. Субъектами межкультурной социализации личности являются школа, языковой вуз, языковая среда. По мере усложнения жизнедеятельности человека, его внутреннего мира, системы взаимоотношений соответственно должны будут совершенствоваться процессы формирования личности. Среди факторов формирования личности студента решающая роль принадлежит языковому вузу - фактору межкультурной социализации личности, где взаимодействие преподавателя и студента становится моделью системы отношений личности к многообразию мира изучаемого языка.

Модель межкультурной социализации студентов языкового вуза как педагогическая система отображает взаимосвязь образовательного процесса, способствующего переходу студента из объекта в субъект межкультурной социализации, и межкультурного опыта студентов. В качестве элементов модели межкультурной социализации личности как лингвопедагогической системы выделяются цель и задачи. В качестве насущных задач можно рассматривать расширение связей языкового вуза с различными институтами социализации на основе современных межкультурных процессов; привлечение носителей изучаемых языков к процессу социализации и воспитания студентов на основе идей поликультурного воспитания; совершенствование системы управления языковым вузом как лингвопедагогической системой; содействие студентам в приобщении к межкультурному опыту (стажировки, академический обмен и др.). Несомненно, на межкультурную социализацию, приобщение к ценностям иной культуры оказывают личное влияние преподаватели факультета и зарубежные специалисты. Общение преподавателей и студентов, происходящее как в учебно-воспитательном процессе, так и в часы досуга, увеличивает влияние социокультурной среды на формирование личности студента. Преподаватель иностранного языка является ключевой фигурой системы межкультурной социализации. Для студентов преподаватель иностранного языка выступает как носитель изучаемого языка и культуры. Взаимоотношение преподавателей иностранных языков и студентов рассматривается как решающий фактор межкультурной социализации личности в студенческом возрасте, который определяет влияние иноязычного образования на развитие личности.

Преподавателям факультета принадлежит ведущая роль при определении целей и задач в осуществлении совместных проектов, в участии в конкурсах зарубежных грантов, результатом которых становится возможность социализации преподавателей и студентов в стране изучаемого языка. Языковой вуз, являясь центром профессионально-методической деятельности по оптимизации межкультурного образования, участвует в решении многих организационных, педагогических и методических проблем внедрения образовательных программ. Методическая направленность деятельности языкового вуза определяется как созданием содержания и методик преподавания дисциплин, так и подготовкой педагогических кадров.

Благодаря деятельности языкового вуза как исследовательского, культурного и методического центра получают развитие субъекты лингвопедагогической системы: дошкольные учреждения, школы, а также механизмы, обеспечивающие преемственность связей между ними: филиалы кафедр – экспериментальные площадки внедрения программ, исследования преподавателями и аспирантами факторов межкультурной социализации в условиях иноязычного образования.

Итак, в поиске резервов, возможностей совершенствования иноязычного образования одним из главных путей становится исследование закономерностей лингвопедагогического процесса и разработка концепций, методологических основ лингвопедагогики.

Литература

1. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – Москва- Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2001. 432 с.
2. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования. - Л., 1980. 172 с.
3. Кузьмина, Н.В. О предмете акмеологии и направлениях ее развития в Петербургской акмеологической научной школе // Акмеология. 2013, № 3 (47). С. 9-13
4. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. 288 с.
5. Neuner G., Hufeisen B., Kursisa A., Marx N., Koithan U., Erlenwein S. Deutsch als zweite Sprache. - München, 2009. 176 S.
6. Яковлева А.Н. Лингвопедагогический подход к обучению иностранным языкам // Иностранные языки в высшей школе. 2011, № 4. С.82-87.

© А.Н. Яковлева, 2014

Л.А. Ярославова
СФ БашГУ, Стерлитамак, Россия

К проблеме формирования межкультурного общения на основе невербального компонента

Возрастающий интерес к огромному социализирующему и воспитательному потенциалу иностранного языка обусловил появление и стремительное развитие в теории и методике преподавания ИЯ такого направления, как «языковое поликультурное образование». Несмотря на интеграцию, именно XX век осознал ценность многообразия этносов. Их нравственное взаимодействие должно пойти по пути диалога разных наций по поводу одного предмета - морали. Каждый народ и каждая личность выиграют от этого. В настоящее вре-

мя процесс взаимодействия, общения между различными народами стал довольно тесным. Обычаи, традиции, правила между народами смешались. Принимая во внимание эти обстоятельства, говорят о международных правилах хорошего тона, о международном этикете, который обобщает нравственные и поведенческие установки различных социальных групп и национальностей.

Исходя из этого, культурная вариативность является одним из основных дидактических инструментов достижения главной общей цели языкового поликультурного образования - подготовка обучающихся к активному и полноценному сотрудничеству в современном поликультурном мире средствами изучаемого языка.

Наибольшую известность в российском научном мире получили следующие культуроведческие подходы: лингвострановедческий (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), социокультурный (В.В. Сафонова) и лингвокультурологический (В.В.Воробьев, В.П. Фурманова).

Модели культуроведчески-ориентированного образования средствами иностранного языка, представленные в этих подходах и создающие условия для соизучения языка и культуры, стали доминирующими моделями при разработке многих современных программ по иностранным языкам и создании УМК и учебных пособий по ИЯ нового поколения.

Система человеческого общения – это сложная целостность, включающая вербальный и невербальный каналы коммуникации. Поэтому речевая коммуникация рассматривается в настоящее время как цепочка состояний, в которой производство, передача и прием вербальной информации являются лишь частью общего процесса коммуникации в целом. Межкультурное общение – это процесс, в результате которого собеседниками создается нечто общее, а именно, единообразное значение речевых действий, совершаемых поступков, происходящих событий. Известно, что общение в рамках единой культуры строится на схожести, в то время как межкультурное общение строится на различиях, и только понимание этого и умение управлять как сходными, так и различными явлениями ведет к созданию «общего значения» (термин Г.В. Елизаровой) и гарантирует продуктивность межкультурного общения. Никакого контакта между носителями различных культур не может быть установлено, если воспринимающий *не понимает*, не распознает посылаемый сигнал как направленный на установление контакта. К числу важнейших

условий взаимопонимания относится способность общающихся к адекватному восприятию системы ценностей и значений (вербальных и невербальных), регулирующих поведение друг друга. В процессе межкультурного общения носитель одной культуры может совершить поступок или действие, как речевое, так и неречевое, которому он сам не придает никакого значения, и которое он совершает формально и даже бессознательно (поскольку усвоил его бессознательно), а носитель другой культуры, в системе значений которой данное действие обладает определенным значением, приписывает это значение совершенному действию и реконструирует его мотив в системе координат родной культуры [2, 5]

В.Д. Девкин, подчеркивая важность изучения невербальных компонентов при общении, отмечает: «Органическая включенность невербальных средств в передачу мыслей настолько существенна, что при искусственном изъятии фраз из естественных условий их произнесения они становятся не вполне понятными и производят впечатление ущербности, неполноценности и даже ошибочности. Ситуативная обусловленность разговорных явлений настолько велика, что попытки их объяснения исключительно внутриязыковыми факторами без обращения ко всему нелингвистическому едва ли возможны» [3, 251]. Иначе говоря, человек может выразить согласие словесно, а может в знак одобрения поднять руку (на собрании), или зааплодировать (на митинге), или кивнуть головой (в быту). Коммуникативная функция невербальных средств общения очевидна. Они по праву могут считаться наиболее удобными, наиболее экономными и тем самым наиболее эффективными средствами общения после звучащей речи.

К средствам невербального общения относят жесты, мимику, позы, движения тела, кашель, вдох, выдох и т.д. [1, 17]. Они имеют конкретное смысловое и эмоциональное значение, которое невозможно понять, не зная их национальной особенности. Ибо роль социокультурного контекста развития обнаруживается уже в младенческом возрасте при усвоении родного языка, затем в преддошкольном и дошкольном детстве он (контекст) оказывает влияние на овладение простейшими орудиями и предметами в виде жестов, мимики. В более позднем возрасте именно социокультурный контекст играет важную роль в формировании образа мира, характера сенсорных этало-

нов, перцептивных единиц восприятия, схем памяти … вплоть до общего стиля поведения и деятельности.

Изучением невербальной коммуникации занимаются специалисты разных областей знания: философы, психологи, социологи, лингвисты, наконец, те, кто преподает иностранные языки. Если не научить невербальной системе в изучаемом языке, то говорящий будет использовать, например, жесты, свойственные родной культуре. Так, в русской культуре вместо словесного приветствия или прощания можно только пожать руку или обнять друг друга, тогда как в других культурах эти жесты не приветствуются. Большую значимость и вес иногда имеет не то, о чем собственно говорят люди (сами слова), а то, как они себя ведут при этом. Сопровождая свою речь улыбкой или хмурым взглядом, громким, ворчливым или спокойным, добрым голосом, мы тем самым задаем определенный контекст сказанному. Люди, посылающие этот «контекст», «сообщения», могут научиться лучше понимать свои собственные интуитивные отклики-ответы на них. По мнению Т.М. Николаевой, «невербальные средства коммуникации сопровождают естественную речь, а также замещают речевое высказывание, сохраняя его структуру или передавая речевую структуру в измененном виде» и, кроме того, «невербальные средства коммуникации сочетаются с вербальными и создают одно смешанное (так называемое «креолизованное») высказывание» [5, 51].

До некоторых пор наша культура диктовала нам неписаное правило о том, что следует игнорировать невербальные элементы поведения, как бы выполняя следующее предписание: «Слушай, о чем я говорю, но не замечай (не обращай внимания), как я это говорю». Однако, как верно отмечают А.В. Петровский и М.Г Ярошевский, «в общение людей включены эмоции общающихся, которые определенным образом относятся и к коммуникации, и к тем, кто вовлечен в общение. Это эмоциональное отношение, сопровождающее речевое высказывание, образует особый, невербальный аспект обмена информацией. Сюда относятся такие невербальные средства общения, как жесты, мимика, интонации, паузы, поза, смех, слезы и т.д. Иногда они заменяют средства вербальной коммуникации. Сочувствие может быть выражено словами, сопровождаемыми знаками невербальной коммуникации: печальное выражение лица, понижение голоса, прижимание руки к щеке, покачивание головы и т.п. В разных культурах они могут не совпадать».

Таким образом, взаимная синхронизация речевого и неречевого коммуникативного поведения, детерминируемая социокультурными и ситуационными факторами, лежит в основе национально окрашенного и традиционного стиля общения, который движет поток диалогического общения. Сложность и уникальность этого общения состоит в том, что, в отличие от родной культурной среды, даже позитивное отношение к «чужим», где «мы – не алиби» (термин А.А. Леонтьева), далеко не всегда ведет к положительным поведенческим проявлениям в силу отсутствия как знаний о способах выражения положительного отношения в иной культуре, так и навыков выражения такого отношения.

Литература

1. Баженова И.С. Культура невербального общения на уроке немецкого языка// ИЯШ. - №2.-2006.
2. Gudykunst W.B., Kim Y.Y. Communicating with strangers: an approach to intercultural communication. – New York. McCraw-Hill, 1992. – 304p.
3. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. – М., 1981.
4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352с.
5. Николаева Т.М. К вопросу о назывании и самоназвании в русском речевом общении// Страноведение и преподавание русского языка иностранцам/ Под ред. Верещагина Е.М., Костомарова В.Г. – М., 1972.
6. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Изд. Центр «Академия», 1998. – 512с.

© Л.А. Ярославова, 2014

Л.М. Яхиббаева
УГНТУ, Уфа, Россия

Анализ структурно-содержательных характеристик учебного вторичного текста

Внешнюю форму учебного текста можно определить как совокупность языковых средств, имеющую свою структурную организацию, характеризующуюся линейностью, определенной последовательностью и дискретностью элементов. Внутреннюю форму учебного текста обычно связывают с его содержанием, представляющим собой «мыслительное образование, которое формируется в интеллекте партнера по коммуникации…. то, что понимается» [5, 23]. Внут-

ренняя структура отличается от внешней формы текста; ей присущи свои собственные структурные единицы – «смысловые вехи» [9, 15], «предметно-схемный код» [3, 27], «совокупность денотатов» [5, 6].

Внутренняя структура не дана нам в непосредственном восприятии; она требует определенного инструмента исследования. Например, таким инструментом исследования в работах Н.П. Пешковой стал денотатный граф, построенный на основе применения методики денотативного анализа А.И. Новикова, который позволяет «эксплицировать и представить в относительно формализованном виде, прежде всего, структуру содержания текста» [7, 22]. Внешнюю, поверхностную структуру текста составляют лингвистические характеристики, которые отражают лексико-грамматические и логико-композиционные закономерности его организации, в то время как внутренняя, глубинная структура, связанная с содержанием как мыслительным образованием, представлена, главным образом, характеристиками психолингвистического плана [7, 77].

Рассмотрим *некоторые характеристики внешней формы учебного текста:*

♦ *Структурно-синтаксическая организация* учебного текста имеет различные варианты проявления составляющих ее признаков. К этим признакам относятся: а) доминирующая структурно-синтаксическая схема построения текста, проявляющаяся в двух основных вариантах – анафорическом и катафорическом; б) преобладающий тип номинативных цепочек текста, выступающих в качестве своеобразного «внешнего каркаса» текста [2, 5] и обозначающих его тему (главный предмет описания), подтемы, субподтемы и т.д.; в) линия синтаксического движения текста, обозначающая синтаксическую динамику сообщения, которая выражается «в организованной смене видовых и временных значений форм сказуемости» [8, 289].

♦ *Структурно-композиционная оформленность* учебного текста – это наличие экспозиции (введение текста), тела (основная информационная часть) и постпозиции (заключение текста); внутренняя организация, превращающая текст в единое целое. Достигается путем объективации основной мысли, концепта сообщения, структурации отображаемых предметов, событий, явлений под углом зрения автора текста, использования определенного лексического состава: научной терминологии, общелитературной лексики без экспрессивно-оценочных коннотаций. Преобладает обобщенный способ изложения

учебного материала с применением пассивных конструкций, объективной модальности и субъективно-оценочной нейтральности.

♦ *Текстовая модальность* является одной из важнейших и универсальных характеристик учебного текста, относящихся к его внешней форме. Различают модальность объективную и субъективную. Объективная модальность – есть выражение отношения сообщаемого к действительности в плане реальности-нереальности. Субъективная модальность – это отношение говорящего к сообщаемому.

♦ *Способ изложения* является еще одной важной характеристикой, относящейся к внешней форме учебного текста. К способам изложения материала в учебном тексте относят: описание, повествование и рассуждение. Автор учебного текста в соответствии со своим замыслом, как правило, сам выбирает способ изложения сообщения, необходимый для осуществления стоящей перед ним коммуникативной задачи. Существенную роль здесь играет объект описания, который предстает как управляющий центр способа изложения, программирующий все остальные его компоненты. Если таким управляющим центром являются пространственные отношения главного предмета сообщения, то в этом случае автор учебного текста выбирает «описание»; если же в центре внимания автора находятся временные отношения, то выбор ограничен таким способом изложения, как «повествование». «Рассуждение» как способ изложения подходит в том случае, когда в качестве управляющего центра сообщения выступают объективно-логические отношения условия, причины и следствия. Для теоретического анализа наиболее значимых признаков учебного текста мы выбрали наиболее типичный его вид – текст-описание.

♦ *Терминологичность* является неотъемлемым свойством большинства учебных текстов и составляет их внешнюю структуру. В учебном тексте, как правило, используются общенаучные и специальные термины. В зависимости от того, как употребляются термины в том или ином тексте, все тексты делятся на: терминоиспользующие, терминофиксирующие и терминопорождающие [4, 51]. Учебный текст в этой классификации занимает место среди терминофиксирующих текстов, предназначенных для оценки, отбора, рекомендации и закрепления употребления каких-либо терминов.

♦ *Точность* – информационное качество учебного текста; точность изложения учебного материала «может быть в самом отражении фактов действительности мыслью и в отражении мысли в слове»

[1, 252]. Она достигается путем использования однозначных выражений, терминов, слов с ясной лексико-семантической сочетаемостью. Точность употребления слов (в полном соответствии с их значением) является достоинством учебного текста и необходимым условием его восприятия.

♦ *Деперсонализация* – исключение или сокращение форм личной манеры изложения в учебном тексте, ограниченное использование экспрессивно-оценочных средств как имплицитных маркеров персональности изложения.

♦ *Научный стиль речи* – логическое, точное, объективное, обобщенное и однозначное выражение мысли. Учебные тексты рассчитаны на логическое, а не на эмоционально-чувственное восприятие, поэтому научный стиль речи в них тяготеет к речевым средствам, лишенным эмоциональной нагрузки и экспрессивных красок. В учебных текстах речь учебно-научная, терминированная, перемежается формулами, схемами, таблицами, символами и т.д. и ориентирована на приобретение реципиентами научно-профессионального тезауруса.

Обязательными тональными (стилистическими) качествами внешней формы вторичного учебного текста-описания являются: *правильность, чистота и культура речи.*

Характеризуя внутреннюю форму, или план содержания, учебного текста, мы разделяем точку зрения А.И. Новикова о том, что внутренняя форма любого текста выступает «первичной по отношению к внешней форме» [5, 111] и что она является тем фундаментом, на котором строится текст. А «характеристики, принадлежащие глубинному уровню, являются доминирующими по отношению к характеристикам внешнего уровня речевого произведения» [7, 93].

Рассмотрим *ряд признаков, составляющих внутреннюю структуру учебного текста:*

♦ *Тип структуры содержания текста.* Опираясь на типы денотатной структуры, выявленные Н.П. Пешковой и позволившие ей эксплицировать целый ряд характеристик внутренней формы сообщения, проанализируем те типы и подтипы структуры содержания, которые имеют непосредственное отношение к учебному тексту. Анализ графов вышеуказанной денотатной структуры позволил нам выделить следующие типы структуры содержания учебного текста:

а) I тип структуры содержания, в котором преобладают «базисные отношения» [5, 107], характерен для учебных текстов-описаний предметов, явлений, понятий, где объект рассматривается в его пространственных отношениях, описывается его внутренняя организация, составные части, существенные характеристики и назначение.

б) II тип структуры содержания характеризуется преобладанием «ситуативных отношений», связывающих денотаты независимо от их иерархии [5, 8], и имеет отношение к учебным текстам, в которых речь идет о взаимодействии предметов или явлений между собой.

в) III тип структуры содержания преобладает в учебных текстах, в которых передаются последовательность действий либо отношения причины, условия, следствия, временные связи и т.п., либо смешаны ситуативные и базисные отношения.

♦ *Пресуппозиция* учебного текста трактуется как общие знания о мире, как информация, не имеющая в тексте вербального выражения, дополнительно привлекаемая для понимания учебного материала. Пресуппозиция включает в себя предварительные, «старые» знания общего и специального характера и «новые» знания, выводимые из содержания учебного текста и основанные на уже известных связях и отношениях. Различают два варианта проявления пресуппозиции: предтекстовая пресуппозиция и внутритекстовая импликация. Предтекстовая пресуппозиция – это предварительные знания, необходимые для понимания учебного текста, которые включают знание языка сообщения, общие и энциклопедические знания, а именно – знания о мире, предметной области, описываемой в учебном тексте и т.д. Под внутритекстовой импликацией мы понимаем информацию, имплицитно присутствующую в учебном тексте, «выводимую из его содержания и обусловливающую его дальнейшее понимание» [6, 92]. Таким образом, внутритекстовая импликация – это знания, которые почерпнул реципиент из содержания учебного текста; новые связи и отношения, которые он установил между известными, знакомыми ему предметами или явлениями; умозаключения, выводы, которые он сделал после прочтения учебного текста.

♦ *Информативность* – степень смысловой и содержательной новизны учебного текста для реципиента, которая заключена в теме, авторской концепции, системе авторских оценок предмета изложения. Достигается путем сокращения объема текстового пространства при сохранении объема самой информации, увеличения объема необ-

ходимой учебной информации за счет максимальной детализации изложения, что позволяет реципиенту учебного текста глубже проникнуть в сущность изучаемого явления.

Итак, мы рассмотрели структурные характеристики учебного текста, принадлежащие его внешней и внутренней форме. Однако существует ряд конструктивных признаков, представленных в равной степени как во внешней, так и во внутренней организации учебного текста. К их числу относятся: связность (когезия), целостность (когерентность), логичность, завершенность.

Все представленные выше характеристики образуют иерархическую структуру, системообразующим признаком которой выступает принадлежность к внешней или внутренней форме текста. Наиболее существенные характеристики определяют собой ряд других свойств текста, при этом доминантной, как уже отмечалось, выступает структура содержания, т.е. внутренняя структура текста.

Завершая анализ характеристик учебного текста, выраженных эксплицитно на поверхности, либо имплицитно в его глубинной структуре, мы, вслед за А.И. Новиковым, приходим к выводу о том, что учебный текст представляет собой единство его внешней и внутренней формы, языковых, речевых и интеллектуальных факторов. Эти признаки, на наш взгляд, отражают особенности поверхностной и глубинной структуры учебного текста. Мы полагаем, что данные характеристики дают достаточно полное представление об исследуемом нами объекте – учебном тексте.

Литература

1. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 280с.
2. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного предложения // Лингвистика текста. – М., 1976. Вып.103. – С.5-14.
3. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания, 1964. №6. – С.26-38.
4. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте. Филология науки. – Горький: Изд-во ГГУ, 1984. – С.47-54.
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 213 с.
6. Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных, технических, учебных текстов): дис. ...канд. филол. наук. – М.: ИЯ РАН, 1987. – 216 с.
7. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография. – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002. – 261 с.
8. Поспелов Н.С. Категория времени в грамматическом строе русского глагола // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С.286-305.
9. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. - М.: АПН СССР, 1968. - 248 с.

© Л.М. Яхиббаева, 2014

О НАШИХ АВТОРАХ

Азнабаева Лариса Алексеевна
Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур, Ирак
Аспирант Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия,

Анищенко Анна Александровна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Арендарь Ольга Анатольевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа, Россия

Афанасьева Галина Андреевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ахмедова Галина Хаджиевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Ахметова Гузель Азатовна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы и издательского дела Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Аюпов Салават Мидхатович
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии СГПИ, г. Соликамск, Россия

Аюпова Светлана Будимировна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка БГПУ им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Баишева Зиля Вагизовна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и политико-правовых учений Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Банокина Кристина Олеговна
Магистрант факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, Россия

Барановская Марина Евгеньевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Батырова Гузель Завильевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Безрукова Динара Мидхатовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков БГПУ им. М.Акмуллы, г.Уфа
Белоусов Константин Игоревич Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Россия
Беляев Андрей Николаевич Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Божко Наталья Анатольевна Аспирант кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Валиахметова Эльвира Камиловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия
Валиева Лейсан Юнировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Вардзелашвили Жанета Александровна Доктор филологических наук, профессор, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Васильева Наталия Владимировна Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гаврилова Елизавета Геннадьевна Студентка 3-го курса ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Газизов Рафаэль Аркадьевич Доктор филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой французской филологии и второго иностранного языка ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия
Гайназарова Алина Амуровна Магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Галич Галина Георгиевна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия

Гарипов Равил Касимович
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Генералов Владимир Александрович
Старший преподаватель кафедры делового иностранного языка ЧелГУ, соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета, г.Челябинск, Россия

Герте Наталия Александровна
Аспирант Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Гилязова Диляра Рифовна
Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Гичева Наталья Гермогеновна
Кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия

Гордеева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия

Гоциридзе Русудан Арчилловна
Кандидат педагогических наук, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия

Гришаева Зоя Валентиновна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Гумерова Нина Рашидовна
Аспирант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Гурова Ирина Владимировна
Старший преподаватель кафедры дошкольного образования Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия

Даутова Гузяль Хайриваровна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГАТУ, г. Ишимбай, Россия

Демина Олеся Фагимовна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Евдокимова Елена Викторовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ермакова Елена Николаевна Доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Жданова Яна Андреевна Ассистент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Ильмира Фаргатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Захарчук Инна Владимировна Студентка IV курса филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зиянгиров Эмиль Камилевич Аспирант ФБФиЖ Башкирского государственного университета, корреспондент программы «Уфимское времечко», г.Уфа, Россия
Зиятдинова Евгения Вячеславовна Кандидат педагогических наук, учитель высшей категории, Отличник образования Республики Башкортостан, лицей №83, г.Уфа, Россия
Зольникова Наталья Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и МП ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Искандарова Гульнара Рифовна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков УЮИ МВД России, г.Уфа, Россия
Исмагилова Нурия Винеровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Ичкинеева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа

Ишимбаева Галина Григорьевна
Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета БашГУ, г.Уфа

Ишкуватова Зульфира Раисовна
Студентка 3 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Людмила Мингазовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Лидия Наимьяновна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Сулпан Рамилевна
Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Казанцева Елена Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия

Казарбаева Василя Нургалиевна
Аспирант ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Камалов Ренат Ильгизович
Кандидат филологических наук, ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа

Каримова Забира Сагитовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Роза Ахметовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Римма Хатиповна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак, Россия

Кетова Анастасия Николаевна
Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Кирсанова Инна Вячеславовна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия

Кобяков Юрий Филиппович
Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Козлова Марина Сергеевна
Аспирант кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия

Колеганова Алена Владимировна
Студентка 5 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кортунова Екатерина Владимировна
Преподаватель Российского центра науки и культуры при посольстве РФ во Вьетнаме, г.Ханой, Вьетнам

Котельникова Евгения Владимировна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г.Ростов-на-Дону, Россия

Куватова Лейсан Гатиятовна
Студентка 3 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кулыева Айгуль Альбертовна
Кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кульсарина Ирена Галинуровна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии, зам.декана ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Куприна Тамара Владимировна
Кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедр «Международная экономика» и «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Курочкина Татьяна Авраамовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Латыпова Лена Мунировна
Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Латыпова Юлия Альфритовна
Соискатель кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Лукманова Рената Разифовна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Лэн Ян Магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Пекин, Китай
Майоров Анатолий Петрович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Майорова Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Максютова Флюра Маратовна Преподаватель ИНК. г. Ишимбай, Россия
Малов Алексей Александрович Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Мамырбаева Мадина Зейнеловна Аспирант БашГУ, магистр лингвистики Казахского Национального Педагогического Университета имени Абая, г.Алматы, Казахстан
Матвеева Наталья Васильевна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, Стерлитамак, Россия
Махмутова Альфия Сабировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Медведев Алексей Алексеевич Аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Медведев Сергей Алексеевич Магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, г.Барнаул, Россия
Мигранова Ирина Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Микаберидзе Мария Александровна Соискатель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Мингазетдинова Римма Флюровна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Минеева Мария Аркадьевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Минишева Лариса Валериевна
Старший преподаватель кафедры языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия

Мифтахова Рамиля Габдулхаевна
Старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Михайленко Елена Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Михайлова Людмила Васильевна
Аспирант кафедры русского языка Института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Морозкина Евгения Александровна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Мотина Ольга Павловна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Муравская Ирина Александровна
Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, г. Москва, Россия

Мурсалиева Людмила Ивановна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Мусин Исмагил Хасанович
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия

Мухаметдинова Айгуль Раисовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Мухтаруллина Айгуль Раисовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Мухтасарова Ляйсан Закировна
Студентка 5 курса ФБФиЖ БашГУ, г.Уфа, Россия

Нафиков Шамил Валиевич
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Уфимского научного центра Российской академии наук, г.Уфа, Россия

Невраева Наталия Юрьевна
Старший преподаватель, аспирант кафедры «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Нестерова Наталья Михайловна
Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Нечаева Ольга Серафимовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Палютина Зилаира Риязовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия

Папулова Юлия Констатиновна
Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Певная Наталья Петровна
Кандидат филологических наук, преподаватель языкового центра Государственного университета Илии, г. Тбилиси, Грузия

Пермякова Лариса Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Пермякова Наталья Евгеньевна
Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Петросян Мерри Мгеровна
Магистрант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Пешкова Наталья Петровна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Попова Валентина Николаевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Прокопова Майя Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия

Разумовская Вероника Адольфовна
Кандидат филологических наук, доцент, профессор Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Романюк Марина Юрьевна
Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, Россия

Русланова Юлия Владимировна
Студентка 4 курса Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Рыбка Ирина Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия

Сабирова Ляйсан Давытовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Сабитова Наиля Гильмановна
Доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Саблукова Валентина Алексеевна
Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Сагидуллина Лилия Рашитовна
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Садриева Гузель Салаватовна
Магистрант Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Салахов Рамиль Асбахович
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа

Салимьянова Гузелия Вазировна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия

Салихов Александр Юрьевич
Аспирант Челябинского государственного университета, г.Челябинск, Россия

Саморокова Юлия Александровна
Студентка 3-го курса ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия

Сафина Зарема Миниаминовна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Саяхова Дилара Камилевна
Студентка 3 курса ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Саяхова Динара Камилевна
Студентка 3 курса отделения журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Саяхова Лена Галеевна
Доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа

Седова Наталья Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса», г.Омск, Россия

Сеничева Ольга Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент, зам.директора по учебно-методической работе Института филологии и социальных коммуникаций Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина

Сергеева Лариса Александровна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Сергеева Любовь Владимировна
Зам.нач.ООУиВР, аспирант кафедры «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Сидоров Антон Андреевич
Кандидат филологических наук, доцент, заведующий секцией романских языков кафедры романо-германской филологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

Смирнова Юлия Павловна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Сулейманова Альмира Камиловна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Сыртланова Розалия Рашитовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Трошина Наталья Николаевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва

Убийко Вера Ивановна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Фаизова Юлия Альфатовна
Студентка 6 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Филотенкова Екатерина Александровна
Магистрант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Хабибуллина Эльвира Анваровна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков и методик преподавания ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия

Хабиров Рустам Раилович
Аспирант факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Хайбулина Гайша Нильевна
Кандидат филологических наук, доцент, зам. директора Учалинского филиала БашГУ, Россия

Хайбулина Лилия Хайдаровна
Магистрант ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Хайруллина Райса Ханифовна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка БГПУ им. Акмуллы, г.Уфа, Россия

Хисамова Галия Гильмулловна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Чванова Ирина Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа

Чи Линьхуа
Магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Пекин, Китай

Чжан Мянь
Иностранная преподавательница китайского языка Башкирского государственного университета, заведующий кафедрой русского языка Наньчанского университета, Китай

Шабанова Татьяна Дмитриевна
Доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Шадрина Анастасия Алексеевна
Аспирант кафедры русского языка, славянского и классического языкознания ОГУ им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия

Шаймарданова Наиля Вафовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия

Шакирова Ляйсан Ильвировна
Студентка 2 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шакирова Наиля Рауфатовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шаклеин Виктор Михайлович
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, г.Москва, Россия

Шалангов Александр Олегович
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шарипова Василя Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шпар Елена Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, зам.декана ФРГФ по научной работе Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шпар Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия

Шушпанова Мария Алексеевна
Аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Эделева Ирина Владимировна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия

Юзликбаева Диляра Шамильевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Юсупова Роза Анваровна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия

Яковлева Анастасия Николаевна
Доктор педагогических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Ярославова Лариса Алексеевна
Кандидат педагогических наук, доцент, профессор, зав.кафедрой иностранных языков СФ Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия

Яхиббаева Лариса Мухамедовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1.	**М.А. Микаберидзе** Нарратив в деловой литературе: специфика перевода	**3**
2.	**Р.Ф. Мингазетдинова, Л.И. Шакирова** Некоторые особенности английских и русских сказок	**8**
3.	**М.А. Минеева** О преодолении лингвистического барьера в международных проектах	**11**
4.	**Р.Г. Мифтахова, Е.А. Морозкина** Прикладные возможности парсеров в системах машинного перевода и автоматической обработки текстов	**16**
5.	**Е.Н. Михайленко** Традиция пророческой поэзии в творчестве У. Блейка и П.Б. Шелли	**21**
6.	**Л.В. Михайлова** Речевые особенности современных сетевых поэтов: наследие футуристов	**27**
7.	**А.В. Моисеева** О связи вербального и невербального компонентов креолизованного текста гламурного журнала	**32**
8.	**Е.А. Морозкина** Отражение «агентивности» и «неагентивности» языковой личности в национальной картине мира при переводе	**36**
9.	**Е.А. Морозкина, Д.К. Саяхова** О некоторых особенностях перевода	**41**
10.	**О.П. Мотина** Морфемная структура паронимов русского и английского языков	**43**
11.	**И.А. Муравская** К вопросу об элиминации межъязыковых лакун через заимствования	**49**
12.	**Л.И. Мурсалиева** Рокайльные черты литературного дискурса Реньяра (на примере анализа «Послания VI. Господину….»)	**55**
13.	**И.Х. Мусин, О.Н. Гордеева** Изучение процесса социальной детерминации языка	**58**
14.	**А. Р. Мухаметдинова** Экспериментальное исследование особенностей понимания и интерпретации поликодового текста детьми старшего дошкольного возраста (на материале вторичного текста - пересказа)	**60**

15.	**А.Р. Мухтаруллина** Функциональные особенности дружеского письма как эпистолярного дискурса	**63**
16.	**Ш.В. Нафиков** Языковое понятие 'имя' и транс-индоевропейские изоглоссы	**69**
17.	**Н.М. Нестерова, А.Н. Кетова** Целостность как психолингвистический признак текста и условие его компрессии	**71**
18.	**О.С. Нечаева** О некоторых проблемах преподавания французского языка как иностранного	**78**
19.	**З.Р. Палютина** Фрактальный подход к научному тексту	**80**
20.	**Ю.К. Папулова** Межтекстовые и внутритекстовые отношения и их трансформация при переводе	**85**
21.	**Л.А. Пермякова, А.В. Колеганова** К вопросу о происхождении жанра романа-эпопеи	**92**
22.	**Л.А. Пермякова, Л.З Мухтасарова** Мифопоэтическое мышление в романах А. Кима «Отец-Лес» и Т. Гариповой «Буренушка»	**94**
23.	**Н.Е. Пермякова** Вторичные тексты в научной деятельности и научный текст как интертекст	**98**
24.	**М.М. Петросян** Духовная свобода как бунт в рассказе А.Камю "Неверная жена"	**104**
25.	**Н.П. Пешкова** Особенности стратегий понимания текста социальной направленности	**109**
26.	**В.Н. Попова** Эксперимент как важнейший фактор исследования речевой деятельности	**116**
27.	**М.В. Прокопова** Функции фразеологизмов в массово-коммуникативной деятельности (на примере кроссвордной статьи)	**120**
28.	**В.А. Разумовская** Информационная неоднозначность текста и три вида перевода	**123**
29.	**М.Ю. Романюк, К.О. Банокина** Classification of Paremias Included in the Semantic Field «Fear» in English	**130**
30.	**И.Н.Рыбка** Задача формирования знания процедурного типа	**136**

31.	**Л.Д. Сабирова** О возможностях совершенствования языковых навыков после экзамена	**138**
32.	**В.А. Саблукова** Теория интертекстуальности и теория прецедентности	**141**
33.	**Л. Р. Сагидуллина** К проблеме концептуального анализа художественного текста при подготовке филолога-билингва	**147**
34.	**Р.А.Салахов** О сценариях введения имен собственных-личных в художественный текст	**153**
35.	**Г.В. Салимьянова** Исследование трансформации национально-культурной реализации ритуала гостеприимства англичан в сопоставлении с башкирами	**157**
36.	**А.Ю. Салихов** Лингвостилистические особенности дискурса ток-шоу США	**164**
37.	**З.М. Сафина** Contrastive linguocultural study of concepts	**170**
38.	**Л.Г. Саяхова** Диалог культур в лингвокультурологическом пространстве учебников русского языка для башкирских школ	**173**
39.	**Н.А. Седова** Аксиологические и образно-эмоциональные коннотации партитивных номинаций человека в русских прецедентных высказываниях	**178**
40.	**О.А. Сеничева** Колоратив «зеленый» как экспрессивное средство вербализации цветовой картины мира П.П. Бажова	**182**
41.	**Л.А. Сергеева** Ключевые слова и смысловая структура художественного текста	**186**
42.	**А.А. Сидоров** Трудности восприятия языка французской молодежи	**192**
43.	**Ю.П. Смирнова** О соотношении понятий фрейм и концепт	**197**
44.	**А.К. Сулейманова, Лэн Ян** Фонетические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект	**199**
45.	**А.К. Сулейманова, Н.Г. Сабитова** Художественный текст как средство повышения мотивации	**203**

	изучения русского языка иностранными учащимися	
46.	**А.К. Сулейманова, Чи Линьхуа** Типичные темы и сферы употребления эвфемизмов в русском и китайском языках	**205**
47.	**Р. Р. Сыртланова** Изучение сочетаний слов при обучении лексике на занятиях по английскому языку	**208**
48.	**А.С. Титлова** Особенности микроблога как медиатекста	**211**
49.	**Н.Н. Трошина** Востребованность немецкого языка в академической сфере	**216**
50.	**В.И. Убийко, И.В. Захарчук** Когнитивно-дискурсивный словарь в аспекте межкультурной коммуникации (на примере репрезентации концепта «*красота*»)	**225**
51.	**Ф.Г. Фаткуллина** Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов)	**228**
52.	**Ф.Г. Фаткуллина, А.А. Гайназарова** Лексико-семантический аспект изучения терминологии молодежной субкультуры	**235**
53.	**Ф.Г. Фаткуллина, Д.К. Саяхова** Проблемы экологичности языка СМИ	**238**
54.	**Е.А. Филотенкова** Трактовка мужских образов в романе Д.Апдайка «Гертруда и Клавдий»	**240**
55.	**Э.А. Хабибулина** Особенности формирования микросистемы цветообозначения «braun» в немецкоязычных каталогах моды	**242**
56.	**Р.Р. Хабиров** Военные метафоры в спортивных текстах Республики Башкортостан	**247**
57.	**Г.Н. Хайбулина** Нелинейные способы словообразования в английской лексикологии	**251**
58.	**Л.Х. Хайбулина** Из истории названий г. Учалы	**257**
59.	**Р.Х. Хайруллина** Новые аспекты межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве	**259**
60.	**Р.Х. Хайруллина, Ю.В. Русланова** Семантические особенности фразеологизмов с местоименными компонентами	**264**

61.	**Хисамова Г.Г., Ишмуратова С.Р.** Антропоцентрическая лингвистика: проблемы изучения речевого поведения	**269**
62.	**Г.Г. Хисамова, Л.М. Латыпова** Этикетный речевой жанр «Прощание» в русском и башкирском языках	**275**
63.	**И.В. Чванова** Работа над концептом в процессе преподавания лингвистических дисциплин	**278**
64.	**Чжан Мянь** Национально-культурное своеобразие концепта "гостеприимство/ 好客" в русском и китайском языках	**281**
65.	**Т.Д. Шабанова, Г.С. Садриева** Значение английских глаголов зрения и проблема их перевода на русский язык	**287**
66.	**А.А.Шадрина** Значение слова «любовь» в языковом сознании русских и чехов в ситуации учебного билингвизма	**292**
67.	**В.М. Шаклеин** Языковая и речевая сторона личности китайского мигранта	**297**
68.	**А.О. Шалангов** О коммуникативной технологии в обучении иностранному языку	**301**
69.	**В. А. Шарипова** Исследование глагольных единиц ФКС «речевая деятельность» с точки зрения функционально-когнитивного подхода	**303**
70.	**Е.В. Шпар** The Learning Outcomes of the Use of Dynamic Syllabus in Teaching a Content-based Language Course	**308**
71.	**Т.В. Шпар** К вопросу о дифференциации понятий прозвища и никнейма	**314**
72.	**М.А. Шушпанова** Мифологические темы и образы в романе А.С. Байетт «Обладать»	**318**
73.	**И.В. Эделева** Семантическая модель причинно-следственного союза *because*	**325**
74.	**Д.Ш. Юзликбаева** О необходимости лексических трансформаций при переводе слов, имеющих различный объем значений в английском и русском языках	**331**

75.	**Р.А. Юсупова** Социокультурный фактор в обучении иностранному языку	**332**
76.	**Яковлева А.Н.** Современные направления и подходы к обучению иностранным языкам	**336**
77.	**Л.А. Ярославова** К проблеме формирования межкультурного общения на основе невербального компонента	**343**
78.	**Л.М. Яхиббаева** Анализ структурно-содержательных характеристик вторичного учебного текста	**347**